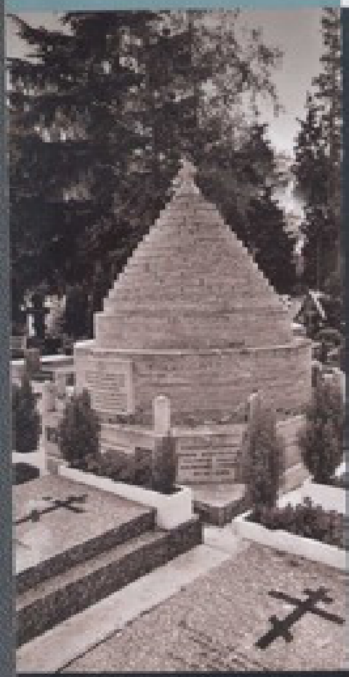
ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА

Вячеслав Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гражданская война является одной из самых значимых и трагических страниц истории России. Прошел уже век, но ее события по-прежнему вызывают горячий интерес и подвергаются разнообразным интерпретациям, а биографии ее деятелей содержат немало белых пятен. Новая книга Вячеслава Бондаренко рассказывает о судьбах пяти выдающихся военачальников Белого движения — С. Л. Маркова, М. Г. Дроздовского, В. З. Май-Маевского, Н. Э. Бредова и А. П. Кутепова. С их именами были связаны все периоды истории Белого дела — от создания Добровольческой армии в декабре 1917 года до Крымской эвакуации ноября 1920 года и последующей эмигрантской эпопеи.

знак информационной продукции 16+

- В. В. Бондаренко
  - Вместо предисловия
  - Сергей Марков: «И жизнь, и смерть за счастье Родины»
  - Михаил Дроздовский: «Как ни мрачно — борьба до конца…»
  - Владимир Май-Маевский: «Его бесстрашие передавалось войскам…»
  - Николай Бредов: Верный долгу
  - Александр Кутепов: «Мы боремся за РОССИЮ…»
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ[622]
  - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233

- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277

- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321

- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365

- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409

- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453

- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497

- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541

- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585

- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622

В. В. Бондаренко
Легенды Белого дела

Вместо предисловия

В 1919 году отец провожал в белую Добровольческую армию девятнадцатилетнего студента Киевского технологического института Владимира Душкина. Слова, сказанные отцом на прощание, студент запомнил на всю жизнь. В них основная идея Белого дела была сформулирована лучше, чем во многих трудах идеологов движения:

— Ты идешь в армию драться за существующее. Сохранение существующего и есть основные долг и честь армии. Дело революционеров — разрушение существующего. Страна, принимающая разрушение без сопротивления, — грош ей цена. Подняв оружие в защиту попираемого принципа «Россия», ты уже этим самым жестом доказываешь, что Россия жива. Я не знаю, кто из вас будет победителем. История привыкла к тому, что им оказывается разрушитель. Будем надеяться, что вы — одно из редких исключений. Помни: ваше дело — дело чести.

Надежда отца не оправдалась: существующее было разрушено и на его обломках построена принципиально новая страна, которой был отпущен по историческим меркам ничтожный срок — меньше семидесяти лет. Наша история, свидетелями и авторами которой являемся мы сами, тоже прямое последствие 1917 года и кровавого вала, захлестнувшего страну после него.

Один из сотен тысяч добровольцев Гражданской, Владимир Душкин стал наводчиком 1-й батареи 7-й артиллерийской бригады, прошел горнило войны, оставил книгу воспоминаний[1] и умер в эмиграции. Его младший брат Алексей[2] остался в России, стал знаменитым архитектором и трехкратным лауреатом Сталинской премии, и сейчас невозможно представить себе Москву без построенных им станций метро «Кропоткинская», «Площадь Революции», «Маяковская», «Новослободская», без высотки у Красных Ворот и «Детского мира»; на возведенные им вокзалы прибывают поезда в Симферополе, Сочи, Евпатории, Брянске. Два брата, две судьбы. А сколько еще было навсегда разорванных семей, людей, искалеченных чудовищным катком Гражданской войны?.. Кто-то шел на ее фронты сознательно, кого-то затянул водоворот событий, и он был вынужден встать на ту или иную сторону, кого-то смяло и раздавило, хотя он стремился избежать схватки, кто-то в поисках истины или выгоды успел послужить под разными знаменами, кого-то безжалостно вышвырнуло за пределы Родины. Миллионы, десятки миллионов убитых, замученных, раненых, искалеченных, сошедших с ума, умерших от голода и болезней, ставших беспризорниками,

потерявших всех родственников, эмигрировавших и увезенных в эмиграцию детьми, доживавших век в нищете, вынужденных сменить имя, затаиться, отказаться от создания семьи, просто не сумевших реализовать себя или реализовавших совсем не так, как хотелось бы… Точное число погибших и косвенных жертв не названо до сих пор — и вряд ли будет когда-то названо. (По данным статистики, в 1917–1922 годах население России уменьшилось на 12,7 миллиона человек, но эта цифра является спорной.)

Одна из излюбленных тем исторических дискуссий — возможно ли было после 1917 года избежать вооруженного противостояния и на ком лежит основная ответственность за его развязывание. Мнения разные, но большинство современных историков все же сходятся в одном: Февральский и Октябрьский перевороты и напрямую связанная с ними Гражданская война стали для России глобальной национальной катастрофой, непредвзятое изучение которой лишь начинается, а последствия не преодолены до сих пор. Особенно это заметно во время общения представителей старших поколений. В 2016 году автору этих строк довелось стать свидетелем и модератором дискуссии между ровесниками — отставным адмиралом советского ВМФ и потомком знатного русского рода, родившимся уже в эмиграции; обоим было за 80, но в их глазах, при всей внешней вежливости и взаимоуважении, горели все те же неизжитые эмоции начала 1920-х, и то, что для одного было святым и незыблемым, было ужасным и отталкивающим для другого и наоборот. Оба не старались услышать и понять друг друга, у обоих были принципы, которыми они не собирались поступаться. И как ни взывали окружающие к «примирению», вскоре стало понятно — оно невозможно, так как два этих русских человека, одинаково страстно любящих свою Родину, — из разных миров, «им не сойтись никогда»[3]…

«Национальное примирение» — эти слова действительно стали в последнее время лозунгом, который звучит буквально на всех уровнях. Но возможно ли примирение без понимания, что именно и почему произошло в 1917-м и после него? Без попыток проникнуть в психологию населявших Россию столетие назад людей? Без избавления от примитивных штампов о «поручиках Голицыных и корнетах Оболенских», с одной стороны, и «комиссарах в пыльных шлемах» — с другой? Без искреннего покаяния за пролитые моря крови — моря, в которых наряду с виноватыми тонули и ни в чем не повинные? Без раздумий об уроках, которые должны быть извлечены из трагедии вековой давности?.. Ответ, думается, очевиден. Механическое

«примирение во благо Родины», отказ от понимания самих себя из опасения некоей «ревизии итогов революции», бездумный «Пакт забвения» (по аналогии с испанским соглашением 1977 года, запрещавшим пересмотр итогов гражданской войны) приведет только к одному — углублению последствий национальной катастрофы. Болезнь, которую не лечат, а просто «давят» лекарствами, убирая внешние симптомы, загоняя внутрь причину и ободряя больного тем, что он якобы отлично выглядит, рано или поздно убивает любой организм.

Именно затем, чтобы лучше понять собственную историю, и написана эта книга. В ней представлены очерки о жизненном пути пяти человек, которые связали свою судьбу с Белым делом и стали его легендами: С. Л. Маркова, М. Г. Дроздовского, В. З. Май-Маевского, Н. Э. Бредова и А. П. Кутепова. Один из них был генералом от инфантерии, трое — генерал-лейтенантами, один — полковником, незадолго до смерти произведенным в генерал-майоры. Все пятеро были кавалерами высшей боевой награды России — ордена Святого Георгия 4-й степени, а трое были представлены и к 3-й степени этого ордена. Все пятеро не были вовлечены в Гражданскую войну помимо своей воли, но сделали сознательный выбор и оставались верны ему до конца. Иногда их жизненные пути скрещивались, потом расходились вновь. Своей смертью умер только один из них — и смерть эта была напрямую связана с предстоящим расставанием с Родиной. Точных данных о месте и обстоятельствах гибели двоих не удалось установить по сей день. Могил не сохранилось ни у кого. Но имена всех так или иначе остались в истории. Одни звучат более громко и, что называется, на слуху, другие скажут что-то только специалистам. Не безупречные герои античного эпоса, не святые в белых одеждах и не безумцы, мечтавшие повернуть историю вспять, очень разные, прошедшие через различные испытания, они едины в одном — это были люди чести, сумевшие в чудовищных обстоятельствах поставить благо Родины выше своего собственного и своими судьбами доказавшие, что ради этого блага они готовы идти до конца.

Поскольку Гражданская война в России не была единым, монолитным процессом, ее история распадается на несколько гигантских «миров» — Восточный, Северный, Западный, Южный. У каждого — свои эпохи, легенды, свершения и утраты. Эта книга посвящена легендам Белого юга России, военачальникам, чья карьера была связана с Добровольческой армией, Вооруженными силами Юга России и Русской армией П. Н. Врангеля. Именно на юге зародилось Белое дело, с югом связаны наиболее яркие и драматические события в его истории, оттуда, с юга, уходили в

последнее плавание корабли с Андреевскими флагами, унося в никуда тех, кто до конца верил в спасение Родины. Наконец, именно на юге воевали большинство участников Белого дела вообще (порядка 70 процентов из общего числа участников антибольшевистского сопротивления в России). Судьбы героев этой книги отражают основные эпохи Белого юга — «героическую» (Ледяной поход), «наступательную» (Московская директива), «трагическую» (отход к Новороссийску и Одессе, первые эвакуации, Бредовский поход), «крымскую». Конечно, нельзя было обойти вниманием и события, происходившие в эмиграции, но ставшие непосредственным продолжением Белой борьбы — Галлиполийскую эпопею, перебазирование на Балканы, первые дни РОВС[4], «активизм» 1920-х…

Выбор персоналий этой книги не означает недооценку или сознательное игнорирование автором «первых лиц» Белого дела — М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, А. В. Колчака, Н. Н. Юденича. Всем им уже посвящена огромная литература (а некоторым — и отдельные биографии в серии «ЖЗЛ»[5]), и нет сомнения, что со временем число монографий, научно-популярных книг и статей о них будет умножаться.

Даты до 31 января 1918 года приведены по так называемому старому стилю. В этот день в Советской России была проведена календарная реформа — введен григорианский календарь вместо юлианского, и на следующий день сразу наступило 14 февраля. Участниками Белого движения эта реформа не признавалась, они использовали «старый» календарь, иногда указывая в скобках «новую» дату. Однако поскольку такая система сильно затрудняет восприятие, а также в связи с тем, что множество событий, описанных в книге, происходило за рубежом, где действовало григорианское летоисчисление (да и в Галлиполийском лагере оно было введено 28 ноября/11 декабря 1920 года), для удобства читателей даты после 31 января 1918 года даются по новому стилю. Это позволит более четко привязать события Гражданской войны к современной жизни — например, отметить дату гибели военачальника или годовщину крупной военной операции.

Отдельное пояснение необходимо по поводу терминов «красные» и «белые». Оба этих обозначения во время Гражданской войны и тем более после нее трактовались и трактуются весьма широко, порой объединяя крайне далекие друг от друга силы. На страницах этой книги эти определения будут применяться для обозначения воюющих сторон исключительно в силу их удобства. Также для удобства читателей будут применяться обозначения «Белая армия», «белогвардейцы».

Тема Гражданской войны бездонна, необъятна, и любая книга о ней — лишь попытка прикоснуться к осознанию того, что произошло с нашими предками и нашей страной. Автор надеется, что «Легенды Белого дела» станут для кого-то первым шагом в деле постижения истории России начала XX века, помогут лучше понять не только исторические процессы столетней давности, но и современные нам события.

За оказанные в процессе работы над книгой дружескую помощь, поддержку, советы и консультации автор сердечно благодарит С. В. Волкова, Р. Г. Гагкуева, Л. М. Млечина (Москва), В. В. Санько (Минск, Беларусь), Д. Фалковса (Рига, Латвия), Т. К. Пчелинцеву, В. Божинова (София, Болгария), С. Цветковича (Белград, Сербия), В. Н. Кастелянова (Бела Црква, Сербия), В. В. Жуменко (Париж, Франция), В. Ф. Бандурко (Бриджуотер, США). Отдельная благодарность — тем, кто имеет непосредственное отношение к героям этой книги: внуку генерала от инфантерии А. П. Кутепова А. П. Кутепову и его супруге И. П. Кутеповой (Москва), потомкам генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова — Т. Н. Макаренко (Новосибирск), Н. А. и С. Н. Макаренко (Томск), О. А. Маткиной (Тула), Т. Стилиано (Барселона, Испания). Автор глубоко признателен О. В. Чистякову (Москва) и И. С. Юденичу (Смоленск) за помощь в работе с архивными материалами и Д. А. Шмарину (Москва) за любезное разрешение использовать в оформлении книги фрагменты его картин, посвященных Белому делу. И, наконец, особую благодарность необходимо высказать в адрес доктора исторических наук В. Ж. Цветкова (Москва), взявшего на себя труд прочесть книгу в рукописи и сделавшего ряд ценных замечаний.

В завершение автор хотел бы вспомнить имена своих предков, вовлеченных в губительный круговорот Гражданской. Прапрадед, глава большой одесской семьи, полковник с 1905 года Ананий Васильевич Максимович (1855–1929) последнюю должность в русской армии получил 10 сентября 1917 года — был назначен Елецким уездным воинским начальником и 11 октября прибыл в Елец. Через месяц после его приезда там сменилась власть, и прапрадед начал служить у красных — с мая 1918-го заведующим учетным отделом военкомата, с октября — Елецким уездным инструктором Всевобуча. В марте 1919-го получил перевод в Наркомат по военным делам Украинской ССР и переехал в Киев. В сентябре 1919-го в Киеве перешел в Вооруженные силы Юга России, в составе войск Н. Э. Бредова отступил к Одессе и был эвакуирован оттуда в Константинополь в начале 1920-го. Спустя два года, уже тяжелобольным стариком, был перевезен в

Болгарию, в инвалидный дом на Шипке, где и умер семь лет спустя. А историю его семьи приходится по фрагментам восстанавливать по сей день. Сгинула в вихрях войны его супруга, Прасковья Пантелеймоновна. Ее брат, герой Русско-японской и Первой мировой войн генерал-майор Михаил Пантелеймонович Михайлов, каким-то чудом дотянул в Одессе до конца 1930-х годов; две его дочери, Наталья и Лидия, вышли замуж за белых добровольцев (Наталья — за студента-первопоходника Василия Павловича Горду, Лидия — за поручика Макария Севастьяновича Корнилова), эмигрировали во Францию и умерли в Париже в 1968-м и 1970-м, их могилы находятся на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа; старшая дочь, Евгения, еще в 1922 году была приговорена в Новгороде к расстрелу за протест против разграбления церковных ценностей и только по ходатайству Международного Красного Креста сослана в Сибирь. Пропал и старший сын Максимовича, герой Первой мировой, кавалер ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, капитан Михаил Ананьевич Максимович. О старшей дочери, Неониле Ананьевне, в замужестве Хрусталёвой, известно лишь, что в 1920 году она была деловодом в загсе Бердянского ревкома. Младший сын, Константин Ананьевич, служил в Красной армии, был комиссаром полка на советско-польском фронте, затем стал актером, заслуженным артистом Казахской ССР, скончался в Минске в 1966 году. В родной Одессе умерла в начале 1960-х годов только прошедшая через сибирскую ссылку младшая дочь Елена Ананьевна, в замужестве Пржевальская. Сломанная революционными событиями, «унесенная ветром» семья — одна из десятков, сотен тысяч…

Об этой погибшей семье автор думал, когда писал эту книгу.

Сергей Марков: «И жизнь, и смерть за счастье Родины»

Тринадцатого декабря 2003 года в небольшом городе Сальске Ростовской области состоялось открытие нового памятника. Оно прошло в торжественной обстановке — участвовали заместитель губернатора области, атаман Всевеликого войска Донского, другие официальные лица. Когда с бронзовой статуи сняли полотно, находившиеся на церемонии увидели фигуру стройного офицера с вдохновенным и мужественным лицом; казалось, он несколько отрешенно участвует в некоем большом и важном деле, на которое он призван самой Судьбой. Раздались аплодисменты — все присутствующие знали, что только что в России открыт самый первый памятник деятелю Белого движения. И это был не Деникин, не Врангель, не Колчак, не Корнилов, не Алексеев. Высокая честь была оказана Сергею Леонидовичу Маркову. Но если биографии «первых лиц» Белого дела хотя бы в общих чертах известны достаточно широко, то судьба Маркова во многом оставалась — и остается по сей день — полулегендарной, почти былинной…

Родился Сергей Леонидович в Санкт-Петербургской губернии 7 июля 1878 года в семье потомственного дворянина Московской губернии, 39-летнего командира Морской северной батареи № 4 «Зверев» крепости Кронштадт подполковника Леонида Васильевича Маркова. Основные этапы его жизни можно проследить по послужному списку, датированному 27 апреля 1887 года[6].

Итак, Леонид Васильевич родился 22 февраля 1839 года, происходил из дворян Московской губернии, окончил 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус, из которого был выпущен прапорщиком во 2-ю артиллерийскую бригаду (30 июня 1858 года). 9 марта 1861 года прапорщик 3-й батареи 2-й артиллерийской бригады Марков был прикомандирован к штабу 4-го армейского корпуса для предварительной подготовки к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба, но 7 августа отчислен обратно. В 1861 году получил чин подпоручика, в 1863-м — поручика. В июле 1863-го — июле 1864 года служил в Кронштадтской крепости, в июле 1864-го — марте 1866 года — в форте Перовский (ныне Кызылорда, Казахстан), с марта 1866-го — в Оренбургской артиллерийской бригаде, в составе которой участвовал во взятии Ходжента (ныне Худжанд, Таджикистан; интересно, что поручик Марков 16 мая 1866 года был отправлен в

качестве курьера с донесением о взятии города к Александру II, а 2 июля того же года за отличие во время штурма произведен в штабс-капитаны). 5 апреля 1867 года штабс-капитан Марков был переведен во 2-ю батарею 40-й артиллерийской бригады и 29 августа того же года произведен в капитаны. В октябре 1869 года офицер получил перевод в 3-ю роту Варшавской крепостной артиллерии, был учителем в фейерверкерской школе полевой артиллерии. В 1870–1872 годах служил в 3-й гренадерской артиллерийской бригаде, после чего вновь вернулся в Варшавскую крепостную артиллерию. С октября 1872 года служил в Кронштадтской крепостной артиллерии, командуя 3-й ротой, и 29 декабря 1873 года был произведен в подполковники. С января 1877 года подполковник Марков командовал 2-м батальоном Кронштадтской крепостной артиллерии, а 25 августа 1877 года получил перевод на должность командира Морской северной батареи № 4 «Зверев». Эта батарея, известная также как форт № 4, или форт «Зверев», была построена в 1864–1869 годах, получила название в честь своего создателя, генерал-майора, впоследствии инженер-генерала К. Я. Зверева[7], и размещалась на небольшом островке. Интересно, что именно при строительстве «Зверева» впервые в российском военно-инженерном деле был применен асфальт — им залили полы казарм. На вооружении форта во времена Л. В. Маркова состояли 11-дюймовые (280-миллиметровые) нарезные орудия системы Круппа образца 1867 года.

В боевых действиях форт участвовал дважды — во время Кронштадтского мятежа 1921 года (на стороне мятежников) и во время Великой Отечественной войны, когда он именовался 15-й батареей 153-го отдельного артиллерийского дивизиона и был оснащен четырьмя 120-миллиметровыми орудиями. В 1953 году форт был законсервирован, а в 1970-х годах использовался как склад отработанных горюче-смазочных материалов, а также как полигон для испытания горючих смесей военного назначения, из-за чего его внутренние помещения были выжжены и оплавлены. Ныне форт находится в заброшенном состоянии и не охраняется, попасть к нему можно морем либо зимой по льду Финского залива.

На протяжении года (декабрь 1877-го — декабрь 1878 года) Л. В. Марков также был председателем суда Кронштадтской крепостной артиллерии. На должности командира «Зверева» он получил 30 августа 1881 года чин полковника, а 30 декабря 1883 года был переведен командиром 15-го дивизионного артиллерийского парка (6 июля 1884 года переименован в 4-й летучий артиллерийский парк). На этой должности полковник

Леонид Васильевич Марков и умер 6 апреля 1887 года в польском городе Лукове Седлецкой губернии (ныне Лукув Люблинского воеводства Польши). Причиной смерти стала чахотка. 9 апреля его прах был погребен при храме Святого Николая Чудотворца в Лукове.

За время службы Л. В. Марков был удостоен четырех орденов — Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (3 марта 1867 года, «за отличие в деле с Бухарцами 8 мая 1866 года на урочище Шу-Джар»), Святого Станислава 2-й степени с мечами (22 декабря 1867 года, «за отличие при штурме Бухарской крепости»; 18 июля 1871 года к ордену добавлена императорская корона), Святой Анны 2-й степени (23 ноября 1873 года), Святого Владимира 4-й степени (30 августа 1878 года). На момент смерти он получал 687 рублей жалованья, а также 1095 рублей столовых и 300 — квартирных.

Из послужного списка следует, что Леонид Васильевич был женат первым браком на Вере Евгеньевне Аллар и кроме первенца Сергея имел сыновей Леонида (родился 12 августа 1879 года), Бориса (27 июня 1880 года) и Евгения (9 февраля 1883 года). Состояние оставшейся без кормильца семьи было очень тяжелым. Об этом свидетельствует прошение, составленное вдовой офицера Верой Евгеньевной на имя начальника артиллерии 6-го армейского корпуса: «Муж мой, командир 4-го летучего артиллерийского парка полковник Леонид Васильевич Марков, находясь на действительной службе Его Императорского Величества, 6-го апреля умер, оставив вдову и 4-х малолетних детей без всяких средств к существованию, посему представляя при сем свидетельство о его смерти и медицинское свидетельство за № 128 на разбитого параличом сына Евгения прошу ходатайства Вашего Превосходительства о назначении мне нераздельно с 4-мя малолетними сыновьями на основании статьи 821 части II книги II Свода Военных Постановлений 1859 года — пенсию из Государственного Казначейства и Эмеритальной кассы военно-сухопут ведомства, причем мне и разбитому параличом сыну Евгению — пожизненно, а остальным сыновьям до совершеннолетия. Пенсию желаю получать из Московского Губернского Казначейства. 19 апреля 1887, г. Луков. Место жительства имею в г. Луков Седлецкой губернии»[8]. В итоге вдове была назначена пенсия в размере 287 рублей 50 копеек в год, а также выплата из эмеритальной кассы[9] в размере 431 рубля.

Эти данные позволяют пролить свет на некоторые обстоятельства жизни С. Л. Маркова. Во-первых, исходя из места службы его отца на 1878 год, можно с уверенностью предположить, что место рождения генерала — морская столица

России Кронштадт, а его детские годы вплоть до поступления в кадетский корпус (1883–1887 годы) прошли в Лукове. Во-вторых, этот польский город стал местом упокоения отца С. Л. Маркова, погребенного на приходском кладбище Свято-Николаевского храма. Этот храм был основан в 1880 году и на момент смерти офицера был домовой церковью военного госпиталя. В 1898–1899 годах в Лукове был построен каменный храм в византийском стиле, век которого оказался недолгим: в 1915-м он был разрушен, в 1926-м руины храма сгорели и были окончательно разобраны четыре года спустя.

В-третьих, весьма интересна генеалогия Сергея Леонидовича по материнской линии. Фамилия его матери — Аллар — звучит вполне по-французски, и неудивительно: Вера Евгеньевна была дочерью московского врача, статского советника с 1853 года Евгения Морисовича Аллара (1808–1862), выпускника Московского университета, «главного доктора больницы при почтамте», и его жены Варвары Петровны, урожденной Беклемишевой; дедом же Веры Евгеньевны был крупный московский книготорговец, француз по происхождению Морис-Жерар Аллар (1779–1847), который помимо книг торговал также визитными карточками, бумагой с виньетками, перчатками и шерстью для вязания. Но главное — после знакомства с документами становится понятнее то трепетное, бережное отношение к матери, которое С. Л. Марков испытывал на протяжении всей жизни. Ведь он осиротел в девятилетнем возрасте, а затем потерял всех братьев (когда именно умерли Евгений и Борис, неизвестно, но точно до 1904 года — года гибели Леонида), поэтому Вера Евгеньевна во многом была для него смыслом жизни.

Первым этапом военной карьеры Сергея Леонидовича Маркова, как и для многих детей военных, стал кадетский корпус — 1-й Московский императрицы Екатерины II, после окончания которого он 31 августа 1895 года поступил (видимо, по примеру отца) в петербургское Константиновское артиллерийское училище с трехлетним сроком обучения. На фоне Михайловского артиллерийского Константиновское считалось «молодым» — название «артиллерийское» оно на тот момент носило всего год, и юнкера-«михайлоны» поглядывали на сверстников-«констапупов» несколько свысока. Но благодаря самоотверженным усилиям начальства молодое училище буквально за несколько лет завоевало прочную репутацию среди военно-учебных заведений. А Сергей Марков считался одним из лучших юнкеров: 12 августа 1896-го он стал унтер-офицером, а 12 декабря того же года — портупей-юнкером[10].

Восьмого августа 1898 года состоялся выпуск из училища. Двадцатилетний Сергей Марков надел заветные погоны подпоручика и после положенного новоиспеченному офицеру 28-дневного отпуска был прикомандирован к 5-й батарее лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, квартировавшей в Санкт-Петербурге, в должности делопроизводителя. 20 августа 1901 года подпоручик Марков был командирован в Николаевскую академию Генерального штаба и, выдержав сложнейшие вступительные экзамены, 11 октября был зачислен в младший класс академии. Во время учебы молодой офицер зарекомендовал себя наилучшим образом и 8 августа 1902 года был произведен в чин поручика. Наградой за блестящее окончание курса академии ему стал 31 мая 1904 года чин штабс-капитана.

Выпуск академии 1904 года был не вполне обычным — он проходил уже в обстановке Русско-японской войны, и молодые офицеры-генштабисты горели желанием поскорее отправиться на фронт. Для Сергея Маркова война началась 20 июля 1904 года — именно тогда он прибыл в штаб Маньчжурской армии. За неделю до этого в Харбине молодой офицер написал письмо матери — на случай собственной смерти. Это письмо интересно той суровой оценкой, которую дает себе 25-летний офицер: «Обо мне не плачь и не грусти, такие как я не годны для жизни, я слишком носился с собой, чтобы довольствоваться малым, а захватить большое, великое не так-то просто. Вообрази мой ужас, мою злобу-грусть, если бы я к 40–50 годам жизни сказал бы себе, что все мое прошлое пусто, нелепо, бесцельно! <…> Мне жаль тебя и только тебя, моя родная, родная бесценная Мама, кто о тебе позаботится, кто тебя успокоит. Порою я был груб, порой, быть может, прямо-таки жесток, но видит небо, что всегда, всегда ты была для меня все настоящее, все прошлое, все будущее»[11].

Но прочесть это письмо родным Маркова так и не пришлось — Бог хранил его для будущих испытаний… И сразу же обнаружилось, что служба в управлении военных сообщений отнюдь не является скучной штабной рутиной, чего так опасался штабс-капитан. Начались рекогносцировки дорог и местностей, 16 августа — первый в жизни Маркова бой у деревни Шаущаньпу, 22 августа — опасная, сопряженная с большим риском рекогносцировка маршрута Мукден — Телин… И уже 18 сентября 1904 года — первый боевой орден. Это была желанная для любого молодого офицера «клюква», так в армии называли орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость», круглый красный знак которого, напоминавший ягодку, крепился на эфес холодного оружия. Одновременно Марков был переведен на должность офицера Генштаба в Восточный отряд, а с 6 декабря служил в

штабе 1-го Сибирского армейского корпуса. Офицеру предстояли тяжелейшие январские бои под Сандепу и Мукденом, сложная, но необходимая школа, через которую прошли многие будущие герои Первой мировой…

В разгар боевых действий рутинная штабная работа вызывала безысходную тоску у «кожаного штабс-капитана» (так его звали сослуживцы за пристрастие к черной кожаной куртке и таким же бриджам). В походном дневнике 9 января 1905 года (то самое Кровавое воскресенье) Марков отмечал: «Пришлось возиться с наградными листами и другими бумажками по моей скучной специальности старшего адъютанта штаба корпуса. Если можно примириться с тем, что офицеры Генерального штаба в дни относительного спокойствия армий сидят за разрешением судебных вопросов, наградными листами и определениями, может или нет данный офицер вступить в брак без реверса[12], то в дни, непосредственно предшествующие боям, во время самих боев — подобная деятельность уже развратна. <…> Да простят мне товарищи-сослуживцы: добросовестность солдата пересиливала во мне исполнительность писаря»[13]. Интересно, что в дневниковых записях офицер тщательно анализирует свое состояние во время боя: откровенно пишет, что когда, доведя батальонную колонну до места назначения, он возвращался один в штаб корпуса, нервы сдали и «рисовалась картина случайной раны шальной пулей», а вскоре отмечает, что «знакомая усталость — апатия боевых дней — охватила весь организм»: вид раненых не ужасает, на пули и снаряды не обращаешь внимания… И грустная, философская мысль: «К чему все эти жертвы, отдельные успехи, подвиги, зачем столько смертей, крови, если ими не сумели воспользоваться?»[14]

Среди множества чужих смертей была и одна родная. 13 октября 1904 года от полученного во время атаки ранения скончался младший брат Маркова, 25-летний Леонид (Лёля, как его звали в семье) — подпоручик 86-го пехотного Вильманстрандского полка. Очень любивший брата Сергей тяжело переживал его гибель. В его дневнике появляется запись, адресованная матери: «Родная, не плачь, брат нашел славную долю, верь в то, что я вернусь, верь в Того, кто сохранит тебе последнего сына…»[15]

Двадцатого октября 1905 года Генерального штаба капитан (чин был присвоен 4 июня) Марков отбыл с Дальневосточного театра военных действий к новому месту службы (или «служения», как возвышенно писали в послужных списках того времени). К этому моменту мундир 27-летнего капитана украшали ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и

бантом (приказ о награждении от 14 декабря 1904 года), Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (17 марта 1905 года) и Святого Станислава 2-й степени с мечами (10 апреля 1905 года) — «клюква», как мы помним, носилась на эфесе шашки. Уже в 1906-м Маркова «догнал» еще один орден за японскую — Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Весьма солидный наградной «бант», без лишних слов доказывающий знающим людям, что офицер не раз отличался на поле брани…

Обладатель эффектной внешности, славившийся острыми языком и умом, темпераментный (зная о происхождении его матери, так и хочется написать «по-французски темпераментный»), Сергей Леонидович всегда нравился женщинам, но до поры до времени сердце его было свободно. Тем более накануне Русско-японской он пережил личную драму, о которой писал: «Мое увлеченье Ольгой было мне урок и указало на полную невозможность и нежелательность моего брака когда-либо и с кем бы то ни было <…> это лишний раз подтвердило, что вся моя работа, все мои способности, энергия и силы должны пойти на общее дело, на мою службу и на мой маленький мирок — мою семью, мою Маму»[16]. Но в 1906 году в судьбе офицера возникла женщина, которая перевернула его прежние представления о жизни. Княжна Марианна Павловна Путятина родилась 22 июля 1884 года, происходила из древнего знатного рода (она была потомком Рюрика в 33-м колене) и приходилась дочерью действительному статскому советнику князю Павлу Арсеньевичу Путятину (1837–1919) — весьма известному в свое время археологу и этнографу. Ее сводный брат князь Павел Павлович (1872–1943), на момент знакомства с С. Л. Марковым имевший чин ротмистра Кавалергардского полка, позже ставший полковником и состоявший в должности шталмейстера Высочайшего Двора, остался в истории благодаря тому, что именно в его десятикомнатной петроградской квартире на улице Миллионной, 12, великий князь Михаил Александрович подписал Акт о неприятии верховной власти. Другой сводный брат Марианны, князь Михаил Павлович (1870–1936), отставной поручик лейб-гвардии, служил по дворянским выборам. Богатая, влиятельная и, что немаловажно, близкая ко Двору семья Путятиных приняла Сергея Леонидовича как своего, у него возникли сердечные отношения и с тестем, и с тещей, которая в письмах по-дружески называла его Сережей. Не раз Марков гостил в большом доме тестя в Бологом, где сохранялись комнаты, в которых когда-то останавливался Александр II, и нередко бывали друзья, родственники и свойственники Путятиных — Шаховские, Потоцкие, Голенищевы-Кутузовы,

Рерихи, Митусовы, Азарьевы, Эристовы…

Брак Сергея Леонидовича и Марианны Павловны (муж ласково звал ее Мушкой) оказался счастливым и прочным. На Рождество, 24 декабря 1907 года, появился на свет сын, которого назвали Леонидом (в семье его звали Лёля, так же, как погибшего в 1904-м брата Сергея). А 11 июня 1909 года родилась дочь Марианна, которую отец и мать звали Дитей.

Согласно правилам, офицерам Генерального штаба было необходимо отслужить определенное время в строю — «отбыть ценз», и цензовое командование ротой лейб-гвардии Финляндского полка для Маркова продолжалось чуть больше года, с декабря 1905-го по январь 1907 года. 4 января 1907 года Генерального штаба капитан Марков был назначен на должность старшего адъютанта 16-й пехотной дивизии, штаб которой дислоцировался в Белостоке Гродненской губернии. А в июне пришлось переезжать еще западнее — в Варшаву, на должность помощника старшего адъютанта Варшавского военного округа. Наконец 29 января 1908-го Сергей Леонидович вернулся в полном смысле слова в родные места — в Санкт-Петербург, исправляющим должность помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Вскоре он был удостоен второго нашейного креста — ордена Святой Анны 2-й степени (6 декабря 1908 года) и произведен в чин Генерального штаба подполковника (29 марта 1909 года).

Петербургские годы стали для Маркова годами напряженной преподавательской деятельности. Первым опытом в этом плане для него стала работа в Павловском военном и Михайловском артиллерийском училищах. Яркие, вдохновенные лекции Маркова запомнились юнкерам так хорошо, что уже много лет спустя его слушатели оставили о них воспоминания: «Он привлек внимание юнкеров к себе — видом, манерами, живостью и энергией, красивой речью, ее образностью — постепенно, но и быстро, он увлек юнкеров и самим предметом (военной географией. — *В. Б.)* <…> Во время занятий подполковник Марков задавал неожиданные вопросы, обращаясь то к одному, то к другому юнкеру. Беда, если юнкер не даст ответа, но хуже, если он что-то ответит, лишь бы ответить. Подполковник Марков не стеснялся и отчитывал круто»[17]. Иногда Сергей Леонидович позволял себе и достаточно эксцентричные выходки; так, однажды он проэкзаменовал юнкеров по курсу Генштаба и, поскольку они не обладали таким уровнем знаний, выставил всем в качестве оценок нули и единицы. Лишь после требования инспектора повторить экзамен «нормально» юнкера получили законные 11 и 12 баллов. В качестве отместки обиженные юнкера купили в

складчину гроб и прислали его на квартиру Маркова…

В 1909 году офицер выпустил свой курс лекций отдельной книгой «Военная география России»[18], написанной в соавторстве с полковником Г. Г. Гиссером[19]. Учебник получил множество хвалебных отзывов и был переиздан в 1911 году, третьему изданию помешала Первая мировая. Тогда же была издана «Военная география иностранных государств»[20], а в 1915-м — «География внеевропейских стран»[21], где Марков был одним из трех соавторов. А поскольку офицер преподавал также тактику, военную историю и военное искусство, свои взгляды на эти темы он также изложил в книгах, изданных под криптонимом С. Л. М. «Записки по истории Русской армии. 1856–1891»[22] были посвящены обзору развития русских вооруженных сил в эпоху Александра II и Александра III, «Еще раз о Сандепу»[23] была написана на основе походных дневников времен Русско-японской и рассказывала о событиях, в которых участвовал сам автор. «Приказы Скобелева в 1877–1878 гг.»[24] были посвящены Русско-турецкой войне. Личность М. Д. Скобелева, видимо, особенно привлекала Маркова, потому что в 1912 году он посвятил отдельную брошюру открытию памятника легендарному полководцу в Москве[25]. Да и сам Марков в предстоящих ему боях предпочтет действовать по-скобелевски — напористо, решительно, вдохновенно, не считаясь с опасностью…

Активность Сергея Леонидовича не осталась незамеченной. 8 октября 1911 года он был приглашен на должность штатного преподавателя в Николаевскую Военную академию. Это была большая честь для молодого офицера. В академии Марков начал читать курс истории войн времен Петра Великого. 6 декабря 1913 года Сергей Леонидович был произведен в чин Генерального штаба полковника. Ему было всего 35… К этому времени он был удостоен не только русских, но и зарубежных наград — черногорского ордена Князя Данилы I 3-й степени (1908) и Бухарской Золотой Звезды 3-й степени (1911).

В начале 1914 года семья Марковых переехала в только что построенный в модном стиле «модерн» шестиэтажный доходный дом на улице Бассейной, 58, в центре Петербурга. Мирная служба, счастливая семейная жизнь… Трудно предположить ныне, как сложился бы жизненный путь генерала в дальнейшем. Возможно, он остался бы в истории русской армии как выдающийся военный ученый, преподаватель, генштабист. Но Первая мировая и начавшаяся следом за ней Гражданская рассудили иначе. 21 июля 1914 года, через четыре дня после объявления мобилизации южных округов, Сергей Леонидович был командирован в Киев для получения должности военного

времени и 22 июля стал начальником отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом. 27 июля Марков прибыл в штаб, которым руководил уже хорошо знакомый ему по ГУГШ генерал-лейтенант М. В. Алексеев. Он поручил Маркову должность начальника разведывательного отделения штаба.

Начались боевые будни. 22 октября полковник был переведен на должность начштаба 19-й пехотной дивизии, которой командовал в то время генерал-лейтенант Г. Е. Янушевский[26]. Дивизия принимала участие во всех тяжелых боях осени 1914 года — блокаде Перемышля, ноябрьских сражениях в Карпатах… А 7 декабря 1914-го приказом № 697 по 4-й стрелковой бригаде полковник Марков был назначен начальником штаба этого соединения, входившего в состав 8-й армии Юго-Западного фронта. Он уже многое слышал о бригаде, в которой ему предстояло служить. 4-я стрелковая, в мирное время квартировавшая в Одессе, еще со времен Русско-турецкой войны носила в армии негласное почетное наименование «Железной». Когда-то отстоявшая Шипкинский перевал, бригада (в 1915-м она была развернута в дивизию) по-прежнему считалась одним из самых стойких и боеспособных соединений и играла на фронте роль своеобразной скорой помощи — ее бросали на самые опасные участки, туда, где нужно было спасать положение или смело атаковать, не считаясь с потерями.

Начальником бригады с 19 сентября 1914 года был генерал-майор Антон Иванович Деникин. Раньше с ним Маркову встречаться не приходилось, хотя у них было немало общего — оба начинали со службы в артиллерии, участвовали в Русско-японской, служили в Варшавском округе, оба были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба… Но первое знакомство оказалось скорее неудачным. Марков прибыл в бригаду вскоре после перенесенной операции аппендицита и сразу сообщил, что верхом передвигаться пока не может, а потому на позицию не поедет. Деникин и его офицеры разочарованно переглянулись, заподозрив в Маркове типичного «момента» — высокомерного генштабиста, в грош не ставящего «обычных» армейцев. Каково же было их удивление, когда вскоре «профессор» прибыл на позицию в какой-то повозке и, не обращая внимания на шрапнельные разрывы, со смехом заявил: «Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается». Лед был сломан, и «железные» стрелки радушно приняли Маркова в свою семью…

За два с лишним месяца в должности начштаба бригады Марков удостоился ордена Святого Владимира 3-й степени (15

января 1915 года) и мечей к уже имевшемуся у него ордену Святой Анны 2-й степени (5 февраля). Еще через десять дней он сам попросил у Деникина назначить его командиром одного из полков бригады — 13-го стрелкового Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича. Обстановка была при этом тяжелейшая: «железные» стрелки держали оборону в Карпатах, командир полка был тяжело ранен, все штаб-офицеры выбиты… В такой ситуации Марков стал настоящим спасением для полка. На протяжении всего 1915-го и начала 1916-го он прошел с 13-м стрелковым через все тяжелейшие бои Юго-Западного фронта, зарекомендовав себя образцовым строевым офицером — умным, волевым, решительным, беззаветно храбрым, не терявшим оптимизма даже в сложнейших ситуациях. Лишь однажды А. И. Деникин увидел Маркова подавленным — 21 мая 1915 года, когда рядом с ним оторвало снарядом голову командиру 14-го Сибирского стрелкового полка полковнику И. Н. Хурамовичу, а его самого с ног до головы обдало кровью погибшего офицера…

Боевые заслуги Маркова были отмечены высокими наградами — мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени (25 июня 1915 года) и двумя Высочайшими благоволениями (10 января и 4 февраля 1916 года), но выше других были награды, украшенные лентой цвета дыма и пламени, — Георгиевское оружие (11 августа 1915 года) и орден Святого Георгия 4-й степени (17 октября 1915 года). Отныне Марков сочетал на своей шашке темляки Аннинского и Георгиевского цветов. А скромный белый крест с изображением Святого Великомученика и Победоносца Георгия он получил, согласно описанию подвига, «за то, что 29-го марта 1915 года, в районе д. Комарники, атаковал и взял после упорного боя высоту 783, чем в высокой степени способствовал овладению укрепленной позиции на высоте 825 уд. Высоцко-Нижне». Звучит сухо и казенно, а сколько же всего стоит за этими обычными строчками приказа… Горные села, у которых Марков совершил свой Георгиевский подвиг, сейчас находятся в Турковском районе Львовской области Украины.

Удивительно, но на протяжении почти года (!) Марков командовал 13-м стрелковым полком, так сказать, «неполноценно». Несмотря на многократные просьбы А. И. Деникина, его упорно не утверждали в должности полкового командира. И только 22 сентября 1915-го назначение состоялось. Но побыть комполка Сергею Леонидовичу пришлось недолго — в апреле 1916-го Ставка забрала его из строя в штаб. Причина лежала на поверхности — в армии уже ощущался огромный некомплект офицеров-генштабистов. Марков приложил все

усилия для того, чтобы остаться со своими стрелками, но все было тщетно. Прощание было грустным. Перед тем как уехать к новому месту службы, Марков адресовал родному полку такой трогательный приказ:

«14 февраля 1915 года, то есть более 14-ти месяцев назад, я принял полк и ныне по воле начальства ухожу от Вас.

ПРОЩАЙТЕ, РОДНЫЕ. СПАСИБО ЗА ВСЕ.

Вечная слава да сопутствует полку.

Мне трудно передать мои чувства словами, дни, проведенные среди Вас, стрелки, для меня лучшее время жизни.

Да хранит Вас всех Бог.

Не поминайте лихом»[27].

Двадцать восьмого апреля 1916 года Сергей Леонидович покинул Юго-Западный фронт. Его путь лежал на Кавказ, где сражалась 2-я Кавказская казачья дивизия — начальником ее штаба отныне предстояло быть Маркову. В дивизию входили четыре кубанских казачьих полка — 1-й Черноморский, 1-й Полтавский, 1-й Лабинский и 1-й Запорожский, а командовал дивизией 59-летний генерал-лейтенант Д. К. Абациев[28]. В феврале 1916-го дивизия покрыла себя славой во время взятия города Битлис. 12 мая Марков прибыл в расположение дивизии и приступил к исполнению обязанностей.

Для Кавказского театра военных действий весна — лето 1916 года были жарким временем. Турецкая армия пыталась взять у командующего русской Кавказской армией генерала Н. Н. Юденича реванш за страшные поражения прошлых кампаний: возрожденная после разгрома 3-я и свежая, закаленная боями с англичанами 2-я турецкие армии предприняли попытку мощного наступления. Поначалу им сопутствовал успех, русские войска вынуждены были отойти на государственную границу. Но в итоге эта попытка турок добиться победы, как и все предыдущие, закончилась крахом. По итогам Огнотского сражения от 150-тысячной 3-й турецкой армии осталось 36 тысяч человек, от 120-тысячной 2-й армии — 64 тысячи… 2-я Кавказская казачья дивизия тоже участвовала в этом сражении, познав и горечь июльского отступления от Битлиса и Муша в начале боев, и радость августовской победы.

Одиннадцатого октября 1916 года Сергей Леонидович был произведен в чин генерал-майора (со старшинством 6 декабря 1915 года). И одновременно… вернулся с фронта в тыл: Николаевская академия Генштаба настояла на том, чтобы талантливый преподаватель снова работал в аудитории со слушателями… Можно предположить, что в Петроград новоиспеченный генерал ехал в невеселом настроении. За годы

войны Марков сроднился с фронтом, он был там в своей стихии. Преподавание в академии должно было казаться ему теперь задачей второ-, если не третьестепенной. Но приказы не обсуждаются. К тому же у перевода в столицу была, безусловно, и приятная сторона — встреча с матерью, женой и детьми, которых генерал не видел с начала войны.

Состав слушателей академии военного времени резко отличался от обычного, мирного. В аудитории — около двухсот закаленных боями поручиков, штабс-капитанов и капитанов, в большинстве раненых, многие — кавалеры боевых наград. Они с придирчивым любопытством смотрели на молодого генерал-майора с орденом Святого Георгия и шашкой, украшенной соединенными Аннинским и Георгиевским темляками. Поднявшись на кафедру и поздоровавшись с присутствующими поклоном, Марков произнес: «Прошу сесть, господа офицеры» — и заговорил четким, хорошо поставленным голосом:

— Господа, мне впервые приходится читать лекцию в столь блестящей по заслугам и боевому опыту аудитории. Но, господа офицеры, не забудем, что, быть может, наиболее достойнейшие не здесь, а остались на проволоке… — Он сделал небольшую паузу и продолжил: — Я генерал Марков, приехал к вам с Кавказского фронта. Будем вместе беседовать по тактике. Поменьше зубрежки. Прошу на лекциях слушать, а главное, почаще меня останавливать; всякий вопрос, всякое несогласие несите сюда, ко мне, не оставляйте его при себе. Дело военное — дело практическое: никакого трафарета, никакого шаблона…

Яркая, искренняя речь генерала мгновенно захватила офицеров. «Это не была лекция в общепринятом смысле этого слова, — вспоминал один из них. — Пред аудиторией горел факел большого военного воодушевления. Поскольку смелы были выводы и умозаключения, постольку же смело они отдавались на суд, критику и возражения. С кафедры сверкала живая мысль. <…> И молодая аудитория вместе со своим молодым лектором жила одной жизнью»[29].

Марков снова, как и в 1911-м, доказывал, что является превосходным преподавателем. Но теперь его лекции были еще больше привязаны к практике: генерал приводил множество примеров из собственного опыта времен Русско-японской и той войны, которая продолжалась. Многие его выводы и сентенции запоминались слушателям навсегда: «Дух должен быть свободен от теорий, хотя книги надо читать», «Активность — всегда и всюду основа успеха». Сталкиваясь с неточностью, неполным ответом, Сергей Леонидович реагировал эмоционально, резко. Мог отправить слушателя на место, прервать его, однажды даже в

гневе швырнул на пол мел (за что, впрочем, тут же извинился). Но это не мешало офицерам искренне любить своего преподавателя.

Двадцать шестого ноября 1916 года в академии отмечался праздник Святого Георгия — день учреждения легендарного ордена. За обедом седобородый преподаватель геодезии генерал-лейтенант В. В. Витковский[30] произнес шутливый тост в виде арабской поговорки: мужчина может быть счастлив или на груди любимой, или на спине прекрасной лошади, или за письменным столом. Офицерская молодежь обратилась к Маркову:

— Мы ждем слова от вас!

— Довольно, будет, — отказывался Сергей Леонидович, — я уже много говорил.

— Нет, еще, еще!..

— Ну хорошо… — Марков поднялся с бокалом в руках. — Знайте же, господа, что, хотя я здесь призван уверять вас, что ваше счастье — за письменным столом, в науке, но я не могу, это выше моих сил. Нет, счастье — в подвиге, в военной доблести, ваше счастье — на спине прекрасной лошади. Идите туда, на фронт, и ловите ваше счастье!

Раздался гул восторга, и слушатели бросились качать любимого лектора. Они не догадывались, что Марков сейчас говорил о себе самом…

Долгожданное возвращение в строй Сергея Леонидовича состоялось в январе 1917-го. Последнюю лекцию он закончил совсем уж неформально: «Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах, — вот где настоящая школа. Я ухожу на фронт, куда приглашаю и вас!» Новой должностью Маркова стал пост генерала для поручений при командующем 10-й армией, 65-летнем генерале от инфантерии В. Н. Горбатовском[31]. Штаб армии размещался в белорусском городе Молодечно, в здании бывшей учительской семинарии.

Это был уже третий фронт, на котором доводилось служить Маркову. В отличие от Юго-Западного и Кавказского, где шли постоянные бои, на Западном фронте (главнокомандующий — генерал от инфантерии А. Е. Эверт[32]) с лета 1916 года, после окончания Барановичского сражения, царило относительное затишье. Линия обороны здесь стабилизировалась еще осенью 1915-го. Никто не предполагал, что Русская императорская армия доживает последние дни и что ее конец настанет вовсе не в изматывающих сражениях с внешним врагом, а от руки врага внутреннего…

Сохранились дневниковые записи Маркова начала марта 1917 года, которые позволяют судить о том, как генерал

воспринял Февральский переворот.

«1 марта. Был у Горбатовского. Говорили о событиях в Питере. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию…

2, 3, 4 марта. Все отодвинулось на второй план, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуют ход событий. Сначала все передавалось под сурдинку, потом все громче и громче. Эверт проявил свою обычную нерешительность, задержав ответ Родзянко[33]. Мое настроение выжидательное; я боюсь за армию; меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат и в этом поражение. <…> Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-демократический строй и пока не представляю себе Россию республикой.

5 марта. <…> Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере; все мирно, хорошо…

7, 9 марта. Все то же. Руки опускаются работать. <…> Многое подлое ушло, но всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7 марта „Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов“ появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию»[34].

Анализируя эти записи, легко заметить, что 38-летний генерал ни словом не упоминает ни об отречении императора, ни о самом факте ликвидации монархии в стране. Вряд ли Марков обошел бы вниманием эти события, будь он ярым монархистом; таких среди молодых представителей генералитета вообще было сложно найти. Впрочем, пока он не представляет себе Россию республикой. Пугающе-пророческими выглядят строки о «депутатах и советах», которые могут погубить армию. Развал России действительно начался именно с армии, точнее, с издания Петроградским советом Приказа № 1, который был составлен и выпущен еще до отречения Николая II[35]. Согласно этому приказу, в каждой воинской части создавался свой комитет, который должен был контролировать командиров и имел право оспаривать и отменять их приказы. Тем самым уничтожался один из главных принципов военной службы — единоначалие.

Впрочем, в «заигрывании с солдатами», о котором Марков с опасением писал в записи от 2–4 марта, Сергею Леонидовичу в скором времени пришлось участвовать и самому — в Брянске начались волнения гарнизона, и Марков должен был его «успокоить». Вряд ли это была его инициатива; скорее всего, старик Горбатовский в приказном порядке поручил дело молодому, энергичному генералу, имевшему большой опыт выступлений перед аудиторией. 10 марта Марков отметил в дневнике: «Получено приказание выехать в Минск для поездки в

Брянск. Мое первое выступление перед толпой»[36]. В Брянск генерал прибыл 13 марта и сразу же попал в горячую революционную «кашу» — солдаты местного гарнизона арестовали 20 офицеров, в городе шли погромы. Сергей Леонидович сразу же вступил в переговоры с местным советом и смог добиться освобождения арестованных. Но после полуночи настроение толпы изменилось, и сразу несколько рот направились к вокзалу, чтобы арестовать приезжего генерала. Марков, перекрикивая злых, перевозбужденных людей, обратился к толпе с речью, помимо прочего произнеся и такую фразу:

— Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!

— Я служил в 13-м полку! — внезапно отозвался из толпы какой-то солдат.

— Ты?..

Генерал растолкал окружавших его, подошел к солдату и с силой взял его за ворот шинели.

— Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка!

Солдат засмущался, а толпа… заревела от восторга и зааплодировала. В Минск Марков уезжал вместе с освобожденными офицерами под крики «ура» в свой адрес…

Конечно, Маркову тогда неимоверно повезло. Ведь не окажись в толпе бывший стрелок 13-го полка, и Сергей Леонидович неизбежно пал бы жертвой жестокого самосуда. Несмотря на то что Февральский переворот любили именовать бескровным, уже в первые дни «демократической» власти в стране начались убийства офицеров. На языке тех лет они скромно именовались эксцессами…

Март и апрель прошли для Сергея Леонидовича в непрерывной работе. 18 марта он был единогласно избран в армейский и Молодечненский гарнизонный комитеты и стал одним из фронтовых «главноуговаривающих» — так теперь именовались офицеры, умевшие найти ключ к сердцам солдат, вникнуть в их требования. Так, 24 марта он до двух часов ночи «уговаривал и разговаривал» с представителями 445-го пехотного Темниковского полка 112-й пехотной дивизии, позиция которых сводилась к фразе «Воевать хотим, а на позицию не желаем». 31 марта по приказу командарма Марков отправился на позиции 2-го Кавказского армейского корпуса, в котором недавно «революционный» прапорщик 25-го гренадерского (703-го пехотного) Сурамского полка А. И. Ремнев[37] во время митинга сместил командира, заслуженного генерала от артиллерии С. Мехмендарова[38], и «вручил» командование корпусом начдиву

51-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту В. О. Бенескулу[39] Марков резко осудил поведение Бенескула, в лицо высказал генералу все, что о нем думает. А 2 апреля ему рассказали, что Бенескул застрелился, не пережив позора. «Мне в первый раз в жизни сказали, что я убийца, — записал в дневнике Марков. — Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что я виновен. Не надо было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел и, заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил как честный солдат и генерал, и мой уход — сплошная овация всего собрания»[40].

Но оправдание не принесло Сергею Леонидовичу успокоения. 10 апреля он написал заявление об освобождении от членства в обоих комитетах. На душе становилось все тяжелее и тяжелее, вера в то, что удастся наладить простые и доверительные отношения между офицерами и солдатами, избавиться от «плохого» старого и вжиться в «хорошее» новое, таяла с каждым днем. 13 апреля Марков записал: «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой? Мало говорить — война до победного конца, но надо и хотеть этого…»[41]

Два дня спустя Сергей Леонидович после долгого перерыва получил назначение в строй, на должность командующего 10-й пехотной дивизией (37-й Екатеринбургский, 38-й Тобольский, 39-й Томский и 40-й Колыванский пехотные полки). Это назначение было связано с так называемой «гучковской чисткой», которую переживала армия в эти дни: военный министр Временного правительства А. И. Гучков[42] избавлялся от «старорежимных» командиров, не проявивших за первые месяцы лояльности к новым армейским реалиям. Одновременно шло выдвижение тех, кто «воспринял требования момента». Прежний комдив 10-й дивизии генерал-майор Д. Т. Надежный[43] ушел на 3-й армейский корпус, а его место досталось Маркову. Впрочем, никакими подвигами 10-я дивизия в краткий период его командования не блистала, занимаясь тем же, чем и весь фронт, — бесконечными митингами по любому поводу. 12 мая 1917 года, меньше чем через месяц после получения должности комдива, Марков снова вернулся в штаб. Но на этот раз его ждала святая святых действующей армии — Ставка Верховного главнокомандующего.

С августа 1915 года Ставка размещалась в белорусском

городе Могилёве, который тогда называли Могилёвом-Днепровским или Могилёвом-Губернским — чтобы отличить от Могилёва-Подольского. Пост Верховного главнокомандующего после падения монархии занимал генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, которого Марков знал уже десять лет. Но главное: начальником штаба Ставки еще 5 апреля был назначен добрый знакомый Сергея Леонидовича по 4-й «железной» бригаде — Антон Иванович Деникин. Генерал-квартирмейстером при нем месяц как был талантливый и энергичный генерал-майор Я. Д. Юзефович[44], который после прибытия Маркова стал 1-м генерал-квартирмейстером; Сергей же Леонидович получил должность 2-го генкварта. Отношения между генералами установились теплые, дружеские, возникла надежда на то, что удастся наладить продуктивную работу.

Впрочем, эти надежды Маркова тоже рухнули достаточно быстро. Дело было в манере главковерха вести дела: Алексеев стремился сосредоточить в своих руках все рычаги управления армией, а начальнику штаба и обоим ген-квартам доставалась роль технических помощников, с чем они мириться не желали. Деникин и Юзефович начали поговаривать об уходе, Марков тоже. «Много раз втроем (я, Юзефович, Марков) мы обсуждали этот вопрос <…>, — вспоминал А. И. Деникин. — Марков заявил, что без нас не останется ни одного дня. Наконец, я решил поговорить откровенно с Михаилом Васильевичем. Оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не разрешили.

— Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе; что вы, Антон Иванович? — совершенно искренно удивился Алексеев, в течение всей войны привыкший к определенному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальным.

Опять „конференция“ втроем. После долгих дебатов решили, что общий план кампании 17-го года разработан давно, и подготовка ее находится уже в такой стадии, что существенные перемены невозможны, что детали сосредоточивания и развертывания войск, при современном состоянии их, — вопрос спорный и трудно учитываемый; что некоторые изменения плана нам удастся провести; наконец, что наш уход in corpore (сообща. — *В. Б.)* мог бы повредить делу и пошатнуть, и без того непрочное, положение Верховного. И поэтому решили потерпеть»[45].

«Терпеть» пришлось недолго. В ночь на 22 мая Алексеев был извещен телеграммой о том, что пост Верховного главнокомандующего отныне занимает генерал от кавалерии А. А. Брусилов. К нему и у Деникина, и у Маркова отношение

было двойственным: воспоминания о Юго-Западном фронте 1914-го, уважение к талантливому военачальнику — и невозможность смириться с его беспринципностью, угодничеством перед Временным правительством. 31 мая Деникин был назначен главнокомандующим Западным фронтом, а 10 июня Марков стал при нем исправляющим должность начальника штаба. С Могилёвом оба прощались без сожаления; отныне предстояло работать в Минске.

Штаб Западного фронта с 1915 года занимал двухэтажное здание Минской мужской гимназии в самом центре города, на углу Захарьевской и Губернаторской улиц (в июне 1941 года оно погибло во время немецкой бомбежки, сейчас на его месте разбит бульвар; современный адрес — угол проспекта Независимости и улицы Ленина). Фронт готовился к масштабному наступлению, которое было запланировано еще в начале года, до переворота, но сроки которого постоянно сдвигались. И неудивительно, так как «революционная армия свободной России»[46], развращенная Приказом № 1, который в мае дополнился Декларацией прав солдата и гражданина[47], была попросту небоеспособна — ее захлестывала политика. Марков, вместо того чтобы заниматься прямыми обязанностями наштафронта, вынужден был большую часть времени тратить на бесконечные заседания всевозможных комитетов и комиссий, рассматривать резолюции, принимать делегатов… «Вся тяжесть сложных взаимоотношений с „революционной демократией армий“ легла на голову моего начальника штаба и друга — генерала Маркова, — вспоминал А. И. Деникин. — Он положительно изнемогал от той бесконечной сутолоки, которая наполняла его рабочий день. Демократизация разрушила все служебные перегородки и вызвала беспощадное отношение ко времени и труду старших начальников. Всякий, как бы ничтожно ни было его дело, не удовлетворялся посредствующими инстанциями и требовал непременно доклада у главнокомандующего или, по крайней мере, у начальника штаба. И Марков — живой, нервный, впечатлительный, с добрым сердцем — принимал всех, со всеми говорил, делал все, что мог; но иногда, доведенный до отчаяния людской пошлостью и эгоизмом, не сдерживал своего языка, теряя терпение и наживая врагов»[48].

Дошло до того, что 15 июля Марков лично обратился с письмом к военному и морскому министру А. Ф. Керенскому, протестуя против подобного положения дел. «Никакая армия, по своей сути, не может управляться многоголовыми учреждениями, именуемыми комитетами, комиссариатами, съездами и т. д., — писал Сергей Леонидович. — Ответственный перед своей

совестью и Вами, как военным министром, начальник почти не может честно выполнять свой долг, отписываясь, уговаривая, ублажая полуграмотных в военном деле членов комитета, имея, как путы на ногах, быть может и очень хороших душой, но тоже несведущих, фантазирующих и претендующих на особую роль комиссаров. Все это люди чуждые военному делу, люди минуты, и главное не несущие никакой ответственности юридически. Им все подай, все расскажи, все доложи, сделай так, как они хотят, а за результаты отвечай начальник.

Больно за дело и оскорбительно для каждого из нас — иметь около себя лицо, как бы следящее за каждым нашим шагом.

Все это продолжение разрушения армии, а не созидание ее.

Проще, — нас всех, кому до сих пор не могут поверить, уволить и на наше место посадить тех же комиссаров, а те же комитеты — вместо штабов и управлений». Завершал это письмо Марков так: «Отправляя Вам это письмо, я знаю, что может меня ожидать, но я предпочту скорее быть выгнанным из рядов революционной армии, чем невольно участвовать в ее дальнейшем разложении. Трудно в наши дни оставаться честным человеком, но это единственное право, коего никакими постановлениями отнять от нас, старых и настоящих офицеров, никто не может»[49].

Седьмого июля Западный фронт перешел в давно запланированное наступление у местечка Крево. Трехдневная артподготовка смела германские проволочные заграждения, на многих участках противостоять русским войскам было просто некому. Казалось, открывается прямая дорога на Вильну и дальше, в Восточную Пруссию. Но… из четырнадцати дивизий, которые планировались к наступлению, в атаку пошли только семь, а полностью боеспособными оказались четыре. А заняв вражеские окопы, солдаты начинали митинговать или попросту бросали позиции и уходили в тыл торговать трофейным барахлом. Мужество отдельных верных долгу героев не могло изменить общую ситуацию. Кревская операция закончилась провалом…

Шестнадцатого июля на совещании в Ставке, где присутствовали главкомы фронтов вместе со своими начальниками штабов, Деникин произнес яркую, страстную речь, призванную вразумить Керенского и Брусилова, заставить их одуматься и остановить развал армии. Но было уже поздно. Правда, Брусилов был через два дня уволен с поста главковерха, и эту должность занял генерал, чье имя прогремело на всю Россию в начале июля, — Лавр Георгиевич Корнилов. Именно он, храбрец, бежавший в 1916 году из австрийского плена, а еще

раньше водивший в отчаянные атаки свою 48-ю пехотную дивизию бок о бок с 4-й «железной» бригадой, смог предотвратить катастрофу Юго-Западного фронта во время близкого к панике отступления. Он не побоялся применить самые крутые меры, не побоялся расстреливать дезертиров и мародеров, во весь голос заявил о необходимости введения железной дисциплины на фронте и в тылу. И замученное, изверившееся фронтовое офицерство всех уровней теперь с надеждой смотрело на Корнилова, веря, что именно ему удастся выправить положение, спасти погибавшую на глазах армию и всю Россию.

На доклад Деникина Корнилов отозвался телеграммой: «С искренним и глубоким удовольствием, я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке, 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь, и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести (до конца) дело воссоздания родной армии, и восстановить ее боеспособность»[50]. И вскоре именно кандидатуру Деникина он предложил на свое место главнокомандующего Юго-Западным фронтом. По сложившейся уже традиции вслед за Антоном Ивановичем последовал и Марков. Он уже понял, что военная судьба свела его не просто с другом, а с единомышленником, человеком, глубоко убежденным в правильности своего пути.

По прибытии в штаб Юзфронта, находившийся в Бердичеве, Деникин присутствовал на совещании у Корнилова. Когда оно закончилось, Лавр Георгиевич доверительно сказал преемнику:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет… В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства… Ну, нет! Эти господа слишком связаны с советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— В полной мере.

Август прошел в напряженном ожидании. Все надежды были на Корнилова. После тяжелого июльского поражения Юго-Западный фронт, казалось, пришел в себя, но это было затишье перед бурей. Да и затишье царило весьма относительное: офицеры были растеряны и подавлены, солдаты открыто не желали воевать, процветало дезертирство. Фронтовые комитеты и комиссары засыпали правительство жалобами на главкома, который не желал с ними считаться. На этом невеселом фоне

производство Маркова в чин генерал-лейтенанта (16 августа) выглядело чуть ли не издевкой. А ведь сам по себе этот факт был из ряда вон выдающимся: Марков стал одним из самых молодых военачальников России, имевших на генеральских погонах три звезды. Невольно напрашивается аналогия с любимым Марковым М. Д. Скобелевым, который тоже стал генерал-лейтенантом в 39 лет.

В двадцатых числах августа в Бердичев прибыл посланец Корнилова, который на словах передал: «В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус, во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание, и заодно покончит с советами. Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение, и опубликованы законы, вытекающие из „корниловской программы“. Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально для изучения бомбометного и минометного дела; фактически они будут отправлены в Петроград, в офицерский отряд»[51].

Прозвучали и другие подробности: для «расчистки» Москвы Ставкой уже намечен генерал К. Н. Хагондоков[52], для Киева — А. М. Драгомиров[53], для Одессы — П. Н. Врангель… Новость воодушевляла. «Было ясно, что история русской революции входит в новый фазис, — вспоминал Деникин. — Что принесет он? Многие часы делились своими мыслями по этому поводу — я и Марков. И если он, нервный, пылкий, увлекающийся, постоянно переходил от одного до другого полярного конца через всю гамму чувств и настроений, то мною овладели также надежда и тревога. Но оба мы совершенно отчетливо видели и сознавали *фатальную неизбежность* кризиса. Ибо большевистские или полубольшевистские советы — это безразлично — вели Россию к гибели. Столкновение неизбежно»[54]. Душная предгрозовая атмосфера разрядилась вечером 27 августа, когда Деникин и Марков узнали об отчислении Корнилова от должности главковерха…

Оба генерала не знали и не могли знать всех обстоятельств той сложной политической игры, в которую был вовлечен Лавр Георгиевич, не представляли, жертвой какой чудовищной провокации Керенского он пал. Но и Деникин, и Марков отчетливо понимали, что в конфликте Верховного с правительством они на стороне Корнилова. И оба отправили Керенскому очень резкие и мужественные телеграммы, в которых со всей прямотой заявляли об этом. «Я солдат и не привык играть

в прятки, — писал Деникин. — 16-го июня, на совещании с членами Временного правительства, я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной, и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего; видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны; считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду»[55].

Симпатии штаба фронта также целиком были на стороне Корнилова. Вечером 27 августа Сергей Леонидович собрал офицеров генерал-квартирмейстерской части, ознакомил их с обстоятельствами дела и произнес горячую речь, где призвал оказать Корнилову «полную нравственную поддержку». Одновременно Марков приказал частям местного гарнизона занять бердичевский и житомирский телеграф и типографии и ввел временную цензуру местных газет.

В штаб одна за другой поступали телеграммы, по которым хотя бы в общих чертах можно было судить о развитии событий. Звучали они неутешительно: надежд на примирение между Керенским и Корниловым нет, верховное командование предложено генералу Клембовскому[56], тот отказывается… В поддержку Корнилова высказались все командующие армиями Юго-Западного фронта (и главкомы всех фронтов, за исключением Кавказского), но реальной поддержки главковерху оказать они не могли.

Днем 28 августа пришла в движение местная революционная общественность. Фронтовой комитет расклеил по Бердичеву десятки листовок, где утверждалось, что Корнилов планировал восстановить монархию. Толпа солдат под красными флагами окружила здание штаба фронта; четверо явились было арестовать Маркова (заметим: именно Маркова, а не кого-либо еще. Видимо, Сергей Леонидович со свойственной ему горячностью занял наиболее непримиримую позицию), но затем объявили, что Деникин, Марков и генерал-квартирмейстер штаба фронта М. И. Орлов[57] подвергнуты «личному задержанию». «Официально» генералам объявил об этом днем 29 августа комиссар фронта Н. И. Иорданский[58]. Уже много позже Сергей Леонидович узнал, что в тот день приказом Керенского он был отчислен от должности и предан суду за мятеж…

Деникин и Марков вместе сели в поджидавший у здания штаба автомобиль, который зачем-то охранялся двумя броневиками. Долго ждали сдававшего дела Орлова, и все это время рядом с машиной толпились люди, беззастенчиво рассматривавшие арестованных и отпускавших соответствующие комментарии. Наконец приехали к гауптвахте, прошли через толпу, встретившую генералов руганью. Захлопнулись стальные двери карцеров, скрежетнули ключи в замках…

Сергея Леонидовича поместили в камере № 2. Нары, стол, табурет, зарешеченное окошко. Марков нервными шагами кружил по камере. Мучила неизвестность, но куда больше мучили солдаты, часами висевшие на решетках окна снаружи и поливавшие отборной бранью. Такая же брань неслась и из коридора, от часовых. «Попил нашей кровушки, покомандовал, гноил нас в тюрьме, теперь наша воля — сам посиди за решеткой… Барствовал, раскатывал в автомобилях — теперь попробуй полежать на нарах, сукин сын… Недолго тебе осталось. Не будем ждать, пока сбежишь — сами своими руками задушим…»[59]

Впрочем, были среди тюремщиков и другие. В первую же ночь Маркову, забывшему в штабе пальто, солдат-караульный принес шинель (правда, через полчаса забрал, но это уже детали). «Нас обслуживают два пленных австрийца, — записывал Сергей Леонидович. — Кроме них, нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский), очень добрый и заботливый человек. В первые дни и ему туго приходилось — товарищи не давали прохода; теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашем питании прямо трогательны, а новости умилительны по наивности. Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут… Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов — ведь еще не всех извели»[60].

Вскоре караульную службу доверили юнкерам 2-й Житомирской школы прапорщиков, и стало полегче. Впрочем, юнкера тоже были разные; один из них, большевик, нарочито громко, чтобы слышали узники, рассказывал в коридоре о том, что принята резолюция о казни генералов, другого Марков как-то застал на посту плачущим — как выяснилось, ему было жаль арестованных…

Кроме Деникина и Маркова, в бердичевскую тюрьму были заключены трое командующих армиями — генерал от кавалерии И. Г. Эрдели, генерал-лейтенанты Г. М. Ванновский и В. И. Селивачев, главный начальник снабжения фронта генерал-лейтенант Е. Ф. Эльснер, его помощники генерал-лейтенант И. В. Павский и генерал-майор Д. Д. Сергиевский, генерал-

квартирмейстер штаба фронта генерал-майор М. И. Орлов и двое офицеров (в их числе чех поручик В. В. Клеканда, впоследствии генерал чехословацкой армии)[61]. Арестованных собирались предать военно-революционному суду, и в камерах время от времени появлялась следственная комиссия, снимавшая показания. Марков предложил обратиться к известному адвокату В. А. Маклакову[62] с просьбой взять на себя защиту генералов, и тот ответил на посланную ему телеграмму согласием.

Десятого сентября, с окончанием следствия, обстановка для заключенных изменилась — им стали приносить газеты, сперва негласно, а с 22-го и официально. Стало можно беседовать друг с другом на прогулках. Узники оживленно обсуждали, повезут ли их в Быхов, где держались в заключении арестованный Корнилов и другие чины Ставки, или оставят в Бердичеве. Они не знали, что по этому поводу шли оживленные диспуты с участием Керенского и большинство их участников склонялись к тому, что арестованные вполне могут как бы случайно, по выражению тогдашних газет, «пасть жертвами народного гнева», что разрядит накалившуюся на фронте обстановку… Перевод в Быхов состоялся только благодаря стойкой позиции юриста И. С. Шабловского[63]. Но и тут революционные власти остались верны себе. Вывезти узников из Бердичева тайно и безопасно для них было вполне возможно, но комитетчикам нужен был спектакль, и этот спектакль устроили: 27 сентября рядом с гауптвахтой был созван тысячный митинг, где солдатам сообщили о переводе узников в Быхов и… призвали к благоразумию. Естественно, толпа ответила разъяренным ревом. Сменявшие друг друга ораторы требовали немедленно расправиться с арестованными.

Наконец у присутствующих удалось вырвать обещание, что узников не тронут, но на вокзал их должны были отправить пешком. Вечером, при свете фар броневиков, семерых арестованных вывели на улицу. От напора опьяненной яростью солдатской толпы их охраняла только хрупкая цепь юнкеров-житомирцев под командованием штабс-капитана В. Э. Бетлинга[64], до войны служившего под началом Деникина. В арестантов полетела грязь, посыпались булыжники. Калеке генералу Орлову камнем разбили лицо, Деникину камни попали в спину и голову. Стараясь быть ироничным, он вполголоса обратился к шагавшему рядом Маркову:

— Что, милый профессор, конец?

— По-видимому, — спокойно отозвался Сергей Леонидович.

Вместо того чтобы идти прямо на вокзал, арестованных верст пять водили по главным улицам Бердичева. Юнкера еле

сдерживали напор солдат, казалось, что еще вот-вот — и озверевшая толпа прорвет заслон и набросится на арестантов… А те гордо, не опуская голов, шли под градом камней, грязи и потоками матерной ругани. «Марков, голову выше, шагай бодрее!» — орали солдаты. Сергей Леонидович не оставался в долгу, резко отвечал на таком же, понятном хамам языке…

На вокзале с трудом пробились через ревущую толпу, но поезда ждали еще два часа — на станции не оказалось арестантского вагона, в который солдаты требовали посадить генералов. Наконец нашли загаженную конским навозом теплушку. «Сотни рук, сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь, тянутся к нам… — вспоминал А. И. Деникин. — Уже десять часов вечера… Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся. Шум все глуше, тусклее огни. Прощай, Бердичев!»[65]

В Житомире арестованных перевели из конского вагона в теплушку с нарами, на которых все заснули мертвым сном. Станцию Калинковичи, на которой также ожидались «эксцессы», к счастью, проехали ранним утром. А дальше был Быхов, маленький городок на берегу Днепра, в сорока верстах от Могилёва. Там в двухэтажном здании гимназии содержались Корнилов и 18 его соратников (арестованные в Могилёве 1 сентября, они были переведены в Быхов 12-го).

«Бердичевцев» «быховцы» встретили сердечно. Разместились в тесноте, да не в обиде — Деникин и Марков поселились в комнате генерал-майора И. П. Романовского[66], с которым Сергей Леонидович был хорошо знаком.

После Бердичева Быхов показался настоящим раем. Хотя арестованных и охраняли, режим в «тюрьме» был вольготный — можно было свободно перемещаться из комнаты в комнату, общаться друг с другом; кормили хорошо, два раза в день выводили на прогулку, в Быхов часто приезжали всевозможные визитеры. Вечерами собирались в самой большой комнате для общей беседы и «докладов» на разные темы — от Февральского переворота до потустороннего мира.

Знавшие Маркова во время «быховского сидения» запомнили его экспансивность, склонность к юмору и спорам, а также активному отдыху в виде игры в чехарду; лейтмотивом для поведения Маркова может служить цитата из его дневника, которую приводит Деникин: «Нет, жизнь хороша. И хороша — во всех своих проявлениях!»[67] Но, конечно, далеко не всегда Сергей Леонидович был настроен столь оптимистично. Наедине с собой он не мог не признавать, что дело его жизни — служба великой Родине, России, — по всей видимости, окончательно подходит к

концу. Не было той России, которой он присягал, не было армии, которой он отдавал все, впереди неизвестность, вероятно — суд… В одну из тяжелых минут генерал написал письмо жене, где откровенно делился мыслями: «Что бы со мной ни случилось, свою личную жизнь устраивай как захочешь, помня одно, что я благословляю наше прошлое и желаю тебе заслуженного счастья в будущем. Знаю и вижу, что тебе больно читать эти строки, но я должен в этом письме сказать все, моя любимая. А ты должна во имя наших детей и стариков найти в себе и силы и волю все снести, все подавить. Будь готова к худшему, а лучшее перенесем легко. Рассказывать тебе день за днем, передавать тебе мои мысли, мне трудно и больно, я стараюсь не позволять себе мечтать о будущем и готовлюсь ко всему, но что-то подсказывает мне, что жизнь еще не уходит, а если уйдет, значит так суждено. Я жил полной жизнью 39 лет и не имею данных назвать эту жизнь бесцветной. Много и хорошего, и плохого пришлось испытать, но было бы грешно теперь жаловаться на прошлое. Дай Бог каждому прожить так как прожил я. Многим я обязан тебе, моя подруга и моя жена, и Бог не оставит тебя. Не падай духом, молись и не проклинай меня за эти тяжелые дни. Они пройдут, как проходит все в жизни, как проходит сама жизнь. Смягчится острота грусти и тоски и останется лишь одна забота о тех, чья жизнь вся впереди — о детях. Храни вас Господь, мои любимые, мои близкие, мои все. Мой долгий крепкий поцелуй тебе моей любимой, моей старушке, моему мальчугану и крошке девочке. Мое благословление и мое духовное я всегда будут с вами. Твой навсегда Сергей»[68].

По газетам и рассказам приезжих заключенные могли судить о происходящем в стране. А события принимали все более угрожающий оборот: 25 октября в Петрограде большевики подняли вооруженное восстание и захватили власть, премьер-министр и Верховный главнокомандующий А. Ф. Керенский бежал из столицы. Обязанности главковерха принял начальник его штаба генерал-лейтенант Н. Н. Духонин[69], человек честный и глубоко сочувствовавший арестованным. Волнуясь о судьбе близких, Сергей Леонидович 2 ноября писал матери в Петроград: «Мысль мутится, когда подумаю, что вам угрожает, и чему вы все подвергаетесь. Беспокоит твое молчание, пиши, авось дойдет хоть одно из писем <…> Дух мой крепок и вера в лучшее будущее не иссякла. Кошмар Родины продолжаться бесконечно не может, конец наступит, и быть может, скорее, чем ожидаешь. Гнусно читать о мерзостях, творимых большевиками, но гнусно сознавать всю покладистость так называемой буржуазии. Авось наступит час, когда и буржуазия поймет, что лишь в борьбе она сохранит

себя. Разум отказывается охватить и оценить будущее, но сердце, нутро, дает веру и надежду. Не падайте духом и вы все. <…> Были ли у вас в квартире подонки улицы, претендующие на громкое имя „народ“? Не падай духом моя старушка, молись и верь в лучшие дни. Вокруг имени Корнилова и нас много шумят, но шум этот создает ту атмосферу при которой с нами трудно разделаться втихомолку. Проглотить нас мудрено — костей много. Что судьба лично мне готовит, не знаю, но верю глубоко, что зря не погибну, и много, много еще работы предстоит мне впереди»[70].

Скромному белорусскому Быхову была суждена в истории России очень важная роль — именно там, по словам Н. Н. Львова, «из нестерпимой боли замученного в революцию русского офицера, из надругательств толпы над нашими лучшими генералами, из предательства Русской армии правительством революции»[71] родилось будущее Белое движение. По свидетельству С. Н. Ряснянского[72], именно Маркову принадлежит идея создания армии, которая начала бы борьбу с большевизмом и формировалась бы на добровольческой основе. Вообще идея добровольчества как такового была весьма популярна в 1917-м — еще летом П. Н. Врангель предлагал свести разрозненные ударные части в некую Революционную Добровольческую армию, одновременно Военная лига предлагала «приступить немедленно к формированию в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе добровольческих дивизий и корпусов»[73], а на рубеже 1917–1918 годов термин «добровольческая армия» встречается в документации, посвященной формированию первых красногвардейских частей. Но удачно «закрепить» за собой этот термин смогли именно белые. Причем Марков решительно заявлял, что необходимо вначале формировать только чисто офицерские части, а потом уже разжижать их солдатами.

Среди узников начались разговоры о том, что скоро последует неизбежный захват Ставки большевиками, а это означает конец быховского «сидения». Надо было уходить, но куда?.. Корнилов, авторитет которого среди «быховцев» был непререкаем, предостерегал от принятия поспешных решений: большевики, скорее всего, не продержатся у власти долго, а Ставка рядом, и ее можно будет сделать базой будущего сопротивления… Все изменилось 9 ноября, когда Духонин по приказу Ленина был смещен с поста за отказ начать немедленные переговоры с противником о перемирии. Ему на смену в Могилёв отправился новый главковерх, большевик прапорщик Н. В. Крыленко[74]. Тогда же в Быхов дошли первые слухи о том, что генерал от инфантерии М. В. Алексеев собирает в

Новочеркасске тех, кто намерен продолжать вооруженную борьбу с большевиками. Это положило конец раздумьям — уходить предстояло на Дон.

Предвидя неизбежный конец, Духонин 19 ноября 1917 года отдал приказ об освобождении «быховцев» (жить ему оставалось ровно день — 20 ноября последний главковерх русской армии был растерзан солдатами на перроне Могилёвского вокзала). В Новочеркасск они добирались кружными путями, с подложными документами. Окончательно сдружившиеся в Быхове Марков и Романовский решили ехать вместе: Романовский под видом поручика инженерных войск, а Марков — его… денщика. В Сумах на них случайно наткнулся другой «быховец», капитан С. Н. Ряснянский:

«На платформе мы прошли мимо какого-то солдата, стоявшего облокотившись на фонарный столб, который покосился на нас и продолжал, не меняя позы, лузгать семечки. <…> Я поднял было руку, чтобы отдать честь, как тот зашипел на меня:

— Попробуйте только отдать честь и назвать меня Ваше Превосходительство!

Я невольно рассмеялся — такой у него был настоящий вид революционного солдата.

— Ну что, хорош? — усмехнулся генерал Марков, — нагляделся я на них; оказалось не так трудно быть сознательным революционным солдатом!

<…> Подошел поезд, идущий на Харьков. Марков вошел в третий класс, а Романовский — во второй. Генерал Марков помахал мне рукой с площадки вагона, и поезд ушел»[75].

Во время пути была еще одна подобная встреча — офицер-корниловец Гогосов, сначала принявший Маркова за настоящего солдата, бросился извиняться перед генералом, на что Сергей Леонидович сквозь смех сказал: «Тише, тише, не горланьте. Вы ведь нас выдадите»[76]. Но, к счастью, никто из окружающих бдительности не проявил. По пути повстречались и с Деникиным, ехавшим под видом польского помещика.

Железные дороги, ведущие на Дон, еще функционировали и не полностью контролировались большевиками, поэтому до Новочеркасска Марков и Романовский добрались без всяких приключений. Туда же разными путями прибыли и другие «быховцы». А 6 декабря на перрон Новочеркасского вокзала ступил и сам Лавр Георгиевич Корнилов, ушедший из Быхова 20 ноября во главе Текинского конного полка. К несчастью, поход Быхов — Новочеркасск оказался для этой части последним: бóльшая часть полка погибла в боях с большевистскими отрядами, другие разуверились в Корнилове и покинули его.

На Дону положение дел оказалось совсем не таким, каким оно виделось из Быхова. В распоряжении Алексеева не было ни средств, ни оружия; комплектование армии, шедшее по добровольному принципу, продвигалось вяло (к началу декабря в ней было чуть больше шестисот человек); донские власти во главе с атаманом А. М. Калединым[77] были настроены по отношению к пришельцам настороженно, вплоть до того, что не рекомендовали носить военную форму и вообще не афишировать себя, так как имена Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова для массы связаны со страхом контрреволюции. Да и сам Алексеев без особого восторга встретил прибывших в Новочеркасск «быховцев», не собираясь уступать кому-либо первенства. В конце концов путем сложных переговоров пришли к согласию: верховную власть получил триумвират, в котором Алексеев отвечал за финансы, внешние связи и гражданское управление, Корнилов — за военные вопросы, а Каледин — за управление Донской областью.

Нет сомнения, что экспансивного, горячего Маркова подобная неопределенная, шаткая ситуация должна была выводить из себя. Прежде всего его интересовала военная сторона дела, и он сразу же подключился к формированию первых соединений Добровольческой армии (такое наименование она приняла 25 декабря 1917 года). Сохранилось выразительное описание посещения Марковым 1-го Офицерского батальона Алексеевской организации 17 декабря:

«С генералом Деникиным пришел и при обходе рот следовал за ним некто в обветшалом пиджаке, явно не по росту, и обшарпанных и украшенных длинной бахромой брюках. Неизвестный не носил ни усов, ни бороды, но, видимо, не брился уже с неделю. На него невозможно было не обратить внимания не только за его вид, но и за свободную манеру держаться, пытливость, живость. Добровольцы решили: он, вероятно, адъютант генерала Деникина. Личность неизвестного сильно заинтриговала всех. <…>

— Простите! А ваш чин?

— А как вы думаете? — игриво был поставлен вопрос.

— Поручик?

— Давненько был. Уже и забыл…

Такой ответ заставил офицерам прибавить сразу два чина:

— Капитан?

— Бывал и капитаном, — засмеялся он.

— Полковник? — спросили его, уже начиная подозревать что-то неладное.

— Был и полковником!

— Генерал? — и даже зажмурились — уж больно-то вид неподходящий.

— А разве вы не помните, кто был в Быхове с генералом Корниловым?

— Генерал Марков?

— Я и есть!»[78]

На Рождество, 24 декабря, Сергей Леонидович был назначен начальником штаба командующего армией, а в январе 1918-го возглавил штаб 1-й Добровольческой дивизии. «Дивизией», впрочем, она называлась условно, как и «батальоны» были батальонами лишь номинально: в 1-м Офицерском насчитывалось 200 штыков, во 2-м — примерно 240, в Юнкерском —120… 10 января появился и отличительный признак добровольца — треугольный шеврон русских национальных цветов на левом рукаве. Он был призван отличить воина армии от многочисленных офицеров, которые по тем или иным причинам не принимали участия в «корниловской авантюре».

Надо сказать, что многим создание Добровольческой армии действительно представлялось в те дни колоссальной, ни на чем не основанной авантюрой. Но «трезвомыслящих», тем более мечтавших о каких-то выгодах или привилегиях в рядах первых добровольцев не было. Армию, где на счету были каждый патрон и рубль, держали на плаву только вера в Корнилова, ненависть к большевикам и любовь к поруганной Родине. Вот как оценивали разные мемуаристы мотивы, заставлявшие людей вступать в ряды добровольцев: «В груди как вожаков, так и рядовых, с одинаковой повелительностью, в конце 1917 года вспыхнул категорический императив: „Не желаем подчиняться негодяям, захватившим Россию! Желаем драться с ними до смерти!“ — и больше ничего» (В. В. Шульгин[79])[80]. «Я был офицером поруганной Русской армии и сыном распятой России. Глубокой, продуманной и прочувствованной ненавистью ненавидел я социализм, демократизм, коммунизм и все, что оканчивается на „изм“» (Д. Б. Бологовский)[81]. «Я ни физически, ни психически не принимал большевизма и ни в каких случаях не мог с ним сотрудничать. Я твердо знал, что он несет с собой гибель той духовной культуры, которой я готовился посвятить всю свою жизнь. Я верил, что с ними надо непрестанно бороться, пока они не захватили в свои руки всей России. Бороться же можно только в армии» (В. В. Саханев)[82]. Именно этот мотив — страстное желание спасти Родину, то есть патриотизм в его чистейшем виде, — двигал первыми добровольцами, в том числе и Марковым. Поэтому и смешно, и грустно читать сейчас, к примеру, о них такое: «Добровольцы дрались с остервенением. У них ротами командовали полковники, а капитаны и поручики шли рядовыми с винтовками. Эти люди знали, за что дрались. Они не могли смириться с тем, что рабочие и крестьяне отняли у них и их отцов земли, имения, фабрики, заводы»[83]. Так и хочется спросить — за какие же свои имения, фабрики и заводы умирал Корнилов, все имущество которого состояло из куска мыла, расчески, двух полотенец и трех пар белья? За какие земли своего отца боролся Алексеев, сын выслужившего офицерские погоны солдата, и другие первые офицеры-добровольцы, в 90 из 100 случаев — вчерашние мещане, крестьяне, народные учителя, мелкие чиновники?

На должности начштаба Марков не пользовался в новорожденной армии популярностью. Его резкость и прямота в обращении многих коробили и задевали, так что, по свидетельству Деникина, «войска относились к нему сдержанно <…> или даже нестерпимо (в ростовский период Добровольческой армии)»[84]. По свидетельству историка

Марковских частей В. Е. Павлова[85], не приняли Маркова и штабные работники, так как «он боролся с „канцелярщиной“ и требовал дела»[86]. Но продолжалось такое положение недолго: те самые качества, за которые не любили Маркова-штабиста, мгновенно превратились в достоинства, стоило ему вернуться в строй…

Новый год, начало последнего года своей жизни, Сергей Леонидович встретил с юнкерами-артиллеристами. Они были для него своими, ведь по образованию он был «констапупом», а у «михайлонов» преподавал перед войной. По традиции выпускники двух этих училищ, Константиновского и Михайловского, относились друг к другу настороженно, но на новогоднем вечере с этой традицией было покончено — юнкера решили больше никогда не вспоминать былой вражды и считать друг друга братьями. Когда Марков пришел в батарею, там только начали расставлять тарелки на столах, и юнкера сконфуженно оправдывались — мол, не все еще готово.

— Не смущайтесь, я могу быть полезен и при накрывании стола, — засмеялся генерал, принимаясь помогать по хозяйству.

Первый тост Марков поднял за гибнущую Россию, за ее императора и за Добровольческую армию. На этом официальная часть кончилась, и за глинтвейном начался общий разговор. Марков заметил, что в черный период русской истории страна недостойна иметь своего царя, но когда все закончится, он не может представить себе Россию республикой. Насколько правдиво описывает эту сцену В. Е. Павлов — неясно, возможно, что он задним числом приписал Маркову свои политические симпатии. Будь Сергей Леонидович убежденным монархистом, он вряд ли упомянул бы в письме А. Ф. Керенскому 15 июля 1917 года «кошмарное распутинское владычество»[87], а впоследствии не вступил бы в конфликт с М. Г. Дроздовским, не скрывавшим своих симпатий к низложенной династии.

Прощаясь с юнкерами, Сергей Леонидович сказал:

— Сегодня для многих последняя застольная беседа. Многих из собравшихся здесь не будет между нами к следующей встрече. Вот почему не будем ничего желать себе. Нам ничего не надо, кроме одного… — Он помолчал и крикнул: — Да здравствует Россия!

Все начало 1918 года прошло для молодой Добровольческой армии в тяжелых боях. С 10 января штаб армии размещался в Ростове-на-Дону, но большевики теснили добровольцев со всех сторон, и 21 (по новому стилю) февраля Корнилов подписал приказ о выводе армии из города. Куда — он и сам толком не знал, единого мнения по этому поводу не было, но выбор был

невелик: или степные хутора в Сальских степях, так называемые зимовники, или Кубань, где сопротивлялись большевикам местные добровольческие отряды В. Л. Покровского[88]. В конце концов остановились на втором варианте — Кубань, ее столица Екатеринодар. В ночь с 22 на 23 февраля 1918 года армия выступила из Ростова. Так начинался легендарный 1-й Кубанский (Ледяной) поход, впрочем, тогда еще не имевший никакого названия…

«Срез» добровольчества первых, самых тяжелых дней Белого дела был чрезвычайно широк. За Корниловым по весенним степям шли генералы и офицеры, военные чиновники и вольноопределяющиеся, солдаты и матросы, юнкера и кадеты, врачи и сестры милосердия, гражданские чиновники и священники. Шли бароны, графы, князья и шли крестьяне, мещане, рабочие. Шли великороссы, малороссы, белорусы (впрочем, все они, как правило, считали себя русскими), болгары, калмыки, чехи, словаки, туркмены, эстонцы, сербы, евреи, немцы, австрийцы, латыши, литовцы, поляки, грузины, армяне. Шли мужчины и женщины (причем женщины были не только сестрами милосердия, но и офицерами, и добровольцами). Шли седые ветераны двух войн и шли шестнадцатилетние мальчики. Последних было гораздо больше: лишь одна шестая армии — около шестисот человек — были старше сорока лет. Больше половины участников похода (54,5 процента) составляли молодые офицеры военного времени, главным образом прапорщики, подпоручики и поручики, выглядевшие в глазах седых генералов детьми. «Крестовый поход детей! Да, пожалуй, — вспоминал С. Н. Ряснянский. — Эти „дети“, руководимые самоотверженными офицерами, спасли честь России. В то время, когда зрелые, мудрые „мужи совета“ признали власть коммунистов или отошли от дел, эти „безумцы“ взялись за винтовку и шашку»[89].

Во многом поход был «родственным» — в него уходили братья, сестры, мужья с женами, отцы с детьми, уходили целыми семьями, «ветвями» родственников и свойственников. Шли братья Бирюковы — трое добровольцев, трое братьев Ливенцовых — вахмистр, сотник и подъесаул, трое братьев Мяч — все поручики, трое братьев Рябченко — хорунжий, сотник и подъесаул, трое братьев Колюбакиных — капитан, штабс-капитан и кадет, трое братьев Зекрач — подъесаул и двое есаулов, трое братьев Никиша — казак, старший урядник и сотник, трое братьев Ляхницких — прапорщик, поручик и штабс-капитан… Братья Смильгины — оба подпоручики, братья Томазо — прапорщик и доброволец, братья Ковчаны — вахмистр и лекарский помощник, братья Фесенко — хорунжий и прапорщик, братья Милютины — доброволец и

поручик, братья Мошкины — доброволец и прапорщик, братья Перевозовские — есаул и сотник, братья Коротченко — оба прапорщики, братья Буряки — есаул и полковник, братья Дидыки — вахмистр и прапорщик, братья Чекаловы — сотник и полковник, братья Малышенко — есаул и полковник, братья Шатовы — капитан и вольноопределяющийся, братья Возионовы — доброволец и прапорщик, братья Ржищевы — штабс-ротмистр и ротмистр, братья Гетмановы — оба полковники, братья Беловы — капитан и полковник, братья Ненашевы — доброволец и врач, братья Гольдшмидты — прапорщик и подпоручик, братья Бойченко — подпрапорщик и подпоручик, братья Новосельские — рядовой и доброволец, братья Смагины — полковник и ротмистр, братья Гречишкины — коллежский и статский советники, морские офицеры братья Ильвовы — оба лейтенанты, добровольцы братья Гиршберги и Денисенко… Брат и сестра Сериковы — хорунжий и доброволец… Сестры Шапошниковы и Энгельгардт — сестры милосердия… Отец и сын Щупляки, Озаровские, Парицкие и Куницыны, отец и сын Фирсовы — генерал-майор и кадет, отец и сын Ивановичи — генерал-майор и прапорщик, отец и двое сыновей Лисицыны, отец и дочь Шпилиотовы — штабс-капитан и доброволец, отец и двое сыновей Чистяковы, семья Целебровских… Муж и жена Гусак — прапорщик и доброволец… И это еще далеко не все. Примеры можно продолжать и продолжать.

Заодно отметим и некоторые курьезы Ледяного похода. Не могут сегодня не вызвать невольной улыбки фамилии таких первопоходников, как Ульянов, Ворошилов, Каменев, Калинин, Пилсудский, сестра милосердия Троцкая, поручик Чехов, доброволец Шолохов, поручик Пелевин, поручики Андрей Сахаров и Владимир Высоцкий. Участвовали в походе в будущем знаменитый советский драматург, а тогда прапорщик Евгений Шварц, муж Марины Цветаевой прапорщик Сергей Эфрон…

Участвовал в Ледяном походе и дальний свойственник автора этих строк — Василий Павлович Горда (1898–1968). К Корнилову он, уроженец Саратова, юнкер Елисаветградского кавалерийского училища, а потом студент Донского политехнического института, ушел добровольцем вместе с братом Константином. Уже в парижской эмиграции Василий Павлович, работавший шофером такси, стал мужем моей двоюродной прабабки, дочери генерала, оперной певицы Натальи Михайловны Михайловой-Весле. Могилы супругов находятся на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа…

Вскоре после выхода из Ростова маленькая, недотягивавшая по численности даже до полка образца 1914 года армия была реорганизована: батальоны свели в полки, разрозненные части

объединили. Сергей Леонидович возглавил один из полков — Сводно-офицерский, состоявший из четырех рот (в трех было примерно по 200 штыков, в четвертой — 110), команды связи и подрывников (28 человек), пяти ординарцев, обоза и лазарета (около 100 раненых, 5 сестер милосердия). Всего около восьмисот человек. Перед строем своего полка Марков обратился к нему с речью:

— Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем — я все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон.

В этот момент командир 1-го батальона полковник Борисов громко сказал из строя:

— Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться в роту.

Марков резко ответил ему:

— Полковник, вы мне не нужны! — И обратился к подполковнику Плохинскому: — Назар Борисович, примите роту!

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство! — отозвался офицер.

После паузы Марков продолжил:

— Штаб мой будет состоять из меня, моего помощника, полковника Тимановского, и доктора Родичева, он же и казначей. А если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а я уж с ним побеседую. Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели! Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяев[90].

Отличительными особенностями обмундирования Сводно-офицерского полка во время похода стали черные погоны (у офицеров — с белыми просветами, у солдат — с белыми лычками). Черный цвет трактовался как траур по погибшей Родине, белый — как ее воскресение. Вечером 16 марта, после взятия станции Выселки, Марков приказал чинам своего полка нашить на головные уборы белые ленточки. Впрочем, выполнили приказ не все, так как Марков повторил его накануне штурма Екатеринодара, 12 апреля.

К этому времени белый цвет уже стал для добровольцев привычным маркером. Историки до сих пор спорят, когда именно началось деление сторон Гражданской войны на «красных» и «белых». Корни этого деления уходят еще во времена Великой французской революции, когда сторонники «старого режима» использовали белые знамена Бурбонов, а санкюлоты шли на штурм Тюильри в августе 1792-го под красным знаменем. В русской традиции слово «белый» звучало как символ стабильности, спокойствия, приверженности традициям и законным порядкам («Белый царь», «Белая Русь», «Белый генерал» — прозвище М. Д. Скобелева, «белоподкладочник» — обозначение богатого и непременно «реакционного» студента). У «красного» же была довольно бурная история. В народной традиции этот цвет означал все лучшее, красивое и почетное (Красная площадь, красная цена, красна девица, на миру и смерть красна), но со временем у него появился и политический смысл. С 1860-х годов так называли сторонников вошедших в моду в Европе либеральных теорий — у поэта П. А. Вяземского есть стихотворение «Вот и у нас заводят речь о красных…», изданное в 1862 году; в том же году герой тургеневских «Отцов и детей» жалуется, что его «во всей губернии красным величают». Тогда же в России впервые было использовано красное знамя как символ восстания (крестьянский бунт в селе Кандиевка, март 1861 года) и политической демонстрации (Петербург, декабрь 1876 года). В начале XX века на военном жаргоне «красным» назывался юнкер, отказывавшийся подчиняться традициям своего училища. Таким образом, к 1917-му слово «красный» уже приобрело в русском языке устойчивый неодобрительный обертон и в широком смысле обозначало смутьяна, человека, не соблюдающего порядки и общепринятые правила. Ну а первое деление на «белых» и «красных» в границах Российской империи — это 1863 год, Польское восстание. Тогда «белыми» среди самих повстанцев считались умеренные либералы, а «красными» — радикалы.

В 1917-м красный цвет в России смело можно было называть «цветом года» — он буквально заполонил собой все города и веси сразу же после свержения монархии. К осени он был уже привычным и, в общем, банальным символом новых ценностей — революции, свободы, равенства, братства, и использовали его как противники войны до победного конца, так и ее сторонники. С августа 1917-го красный начали понемногу монополизировать большевики — недаром их отряды назывались Красной гвардией, а с января 1918-го Красной армией. Поэтому в боевых действиях Гражданской противникам большевиков, пусть даже и не монархистам по убеждениям, очень быстро понадобился новый,

принципиально иной маркер. Им и стал белый цвет. По легенде, первыми белые повязки на рукава надели московские студенты — участники уличных боев конца октября — начала ноября 1917-го. Надели просто для того, чтобы отличать своих от чужих. Так и появились первые «белые» (хотя сами себя они так никогда не называли). Противопоставление «белые — красные» в силу своего удобства стало очень устойчивым, хотя на деле понятие «белые» оказалось чрезвычайно широким и трактовалось как угодно, вплоть до появления в политических словарях «белополяков», «белофиннов» и «белокитайцев»…

…Сначала в полку, а затем и во всей маленькой армии Сергей Леонидович быстро приобрел огромную популярность. Те самые люди, которые еще вчера считали его надменным и грубым штабистом, теперь боготворили его за энергичность, распорядительность, беззаветную храбрость, простоту в общении. В походе Сергей Леонидович, как правило, передвигался верхом на невысокой лошади. Казалось, он ни минуты не находится на месте, все видит и в курсе всех событий. Одет Марков был в подбитую ватой серую куртку до колен, на которую были нашиты серебряные погоны Генерального штаба генерал-лейтенанта, и высокую белую папаху, сильно пожелтевшую от времени. Эта папаха по праву считалась одним из символов похода. К гимнастерке генерала был крепко пришит орден Святого Георгия 4-й степени. Личным оружием Маркова был револьвер. Через плечо генерала обычно висела плеть, которую он частенько пускал в ход, если нужно было «подбодрить» заробевших. Но за такой непримиримый подход к шкурникам его скорее уважали и любили.

Любили Маркова и за его хладнокровный юмор. Вот картинка одного из боев Ледяного похода:

«Перебежками с болтающейся на ремешке через плечо плеткой генерал Марков добрался до передовой цепи, держа в руке свою белую папаху. Не обращая внимания на стрельбу со стороны противника, он обычным бодрым голосом спросил радостно встретивших его офицеров:

— Жарко?

— Жара, Ваше Превосходительство! Патронов нет! — сразу ответило несколько голосов.

— Вот нашли чем успокоить! В обозе их также нет. По сколько? — также весело спросил он.

— Десять — пятнадцать — двадцать… — вразнобой ответили ему.

— Ну, это еще неплохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже»[91].

Другие случаи, казалось, могли вызвать в офицерской среде отторжение Маркова. Например такой: после жаркого боя офицеры сели поиграть в карты на деньги. Вошедший Марков «подходит к столу, сгребает в одну кучу лежащие на нем серебряные монеты и… приказывает одному из офицеров отнести эту „военную добычу“ генералу Алексееву, пояснив:

— Так как вы не нашли для денег лучшего применения.

Нравоучений не было никаких, и, не сказав больше ни слова, генерал Марков вышел. <…> У всех один восторг им, даже у любителей карточной игры»[92]. Конечно, такое подчиненные могли простить лишь по-настоящему любимому командиру.

К пленным красным Сергей Леонидович был беспощаден, без всякой жалости отправляя их в «третью роту» (этот эвфемизм у белых означал то же, что и «штаб Духонина» у красных, то есть расстрел). Особенно это касалось мобилизованных офицеров, некоторые из которых в начале 1918 года даже не снимали погон:

«На площади к генералу Маркову подвели пленных артиллеристов, среди них командир батареи. Офицеры видят, что генерал Марков вне себя от гнева, и слышат возбужденный его голос:

— Ты не капитан! Расстрелять!

Но подъехал генерал Корнилов:

— Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда.

— Предать суду!»[93]

Первопоходник лейтенант Б. Я. Ильвов 1-й запомнил, что на его сомнения, что делать с захваченными 85 пленными, Марков ответил: «Странный вопрос», и пленные были расстреляны. В дальнейшем к Маркову даже не обращались с вопросами наподобие «Что делать с пленными?», а священнику, который просил о помиловании «заблудших», генерал резко ответил: «Ступайте, батюшка, здесь вам нечего делать»[94].

На протяжении всего похода Сергей Леонидович находился со своим полком и не раз водил его в лихие атаки. Но самым тяжелым и самым известным днем похода по праву стало 28 марта. Тогда внезапно испортилась бывшая вроде бы уже совсем весенней погода. Сначала резкий холодный ветер понес на колонну волны мелкого противного дождя, глинистая дорога раскисла, люди и лошади с трудом вытаскивали ноги из липкого чернозема. Особенно тяжело было раненым — сестры милосердия, как могли, прикрывали их одеждой и тряпьем, но 18 раненых все же умерли от переохлаждения. В девять утра выглянуло было солнце, но тут же пропало, и дождь усилился. Но главные трудности были впереди — около полудня дождь

сменился мелкой ледяной крупой, больно бьющей в лицо, а около двух часов дня — густыми хлопьями липкого снега, причем такого, что в двух шагах было трудно узнать человека. Падали обессиленные кони, изнемогали от холода люди… От мороза рукава шинелей заиндевели, покрылись ледяной коркой, и некоторые уже не могли пошевелиться.

Марков и в этой ситуации был бодр и энергичен. Остановившись у 2-й роты своего полка, он протянул офицерам пачку папирос: «Не занесло вас? Ничего, бывает и хуже. Держитесь, не впервые ведь. Вы все молодые, здоровые, сильные. Придет время, когда Родина оценит вашу службу…»[95]

Около 17 часов путь колонне преградила река Черная — серое быстрое месиво из воды и льда. Брода не нашли и стали наводить мост, разбирая бесхозные постройки на берегу. Но слишком долгое форсирование могло привести к тому, что красные подтянули бы резервы, и тогда задача многократно осложнилась бы. «Марковский полк уткнулся в реку, — вспоминал этот момент писатель Р. Б. Гуль, в то время прапорщик. — Замялись. Но медлить нельзя — проиграется дело. А на реке — ледяная кора… „Полк, вперед!“ — и ген. Марков первым шагает вброд. Идут в бой через ледяную реку, высоко в темноте держат винтовки». Впереди была станица Новодмитриевская, которую должны были с тыла атаковать союзники — кубанские добровольцы полковника В. Л. Покровского. Но Сергей Леонидович принял волевое решение:

— Ну вот что, батальонные, ждать нечего. В такую погоду без крыш мы все тут подохнем в поле. Идем в станицу! Не стрелять, только колоть! Вперед!..

И хотя до Новодмитриевской было еще восемь верст, армия преодолела их почти бегом — всех гнало вперед не столько желание освободить станицу, сколько собачий холод. Для красных появление окоченевшего, полузанесенного снегом противника было полной неожиданностью. Марков сам же и нарушил собственный приказ не стрелять, выстрелом из револьвера уложив напавшего на офицера красноармейца. «Вторая рота — по станице влево, третья — по станице вправо! — коротко командовал генерал. — Вперед!» [96].

Бой за Новодмитриевскую затянулся до ночи. Марков то несся верхом к переправе — доложить о ходе сражения Корнилову, — то возвращался назад, чтобы руководить боем. В итоге добровольцы оставили станицу за собой, а результаты были блестящими: Сводно-офицерский полк потерял всего двух человек убитыми и десять ранеными, а красный отряд,

насчитывавший три тысячи человек, — около тысячи только убитыми. «Этот бой — слава генерала Маркова и слава Офицерского полка, гордость Добровольческой армии»[97], — вспоминал А. И. Деникин.

Именно день 28 марта и дал всему походу название Ледяного. На улице Новодмитриевской Марков повстречал «юную сестру милосердия Юнкерского батальона — Шуру» [98] и заговорил с ней о том, как она перенесла тяготы минувшего дня. «Это был настоящий ледяной поход!» — сказала сестра. «Да-да, вы правы!» — согласился генерал, и именно с его легкой руки это название прижилось и впоследствии распространилось с одного дня на весь поход… «Юная Шура» — это гимназистка-шестиклассница Ростовской женской гимназии Александра Александровна Викторова (в замужестве Бартош). Пройдя всеми трудными дорогами Белого дела, она эвакуировалась из Крыма в ноябре 1920 года, а в эмиграции обосновалась в Бельгии. Умерла автор термина «Ледяной поход» в Брюсселе 18 марта 1980 года.

Тридцатого марта было достигнуто трудное соглашение о соединении кубанских отрядов с Добровольческой армией. В итоге она была реорганизована, и Марков вступил в командование 1-й бригадой, в которую входили Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки, 1-я инженерная рота и две артбатареи. Звучало довольно солидно, но на деле после кубанского пополнения армия по-прежнему выглядела очень скромно — чуть больше шести тысяч человек. Больше полка по нормам мирного времени, но ненамного. Впрочем, старыми мерками добровольцы себя уже давно не мерили: поход показал, что сто человек, если они возглавляются бесстрашным командиром и одушевлены общей идеей, стоят тысячи.

Дальнейшая цель похода была понятна всем, от рядовых до генералов — взятие занятого красными Екатеринодара. Этому предшествовал тяжелый бой у станицы Георгие-Афипской, во время которого Марков получил единственный за все время выговор от Корнилова («Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налете, а вы мне закатили дневной бой!»[99]). Зато и успех был полный: на станции захватили бронепоезд, 700 снарядов, множество патронов. Так же успешно прошла и переправа через реку Кубань. Это был один из самых рискованных моментов похода — если бы красные разгадали намерения Корнилова, Добровольческая армия, скорее всего, была бы истреблена полностью. Но трое суток переправы выдались спокойными. 9 апреля Корнилов отдал приказ о штурме Екатеринодара, при этом 1-я бригада Маркова была оставлена на южном берегу Кубани — прикрывать обоз и лазарет.

Такое решение Корнилова вызвало недоумение у многих в армии. Сам Лавр Георгиевич объяснял, что «поставь я на место его другого, в обозе поднимется кавардак. <…> Сейчас же раненые, зная, что они находятся под прикрытием генерала Маркова, спокойно лежат в своих повозках, и его присутствие очень бодрит их»[100]. Сергей Леонидович, понятно, был недоволен таким решением командующего и ворчал себе под нос: «Черт знает что! Попадешь к шапочному разбору…» Волновались и марковцы:

— Ваше Превосходительство, что же это? Всюду посылали в первую очередь, а как Екатеринодар брать — сиди в арьергарде?

— Без нас города, пожалуй, не возьмут, — утешал Марков своих.

Но 9 апреля он, как и все, был уверен, что красный Екатеринодар будет непременно взят. Достаточно будет одного удара, мощного порыва, и красные побегут. Именно так, на лихом порыве, добровольцы выигрывали все свои предыдущие бои…

Впрочем, реальность оказалась совсем другой. Крупный город оборонялся двадцатитысячным красным отрядом с многочисленной артиллерией, и держался этот отряд стойко. Белых было втрое меньше, но главное — у них катастрофически не хватало боеприпасов. Большую их часть израсходовали за день 10 апреля. Но отступать было уже некуда… С вечера 10-го с южного берега Кубани начали перебрасывать первые части марковской бригады, а днем 11 апреля в огонь были брошены все. Генерал лично возглавил атаку артиллерийских казарм на окраине города, и взяли их только благодаря Маркову. Когда 5-я рота Офицерского полка залегла под убийственным огнем, Сергей Леонидович, размахивая папахой, крикнул: «Вперед, еще немного — и казармы наши! Ура!» И этого оказалось достаточно, чтобы измученные бойцы рванулись на врага в штыки и выбили его из казарм… Потери составили около двухсот человек, но марковцы искренне радовались победе.

Впрочем, успех был лишь тактическим: 12 апреля положение стало еще более угрожающим для белых. На совещании у командующего прозвучали неутешительные данные: противник постоянно получает пополнения, у него вдвое больше орудий и два бронепоезда, он не испытывает нехватки в боеприпасах. Добровольцам же потери в живой силе восполнить некем. Впервые была зафиксирована «утечка» личного состава в тыл. В 1-й бригаде осталось около 1200 штыков, во 2-й — около 600, и каждый из этих людей теряет сознание от усталости… Словно в подтверждение этих слов, Сергей Леонидович задремал прямо на совещании, уронив голову на плечо И. П. Романовского. Когда

Романовский толкнул его, Марков смущенно произнес, обращаясь к Корнилову:

— Простите, Ваше Высокопревосходительство, разморило. Двое суток не ложился…

На совещании Корнилов принял решение — продолжать штурм Екатеринодара на рассвете 14 апреля. Расходились генералы хмурые. Даже Марков, славившийся в армии оптимизмом, сказал Н. С. Тимановскому[101]:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмем и если возьмем — погибнем.

Но штурм этот не состоялся. Ранним утром 13 апреля осколками артиллерийского снаряда красных был убит Лавр Георгиевич Корнилов. Обычно принято называть этот снаряд «случайным», но, судя по воспоминаниям красного командира В. А. Сергеева[102], в 1969 году опубликованным в сборнике «Против Деникина», дела обстояли иначе: «В ночь на 13 апреля мальчонка, назвавшийся Гришей Малько, прибежал к штабу Д. П. Жлобы[103] и сообщил, что „на той стороне“ он видел много генералов и даже „самого главного, который похож на калмыка и кричит на всех“. — А ты запомнил, Гриша, в каком доме этот маленький крикливый генерал? — спросил Жлоба. — Во-он в том, — привстав на цыпочки, показал мальчик. — Наверняка это сам Корнилов, — сказал мне Дмитрий Петрович. Вызвав командира батареи Д. И. Рогачевского, Жлоба приказал ему быть готовым к рассвету открыть огонь. Утром артиллеристы дали несколько залпов по дому. После атаки мы узнали, что Корнилов убит»[104].

Маркову сообщили об этом сразу же после гибели командующего, но он передал новость только немногим подчиненным: 1 — я бригада весь день вела бой, не зная о смерти Корнилова. И только вечером марковцы услышали ошеломившую их весть. В первые минуты ей не хотели верить; когда пришло осознание случившегося, многими завладело отчаяние. Казалось, что с гибелью Корнилова все кончено, потеряли смысл и штурм, и сам поход. Зазвучал вопрос: «Куда мы теперь пойдем?» «Да куда глаза глядят!» — отвечали одни. «Начальство знает куда!» — говорили другие.

Неожиданно рядом с обсуждавшими новость офицерами оказался Марков. Генерал был спокоен и уверен в себе, казалось, что гибель Корнилова, которого он безмерно уважал и любил, никак не повлияла на него.

— Да, генерал Корнилов убит! — резко произнес Сергей Леонидович, глядя на враз примолкших офицеров. — Мы почти окружены. Дальнейшее будет зависеть от нас. Этой ночью мы

должны оторваться от противника. Отход без привалов, в полном порядке[105].

И Марков исчез в темноте. Его самообладание, сила духа поразили тогда многих и заставили взбодриться.

Конечно, чины 1-й бригады надеялись, что командующим армией станет именно Марков. Ведь он был душой похода, правой рукой Корнилова, его храбрость и хладнокровие были общеизвестны. Но начавшиеся по этому поводу разговоры резко пресек сам Сергей Леонидович: «Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе»[106]. И этих трех фраз вполне хватило, чтобы слухи и разговоры умолкли сами собой…

В те дни едва ли не один Марков был так уверен в Деникине. Безграничный авторитет Антона Ивановича как бесстрашного начдива Великой войны, единственного человека в армии, дважды получившего Георгиевское оружие — обычное и с бриллиантами, «быховца», был поколеблен во время Ледяного похода тем, что полубольной Деникин проделал его в армейском обозе. Да и вождем, атаманом, не отличающимся от своих подчиненных, этаким лихим партизаном, который неожиданно проявился в Маркове во время похода, Деникин никогда не был. Но у него были другие преимущества — хладнокровие, стойкость, умение широко видеть проблему, врожденное мастерство маневра. И именно это мастерство спасло, казалось бы, полностью деморализованную гибелью Корнилова и обескровленную Екатеринодаром армию. Отменив штурм, Деникин повел добровольцев единственным возможным путем — на север, к границам Дона. В каком состоянии совершался этот отход, вспоминал артиллерист-марковец В. А. Ларионов: «Все идут молча. Ни шуток, ни разговоров, лишь топот коней, шум колес, позвякивание орудийных щитов. Положение страшное: четыре снаряда на всю бригаду. Роты по десять штыков и многотысячный транспорт, — лазарет раненых и больных. Ноги стерты в кровь, усталость физическая и моральная беспредельны. <…> Генерал Марков — нахмуренный, злой, похудевший — свирепствует в обозах и работает плетью на всех переправах и железнодорожных переездах. Он один из немногих, не погрузившихся в апатию и уныние»[107].

В пятом часу утра 16 апреля вышли к линии занятой красными Черноморской железной дороги, недалеко от станции Медвёдовской. Там произошел еще один легендарный бой с участием Маркова — бой, который фактически спас армию от полного разгрома. Сергей Леонидович с группой конных разведчиков захватил железнодорожную будку и как раз

допрашивал перепуганного сторожа, когда раздался телефонный звонок. Звонили с занятой красными станции Медвёдовской.

— Спокойно ли на посту, нет ли кадет?

— Совершенно спокойно, — ответил генерал.

— Для верности скоро подойдет бронепоезд.

— Пришлите, товарищи. Оно будет вернее[108].

По другой версии, изложенной в воспоминаниях В. А. Ларионова, Марков сам позвонил в Медвёдовскую и, сыграв панику, попросил немедленно выслать бронепоезд, так как к переезду «идут кадеты». Какая из этих версий точнее, сказать трудно — появление вражеского бронепоезда в любом случае было гибельным для армии, которая только начала пересекать железнодорожное полотно (из-за гигантского обоза этот процесс был очень долгим). Но, с другой стороны, бронепоезд — это снаряды и патроны, которые были жизненно необходимы. Возможно, Сергей Леонидович сознательно пошел на смертельный риск, который в итоге обернулся блестящим боевым эпизодом…

Повесив трубку, генерал тут же сделал необходимые распоряжения. Бронепоезд появился через полчаса. У переезда уже собрались все старшие начальники армии — А. И. Деникин со штабом, М. В. Алексеев. Обоз продолжал медленно тянуться через переезд, и поезд двигался прямо на него… Хладнокровно рассчитав момент, Марков со своей знаменитой плетью в руке выбежал прямо к паровозу:

— Поезд, стой! Раздавишь, сукин сын! Разве не видишь, что свои?!

Поезд остановился, и в этот миг генерал точным броском кинул ручную гранату в будку машиниста. Грянул взрыв, а Марков, отбегая, крикнул:

— Орудие, огонь!

Орудие Юнкерской батареи капитана А. А. Шперлинга в упор ударило по бронепоезду. Зазвучал ответный огонь, но добровольцы уже бросились на штурм. Экипаж бронепоезда, состоявший из моряков, стойко защищался и погиб целиком, потери белых составили 15 убитых и 60 раненых. Из захваченных пушек тут же обстреляли станцию, отпугнули второй бронепоезд красных и взяли множество трофеев, целое богатство — около 360 снарядов, 100 тысяч патронов, продукты… Но главное — после этой победы у армии словно открылось второе дыхание. «Настроение сразу же улучшилось, — вспоминал В. А. Ларионов. — Как будто не было кровавого екатеринодарского боя, усталости, сознания безнадежности. Окрыленная, пополненная снарядами и патронами армия быстро

двигалась на север»[109]. «Для того чтобы армия вновь поверила в свою звезду и обрела утраченную волю к победе, необходимо было чудо. Этим чудом сделался подвиг генерала Маркова, который глубоко всколыхнул всю армию. Своей почти безумной храбростью, спасшей всех, генерал Марков вновь окрылил подбитые надежды, вдохнул в почти омертвевшее тело армии свой буйный, властный, героический дух»[110], — писал один из первых корниловцев, первопоходник, а в эмиграции — священник, князь Н. П. Ухтомский.

После этого боя статус Маркова в рядах добровольцев, и без того высокий, окончательно поднялся до легендарного. Сам же Сергей Леонидович лишь ворчливо шутил по поводу того, что какой-то доброволец выстрелил у него из винтовки над самым ухом, от чего он временно потерял слух. Да и на смотре, который устроили в станице Дядьковской и на котором Деникин горячо благодарил Маркова, тот коротко ответил, что авторы победы — артиллеристы, и указал на наводчиков Юнкерской батареи.

Армия двигалась дальше. 30 апреля во второй раз с начала похода вошли в большое село Лежанка, памятное всем по бою 6 марта. Здесь на протяжении трех дней бригада Маркова отбивала яростные атаки красных, продолжавшиеся с утра до вечера. У стрелков было по 30 патронов на человека, артиллерия работала только по «интересным целям», то есть по броневикам, тачанкам или группам всадников. Свои тачанки впервые появились и у белых — Марков приказал разместить часть пулеметов на подводах. Бои в Лежанке были жаркими, только раненых в обозе появилось около 160, были ранены командир Офицерского полка генерал-майор А. А. Боровский[111] и пришедший ему на смену полковник Н. Н. Дорошевич[112]. В первый день Святой Пасхи, 5 мая, Марков навестил раненых и подбодрил их в своей обычной манере:

— Что это вы подставляете свои ноги-руки? Я так вообще не подставляю себя под пули.

Раненые в руки и ноги офицеры рассмеялись. Марков подошел к раненому навылет в живот, о котором врачи сказали, что он вряд ли выживет.

— Ну что, ранены? По глазам вижу, что выздоровеете![113]

Офицер с трудом улыбнулся. И вскоре… действительно выздоровел.

Восемнадцатого мая Кубанский поход завершился. 1054 версты за 80 дней, из которых 44 — это бои. Уходила из Ростова армия, в которой не было и четырех тысяч человек, вернулись больше пяти тысяч. Главная цель, которую ставил перед собой Корнилов, уходя из Ростова, — сохранить армию, ядро

дальнейшей борьбы, пусть самое маленькое — была выполнена.

Четырнадцатого мая в станице Егорлыкской Сергей Леонидович смог впервые после начала похода написать несколько строк жене и детям, находившимся в Новочеркасске: «Моя родная Мушка, я не буду описывать тебе наших битв и походов <…> Мы верим, что наше дело даст должные плоды. Армия наша растет. <…> При первой возможности загляну к вам, но теперь бросить армию не имею права. <…> Да хранит Вас Бог, мои любимые. Знаю, что настанут на Руси иные дни и мы заживем нормально и прилично. Люблю, долго и крепко целую мою Мушку. Поцелуй маму и детишек. Весь всегда твой Сергей»[114].

После возвращения на Дон был издан приказ по армии, разрешавший желающим оставить ее ряды. Некоторые воспользовались этой возможностью. 21 мая Марков сурово осудил таких офицеров, заметив на встрече с чинами своей бригады:

— Вот здесь лежит несколько рапортов. Их подали некоторые чины моей бригады. Они устали… желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю, может быть, к сорока годам рассудок мой не понимает некоторых тонкостей. Но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? Одни ли они желают отдыхать? И где, в какой стране они найдут этот отдых? А если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых — за чьей спиной они будут отдыхать? И какими глазами эти господа будут смотреть на своих сослуживцев, в тяжелый момент не бросивших армию? А если после отдыха они пожелают снова поступить в армию, то я предупреждаю: в свою бригаду я их не приму. Пусть убираются на все четыре стороны к чертовой матери![115]

Эта встреча в школе станицы Егорлыкской превратилась в настоящий многочасовой «брифинг» Маркова, на котором генерал поделился со своими подчиненными соображениями по многим вопросам. Он рассказал о положении в других частях России, о значении Кубанского похода для добровольчества, высказался о тех, кто собирался переводиться в армии других государств:

— Как офицер великой русской армии и патриот, я не представляю для себя возможным служить в какой-нибудь Крымской или Всевеликой республике… Что дадут офицерам, пошедшим на службу в какие-то Татарские и иные армии, несуществующие государства? Хотите хватать чины? Пожалуйста, обгоняйте меня, но я как был произведен в генерал-лейтенанты, так и останусь им до тех пор, пока снова не явится законный хозяин земли Русской.

Из зала прозвучал вопрос о чинопроизводстве и должностях — разве нормально, когда младший по чину является начальником старшего?

— Мой принцип: достойное — достойным. Я выдвину на ответственный пост молодого, если он способнее старшего.

Спросили о тыле армии, живущем за ее спиной и никак не помогающем. Марков нахмурился.

— Генералу Алексееву ростовские богачи в свое время дали 400 рублей. Когда в Ростов вошли большевики, те же богачи тут же выплатили им миллионы… Во время, когда льется кровь, те, кто находится за спиной армии, обязаны ей помогать. Наша гуманность погубит нас. Война не терпит поблажек, и тыл должен понимать это. Поверьте мне, дайте время окрепнуть армии, немного больше территории, и я первый буду просить командующего взяться за тыл, оздоровить его.

В заключение генерал сказал:

— Наша работа — только начало обновления Родины. Кубанский поход — это первый маленький эпизод. Но верьте, Россия будет великой и сильной, будет как огромное, греющее и животворящее всех солнце. Нам надо хотеть Ее, дерзать и бороться!

Присутствовавший на этой встрече подполковник В. Е. Павлов вспоминал: «Эта беседа, длившаяся несколько часов, имела решающее влияние на всех. Сомнения, колебания отпали решительно и быстро. Подавшие рапорты об уходе из армии за одиночными исключениями забрали их обратно. С этого момента вопроса о срочном служении и борьбе за Родину уже не поднималось: служба стала бессрочной и могла кончиться лишь после освобождения страны и установления в ней порядка»[116].

На протяжении мая Добровольческая армия непрерывно росла за счет местных пополнений и влившегося в нее отряда полковника М. Г. Дроздовского, совершившего легендарный поход Яссы — Дон. Появились свои бронеавтомобили и даже авиация. К началу июня бригады были переформированы в дивизии, и Марков возглавил 1-ю пехотную в составе 1-го Офицерского, Кубанского стрелкового, 1-го Офицерского конного полков, 1-й инженерной роты, 1-й Офицерской артбатареи и Отдельной конной сотни. Все эти части уже носили характерные «марковские» черные погоны с белыми просветами или лычками. В конце мая надел черные погоны и сам Марков (до этого он ходил в серебряных генштабовских погонах). 30 мая генерал впервые за все время службы в Добровольческой армии позволил себе взять двухнедельный отпуск, который провел в Новочеркасске с семьей.

Впрочем, и во время отпуска генерал работал — лично принимал офицерские пополнения, беседовал с ними, представлял полкам. Как вспоминал В. А. Ларионов, «генерал ходил по улицам все в той же папахе и с той же нагайкой в руке. Он часто останавливал на улице офицеров, не принадлежащих ни к новой Донской, ни к Добровольческой армиям, и тут же, на улице, учинял им суровый допрос»[117]. А однажды даже выступил с лекцией о добровольчестве в переполненном городском театре. В сущности, это была не лекция, а просто рассказ о недавнем походе, о целях и задачах Добровольческой армии. Многие обратили внимание на то, что во время рассказа генерал ни разу не упомянул о себе, как будто он и не участвовал в походе, а был просто сторонним наблюдателем. Завершил свой часовой рассказ Марков так:

— Многие погибли уже в борьбе, в дальнейшем погибнем, может быть, и мы. Но настанет время, и оно уже близко, когда над Россией, великой и единой, снова взовьется наше национальное трехцветное знамя!

Загремели овации, зал встал, раздалось восторженное «ура!». На сцену поднялся какой-то офицер с букетом в руках и попробовал «по поручению дам» вручить цветы генералу. Марков, нахмурившись, ответил:

— В госпиталь раненым! Я — не певица!

Зал снова зааплодировал, раздались крики: «Просим, просим!» Офицер вновь попытался вручить генералу букет и на этот раз услышал резкое: «Немедленно под арест!»[118]

Двадцать второго июня передышка закончилась. Было объявлено, что армия снова выдвигается в поход. Ближайшей целью стала станция Торговая. Под ударами соединений М. Г. Дроздовского, А. А. Боровского и И. Г. Эрдели[119] красные покатились на север, где их поджидала дивизия Маркова. Вечером 24 июня Сергей Леонидович поставил задачу своим частям: Кубанскому стрелковому полку выбить противника с хутора Попова и взять станцию Шаблиевка, причем не допустить подрыва моста; Донской пеший и конный полки обеспечивают наступление с севера, инженерная рота в резерве, конная сотня получит задачу в ходе боя, артиллеристы отвлекают на себя внимание вражеской артиллерии и бронепоездов. «Будут потери, но учить мне вас нечему!» — коротко заключил генерал.

Задолго до рассвета Кубанский стрелковый полк поднялся в атаку. Из впередистоящего хутора Попова по цепи открыли пулеметный и ружейный огонь, потом ударила артиллерия. Марков приказал командиру конной сотни есаулу Растегаеву обойти хутор с юго-востока, и вскоре противник был выбит из

укрытий. Кубанские стрелки на плечах бегущего врага преодолели мост и начали штурм Шаблиевки. Но одинокий красный бронепоезд продолжал упорно обстреливать хутор. Есаул Растегаев уговаривал Маркова уйти в укрытие. Едва генерал с биноклем в руках отошел от стены одного из домов, как там разорвался снаряд.

— Знатно, но поздно, — усмехнулся Сергей Леонидович.

С крыши сарая, где был наскоро устроен наблюдательный пункт, он следил за тем, как разворачивался штурм станции. Потом спустился — передали, что прибыл разъезд 3-й дивизии. Коротко сообщив обстановку, Марков снова вышел на окраину хутора, прямо в зону обстрела. Растегаев опять попытался уговорить генерала уйти, но Марков перебил его, приказав конной сотне поддержать наступавших кубанцев и окончательно закрепить за собой мост. Есаулу ничего не оставалось, как подчиниться.

Было около шести часов утра, когда один из снарядов красного бронепоезда разорвался в трех шагах от Маркова. Генерал как подкошенный рухнул на землю, рядом с ним упала его знаменитая белая папаха… Первыми к раненому подбежали кубанские стрелки — поручик Яковлев и прапорщик Петропавловский. Яковлев вспоминал: «В первое мгновение мы думали, что он убит, так как левая часть головы, шея и плечо были разбиты и сильно кровоточили, он тяжело дышал. Мы немедленно подхватили раненого и хотели унести его назад, за сарай, как раздался новый взрыв с правой стороны. Мы невольно упали, прикрыв собой генерала. Когда пролетели осколки, мы отряхнулись от засыпавшей нас земли, снова подняли его и перенесли в укрытие»[120].

Врач, увидевший Маркова, сразу сказал, что положение безнадежно — генерал получил тяжелейшие осколочные ранения в левую часть затылка и левое плечо. Через два часа он пришел в себя и сразу же спросил:

— Как мост?

— Мост цел, Ваше Превосходительство, — ответил командир Кубанского стрелкового полка подполковник Ростислав Михайлович Туненберг.

Еле слышным голосом Сергей Леонидович попросил икону Казанской Божией Матери, поцеловал ее и произнес:

— Умираю за вас, как вы за меня… Благословляю вас…[121]

Через несколько минут он скончался.

Двадцать шестого июня гроб с телом Маркова был отправлен со станции Шаблиевка на станцию Торговая, накануне взятую армией. Вечером в храме села Воронцовского состоялось

отпевание. В тот же день приказом А. И. Деникина 1-му Офицерскому полку было присвоено наименование «1-й Офицерский Генерала Маркова полк». В приказе говорилось:

«Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторийском… Добровольческая армия никогда не забудет любимого генерала, водившего в бой ее части в Ледяном походе, под Екатеринодаром, у Медвёдовской…

В непрерывных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки.

Вечная память со славою павшему!»[122]

А. И. Деникин глубоко переживал гибель друга, с которым был знаком, в общем, всего-то четыре года — но они вместили в себя больше, чем иная жизнь. «Столько острых, тяжких и радостных дней, пережитых вместе и сроднивших меня с Марковым… Но не только потерян друг. В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдья мы с Иваном Павловичем (Романовским. — *В. Б.*), точно угадывая мысль друг друга, говорили:

— Нет Маркова…»[123]

Утром 27 июня гроб с телом Маркова перевезли в Новочеркасск и установили в Вознесенском соборе. Весь день к гробу шел народ. Шли генералы и офицеры, которых Сергей Леонидович водил в лихие атаки, шли боготворившие его солдаты, шли юнкера и кадеты, шли те, кто никогда не видел его в бою, но слышал овеянное легендами имя. На следующий день в переполненном соборе состоялось последнее отпевание, на котором присутствовала вся семья Маркова — мать, жена и дети.

Из собора гроб вынесли высшие чины Добровольческой армии. Офицеры несли многочисленные ордена покойного. Крест ордена Святого Георгия 4-й степени, который был намертво пришит к гимнастерке Маркова, пришлось вырезать вместе с куском материи. А за гробом молча, со слезами на глазах шел 1-й Офицерский генерала Маркова полк. Именно его бойцам доверили честь дать последний залп над могилой своего командира.

На соборном кладбище всех глубоко потрясла речь Михаила Васильевича Алексеева. Старый генерал, бывший Верховный

главнокомандующий обратился к присутствующим:

— Поклонимся земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины. Поклонимся мы и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине. Поклонимся мы и его детям, потерявшим любимого отца. — И трижды, встав на колени, поклонился плачущим матери, супруге и детям Сергея Леонидовича…[124]

На могиле установили скромный деревянный крест, обвитый терновым венцом.

Седьмого ноября 1918 года С. Л. Марков был посмертно удостоен своей последней награды — знака отличия «За 1-й Кубанский поход» № 4. В январе 1919-го награда была передана его вдове. Марианна Павловна вместе с детьми эмигрировала в марте 1920-го из Новороссийска, поселилась в Бельгии, вышла замуж вторично, но этот брак оказался неудачным, и в 1950-х она с детьми уехала в США. Скончалась она 22 апреля 1972 года в канадском городе Нёвилль, округ Квебек[125]. Сын генерала Леонид Сергеевич Марков умер в 1977 году, дочь Марианна Сергеевна, в замужестве Чебыкина, ушла из жизни в 1993-м. У нее были сын Сергей и дочь Елена, впоследствии принявшая монашеский постриг с именем Мария и умершая в 2012 году. Могилы дочери и внучки генерала находятся на самом большом православном кладбище США — при Ново-Дивеевском Успенском монастыре, что в городке Нануэт, в часе езды от Нью-Йорка; в 2013 году автор этих строк навещал их надгробия. А вот могила самого Сергея Леонидовича на Новочеркасском кладбище, увы, была утрачена…

Марков стал первым и на данный момент единственным полководцем Белого движения, в честь которого некоторое время назывался российский город — современный Сальск с 1918 по 1920 год носил название Марков. Своеобразным памятником генералу стало существование в рядах Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России и Русской армии П. Н. Врангеля Марковских частей и соединений. Первое из них, как мы помним, появилось в день гибели Сергея Леонидовича.

Несмотря на то что в Белом движении имя С. Л. Маркова и его образ были настоящими «иконами», в советское время о генерале знали и писали мало. Пожалуй, исключением может считаться фрагмент романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам», где о Маркове говорилось так: «На берегу вертелся на грязной лошадке небольшой человек с бородкой, в коричневой байковой куртке, в белой, глубоко надвинутой папахе. Грозя нагайкой, он кричал высоким, фатовским голосом. Это был генерал Марков, распоряжавшийся переправой. О его храбрости рассказывали

фантастические истории.

Марков был из тех людей, дравшихся в мировую войну, которые навсегда отравились ее трупным дыханием: с биноклем на коне или с шашкой в наступающей цепи, командуя страшной игрой боя, он, должно быть, испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. В конце концов, он мог бы воевать с кем угодно и за что угодно. В его мозгу помещалось немного готовых формул о Боге, Царе и Отечестве. Для него это были абсолютные истины, большего не требовалось. Он, как шахматный игрок, решая партию, изо всего мирового пространства видел только движение фигур на квадратиках.

Он был честолюбив, надменен и резок с подчиненными. В армии его боялись, и многие таили обиды на этого человека, видевшего в людях только шахматные фигуры. Но он был храбр и хорошо знал те острые минуты боя, когда командиру для решающего хода нужно пошутить со смертью, выйдя впереди цепи с хлыстиком под секущий свинец»[126]. Впрочем, в экранизации романа, осуществленной В. С. Ордынским в 1977 году, киноактер Георгий Соколов создал вполне привлекательный и убедительный образ Маркова.

Первая книга о генерале и его соратниках увидела свет только в XXI столетии — сборник «Марков и марковцы», подготовленный Р. Г. Гагкуевым, Н. Л. Калиткиной и В. Ж. Цветковым (2001). В нем были впервые опубликованы многие интереснейшие документы о жизни генерала, воспоминания о нем его подчиненных. В 2003 году в городе Сальске, недалеко от места гибели Сергея Леонидовича, был открыт памятник Маркову — первый памятник деятелю Белого дела в Российской Федерации, в 2005-м вышел первый (и, думается, не последний) посвященный ему роман — «Наука умирать» В. П. Рынкевича…

…Когда Маркова хоронили, Антон Иванович Деникин попросил написать на венке, который он возложил на могилу друга, одну простую фразу: «И жизнь, и смерть за счастье Родины». И, кажется, сложно добавить что-либо к этой фразе, говоря о судьбе одного из наиболее выдающихся офицеров России — Сергея Леонидовича Маркова.

Михаил Дроздовский: «Как ни мрачно — борьба до конца…»

История Гражданской войны в России изобилует необычными судьбами, резкими поворотами, яркими сюжетами. Но судьба героя этого очерка выделяется даже на этом нестандартном фоне. Его называли рыцарем без страха и упрека, крестоносцем, и это не выглядело преувеличением — Михаил Гордеевич Дроздовский действительно многим казался выходцем из каких-то давно ушедших времен, где во главу угла ставились счастье Родины и воинская доблесть.

Род Дроздовских был дворянским, но не древним — он был внесен в III часть родословной книги Полтавской губернии только в августе 1863 года. Отец будущего героя Белого дела Гордей Иванович (1835–1908) связал судьбу с армией — начал службу унтер-офицером, за храбрость, проявленную на полях сражений Крымской войны, был произведен в прапорщики и закончил карьеру в 1891 году полковником (при выходе в отставку в марте 1896-го он получил звание генерал-майора). В 1866 году Гордей Иванович, в то время поручик 46-го пехотного Днепровского полка, женился на дочери отставного полковника Надежде Николаевне Дириной (1844–1893). В браке родилось пятеро детей — дочери Юлия, Ульяна, Мария, Евгения и сын Михаил. Последний появился на свет в Киеве 7 октября 1881 года. На тот момент его отец в чине майора занимал должность заведующего хозяйством Киевского пехотного юнкерского училища.

Рано лишившегося матери мальчика воспитывала сестра Юлия, бывшая старше Миши на 15 лет. Глубокую любовь и уважение к своей «Джульетте», как он звал Юлию, Михаил пронес через всю жизнь. Но главной наставницей для него стала царившая в доме отца военная атмосфера. С раннего детства мальчик не представлял себя без игрушечных сабель и револьверов, без рассказов отцовского денщика о Крымской кампании, без книг с описаниями легендарных сражений А. В. Суворова и Отечественной войны 1812 года. Неудивительно, что 31 октября 1892 года Михаил был зачислен в Полоцкий кадетский корпус, откуда, впрочем, скоро перевелся во Владимирский Киевский кадетский. Этот перевод был связан с переменой места службы его отца, который сменил литовскую Ковну (ныне Каунас) на Киев.

Биографии выдающихся военачальников, как правило, отмечают, что и в кадетские, и в юнкерские годы они отличались

успехами и служили примером однокашникам. С Дроздовским вышло по-другому: кадетом он сочетал успешную учебу «с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей»[127]. Юнкером (31 августа 1899 года Михаил поступил в находившееся в Санкт-Петербурге Павловское военное училище) он и вовсе прослыл завсегдатаем карцера, к двери которого даже прикрепил свою визитную карточку, сообщая однокашникам, что ему предоставлено отдельное помещение. Строгость нравов Павловского училища, славившегося особенно жесткой дисциплиной, давалась юноше настолько тяжело, что он подумывал даже бросить учебу. И лишь письма отца-полковника убедили новоявленного «павлона» не бросать начатое. Вскоре Дроздовский стал одним из лучших по отметкам. «Я чувствую себя в училище после корпуса как сыр в масле, — писал он сестре Юлии в октябре 1899 года. — Ряд оценок весьма грандиозный <…> И хотя мне малость испортили дело словесные науки, но, подтянувшись по ним, я думаю быть в первом десятке из всего младшего курса, то есть из 180 человек»[128]. Уже летом следующего года юнкер твердо решил, что в будущем окончит Николаевскую академию Генерального штаба. 13 августа 1901 года Михаил был выпущен из училища чином подпоручика в лейб-гвардии Волынский полк, квартировавший в Варшаве, 15 сентября прибыл в полк и был зачислен субалтерн-офицером в 8-ю роту.

Служебные обязанности отнимали у Дроздовского почти весь день, с восьми утра до половины шестого вечера. Два часа он проводил также в фехтовальном зале, не забывал о верховой езде, стрельбе, велосипеде, увлеченно занимался гиревым спортом и с гордостью сообщал сестре, что «года через два я буду обладать такой силой, которую в наш век редко можно встретить»[129] (двадцатилетний Михаил спокойно выжимал гири весом 3 пуда 7 фунтов, то есть больше 76 килограммов). Подпоручик по-прежнему лелеял мечту юнкерских времен об Академии Генштаба, но уже с учетом новых обстоятельств — в январе 1904 года началась Русско-японская война. Поэтому Дроздовский собирался поступить в академию, сразу же отправиться на фронт, а затем, уже получив боевой опыт, вернуться к учебе. Так и случилось — без труда сдав положенные экзамены, он 4 октября 1904 года был зачислен в академию, а две недели спустя получил перевод в 34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк с повышением на один чин — так как переводился из лейб-гвардии в армию.

Боевое крещение поручик Михаил Дроздовский получил 12 января 1905 года. Тогда его полк принял участие в боях у

деревень Тутайцзы и Хейгоутай. А два дня спустя у деревни Сумапу поручик был ранен пулей навылет в бедро. Ранение оказалось довольно серьезным, всю жизнь после этого Дроздовский слегка прихрамывал на левую ногу. Но после лечения он вернулся в строй и 18 марта получил 10-ю роту своего полка. После завершения войны он 9 сентября отбыл с Дальневосточного фронта в столицу продолжать образование. Эфес шашки Дроздовского уже украшала первая награда — орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость», а первый крест на грудь он получил в конце октября — орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 18 ноября офицер вернулся в свой лейб-гвардии Волынский полк подпоручиком, а 2 апреля 1906 года был произведен в поручики гвардии.

Возможно, именно боевые награды Дроздовского впервые заставили обратить на него внимание барышню, которая скоро стала его избранницей, — Ольгу Владимировну Евдокимову. Она была младше Михаила на два года и происходила из столичной дворянской семьи. Пара обвенчалась 25 июля 1907 года, и на первых порах в семейной жизни все обстояло вполне благополучно.

Согласно правилам участник боевых действий мог сразу переходить на старший курс академии, сдав соответствующие экзамены, но Михаил Гордеевич вернулся на младший курс. Учеба завершилась 2 мая 1908 года, когда Дроздовский за отличные успехи был произведен в штабс-капитаны. Одновременно с ним академию окончили такие в будущем видные деятели Белого движения, как А. И. Дутов, Д. П. Драценко, П. Н. Шатилов…[130] Отбыв лагерный сбор в Варшавском военном округе, Дроздовский был откомандирован в лейб-гвардии Волынский полк, где на протяжении двух лет командовал ротой, отбывая необходимый ценз.

Двадцать шестого ноября 1910 года офицер покинул Варшаву. Переезд предстоял далекий — в Харбин, в штаб Приамурского военного округа. Генерального штаба капитан Дроздовский был назначен на должность обер-офицера для поручений при этом штабе. Но на Дальнем Востоке довелось прослужить не очень долго — ровно год, затем Дроздовского вернули в Варшаву старшим адъютантом штаба округа. 6 декабря 1911 года он получил свой третий орден — «мирный», без мечей и банта, крест Святой Анны 3-й степени. В 1912-м к нему добавилась медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года», в 1913-м — медаль «В память 300-летия царствования Дома Романовых».

Но мирная штабная служба, по всей видимости, тяготила

деятельную натуру Михаила Гордеевича. Осенью 1912 года он приложил массу усилий, чтобы отправиться добровольцем на фронт 1-й Балканской войны, но поездка сорвалась. «Я должен сидеть смирно. До каких же пор?»[131] — негодовал офицер. В апреле 1913-го к нему пришло новое увлечение — авиация. Совершив несколько полетов на «Фармане» в качестве пассажира, Дроздовский добился того, что 30 мая его командировали в Севастопольскую офицерскую школу авиации «учиться наблюдениям с аэропланов». «По сему случаю пребываю в телячьем восторге, — писал Дроздовский. — Во всяком случае, большой отдых от гнетущего однообразия моего постоянного бумагомарания <…> летательная перспектива вдохнула в сердце дух живой!»[132]

Во время учебы Дроздовский не только 12 раз летал в качестве наблюдателя, но и учился управлять самолетом, всего проведя в воздухе больше двенадцати часов. Успел он и поучаствовать в боевых стрельбах на броненосце, и выйти в море на подводной лодке, и даже освоить азы водолазного дела. После командировки в Севастополь штабная служба в Варшаве опять показалась невыносимо рутинной. «Завален работой, которая, к слову, опостылела своей бессмысленностью, — делился он с сестрой. — Порою тошно от всего становится. Интересно знать, повернется ли когда-нибудь колесо фортуны?»[133] До начала Великой войны оставалось совсем недолго.

На недовольство своей служебной деятельностью наложились и семейные неурядицы: в марте 1913 года Дроздовский принял решение развестись с женой. Причина лежала на поверхности — Ольга и раньше мечтала о сцене, а теперь начала посещать драматические курсы. Офицерам же русской армии состоять в браке с актрисами было запрещено. «Отказаться от всех своих сценических мечтаний Ольга не хочет, и вот мы порешили, что, очевидно, ничего путного нас в будущем не ждет… — доверительно делился офицер с сестрой Юлией. — На душе нехорошо, скребут кошки… Тяжело ломать жизнь, да и по возрасту я не такой юный, чтобы все эти эксперименты проходили легко и безболезненно. Да ничего не поделаешь, нужно… Не слишком радостная у нас всех судьба, дорогая моя сестра, такие уж верно мы незадачливые, Дроздовские»[134]. Здесь Михаил имел в виду то, что Юлия также не обзавелась семьей.

С началом военных действий в 1914 году Генерального штаба капитан Дроздовский был назначен исполняющим должность помощника начальника общего отделения штаба главнокомандующего Северо-Западным фронтом — и был «бесконечно этим удручен: это уже не война, а те же самые

маневры»[135]. 29 августа ему все же удалось «сбежать» в штаб Варшавского отряда, но и там настоящих дел не было. К тому же офицер сильно вывихнул левую руку, зацепившись ночью за колючую проволоку, и вынужден был лечиться. Даже производство в подполковники, последовавшее 22 марта 1915 года, его не обрадовало: Дроздовского злило, что его «роль так узка», а система управления войсками казалась «кошмарной бессмыслицей»[136]. Только 14 апреля 1915 года мечта о фронте сбылась и Дроздовский получил назначение исполняющим должность начальника штаба 64-й пехотной дивизии, входившей в состав 26-го армейского корпуса 10-й армии.

Фронтовой дебют подполковника пришелся как раз на тяжелейшее время Великого отступления — отхода русской армии из Польши и Прибалтики во внутренние губернии. Только осенью 1915-го, после тяжелой оборонительной битвы за Белоруссию, фронт стабилизировался и оставался таким более двух лет. Дроздовский неоднократно принимал участие в боях своей дивизии и заслужил высокие награды — орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1 июля 1915 года) и Георгиевское оружие (2 ноября 1915 года). Последнее он получил за бой 20 августа 1915 года за то, что у местечка Ораны провел под огнем противника рекогносцировку переправы через реку Меречанку, форсировал ее, а затем лично возглавил атаку 253-го пехотного Перекопского полка, освободил северную окраину Оран и так удачно выбрал позицию, что полк на протяжении пяти дней успешно отбивал атаки значительно более сильного противника. Ныне место Георгиевского подвига Михаила Гордеевича находится в Литве: Ораны — это русское название литовского городка Варена, а Меречанка — река Мяркис, правый приток Немана.

В дальнейшем 64-я пехотная дивизия держала фронт неподалеку от белорусского городка Сморгонь, занимая правый боевой участок от реки Вилии до железной дороги. Фаза активных боевых действий здесь прекратилась в октябре 1915-го, но позиционная война велась непрерывно. Так, в марте 1916-го, одновременно с проведением Нарочской операции, 64-я дивизия вела локальные отвлекающие бои у озера Вишневского, у деревень Черняты, Гориденяты и Дубатовка. 20 июня 1916 года немцы провели на участке дивизии мощную газовую атаку, от которой в 254-м пехотном Николаевском полку погибло 147 человек, а в 253-м пехотном Перекопском —150. На следующий день в семь часов утра полки дивизии предприняли наступление на Сморгонь с целью отбить высоту 72,9, где размещалась немецкая артбатарея. Удар планировали месяц — для этого

дивизионные инженеры скрытно проложили минную галерею, куда заложили около 800 килограммов динамита. Взрыв чудовищной силы ошеломил германцев (огромные воронки недалеко от Сморгони сохранились до сих пор), и 64-я дивизия смогла прорвать две линии обороны, взять около сотни пленных и высоту 72,9. Там русские продержались двое суток, прежде чем под натиском превосходящих сил врага вернуться на прежние позиции. Нет сомнения, что М. Г. Дроздовский участвовал в разработке этой операции.

О своих боевых буднях офицер по традиции рассказывал в письмах сестре Юлии: «Я по горло завален делами, целый день на позиции, возвращаюсь с обходом усталым <…> Положение на всех фронтах считается благоприятным; будут, конечно, и неудачи, придется за них не раз расплачиваться, но инициатива уже вырвана из немецких рук, немцы отбиваются, но удары наносим им мы»[137]. «Дорогая Юличка, завтра (18 июня 1916 года. — *В. Б.*) у нас атака, и мне придется принимать в этом бою очень серьезное участие и быть под сильным огнем»[138]. «Несколько раз попадал под большой огонь, а в ночь с 19 на 20 июня часа два находился в передовых окопах под таким сильным огнем немецких чемоданов[139], что стало мне совсем грустно, но все это минуло и бесследно, и я опять жив, цел и здоров»[140]. 15 августа 1916 года Михаил Гордеевич был произведен в чин Генерального штаба полковника со старшинством 6 декабря 1915 года. Но к этому времени он уже больше месяца как находился на другом фронте — 64-я пехотная дивизия была переброшена с Западного на Юго-Западный, где боевые действия шли намного более активно, а основным противником нашей армии были австро-венгерские войска.

Тридцать первого августа полковник Дроздовский был ранен во время атаки. Сохранилось ее подробное описание: «Не имея возможности войти на месте в связь с отходящими по горным тропинкам казачьими разъездами, а следовательно, не имея никаких сведений о противнике и его расположении, решено было послать вперед разведку из батальона 254 пех[отного] Николаевского полка. Разведкой принял на себя руководство начальник штаба дивизии Дроздовский. К утру эта разведка определила линию фронта всего корпуса для перехода в контр-наступление против австро-германцев. По занятии Николаевским полком позиции остальные части дивизии были поставлены вправо и влево от него, заполнив таким образом образовавшуюся брешь, соприкасаясь правым флангом с Уссурийцами, левым же с 37 пех[отной] дивизией.

Подошедшими нашими свежими силами было предпринято

частичное наступление, которое начало успешно развиваться на обоих наших флангах. Нам же необходимо было преодолеть сильнейшее естественное препятствие, в виде местного горного хребта с тактическим ключом — горой Капуль, за которой находился очень важный для нас Кирлибабский проход. Для взятия Капуля была назначена 64-ая дивизия, части которой ночной атакой в короткой штыковой схватке сбили противника и закрепились, послав донесение в штаб дивизии, что Капуль взят, о чем было немедленно сообщено в ставку Главнокомандующего. В связи с этим донесением, ночью же стали вырабатывать план дальнейшего наступления, когда с рассветом выяснилось, что нашими частями занята не гора Капуль, а лишь ее восточное плато. Было необходимо исправить эту ошибку и главное сгладить неловкость по отношению к Ставке. Взятие Капуля было назначено на 5-ое Сентября. Этой атакой взялся руководить подполковник Дроздовский, подтянув для этого весь свободный резерв. Мне кажется, что подполковник Дроздовский чувствовал, что его присутствие и личное руководство внушало строевым начальникам от командиров полков до младших офицеров уверенность в успехе, а для солдат казалось необычайным присутствие начальника штаба их дивизии. Атака носила характер стремительного, безудержного натиска. Но когда передовые цепи под действием смертоносного огня в упор, захлебнувшись, залегли перед проволокой, подполковник Дроздовский, приказав двинуть на помощь новый резерв, поднял залегшие цепи и с криком „вперед, братцы“, с обнаженной головой бросился впереди атакующих. Мы были у цели, я — командир роты, бежал рядом с подполковником Дроздовским, все это происходило в какие-то короткие мгновенья, но злая судьба не дала возможности довести Михаилу Гордеевичу так блестяще начатую атаку, — он был ранен. Ворвавшись в окопы противника, мы смогли продержаться там только до вечера, так как тщетно ждали поддержки со стороны соседних участков. Но там не было таких руководителей, которые готовы были с такой энергией до конца служить своему делу, как подполковник Дроздовский. Я не знаю, как на этот подвиг посмотрело высшее начальство, но мнение всех строевых офицеров и солдат было одно — не потеряй мы Дроздовского в этом бою, к вечеру мы бы уже спускались в Кирлибабский проход».

Рана оказалась серьезной, были разорваны мышцы правой руки ниже локтя, поврежден локтевой нерв. Потребовалось долгое лечение в одесском госпитале. Только 30 декабря 1916 года Михаил Гордеевич смог вернуться на фронт, но там узнал, что его, как пробывшего в отлучке больше двух месяцев,

отчислили от должности. Пришлось ехать в Ставку, в Могилев, где 10 января 1917 года он получил назначение на должность исполняющего обязанности начальника штаба 15-й пехотной дивизии, действовавшей на Румынском фронте. По воспоминаниям Е. Э. Месснера, в то время штабс-капитана, «мне нелегко было служить при нем старшим адъютантом <…> Требовательный к себе, он был требовательным и к подчиненным, а ко мне, его ближайшему помощнику, в особенности. Строгий, необщительный, он не вызывал любви к себе, но уважение вызывал: от всей его статной фигуры, от его породистого, красивого лица веяло благородством, прямотой и необыкновенной силой воли»[141].

В марте 1917 года до фронта из Петрограда стали доходить новости о грандиозных событиях. Обычно о Дроздовском пишут, как о яром монархисте, воспринявшем весть об отречении императора в штыки. Однако такая картина является слишком большим упрощением. В реальности все было сложнее, и сохранившиеся письма Михаила Гордеевича позволяют делать другие выводы: «Я никогда в жизни не был поклонником беззакония и произвола, на переворот, естественно, смотрел как на опасную и тяжелую, но **неизбежную** (выделено мной. — *В. Б.)* операцию. Но хирургический нож оказался грязным, смерть — неизбежной, исцеление ушло»[142]. Итак, переворот Дроздовский считал, несмотря на все его минусы, неизбежным, а страну — больной, и надеялся на то, что «хирургический нож» принесет ей «исцеление». Приводил в негодование его не сам переворот, а его последствия. Особенно возмущал полковника Приказ № 1, согласно которому в каждой армейской части был создан свой комитет, имевший право оспорить приказ командира. Но Михаил Гордеевич быстро сделал свой выбор — армию он не покинет и будет продолжать дело до конца: «Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней головы <…> Ведь я — офицер»[143].

Шестого апреля 1917 года сбылась давняя мечта Дроздовского — он получил один из полков 15-й пехотной дивизии, 60-й пехотный Замосцкий (за шесть лет до того им командовал двоюродный прапрадед автора этих строк, генерал-майор М. П. Михайлов). Но счастья исполнение мечты не принесло: «Еще так недавно я чувствовал бы себя на седьмом небе, теперь же, какая это радость? — это непосильный крест. <…> Мне сейчас тяжело служить; ведь моя спина не так гибка и я не так малодушен, как большинство наших, и я никак не могу удержаться, чтобы чуть не на всех перекрестках высказывать свое

пренебрежение к пресловутым „советам“. <…> Вчера (27 апреля. — *В. Б.*) наговорил несколько горьких истин одной из рот, те возмутились, обозлились. Мне передавали, что хотят „разорвать меня на клочки“ <…> Образ смерти является всем избавлением, желанным выходом»[144]. Но даже в этой тяжелейшей ситуации Михаил Гордеевич оставался верен себе и продолжал службу — ведь война шла, и «если не мы, то кто?..».

Одиннадцатого июля 1917 года 60-й пехотный Замосцкий полк впервые после долгого перерыва участвовал в наступлении и, как писал Дроздовский, «вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, несмотря на то, что большая часть солдат была непригодна к бою»[145] (за этот бой Михаил Гордеевич 26 ноября был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени; правда, из-за всеобщего развала сам знак ордена он так и не получил и поэтому носил Георгиевскую ленту в петлице). В боях конца июля — начала августа полк выглядел уже значительно хуже: «Деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника»[146]. Пресекая «поголовное бегство полка», Михаил Гордеевич «приказал бить и стрелять беглецов»[147], и эти меры подействовали отрезвляюще. Конечно, Дроздовский очень рисковал — в те дни солдаты могли попросту убить его и за куда менее жесткие требования соблюдать дисциплину. Но его непреклонная верность принципам, видимо, невольно заставляла подчиняться, так как 14 ноября Михаил Гордеевич записал: «Лично мое положение в полку пока очень прочное, пользуюсь и авторитетом, и уважением»[148]. Впрочем, сам он не мог не понимать, что все это лишь до поры до времени.

За бои 30 июля — 4 августа Дроздовский был представлен к 3-й степени ордена Святого Георгия. Сестре он написал, что «теперь, за всеми этими событиями, представление, вероятно, и до Думы не доберется»[149], и оказался прав — ордена Михаил Гордеевич так и не получил.

После Октябрьского переворота армия окончательно покатилась по наклонной. Правда, фронтовой комитет советскую власть не признал, и на Румынском фронте, находившемся далеко от столицы, пока сохранялось хотя бы некое подобие порядка. Михаил Гордеевич даже был назначен командующим 14-й пехотной дивизией (53-й Волынский, 54-й Минский, 55-й Подольский и 56-й Житомирский пехотные полки). Но ни о каких серьезных военных действиях речь уже не шла. 26 ноября на Румфронте было заключено перемирие с противником, 30 ноября введена выборность командиров, а 16 декабря отменены чины, погоны и ордена… Михаил Гордеевич испытывал по поводу всего

происходящего двоякие чувства. 6 декабря он записал в дневнике: «У нас на фронте все уже дошло до последнего предела развала, и я уже ни с чем не борюсь, ибо это совершенно бесполезно — просто наблюдаю события»[150]. Но с другой стороны, наблюдая, Дроздовский шел к самому важному решению своей жизни — не отчаиваться, не складывать руки при виде хаоса, не впадать в апатию, а действовать, так как «все это развязывает руки». Он задумал создать добровольческую часть, которая могла бы присоединиться к Алексеевской организации — зародышу будущей Добровольческой армии. Сведения о ней уже добрались до Румфронта, и многие офицеры на свой страх и риск отправлялись на Дон, к М. В. Алексееву и Л. Г. Корнилову, самостоятельно. Но Дроздовский небеспочвенно считал, что большому, хорошо вооруженному отряду добраться до Дона будет проще, чем одиночкам. Фактический главнокомандующий Румынским фронтом генерал от инфантерии Д. Г. Щербачёв[151] (формально фронтом командовал король Румынии Фердинанд I) поддержал начинание Дроздовского и обещал ему помощь.

Одиннадцатого декабря Михаил Гордеевич прибыл в город Яссы, где размещался штаб Румынского фронта. Он надеялся найти в городе офицеров-единомышленников, которые разделяли бы его уверенность в необходимости дальнейшей борьбы. На другой же день он встретился с лидером тайной офицерской организации капитаном Н. В. Сахаровым, а в полночь 15 декабря капитан Федоров представил Дроздовского группе офицеров, собиравшихся уходить на Дон. Это были девять артиллеристов 61-й артиллерийской бригады во главе с капитаном Сергеем Родионовичем Ниловым[152].

— Я думаю начать в Яссах формирование отряда для борьбы с большевиками, — без долгих предисловий сказал Дроздовский. — Согласны ли вы присоединиться ко мне?

— Так точно, господин полковник, — единодушно отозвались офицеры.

— Кто из вас старший?

— Капитан Нилов, честь имею.

Офицеры обменялись рукопожатием, и Дроздовский коротко заключил:

— Завтра в штабе фронта у полковника Давыдова получите ордер на помещение и будете комендантом[153].

После этой встречи Михаил Гордеевич записал в дневнике: «На неопределенное время остаюсь в Яссах, дела очень много. Я вовсе не честолюбив и отнюдь не ради известности среди толпы и не ради ее поклонения пытаюсь взять как можно больше в свои руки. Честолюбие для меня слишком мелко, прежде всего я

люблю свою Родину и хотел бы ее величия. Ее унижение — унижение и для меня, над этими чувствами я не властен, и пока есть хоть какие-нибудь мечты об улучшении, я должен постараться сделать что-нибудь. Не покидают того, кого любишь, в минуту несчастья, унижения и отчаянья. Еще другое чувство руководит мною — это борьба за культуру, за нашу русскую культуру»[154].

Пункт записи в часть, получившую название «1-я Отдельная бригада Русских добровольцев», разместился в Яссах на улице Музилер, дом 24. С вступающих в ряды бригады бралась расписка о беспрекословном подчинении начальникам, жалованье офицерам составляло 200 рублей в месяц, солдатам — от 25 до 100 «в зависимости от времени службы, поведения и звания». Отличительным знаком добровольцев стал треугольный шеврон русских национальных цветов на рукаве. Вербовщики бригады с 31 декабря работали не только в Яссах, но и в Тирасполе, Кишинёве, Одессе, Киеве (по воспоминаниям С. Р. Нилова — даже в Пскове). Одновременно была создана «команда разведчиков особого назначения» из четырнадцати человек, в которую вошли многие члены организации Н. В. Сахарова во главе с ротмистром Д. Н. Бологовским. Разведчики разоружали отступавших к Яссам дезертиров и вели беспощадный террор против местных большевиков; по их утверждению, ими было истреблено около семисот (!) коммунистов, из которых самым заметным был участник бессудной расправы над Верховным главнокомандующим Н. Н. Духониным — С. Г. Рошаль[155].

Но несмотря на то, что на Румынском фронте в то время находилось около 40 тысяч офицеров, вербовка в бригаду шла вяло — чаще всего вербовщики слышали в ответ что-то вроде «Мы устали, воевали три года, поедем домой, отдохнем, и если у вас что-нибудь выйдет, тогда и присоединимся». Кроме того, у русских добровольцев было множество конкурентов — на фронте вовсю создавались также молдавские, польские, мусульманские, белорусские части, и многие офицеры, прельщаясь обещаниями хороших окладов и легкой службы, шли туда. К 20 января 1918 года в русской бригаде числилось всего 230 человек, квартировавших в казармах города Скинтея, при пятистах лошадях, шести орудиях и десяти пулеметах (для сравнения: в «1-м армейском имени Чингисхана Мусульманском корпусе», штаб которого тоже размещался в Яссах, одних только солдат насчитывалось 20 тысяч, орудий малых и средних калибров — 144, гаубиц 24). Появились конно-горная батарея капитана Б. Я. Колзакова, легкая батарея полковника М. Н. Ползикова, 1-я рота подполковника В. А. Руммеля, 2-я рота капитана

Л. И. Андреевского[156], пулеметная команда, кавалерийский эскадрон штабс-ротмистра Аникеева. В отличие от других ранних добровольческих формирований, бригада Дроздовского не испытывала недостатка в технике — бронеавтомобилей, грузовых и легковых машин, радиостанций, полевых телефонов и другого имущества было так много, что при уходе отряда в поход его приходилось продавать, а что не могли продать — уничтожать. Кроме того, бригаде материально помогали и союзники по Антанте — английская и французская военные миссии (от последней Дроздовский получил около 12 миллионов рублей — гигантскую по тем временам сумму).

Четыре дня спустя приказом генерала от инфантерии Д. Г. Щербачёва № 1413 формирование русского добровольческого соединения (уже как Отдельного корпуса Русских добровольцев) было оформлено официально; генерала подтолкнуло к этому шагу провозглашение независимости Украины[157]. Но это скорее осложнило задачу Дроздовского. Отныне корпус должен был включать 1-ю Скинтейскую, 2-ю Кишиневскую и 3-ю Болградскую бригады, были назначены их командиры, закипела бумажная работа по разработке структуры частей, их штатов и т. п. А вот приказа, согласно которому все русские офицеры Румфронта должны были быть переведены в корпус, так и не появилось (Щербачёв опасался непредсказуемой реакции солдат на такой приказ), и пополнялся корпус по-прежнему немногими смельчаками, которые проявляли инициативу и, на свой страх и риск покидая вконец разложившиеся части, прибывали в распоряжение Дроздовского. К тому же осложнилась военно-политическая обстановка. 27 января Украина подписала мирный договор с Германией и Австро-Венгрией, а оставшаяся один на один с врагами Румыния также начала переговоры о мире. Румыны заявили, что русские добровольцы должны сдать оружие и разойтись по домам, такие же требования предъявил украинский посол. Отвечавший за формирование корпуса генерал-лейтенант А. К. Кельчевский[158] подчинился этим требованиям и объявил о роспуске соединения. Дело, которому уже подчинил свою жизнь Дроздовский, повисло на волоске… Но сдаваться он не собирался и, когда Кельчевский заявил ему, что поход на Дон в новых условиях невозможен, Михаил Гордеевич резко ответил:

— Я с каким угодно числом решительных людей пойду на Дон и доведу их!

«Число решительных людей» к февралю 1918 года достигло полутысячи. В Скинтее собирались те, кто безгранично верил Дроздовскому и горел желанием с оружием в руках сражаться

против большевиков. Условия для новичков были суровыми: спартанская строгость нравов, напоминавшая военное училище; офицеры сами чистили лошадей, убирали казармы, готовили еду. После того как выяснилось, что в бригаде преобладают монархисты по убеждениям, Дроздовский дал согласие на создание тайной монархической организации, членам которой выдавали особые карточки — с одной, двумя или тремя полосками (последние имели только двое — сам Дроздовский и ротмистр Д. Н. Бологовский). Сам Михаил Гордеевич в то время говорил о себе довольно неопределенно: «Сейчас я за республику, но… в душе я все-таки монархист»[159].

Конец февраля (или начало марта по новому стилю) стал самым тяжелым временем для бригады. Продвигавшиеся вперед согласно соглашению о перемирии германцы требовали разоружить добровольцев, а румыны не давали вагонов для отправки людей и имущества в Кишинев. 8 марта кабинет министров Румынии вообще запретил русским выход с оружием за пределы страны, и румынские военные предприняли безуспешную попытку разоружить бригаду. Вторая такая попытка была предпринята 11 марта. Но Дроздовский действовал решительно — по его приказу на дворец в Яссах, где тогда заседал румынский парламент, были наведены орудия, а через генерала Д. Г. Щербачёва королю Румынии Фердинанду I передали краткий ультиматум: «1. Оружие сдано не будет. 2. Гарантия свободного пропуска до русской границы. 3. Если до 6 вечера не уйдут войска, то будет открыт артиллерийский огонь по Яссам и, в частности, по дворцу»[160]. Это подействовало — в 17 часов 11 марта на руках у Михаила Гордеевича уже были все необходимые разрешения на выезд.

Путь до Кишинева эшелоны проделали без задержек, если не считать инцидента на станции Перлица — там румыны отобрали паровоз у эшелона, в котором передвигались артиллеристы и кавалеристы. Но ситуацию спас подполковник Г. Н. Гран[161], который без долгих слов закатил пощечину румынскому капитану, задерживавшему отправление. Одновременно русские пулеметчики дали предупредительную очередь. Все это подействовало на румын отрезвляюще, и эшелону был немедленно предоставлен паровоз.

В Кишиневе Дроздовский надеялся найти пополнение из числа бойцов 2-й Кишиневской бригады и предложил ее командиру, генерал-лейтенанту Ю. Ю. Белозору[162], возглавить поход. Но Белозор, кавалер ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степени, не раз блиставший личной храбростью и на Русско-японской, и на Великой войнах, на этот раз мужества не проявил,

более того, и своих подчиненных призвал не верить в «безумный план Дроздовского». На обращение Михаила Гордеевича («нужны только мужественные, энергичные, твердые, нытикам не место») в Кишиневе откликнулись всего 60 офицеров из полутора тысяч.

Семнадцатого марта отряд остановился в Дубоссарах и, приняв последние пополнения (подошедшая из Болграда конно-пионерная команда и Польский эскадрон), был реорганизован. В него вошли штаб (начальник штаба — полковник М. К. Войналович, помощник — подполковник Г. Д. Лесли), Сводно-стрелковый полк (523 штыка, командир — генерал-майор В. В. Семёнов), конный дивизион (102 сабли, командир — штабс-ротмистр Б. А. Гаевский). Артиллерия, общее командование над которой принял генерал-майор Н. Д. Невадовский, состояла из конно-горной батареи (командир — капитан Б. Я. Колзаков), легкой батареи (командир — полковник М. Н. Ползиков) и мортирного взвода (командир — полковник А. К. Медведев). Кроме того, в состав отряда вошли команда связи, конная и автомобильная радиотелеграфные станции (командир — подполковник Г. Н. Гран), автоколонна (командир — капитан Лисицкий), броневой отряд (три бронеавтомобиля, командир — капитан Ковалевский), команда конных разведчиков особого назначения, полевой лазарет, техническая часть, обоз и интендантство. Всего 1063 человека, из которых 667 офицеров (в основном обер-офицеры, в штаб-офицерских чинах, то есть подполковниками и полковниками, были всего шестеро), 370 солдат, 14 военных врачей и священников, 12 сестер милосердия. Таким образом, отряд по преимуществу состоял из юных офицеров военного времени — прапорщиков, подпоручиков, поручиков (прапорщиков было около 40 процентов). Ниже мы будем называть участников похода «дроздовцами», беря это слово в кавычки, так как официально почетное наименование Дроздовских было присвоено некоторым частям Добровольческой армии только после смерти их командира. В начале же 1918-го чины отряда были «дроздовцами» по духу, а не по букве приказа.

Все ли из этих людей, решивших по мере сил бороться с окружавшим их хаосом, до конца верили в успех предстоящего похода?.. Все ли понимали, что именно им предстоит?.. Безусловно, нет. Сомнения временами одолевали даже самого Дроздовского: «Вчера до поздней ночи читал описание района предстоящего перехода — страшно; время разлива, ряд речек, мостов нет. <…> Трудность предприятия колоссальна»[163]. Масла в огонь подливали всевозможные «доброжелатели»: «Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов; вносят

раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье <…> А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед, по дороге долга…»[164]

«Дорога долга» была далекой и опасной: Бессарабию и Дон разделяли 1200 верст пути, пролегавшего через взбаламученную Украину. В пути можно было нарваться на кого угодно — и на оккупационную германскую часть, и на остатки украинской армии, и на большевистский отряд, и на обычную местную банду, и на вооруженных крестьян, защищавших захваченную у помещика землю. Да и цель похода не была сформулирована точно. Шли «на Дон», но удастся ли найти на Дону армию Л. Г. Корнилова, никто не знал, тем более что ходили упорные слухи о том, что Новочеркасск и Ростов заняты красными. «На душе тяжело — если правда потеря Ростова и Новочеркасска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все более и более тяжелой, — записывал Дроздовский. — Как ни мрачно — борьба до конца, лишь бы удрать от немцев… и дальше сохранить организацию отряда, а там видно будет — может, и улыбнется счастье. Смелей вперед!»[165]

Поход начался в Дубоссарах утром 20 марта, в ясную солнечную погоду. П. В. Колтышев[166] так вспоминал первый день похода: «По разным улицам маленького городка потянулись к восточной окраине повозки то с сидящими на них офицерами, державшими в руках винтовки с поднятыми вверх штыками, то наполненные различными грузами. Догоняя их, крупным шагом шли легкая батарея и мортирный взвод; запоздавшая конно-горная батарея спешила рысью. <…> Как только вся колонна выехала из города, пехота сошла с подвод и выстроилась в поле около дороги. Появился полковник Дроздовский. Объехав выстроившиеся части, он поздравил всех с началом фактического похода»[167].

В первые же дни структура отряда претерпела изменения. Вдвое сократили мортирный взвод, поскольку тяжелые 48-линейные (122-миллиметровые) мортиры сильно затрудняли движение, уменьшили число повозок в обозе, а высвободившихся лошадей передали в артиллерию и конницу. Из-за нехватки бензина пришлось бросить грузовики и оставить только бронеавтомобили и легковые машины, которые использовались в разведывательных целях. Но главное, 8 апреля в селе Давыдов Брод «дроздовцы» получили крупное пополнение — к ним присоединился отряд полковника Михаила Антоновича Жебрака. (В литературе часто встречаются вариации на тему его фамилии

— Жебрак-Русанович и Жебрак-Русакевич, но в послужном списке его фамилия указана как «Жебрак».) Этот инициативный и смелый офицер, по происхождению белорусский крестьянин из Гродненской губернии, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского креста 4-й степени с лавровой ветвью, самостоятельно вывел из Измаила 130 человек, ранее служивших во 2-м морском полку Отдельной Балтийской морской дивизии. При этом в отряде было больше двухсот лошадей, «позаимствованных» у 1-го гусарского Белорусского национального полка (так с 14 января назывался «белорусизированный» 6-й Таурогенский пограничный конный полк). Правда, Жебрак некоторое время настаивал на том, чтобы его отряд сохранил автономию в рядах «дроздовцев», но после переговоров согласился все же не нарушать принцип единоначалия. Бойцы Жебрака сохранили морской Андреевский флаг, вынесенный ими из расположения своего полка; впоследствии он стал полковым знаменем 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка.

Другие пополнения во время похода случались нечасто. Больше всего офицеров дали Бердянск и Мелитополь — примерно по 70 человек, в Таганроге присоединились около пятидесяти, в Каховке — около сорока. Сотня одесских добровольцев так и не вышла на соединение с Дроздовским, так как в местной газете напечатали ложную информацию о его гибели. По мере того как отряд брал пленных красноармейцев, их также ставили в строй; многие из них храбро воевали и впоследствии были произведены в офицерские чины. Одновременно шел отсев слабых, малодушных, разочаровавшихся в самой идее похода. Таких оказалось всего 12 человек.

А вот трофеев во время похода было немало. В Мариуполе взяли лошадей, в Мелитополе — блиндированную железнодорожную платформу, которая «легла в основу» собственного бронепоезда, и около десяти мотоциклов, что позволило создать команду разведчиков-мотоциклистов. В Бердянске и Таганроге трофеями «дроздовцев» стали автомобили, горючее к ним и… аэроплан. Служащий Каховского банка передал отряду 600 тысяч рублей. А на мелитопольских складах нашлись обувь и ткань, из которой было пошито новенькое обмундирование — каждый офицер и солдат получили пригнанный по фигуре френч защитного цвета и такие же полугалифе. В итоге поход завершали даже в более щегольском виде, чем начинали.

В пути отряд неоднократно входил в соприкосновение с германскими и австро-венгерскими войсками, которые согласно

просьбе Центральной рады о военной помощи продвигались вглубь Украины. По приказу Дроздовского в бой с ними не вступали. Легко себе представить чувства, которые испытывали при этом русские офицеры, — ведь по их земле беспрепятственно двигался враг, с которым они сражались на протяжении нескольких лет. И все-таки в новой обстановке немцы и австрийцы были для добровольцев скорее союзниками, чем противниками. Они вели себя вежливо, всячески давая понять, что уважают тех, кто хранит верность присяге и борется с анархией, и подчеркивая, что на месте Дроздовского поступили бы так же. Так, когда какой-то украинец попытался сорвать с автомобиля отряда Дроздовского русский флажок, германский офицер через переводчика громко заявил: «Я не позволю, чтобы кто-нибудь впредь так разговаривал с настоящими русскими офицерами, до конца остающимися верными своей несчастной Родине». А второй немец, обращаясь к русским, сказал об украинцах: «Это не войско, а банда. Она не лучше большевиков».

Сам Михаил Гордеевич отмечал в дневнике: «Странные отношения у нас с немцами: точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один между тем высказывал: враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного сотрудничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец сказал: „Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются“… Немцы — наши враги; мы их ненавидим, хотя и уважаем»[168].

Тогда же Дроздовский кратко отметил и особенности взаимоотношений с украинской властью: «С украинцами <…> отношения отвратительные: приставанья снять погоны, боятся только драться — разнузданная банда, старающаяся задеть <…> Начальство отдает строгие приказы не задевать — не слушают. Некоторые были побиты — тогда успокоились: хамы, рабы. Когда мы ушли (из Мелитополя. — *В. Б.*), вокзальный флаг (даже не строго национальный) сорвали, изорвали, истоптали ногами <…> Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам. Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом <…> Они действительно банда, неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность — те же хамы. Украинские офицеры больше половины враждебны украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не

украинцы — некуда было деваться… При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды»[169].

Впрочем, серьезных боестолкновений ни с германцами, ни с украинцами во время похода не было. С попадавшимися в пути большевистскими силами офицерский отряд справлялся достаточно легко. Вот типичная картинка боя во время похода: «Пехота красных <…> высадилась из эшелона и, рассыпавшись в цепь, повела наступление на Акимовку. Спустя минут пятнадцать, с нашей стороны раздались редкие артиллерийские выстрелы. Только две, метко выпущенные, наши шрапнели произвели в рядах красных беспорядок и вынудили их бежать и скрыться за перегибы местности. То же случилось и с поездом противника, на котором стояло орудие. Метким огнем нашей артиллерии орудие было подбито. Над Акимовкой воцарилась тишина»[170]. Местные банды также не представляли для отряда особой опасности. Так, бандиты из деревни Малеевки сдались сразу же после того, как их обещали обстрелять химическими снарядами (которых у артиллеристов отряда не было).

Местные жители встречали отряд Дроздовского по-разному. Более-менее состоятельные и интеллигентные слои населения радовались, приветствовали офицеров как избавителей, записывались добровольцами; те, кого уже успела развратить «свобода» 1917-го, косились с ненавистью. Огромное впечатление на всех производил тот факт, что добровольцы не реквизировали продукты и фураж, а расплачивались за него наличными. Многие толком не понимали, что за странная воинская часть пришла в село или город и куда она движется. «Дроздовцев» считали и переодетыми австрийцами, и украинцами, и «буржуями, нанятыми помещиками для отобрания у крестьян земли», и даже… большевиками (самый экзотичный слух об отряде пустила одна из местных большевистских газет, сообщившая, что в составе отряда воюет… Николай II). Но все-таки большей частью их принимали как минимум нейтрально, хотя случались и совсем другие эпизоды. Так, возле села Воссиятского (ныне Еланцевский район Николаевской области Украины) вооруженные крестьяне внезапно напали на водителей легковых машин, которые мирно беседовали с местными ребятишками. Первыми выстрелами были убиты дети, затем погиб один из офицеров, были тяжело ранены еще трое. Там же, у Воссиятского, пришлось бросить один из трех отрядных броневиков.

С местными большевиками, анархистами, теми, кто чинил расправы над офицерами, разговор был короткий и жестокий. Но эта жестокость всегда была ответом на чудовищные злодеяния. Так, 4 апреля к «дроздовцам» пришли два раненых офицера 84-го

пехотного Ширванского полка, которые рассказали о мученической гибели своих однополчан: их схватили жители села Долгоруковка (ныне Александровка Новобугского района Николаевской области Украины), избили, издевались над ними, выкололи глаза и в конце концов расстреляли. По приказу Дроздовского немедленно была организована карательная экспедиция в Долгоруковку. Конный взвод ворвался в село, захватил в полном составе местный совет и без долгих разговоров изрубил его. Затем на площади собрали всех жителей, у которых потребовали выдать тех, кто издевался над офицерами. О дальнейшем вспоминал П. В. Колтышев: «Все они были выданы жителями и тут же расстреляны. Принадлежавшие им дома были сожжены, а все мужское население моложе 45 лет было перепорото шомполами, причем пороли старики. Пощады никому дано не было, ибо в этом селении народ настолько озверел, что, как оказалось из произведенного дознания, когда красноармейцы хотели помиловать нескольких офицеров, все жители, включая женщин и детей, требовали обязательного расстрела. По окончании экспедиции последовало приказание отправить <…> для нужд отряда даром весь лучший скот, свиней, фураж и др. <…> Во время этой экзекуции <…> в селе стоял сплошной вой»[171].

Читать сегодня такое, конечно, страшно, и именно такие фрагменты с удовольствием цитируются теми, кто расписывает «зверства белогвардейцев». Но зададимся вопросом: а как еще следовало поступить с озверевшими убийцами в условиях военного времени?.. Пощадить, закрыть глаза на «эксцесс» и идти дальше?.. Другой, возможно, сделал бы именно так, но не Дроздовский. Прошедший через ад 1917 года Михаил Гордеевич уже выбрал свой путь — борьба с губителями Родины — и решил идти по нему до конца. Конечно, отдавая приказ на расправу, он испытывал тяжелые моральные мучения, отразившиеся в его дневниковых записях. Приведем большую цитату, так как она — одно из немногих сохранившихся свидетельств того, как ломал культурного и образованного человека, военного интеллигента, ужас начинавшейся Гражданской войны:

«Страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не

подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения. Что требовать от Туркула[172], потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшёва, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? (Мать и бабка поручика И. А. Кудряшёва были зверски замучены крестьянами в конце 1917 года, но его сестры и брат уцелели. — *В. Б.)* А сколько их таких? <…> Нет-нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца!.. Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за „буржуйство и контрреволюционность“? Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ялом преступления?! Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся, воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признаётся и уважается только один закон — „око за око“, а я скажу: „два ока за око, все зубы за зуб“, „поднявший меч“. В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить… И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно — жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь. Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги. Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист»[173].

День за днем, в плохую и хорошую погоду, с боями и без боев, «дроздовцы» одолевали лежавший перед ними тернистый путь. Командир отряда переносил трудности наравне со всеми. Обычно Дроздовский шагал во главе колонны, ведя в поводу лошадь, или же двигался верхом. На Михаиле Гордеевиче была заношенная солдатская шинель с погонами полковника 60-го пехотного Замосцкого полка, а его личным оружием была американская винтовка системы Винчестера. Вещи Дроздовского умещались в одном вещмешке. На марше он любил грызть семечки, иногда срывал пшеничный колос и, растерев его в кулаке, жевал зерна, а уже летом, когда пошла ранняя черешня, набирал полную фуражку ягод.

Один из его соратников, В. М. Кравченко[174], в книге «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» вспоминал: «Нервный, худой,

полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда — от Ясс и до самой смерти — в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать. Офицер Генерального штаба — он не был человеком канцелярии и бумаг. В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень»[175].

Несмотря на то что поход проходил в целом удачно, Михаил Гордеевич постоянно тревожился за судьбу своего отряда, сильно переживал, удастся ли дойти до намеченной цели. Его дневник сохранил следы этих сомнений: «Жжет ответственность. Туда ли и так ли веду их? <…> Когда посмотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь — в силах ли будешь выполнить свое дело. Целый океан земли и враги кругом. <…> Ведь мы — блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!! Трудно и тяжело! И тревога живет в душе, нервит и мучает»[176]. Постоянные переживания приводили к тому, что Дроздовский сильно уставал физически, плохо спал. Но бойцы ни разу не видели своего командира жалующимся на что-либо. А. В. Туркул вспоминал: «Из тумана на нашу подводу нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевший от снега. Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле»[177]. В тот раз офицеры предложили командиру отдохнуть на подводе, и Михаил Гордеевич неожиданно провалился в глубокий сон: «Спал совершенно тихо, его дыхания, как у ребенка, не было слышно. Он отдыхал. Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе»[178].

Авторитет Дроздовского у всех чинов отряда был безграничным. Строгий, аскетичный, сосредоточенный только на деле, он поддерживал среди «дроздовцев» железную дисциплину. Во время похода по мере возможности проводились учебные занятия (стрельба из пулемета, метание ручных гранат и т. п.), беспощадно карались пьянство, расхлябанность, несоблюдение устава. Действовал суд чести — он, например, изгнал из отряда поручика Попова, который во время боя струсил и бросил своего товарища, поручика князя Шаховского; другой офицер, Зорич, был расстрелян за попытку грабежа мирных жителей. Существовали в отряде и награды. Еще в Румынии Дроздовскому

передали из штаба фронта целый мешок уже никому не нужных Георгиевских крестов, и теперь ими награждались наиболее отличившиеся участники похода (в том числе и офицеры, несмотря на то, что Георгиевский крест был солдатской наградой).

Во время похода Михаил Гордеевич в полной мере проявил выдающиеся командирские способности. Его отряд двигался быстро (бывало, что проходили 60 верст в сутки), обманывая противника ложными маневрами и вступая в бой лишь при крайней необходимости. Повезло Дроздовскому и на соратников. Его ближайшим другом и помощником стал Генерального штаба полковник и отчасти однокашник (оба начинали учебу в Полоцком кадетском корпусе) Михаил Кузьмич Войналович. Другой душой похода был полковник Михаил Антонович Жебрак, выглядевший на фоне других «пожилым» (ему было 43, в то время как Войналовичу 39, а Дроздовскому — 37). Но надо заметить, что многие решения Дроздовский принимал единолично, не советуясь с подчиненными. Когда ему пытались возразить, Михаил Гордеевич коротко отвечал: «Я знаю, что делаю».

Но чем дальше продвигались «дроздовцы», тем больше терзала их командира неясность конечной цели похода. Вернувшаяся с Дона в середине апреля разведка принесла неутешительные известия: Ростов оставлен белыми, Корнилов почти наверняка убит, у Добровольческой армии нет боеприпасов, и сама она находится неизвестно где. Но Дроздовский был полон решимости идти до конца. Чтобы не деморализовать бойцов, весть о гибели Корнилова сообщили только старшим командирам.

Третьего мая отряд обогнул оккупированный германцами Таганрог (команда разведчиков побывала в городе и захватила трофеи, включая автомобиль и аэроплан) и приблизился к Ростову-на-Дону — первому на пути «дроздовцев» крупному городу, занятому крупными силами красных (12 тысяч человек). На военном совете было решено штурмовать Ростов, главным образом потому, что разведка донесла о намерении германцев захватить город. Успех обозначился сразу — два эскадрона кавалерии во главе с начальником штаба отряда полковником М. К. Войналовичем ворвались в Ростов и, сея панику, заняли забитый красными вокзал. Но сразу же понесли и тяжелую потерю — случайной пулей был убит полковник Войналович, «может быть единственный человек, который мог меня заменить»[179], как писал Дроздовский. Кавалеристы отошли на юго-западную окраину города, а Михаил Гордеевич, не теряя времени, приказал начать бомбардировку Ростова. Одним из

первых же выстрелов на станции был взорван вагон со снарядами, а ворвавшаяся в Ростов пехота начала очищать его от противника. На предложение подошедших со стороны Таганрога германцев помочь Дроздовский ответил, что справится и сам. В 23 часа красные оставили западную окраину, а к полуночи — и весь Ростов.

В освобожденном городе вовсю звонили колокола — была Пасхальная ночь. Многие добровольцы прямо из боя поспешили в храмы. Горожане косились на них сначала с изумлением и недоверием, но потом, когда поняли, что красные действительно бежали, начали христосоваться с воинами. В два часа ночи на ростовский вокзал приехал сам Дроздовский. «Его обступили, с ним христосовались, — вспоминал А. В. Туркул. — Его сухощавую фигуру, среди легких огней, и тонкое лицо в отблескивающем пенсне, я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки»[180].

Но радость победы была недолгой. Подошедший от Нахичевани сильный красный отряд (39-я пехотная дивизия, Латышская стрелковая бригада, восемь артиллерийских батарей, два бронепоезда — всего около 28 тысяч человек) утром 4 мая атаковал город. Превосходство противника было подавляющим, хотя Дроздовский какое-то время еще надеялся на успех и даже лично возглавил кавалерию, наносившую удар во фланг красных. Но, к сожалению, генерал-майор В. В. Семенов[181], которому Михаил Гордеевич передал командование, оказался не на высоте (по одним данным, он просто струсил, по другим — самоустранился от руководства боем), и в результате тяжелого боя добровольцы покинули Ростов и отступили в большое армянское село Крым. Впрочем, красным в городе закрепиться не удалось — уже 8 мая Ростов был занят германцами и одновременно подошедшими донскими казачьими частями.

Впервые с начала похода отряд Дроздовского столкнулся с такими крупными силами противника и впервые понес такие потери (по разным оценкам, они составили 80–100 человек; П. В. Колтышев сообщал о двенадцати убитых, шестидесяти раненых и пяти пропавших без вести). Главной потерей была гибель начальника штаба, полковника М. К. Войналовича. На его место был назначен Генерального штаба полковник

Г. Д. Лесли[182]; генерала Семенова Дроздовский отстранил от должности, и Сводно-стрелковым полком отныне командовал всеми уважаемый полковник М. А. Жебрак. Настроение у Михаила Гордеевича было подавленным; как вспоминал генерал-майор Н. Д. Невадовский[183], «оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский — этот сильный духом человек — опустил голову и слезы потекли из его глаз. <…> Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова. Проявляя личное презрение к смерти, он жалел и берег своих людей»[184].

На отдыхе Дроздовский впервые с начала похода обратился к соратникам с речью. Он говорил о причинах неудачи в Ростове, о том, что необходимо не падать духом, объяснил и причины в перемене командного состава: «Реорганизация необходима. Смена некоторых начальников, проявивших отсутствие с их стороны распорядительности, инициативы и личного примера — также необходима. О себе же отчет я дам своему начальнику, тому, к кому направлены все наши помыслы, наши стремления. Если он признает мои действия неправильными, я отвечу за них. Начинается воскресение России. Мы должны его поддержать. Вновь обращаюсь к вам: не падайте духом!»[185]

Неудача в Ростове имела тем не менее большие последствия для всего Белого дела. Встревожившись, большевики перебросили к городу крупные силы из Новочеркасска, и ситуацией немедленно воспользовалось казачье ополчение полковника С. В. Денисова[186], которое заняло Новочеркасск 6 мая, а это положило начало целому ряду антибольшевистских восстаний на Дону. Однако красные не собирались оставлять Новочеркасск в руках восставших и повели на город активное наступление. Казачьи гонцы прибыли в село Крым и попросили у Дроздовского помощи. И хотя отряд был крайне утомлен ростовским боем, в поход выступили незамедлительно. Появление под Новочеркасском крупных сил добровольцев оказалось полной неожиданностью и для большевиков, и для изнемогавших в неравном бою казаков. Во фланг большевиков неожиданно ударили «дроздовские» артиллерийские батареи и бронеавтомобиль. И этого оказалось достаточно, чтобы красные побежали… Новочеркасск был спасен.

За городом, у Краснокутской рощи, состоялось общее построение отряда. Михаил Гордеевич обратился к нему с речью, в которой вспомнил все пережитое бойцами от Румынии до

Новочеркасска, и закончил речь словами:

— Вот та обетованная земля, тихий Дон, тот город, к которому мы так стремились и наконец дошли. Поздравляю вас с благополучным окончанием похода!

В ответ раздалось дружное «ура». Многие бойцы отряда, не стесняясь, вытирали слезы.

— Наш путь еще долог, наша конечная цель еще впереди, — продолжил полковник. — Еще не одна сотня идейных бойцов ляжет костьми за счастье Родины на этом пути, прежде чем мы достигнем сердца России — Москвы. Это не должно нас смущать. Правота нашего дела и конечное торжество его да послужит всем нам наградой за честно исполненный до конца наш священный долг перед Родиной. Спасибо вам за все!..

Беспримерный поход по маршруту Яссы — Дон завершился. 1200 верст «дроздовцы» преодолели ровно за два месяца, из которых лишь 15 дней пришлись на «дневки», то есть дневные стоянки для отдыха. Поход завершился с минимальными потерями и стал уникальным в истории Гражданской войны — только Дроздовский смог увести с фронта крупную, хорошо вооруженную воинскую часть и с боями довести ее до Белого Дона.

В 19 часов 27 минут 8 мая 1918 года «дроздовцы» маршем вступили на улицы Новочеркасска. «Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам, — вспоминал А. В. Туркул. — Светлое неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. <…> Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с подчеркнутым щегольством командовал ротой, сверкали триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага.

— Христос воскресе! Христос воскресе! — обдавала нас толпа теплым гулом.

— Воистину воскресе! — отвечали мы дружно»[187].

По просьбе Донского походного атамана П. Х. Попова[188] Дроздовский провел свой отряд по всему городу, чтобы все желающие могли поприветствовать своих спасителей. Цветам, улыбкам, поцелуям, крикам «ура» не было конца. Только к полуночи уставшие, но счастливые «дроздовцы» разошлись по отведенным им квартирам.

Дроздовский особым донесением попросил у командующего Добровольческой армией А. И. Деникина предоставить ему передышку для отдыха и пополнения, и в итоге в Новочеркасске отряд стоял больше месяца, до 12 июня. К концу этого срока

Сводно-стрелковый полк, ранее состоявший из четырех стрелковых и пулеметной роты, был развернут в семь стрелковых и две пулеметные роты; конный дивизион (два эскадрона) был переформирован в пятиэскадронный 1-й Конный полк, четырехорудийная артбатарея получила еще два орудия. Общая численность отряда выросла до трех тысяч человек. Все, начиная с солдат-новобранцев и заканчивая закаленными в боях офицерами, прошли четырехнедельный курс обучения, включавший в себя изучение уставов, стрельбы из разных видов оружия, строевые занятия. Теория сочеталась с практикой: по просьбе донских командиров Дроздовский то и дело откомандировывал небольшие отряды для очистки отдельных местностей и станиц от большевиков. Начал выходить «Вестник Добровольческой армии» — первая белая газета Юга России, вовсю работали вербовочные бюро, создавались госпитали… Словом, новочеркасский период менее всего походил на отдых. Дроздовский внешне был, как всегда, энергичен, только дневнику доверяя одолевавшие его временами чувства: «Я безумно устал, измучился этой вечной борьбой с человеческой тупостью, инертностью, малодушием. <…> Издерганный, измученный, я перестал быть человеком. Миллион переговоров, вечные поиски денег — этого главнейшего нерва всякого дела, поиски людей. Скоро, вероятно, придется покинуть Новочеркасск, идти дальше по нашему тернистому пути, но в то же время и по пути чести»[189].

Несмотря на то, что Донской атаман П. Н. Краснов был заинтересован в том, чтобы «дроздовцы» оставались в Новочеркасске как можно дольше и прямо намекал, что в составе Донской армии они могли бы стать гвардией, Дроздовский помнил о том, что главной целью его похода было присоединение к Добровольческой армии. Формально это присоединение было оформлено приказом по Добрармии № 288 от 25 мая 1918 года. А 8 июня произошла встреча бойцов Дроздовского с добровольцами в станице Мечётинской. За версту до станицы отряд выровнял ряды, оркестр грянул «Егерский марш»[190], и во главе с полковником М. А. Жебраком «дроздовцы» торжественно прошли перед М. В. Алексеевым, А. И. Деникиным и другими высшими чинами Добровольческой армии. Всем запомнилась трогательная речь генерала от инфантерии Алексеева, который, сняв кубанку, обратился к «дроздовцам»:

— Мы были одни, но далеко в Румынии, в Яссах, билось сердце полковника Дроздовского, бились сердца пришедших с ним к нам на помощь. Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы… Примите от меня,

старого солдата, мой низкий поклон![191]

И «дроздовцы», и «деникинцы» смотрели друг на друга не без удивления. Первых изумляли разношерстное потрепанное обмундирование Добровольческой армии, ее малочисленность и плохое вооружение; вторых — восхищали прекрасно пошитая новенькая форма вновь прибывших и бодрый, уверенный в себе вид офицеров и солдат, которые блистали выправкой, словно на царском смотре.

Больше же всего добровольцы радовались тому, что на подмогу к ним прибыл не собранный с миру по нитке отряд, а сильное, прекрасно вооруженное соединение. Пулеметов разных систем в отряде числилось 70, артиллерии — 13 стволов (шесть легких орудий, четыре горных, два 48-линейных и одно шестидюймовое), бронеавтомобилей — два, аэропланов — два. Снарядов насчитывалось 8 тысяч, патронов — 200 тысяч. Кроме того — автомобили, собственный радиотелеграф, оркестр, отлично оборудованный лазарет, обоз, в котором везли тысячу «лишних» винтовок… По меркам весны 1918-го это было неслыханное богатство. Так что ситуация сложилась своеобразная. Ведь усталая, сильно потрепанная в боях Добровольческая армия, в которую вливался отряд, по численности лишь немногим превосходила бодрых, закаленных походом «дроздовцев» (4500 штыков и сабель против 3000), а в техническом отношении была неизмеримо беднее (семь орудий, минимальное количество боеприпасов, ни о каких броневиках и аэропланах никто и не мечтал). И нет сомнения, что у многих чинов отряда в те дни возникал недоуменный вопрос: так кто к кому, собственно, присоединяется?

Тем не менее Дроздовский свято блюл принцип старшинства, и в итоге его отряд вошел в Добрармию в качестве 3-й дивизии (1-й командовал генерал-лейтенант С. Л. Марков, 2-й — генерал-майор А. А. Боровский). При этом Михаилу Гордеевичу были даны гарантии его несменяемости в должности. Дивизию составили 2-й Офицерский стрелковый и 2-й конный полки, 3-я отдельная легкая, конно-горная и мортирная батареи и 3-я инженерная рота. В таком составе «дроздовцы» выступили во 2-й Кубанский поход, целью которого было освобождение Кубани и Северного Кавказа от красных. Общая численность добровольцев — около 10 тысяч человек, противостоявших им большевистских войск — 80–100 тысяч…

На рассвете 25 июня 3-я пехотная дивизия впервые вступила в бой в этом качестве. Узловую станцию Торговая брали вместе с корниловцами. А. В. Туркул описывает в своих воспоминаниях Дроздовского в этом бою: он «в жестоком огне пошел во весь рост

по цепи моей роты. По нему загоготали пулеметы красных. Люди, почерневшие от земли, с лицами, залитыми грязью и потом, поднимали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша. <…> Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня. „Так что же вы хотите?“ — Дроздовский обернул ко мне тонкое лицо. Он был бледен. По его впалой щеке струился пот. Стекла пенсне запотели, он сбросил пенсне и потер его о френч. Он все делал медленно. Без пенсне его серые запавшие глаза стали строгими и огромными. „Что же вы хотите? — повторил он жестко. — Чтобы я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пускай все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду“»[192].

Бой у Торговой был выигран, хотя и дорогой ценой — погиб всеобщий любимец генерал-лейтенант С. Л. Марков. 4 июля дивизия выбила красных из Песчаноокопской, и тогда же во 2-м Офицерском полку был создан Солдатский батальон, целиком укомплектованный пленными — вчерашними красноармейцами, крестьянами и рабочими. Впоследствии этот батальон прекрасно проявил себя в боях, был развернут в 1-й Солдатский полк, а еще позже получил знамя и название старого 83-го пехотного Самурского полка. А еще через два дня дивизия понесла тяжелейшие потери — в ночь на 6 июля у Белой Глины было убито 80 и ранено около трехсот «дроздовцев», среди которых был и полковник Михаил Антонович Жебрак. А. В. Туркул вспоминал: «Мы нашли его среди тел девяти офицеров его верного штаба. Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было размозжено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Так же запытали красные и многих других наших бойцов»[193]. Узнав о гибели любимого соратника, Михаил Гордеевич почернел от горя. В тот день было расстреляно множество пленных красноармейцев, причем по приказу Дроздовского стреляли разрывными и бронебойными пулями — такими же, какие использовали сами красные под Белой Глиной.

Двадцать седьмого июля 3-я дивизия освободила станицу Динскую, от которой до кубанской столицы, города Екатеринодара, оставалось всего 20 верст. Но радость победы была недолгой — 30-тысячный красный отряд под командованием И. Л. Сорокина[194] вышел в тыл Добровольческой армии, захватив узловую станцию Кореновская. 1-я и 3-я дивизии добровольцев попытались ее отбить, но, действуя неслаженно,

были отброшены к станице Платнировской и понесли большие потери, причем, по свидетельству очевидца, «красные проявляли нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали потом (раненых. — *В. Б.)* на кострах». На военном совете начдивов 1 — й и 3-й дивизий Б. И. Казанович[195] и Дроздовский заспорили о ходе дальнейших действий, и в конце концов победил Казанович, взявший как старший в чине командование на себя и приказавший вновь атаковать Кореновскую. Расчет Казановича оказался верным: 30 июля в тыл группе Сорокина ударили остальные части Добрармии, и Кореновскую в итоге взяли, хотя и расплатившись за этот успех потерей четверти личного состава.

В последующих боях между 1-й и 3-й дивизиями Добрармии наметилась некоторая напряженность. Самолюбие Михаила Гордеевича, видимо, было задето тем, что ему пришлось войти в подчинение к Казановичу, кроме того, Дроздовский по сложившейся с Ростова традиции берег своих бойцов, в то время как «первопоходники» 1-й дивизии, привыкшие к лобовым атакам времен Ледяного похода, шли в огонь, не считаясь с потерями, на одном лихом порыве. Будучи выбит с Кореновской вечером 1 августа, Дроздовский снова занял станцию через четыре дня. Красные отходили к Екатеринодару, а 3-я дивизия преследовала их, с боями занимая станицы Кирильскую, Усть-Лабинскую, Воронежскую, Пашковскую, Тимашевскую. Утром 16 августа 1918 года штурмом был взят Екатеринодар. То, что не удалось во время 1-го Кубанского похода, получилось во время 2-го… 26 августа пал Новороссийск. Цена этих побед была огромной, но и значение не меньшим — западная часть Кубанской области и северная Черноморской губернии теперь были под контролем белых, прекратилось снабжение Советской России кубанской пшеницей и грозненской нефтью.

Но на отдых рассчитывать не приходилось — вскоре Дроздовский получил приказ форсировать реку Кубань и взять штурмом Армавир. Михаил Гордеевич счел эту операцию излишне рискованной и попытался доказать свою правоту в штабе армии, но не был услышан. Продвижение к Армавиру сопровождалось тяжелыми боями, но 19 сентября город все же был взят. Впрочем, уже через три дня к Армавиру подтянулась 35-тысячная Таманская Красная армия, и завязалось сражение за город. Дроздовский мужественно держал Армавир на протяжении всего дня 25 сентября, но затем отошел, чтобы не быть окруженным. Деникин направил в поддержку «дроздовцам» небольшой отряд полковника Н. С. Тимановского, но Дроздовский, считая свои части крайне утомленными, решил

дать им отдых. Очередная попытка штурмовать Армавир 27 сентября закончилась безуспешно.

Через два дня на позиции прибыл Деникин. Разъяснив ему ситуацию на месте, Михаил Гордеевич сумел настоять на своем и отменить штурм Армавира. Вместо этого главком Добрармии перенацелил 3-ю дивизию на Михайловскую группу красных. Но и тут Дроздовский поступил по-своему: вместо того чтобы действовать вместе с 1-й конной дивизией П. Н. Врангеля, он атаковал красных силами своей дивизии. И потерпел неудачу: «дроздовцы» были отброшены с тяжелейшими потерями. А. И. Деникин публично вынес начдиву выговор за своеволие, повлекшее за собой отход и напрасные жертвы, и предупредил, что в случае повторения ситуации отрешит его от командования дивизией и назначит на менее значимую должность. Самолюбие Михаила Гордеевича было задето, и 10 октября он отправил на имя командующего рапорт, который вскоре стал широко известен в армии.

Подробно разъясняя мотивы своих действий на поле боя, Дроздовский во второй части рапорта сдержанно, но с большим достоинством напоминал Деникину о роли, которую сыграл его отряд в деле возрождения Добровольческой армии: «Только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным усилением. <…> Я получал предложения не присоединяться к армии, которую считали умирающей, но заменить ее. <…> Но, считая преступлением разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного честолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы. <…> И не взирая на эту исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может и спасения ее от умирания, не взирая на мои заслуги перед ней, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения, не задумались нанести оскорбление человеку, отдавшему все силы, всю энергию и знания на дело спасения родины, а в частности — и вверенной Вам армии.

Мне не придется краснеть за этот выговор, ибо вся армия знает, что я сделал для ее победы.

Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России. Я давно бы оставил ряды Добровольческой армии, так хорошо отплатившей мне, если бы

не боязнь передать в чужие руки созданное мной.

<…> Великая Русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить.

Неужели и Добровольческая армия потерпит крушение по тем же причинам?»[196]

Надо сказать, что причиной подачи такого резкого рапорта послужила не только ситуация, сложившаяся под Армавиром. Михаил Гордеевич с самого начала не мог не понимать, что его положение в рядах Добровольческой армии выглядит двойственным. Приведя на Дон отряд, который по численности почти не уступал Добрармии, а по огневой мощи и боевому духу превосходил ее, Дроздовский был вынужден сменить роль вождя, несущего ответственность за судьбы доверившихся ему людей, на скромную должность начальника одной из дивизий, исполнителя чужих приказов. В то же время в глазах «дроздовцев» он продолжал оставаться живой легендой (тем более что других командиров, имеющих статус легендарного, на Белом юге уже не было). Играли свою роль, видимо, и политические настроения Дроздовского, который не скрывал монархических пристрастий и даже пошел на публичный конфликт с С. Л. Марковым, резко заявив ему, что состоит в тайной монархической организации. Для большинства руководителей добровольцев, которые вовсе не были поклонниками низложенной династии, подобная позиция выглядела по меньшей мере странно и неуместно. Неудивительно, что среди «дроздовцев» начали распространяться слухи о том, что начальник штаба Добрармии генерал-майор И. П. Романовский, под чьим сильным влиянием находился А. И. Деникин, испытывает к Михаилу Гордеевичу «завистливое недоброжелательство, страх конкуренции, а помимо того и личную антипатию»[197]. Нашлись даже «молодые буйные головы»[198], решившие убить Романовского и попросившие санкции Дроздовского на этот шаг. Как отнесся к этому плану Михаил Гордеевич — неизвестно. По одному свидетельству, он «увещевал эти буйные головы <…> он внушал им и внушил всю мелкость их замысла»[199], по другому — ответил, что если бы не симпатия Деникина к Романовскому, не раздумывая отдал бы приказ о его устранении, «но пока приходится подождать»[200].

Вообще стоит сказать, что талантливому генералу-штабисту И. П. Романовскому в истории Белого дела сильно не повезло — он был фактически «назначен» на должность «злого гения Добрармии», ответственного за все ее неудачи, и поплатился за свою репутацию жизнью (в апреле 1920 года поручик

М. А. Харузин застрелил Романовского в Константинополе, будучи убежден, что именно он виноват в катастрофической эвакуации армии из Новороссийска). Отчасти И. П. Романовский и сам способствовал такому отношению к себе в глазах, считая, что малопопулярные распоряжения должны исходить именно от него, чтобы сохранить вне осуждений фигуру командующего. Но вполне возможно, что Романовский действительно воспринимал Дроздовского настороженно — как «не своего», «чужака», не имеющего отношения к первым дням создания Добрармии и Ледяному походу, к тому же опасно самостоятельного, привыкшего к лидерству. Независимое поведение Дроздовского в бою могло только усилить опасения Романовского по поводу того, что со временем полковник станет претендовать на первые роли в армии или же отколется от нее вместе со своими подчиненными. Возможно, именно с подсказки Романовского Деникин и вынес Дроздовскому публичный выговор с целью поставить на место, указать на то, что теперь он — не командир отдельного соединения, а всего лишь начдив, который работает на общий результат. Ну а рапорт, поданный Михаилом Гордеевичем после выговора, и вовсе служил доказательством того, что Дроздовский расценивает свои заслуги крайне высоко и готов в случае чего покинуть армию.

Последствия этого рапорта могли быть очень тяжелыми для Михаила Гордеевича. Но Романовский попросту… не стал его докладывать Деникину. Между Иваном Павловичем и Антоном Ивановичем произошел такой диалог:

— Я написал вчера еще Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его командующему я не мог.

— Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову…

— Это не важно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости, раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверное, рад такому исходу.

«Прогноз Ивана Павловича оказался правильным, — вспоминал А. И. Деникин, — вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел часто 3-ю дивизию и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своем рапорте»[201]. Но, внешне разрешившись, на деле ситуация осталась «подвешенной». История о том, что Романовский даже не стал докладывать рапорт Дроздовского Деникину, тоже стала широко известна в армии и вряд ли способствовала увеличению популярности Романовского среди «дроздовцев».

История с рапортом разворачивалась на фоне тяжелых боев,

которые вела 3-я дивизия под Ставрополем в октябре. Отбивая сильные атаки и сама контратакуя, она фактически несла на себе всю тяжесть сражений до 10 ноября, когда Деникин смог бросить на Ставрополь еще две высвободившиеся дивизии. Красные были окружены, но предпринимали отчаянные попытки вырваться из кольца. Во время отражения одной из таких попыток прорыва 13 ноября 1918 года Михаил Гордеевич был ранен — третий раз в своей жизни, произошло это у стен ставропольского Свято-Иоанно-Мариинского женского монастыря (современный адрес — Ставрополь, улица Советская, 23). Пуля попала в ступню, ранение выглядело пустяковым, и, провожая Дроздовского в екатеринодарский госпиталь, офицеры его штаба были уверены, что скоро опять увидят любимого командира.

Но события начали развиваться по другому сценарию. Рана нагноилась, началось заражение. Впрочем, сам Дроздовский наотрез отказывался переводиться из Екатеринодара в ростовскую клинику профессора Н. И. Напалкова[202]. Лишь 8 января 1919 года его перевезли в Ростов. А. В. Туркул вспоминал:

«Дроздовского привезли в синем вагоне[203] кубанского атамана. Я вошел в купе и не узнал Михаила Гордеевича. На койке полулежал скелет — так он исхудал и пожелтел. Его голова была коротко острижена, и потому, что запали щеки и заострился нос, вокруг его рта и ввалившихся глаз показалось теперь что-то горестное, орлиное.

Я наклонился над ним. Он едва улыбнулся, приподнял исхудавшую руку. Он узнал меня.

— Боли, — прошептал он. — Только не в двери. Заденут… У меня нестерпимые боли.

Тогда я приказал разобрать стенку вагона. Железнодорожные мастера работали почти без шума, с поразительной ловкостью. На руках мы вынесли Дроздовского на платформу. Подали лазаретные носилки. Мы понесли нашего командира по улицам. Раненые несли раненого.

Весть, что несут Дроздовского, мгновенно разнеслась по городу. За нами все гуще, все чернее стала стекаться толпа. На Садовой улице показалась в пешем строю гвардейская казачья бригада, лейб-казаки в красных и лейб-атаманцы в синих бескозырках. Мы приближались к ним. Враз выблеснули шашки, замерли чуть дрожа: казаки выстроились вдоль тротуара. Казачья гвардия отдавала честь нашему командиру.

Тысячными толпами Ростов двигался за нами, торжественный и безмолвный. Иногда я наклонялся к желтоватому лицу Михаила Гордеевича. Он был в полузабытье, но узнавал меня.

— Вы здесь?

— Так точно.

— Не бросайте меня…

— Слушаю.

Он снова впадал в забытье. Когда мы внесли его в клинику, он пришел в себя, прошептал:

— Прошу, чтобы около меня были мои офицеры.

Раненые дроздовцы, для которых были поставлены у дверей два кресла, несли с того дня бессменное дежурство у его палаты»[204].

Профессор Напалков принял решение ампутировать Дроздовскому ногу, в противном случае он был обречен. А. В. Туркул: «Михаила Гордеевича оперировали при мне. Я помню белые халаты, блестящие профессорские очки, кровь на белом и среди белого орлиное, желтоватое лицо Дроздовского. Я помню его бормотанье:

— Что вы мучаете меня… Дайте мне умереть…

— Если не пойдет выше, он останется жив, — сказал мне после операции профессор Напалков.

Дроздовскому как будто стало легче. Он пришел в себя. Тонкая улыбка едва сквозила на измученном лице, он мог слегка пожать мне руку своей горячей рукой.

— Поезжайте в полк, — сказал он едва слышно. — Поздравьте всех с Новым годом. Как только нога заживет, я вернусь. Напалков сказал, ничего, с протезом можно и верхом. Поезжайте. Немедленно. Я вернусь…»[205]

Вернуться ему не было суждено. 14 января 1919 года Михаил Гордеевич скончался в возрасте 37 лет.

Почти сразу же армия начала полниться слухами о том, что Дроздовского «залечили до смерти». Аргументов приводили множество: рана была совсем легкой, неопасной; врач, лечивший полковника в Екатеринодаре, некто Плоткин, сразу же после смерти пациента выехал за границу с крупной суммой денег, а действовал по поручению И. П. Романовского, а врач Матвеева имеет доказывающие это документы[206]. Незадолго до смерти Дроздовскому неожиданно были оказаны почести, которые явно намекали на то, что он не выживет: 21 ноября он был произведен в чин генерал-майора, а 8 декабря была учреждена специальная медаль для участников похода Яссы — Дон. Впрочем, на все эти аргументы можно найти возражения. Никаких документов, подтверждающих устранение Дроздовского Плоткиным «по заказу» Романовского так никогда опубликовано и не было; генеральский чин Дроздовскому следовал уже давно, да и идея учреждения медали, что называется, витала в воздухе. А что касается легкой раны, то санитарная часть в Добрармии в то

время была поставлена настолько скверно, что сам Дроздовский посвятил этому отдельный абзац в своем рапорте Деникину: «Проверьте количество ампутаций после легких ранений — результаты заражения крови, что при современном состоянии хирургии является делом преступным; в моей дивизии в последнее время целый ряд офицеров с легкими ранами подверглись ампутации или умерли от заражения крови»[207]. Ему самому оказалась суждена точно такая же смерть — легкая рана, заражение, ампутация.

В приказе главкома Добровольческой армии А. И. Деникина по поводу смерти Дроздовского было сказано: «Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе сочетались в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека!»[208]

Хоронили Михаила Гордеевича в Кубанском войсковом соборе Святого Александра Невского в Екатеринодаре. В 1920 году, во время отступления Добровольческой армии, его гроб, как и гроб с прахом полковника В. Б. Туцевича[209], был вывезен из города отдельным офицерским отрядом, который ворвался в уже занятый красными Екатеринодар и пробился к собору. Потом была Новороссийская эвакуация, транспорт «Екатеринодар». «Мы уходим… — вспоминал А. В. Туркул. — А над всеми нами, на верхней палубе, у капитанского мостика высятся два грузных оцинкованных гроба:

Дроздовского и Туцевича. Там стоят часовые. Тела наших вождей уходят вместе с нами. Оба гроба от утреннего пара потускнели и в соленых брызгах». В Феодосии гробы были торжественно перенесены на транспорт-плавмастерскую «Кронштадт» и доставлены в Севастополь. Там, в ночь с 25 на 26 марта 1920 года, Дроздовский был похоронен вторично на небольшом кладбище в Доковом овраге. На погребении присутствовали всего пять человек — капитаны Виноградов и Матишев, поручик Купер, фельдфебель Биденко и фейерверкер, имя которого не сохранилось. Только эти люди и знали место захоронения Дроздовского. Поскольку никто не был уверен, что в Крыму удастся остаться надолго, на синей табличке, которую прикрепили к деревянному кресту, сделали надпись «Полковник М. И. Гордеев».

Но существовала могила недолго. Уже в 1942 году ее не смогли найти, так как Малахов курган был весь «перепахан» тяжелой артиллерией и местность неузнаваемо изменилась. Символическая могила Михаила Гордеевича и памятник всем его подчиненным находятся на французском кладбище Сен-Женевьев-

де-Буа.

В честь М. Г. Дроздовского в Добровольческой армии были названы Дроздовские части, чины которых уже официально, без кавычек получили право именовать себя дроздовцами. Полковым цветом дроздовцев стал малиновый — цвет стрелковых частей русской армии, напоминание о том, что полк, шедший на Дон из Румынии, именовался Сводностреловым. Название «Генерал Дроздовский» носили также бронепоезд и танк. Широкую популярность в рядах армии получил строевой марш дроздовцев — переиначенная песня сибирских стрелков, которую затем (с совершенно другим текстом) узнал и полюбил и весь Советский Союз:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Во спасение народа
Исполняя тяжкий долг.

Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед.
Как герой, он верил твердо,
Что он Родину спасет.

Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда:
Офицерские заставы
Занимали города…

Имя же самого Дроздовского в СССР что-то говорило разве что специалистам по истории Гражданской войны. Посвященные ему краткие статьи в энциклопедических изданиях пестрели стандартными обвинениями в «исключительной жестокости» и «массовом жестоком терроре», но в целом фамилия Дроздовского не была так демонизирована, как фамилии «первых лиц» Белого дела, и не вызывала отторжения в массовом сознании (иначе, надо полагать, Юрий Бондарев не назвал бы Дроздовским одного из главных действующих лиц своего романа «Горячий снег»). На экране советский зритель впервые смог увидеть Дроздовского в 1977 году в 9-й серии «Хождений по мукам» В. С. Ордынского,

причем фильм в точности воспроизвел ошибки первоисточника, романа Алексея Толстого — Деникин называет Михаила Гордеевича Михаилом Григорьевичем, а сам Дроздовский носит погоны генерал-майора, которые в реальности получил в госпитале за два месяца до смерти.

Уже в новом веке, в 2006 году, свет увидело первое в России исследование, посвященное судьбе генерала — сборник «Дроздовский и дроздовцы», в котором были опубликованы интереснейшие документы о М. Г. Дроздовском. А 14 января 2014 года на здании одного из корпусов Ростовского государственного медицинского университета — в 1919-м в нем находился госпиталь, где скончался Дроздовский, — была открыта мемориальная доска в честь генерала.

…Восемнадцатого июля 1918 года, будучи в Екатеринодаре, Михаил Гордеевич сделал такую запись в своем дневнике: «Я весь в борьбе, и пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я уже вижу слабое мерцание солнечных лучей, проникающих через сплошной мрак действительности. Сейчас я маньяк, обрекающий и обреченный»[210]. В истории Белого дела Дроздовский действительно остался одиноким рыцарем, обрекающим и обреченным — человеком, целиком и полностью посвятившим судьбу борьбе за освобождение поруганной Родины. Сделав свой выбор, он остался до конца верен ему, и тем вызывал неизменное уважение и друзей, и недругов.

Владимир Май-Маевский: «Его бесстрашие передавалось войскам…»

Многосерийный фильм Е. И. Ташкова «Адъютант его превосходительства» (1970 год) уже давно считается классикой советского кино. Зрителям сразу полюбились и острый сюжет, и прекрасная режиссура, и великолепная игра актеров, создавших на экране яркие, запоминающиеся образы. Напомним вкратце содержание фильма: в разгар Гражданской войны, летом 1919-го, опытный чекист, в прошлом офицер Павел Андреевич Кольцов, роль которого прекрасно исполнил Юрий Соломин, ведет успешную работу в штабе «Белой армии» (ставим это понятие в кавычки, поскольку нюансы наподобие «Вооруженные силы Юга России» или «Добровольческая армия» в эпоху СССР не интересовали никого, кроме немногих специалистов), занимая должность адъютанта ее командующего, генерал-лейтенанта Владимира Зеноновича Ковалевского, роль которого блестяще сыграл Владислав Стржельчик. Естественно, красный разведчик на протяжении всего фильма демонстрировал превосходство над противником, но интересно было другое — пожалуй, впервые на советском экране можно было увидеть такое количество умных, образованных и вполне симпатичных белых генералов и офицеров. (Традиция изображать белое офицерство интеллигентным и в целом достойным уважения, хотя, разумеется, «не своим», была свойственна советскому кино всегда; «Адъютант…» интересен именно что обилием таких персонажей.) И не случайно члены худсовета после первого просмотра фильма пришли в негодование и заявили режиссеру, что тот под видом «посвящения первым чекистам» сотворил гимн во славу белогвардейщины, которому будут рукоплескать эмигранты. Проводившиеся в СССР опросы действительно показали, что зрители, безоговорочно симпатизируя «красному» Кольцову, с неменьшими симпатиями следили за действиями его оппонентов. И первое место среди них занимал тот самый «его превосходительство», адъютантом у которого был Кольцов, — генерал Ковалевский.

В 1970 году мало кто знал о том, что у этого персонажа (к нему мы еще вернемся) был вполне реальный прототип, носивший то же имя-отчество — Владимир Зенонович. Правда, его фамилия была более звучной — Май-Маевский и имела, как

нетрудно догадаться, польское происхождение.

Шляхетский род Май-Маевских пользовался гербом «Старыконь» (Starykon), который, как принято в польской геральдической традиции, также употреблялся множеством других фамилий (самыми заметными из которых были Чарторыйские) и к середине XIX века разделился на католическую и православную ветви. Герой этой главы относился к первой. Согласно послужному списку, Владимир Зенонович Май-Маевский появился на свет в Санкт-Петербургской губернии 15 сентября 1867 года в семье штабс-капитана лейб-гвардии Гатчинского полка, тридцатилетнего к тому времени Зенона Викентьевича Май-Маевского. В открытых источниках об отце генерала можно встретить самые противоречивые сведения. В том числе, к примеру, такие: «Его отец — боевой офицер — участник боев с горцами на Кавказе, был награжден многими орденами за храбрость. В 1863 году капитан Май-Маевский отказался участвовать в карательной экспедиции генерала Муравьёва против польских повстанцев Калиновского, за что был приговором военного трибунала лишен чинов, звания и уволен со службы без мундира и пенсии. Семья начала жестоко бедствовать. С большим трудом Май-Маевскому-старшему удалось определить сына в кадетский корпус»[211]. Вместо того чтобы комментировать эту красочную историю, приведем до сих пор не обнародованные сведения из послужного списка З. В. Май-Маевского, датированного апрелем 1869 года и хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве[212].

Итак, Зенон Викентьевич Май-Маевский родился 23 июня 1837 года, происходил из потомственных дворян Могилевской губернии, был римско-католического вероисповедания, воспитывался в Константиновском кадетском корпусе. 6 июня 1857 года в чине прапорщика начал службу в Архангелогородском пехотном полку, в 1859–1862 годах служил в Образцовом пехотном полку (прообраз Офицерской стрелковой школы), а 26 марта 1862 года был переведен в лейб-гвардии Гатчинский, который до 1855-го и после 1870 года именовался лейб-гвардии Егерским. В 1863 году офицер получил чин поручика и в июне — октябре «находился в Виленском военном округе (точнее, в Трокском и Лидском уездах Виленской губернии. — *В. Б.*) при усмирении польского мятежа», за что в 1864 году был произведен в чин штабс-капитана. В 1864–1869 годах занимал должность полкового казначея; 8 января 1869 года он был отчислен в строй, но уже через три недели ушел в длительный (шестимесячный) отпуск — видимо, по состоянию здоровья, так как 17 апреля того же года офицер, которому был

всего 31 год, скончался во французском курортном городе Ментон. Наград З. В. Май-Маевский за свою короткую жизнь успел заслужить три — ордена Святого Станислава 3-й степени (30 августа 1864 года, одновременно с производством в чин штабс-капитана), Святой Анны 3-й степени (30 августа 1867 года) и светло-бронзовую медаль «За усмирение Польского мятежа»[213].

Зенон Викентьевич был женат на дочери штабс-капитана гвардии Анне Николаевне Волковой, которая после безвременной смерти мужа осталась без всяких средств к существованию (никакой недвижимости ни за ним, ни за его родителями, ни за женой не имелось). 12 июня 1869 года Анна Николаевна подала на имя командира лейб-гвардии Гатчинского полка прошение о назначении ей пособия и 16 июля того же года получила 480 рублей от начальника штаба войск Гвардии Санкт-Петербургского военного округа и 172 рубля 50 копеек из эмеритальной кассы[214].

Учитывая, что Гатчинский полк квартировал в столице, с большой долей уверенности можно утверждать, что место рождения будущего генерала В. З. Май-Маевского — Санкт-Петербург. В большинстве печатных источников ошибочно утверждается, что генерал родился в Могилевской губернии — заблуждение, произошедшее, видимо, от того, что род Май-Маевских был приписан именно к могилевскому дворянству. Впоследствии Май-Маевский чаще именовался в различных служебных списках «Зиновьевичем» — вероятно, из-за того, что имя «Зиновий» звучало более «по-русски», нежели явно польский «Зенон» (хотя в православных святцах имеются оба этих имени). Впрочем, таких разночтений — то мелких, то крупных — в биографий нашего героя будет еще немало. Что касается военной службы, то она для Май-Маевских была делом семейным — младший брат Зенона Викентьевича, Валериан-Фома Викентьевич, родившийся 4 января 1839 года, в 1859-м стал офицером и дослужился 1 января 1872 года до чина подполковника (в 1880 году он состоял в прикомандировании к штабу местных войск Петербургского военного округа, был в том же чине и на 1882-й); одна из его дочерей, Вера Валериановна (1876–1962), стала женой знаменитого полярного исследователя старшего лейтенанта Г. Я. Седова (во всех открытых источниках сказано, что она доводилась В. З. Май-Маевскому племянницей, в то время как на самом деле была двоюродной сестрой).

Забегая вперед скажем, что сам герой этого очерка собственной семьей так и не обзавелся. Отметим этот факт отдельно, так как время от времени в печати появляются «семейные истории» Май-Маевского, не менее удивительные, чем приведенная выше «история» его отца. Пожалуй, венец такого

творчества — очерк А. Малаховского «Забытый герой», появившийся в ноябре 2013 года в белорусской газете «Вестник Могилева»[215]. В нем генералу были приписаны не только скончавшаяся в 1906 году жена, но и целых два сына — мичман Алексей, якобы погибший в 1914 году на крейсере «Диана» (видимо, автор имел в виду торпедированный германской субмариной крейсер «Паллада»), и ротмистр Сергей, «растерзанный красногвардейцами» в Ростове при попытке пробраться в Добровольческую армию. А широко известный ныне в Польше врач-нарколог Анджей Май-Маевски в одном из интервью без тени сомнения назвал себя родным внуком генерала…

Поскольку для осиротевшего в два года сына пусть и гвардейского, но бедного офицера единственной возможностью состояться в жизни была армия, жизненный путь Владимира был понятен для него с раннего детства: конечно, «кадетка», а потом военное училище. Первой военной альма-матер для Май-Маевского стала 1-я Санкт-Петербургская военная гимназия[216] — старейшее в стране начальное военное заведение, основанное при императрице Анне Иоанновне. После окончания корпуса 13 сентября 1885 года Владимир поступил в Николаевское инженерное училище. Занимавшее Михайловский (Инженерный) замок, училище, как нетрудно понять из его названия, специализировалось на выпуске военных инженеров, и трехгодичный курс обучения включал в себя такие предметы, как алгебра, геометрия — начертательная и аналитическая, дифференциальное исчисление, фортификация, физика, химия, гражданская архитектура, механика и строительное искусство. «Инженерка» славилась в столичной юнкерской среде своими либеральными нравами, а отношения между юнкерами в нем по традиции были простыми и дружескими — ничего подобного цуку[217] Николаевского кавалерийского училища стены Инженерного замка не знали и близко.

За все время существования (1819–1918) училище выпустило примерно 4400 офицеров, среди которых были герой Севастопольской обороны Э. И. Тотлебен, легенда азиатских походов К. П. Кауфман, прославивший свое имя на Шипке Ф. Ф. Радецкий, павший на стенах Порт-Артура Р. И. Кондратенко. 9 августа 1888 года число выпускников пополнил собой и Владимир Май-Маевский — окончив учебное заведение по 1-му разряду, юноша надел серебряные погоны подпоручика инженерных войск с цифрой «1» — шифровкой 1-го саперного батальона, входившего наряду с Гренадерским саперным в 1-ю саперную бригаду (к месту службы отправился 15

сентября). К слову, одновременно с ним окончили училище такие в будущем видные деятели Белого движения, как генерал-лейтенанты А. С. Лукомский, С. К. Добророльский и В. В. Беляев[218].

Впрочем, «по специальности» молодой офицер служил недолго. Уже через год с небольшим, 7 ноября 1889-го, он был прикомандирован к лейб-гвардии Измайловскому полку «для испытания и перевода», то есть стал кандидатом на занятие должности субалтерн-офицера в этом полку. Официальный же перевод состоялся только 24 июня следующего года. Измайловцем Май-Маевский побыл чуть больше трех лет, успев за это время получить чин поручика (30 августа 1892 года).

Дальнейшие три года для молодого офицера были полны напряженной учебы — 12 октября 1893 года он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, что само по себе считалось блестящим достижением. 17 мая 1896 года Владимир Зенонович был произведен в чин штабс-капитана за успехи в науках и причислен к корпусу Генерального штаба с назначением в Одесский военный округ. В Одессе ему довелось послужить чуть больше года. 23 августа 1897 года Май-Маевский, к тому времени уже переименованный из штабс-капитанов гвардии в Генерального штаба капитаны, был переведен в Севастополь на должность старшего адъютанта 13-й пехотной дивизии, а 6 мая 1898 года — в польский Плоцк, на аналогичную должность в 15-ю кавалерийскую дивизию. Затем был девятимесячный перерыв, связанный с цензовым командованием ротой во 2-м стрелковом полку, также стоявшем в Плоцке. Причем 12 июня 1900 года, как следует из послужного списка, офицер «согласно собственному желанию и разрешению Военного Министра <…> оставлен в полку и отправился в военный поход на Дальний Восток»[219]. Здесь имеется в виду так называемое Боксерское (Ихэтуаньское) восстание в Китае, в подавлении которого участвовали войска восьми государств, в том числе России. Впрочем, послужной список немного «забежал вперед», так как 2-й стрелковый полк, назначенный в состав формируемого во Владивостоке Десантного корпуса, в итоге так и не был переброшен на Дальний Восток.

Двадцать седьмого августа 1900 года Генштаба капитан был откомандирован из 2-го стрелкового полка в 15-ю кавдивизию, временно исправляющим должность начальника штаба. Плюс к этому 4 ноября того же года он был назначен по совместительству исправляющим должность начальника штаба в будущем знаменитой Осовецкой крепости. В августе 1900 года мундир Владимира Зеноновича украсил и первый орден — обычный для молодых офицеров скромный крест Святого Станислава 3-й

степени (до этого он уже был удостоен двух медалей — в память царствования Александра III и за труды по проведению всеобщей переписи населения). А новый год (и новый век) начался с производства в первый штаб-офицерский чин — Май-Маевский надел на китель погоны с двумя просветами и тремя звездочками, причем одновременно Генштаба подполковник был утвержден в должности начальника штаба крепости Осовец. Именно на этом посту подполковник Май-Маевский получил ранение при исполнении служебных обязанностей, причем при достаточно экзотических обстоятельствах. 8 мая 1901 года он был «командирован для участия в свободном полете воздушного шара крепостного воздухоплавательного отдела „Осовец № 5“»[220], но при неудачном спуске шара у деревни Еленье Ломжинской губернии получил сильный ушиб левой стопы с вывихом двух клиновидных костей и разрывом связок. Травма оказалась настолько сильной, что офицер не мог ходить и, как свидетельствовали оказывавшие ему помощь врачи 24-го пехотного Симбирского полка Солодовников и Лобков, «пришлось втирать наркотическую мазь»[221]. Со временем Май-Маевский оправился от травмы, но в сентябре 1911 года ходатайствовал о внесении этого эпизода в свой послужной список, что и было разрешено начальством.

Пятнадцатого ноября 1903 года Владимир Зенонович получил новое назначение. На этот раз ему предстояло самое далекое в жизни путешествие — через всю Россию, из Польши в Закаспийскую область, из Осовца — в древний Мерв (ныне в Туркменистане), где размещался штаб 7-й Туркестанской стрелковой бригады. Переименованная три года назад из 2-й Закаспийской стрелковой бригады, она включала в состав четыре Туркестанских стрелковых батальона. Однако полностью слиться с обстановкой и почувствовать сложность местной специфики офицеру, в общем, не удалось: меньше чем через полгода по прибытии на место, 10 мая 1904 года, он был назначен начальником штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с месяц как переформированной из одноименной бригады. И снова сборы, снова переезд длиной в месяц, еще восточнее — на сей раз во Владивосток, где квартировали 29, 30, 31 и 32-й Восточно-Сибирские стрелковые полки и 8-я Сибирская стрелковая артбригада. Командующим новообразованной дивизией в то время был генерал-майор Леонид Константинович Артамонов[222], имевший солидный боевой (Ахал-Текинская экспедиция, Китайский поход, за который имел Золотое оружие с надписью «За храбрость») и военно-дипломатический (военный советник в Абиссинии) опыт. 6 декабря 1904 года новый

начштаба дивизии был произведен в чин полковника за отличие по службе. К этому времени Май-Маевского нашел второй орден — Святой Анны 3-й степени (17 мая 1904 года). В скобках заметим, что для офицера в чине полковника, да еще генштабиста, такой «набор» — два креста младших степеней — был весьма скромным.

Новое назначение Владимира Зеноновича было связано с масштабной войной, которую с января 1904 года вели Россия и Япония. Однако, в отличие от многих будущих героев Первой мировой, которые прославились на всю страну (или как минимум на всю армию) еще во времена Мукдена, Май-Маевскому не довелось отличиться «на сопках Маньчжурии» — 8-я Восточно-Сибирская дивизия всю войну провела во Владивостоке, где единственным крупным событием для нее стало развертывание ее полков из трехбатальонного в четырехбатальонный состав в июне 1905 года. А вот уже после войны, 30–31 октября 1905-го, восточносибирские стрелки приняли боевое крещение — они участвовали в подавлении антиправительственных волнений во Владивостоке. Подобные функции полкам дивизии пришлось выполнять еще несколько раз — 12 ноября 1905 года и на протяжении почти всего января 1906-го. Что касается лично Май-Маевского, то с 28 декабря 1904-го по 11 ноября 1905 года он занимал должность начальника штаба крепости Владивосток, а 19 мая 1906 года был прикомандирован к штабу Приамурского военного округа.

Этот, 1906-й, год едва не поставил крест на всей военной карьере офицера: 3 августа Приамурский военно-окружной суд приговорил Владимира Зеноновича к восьми месяцам заключения в крепости за оскорбление начальника на словах. 19 сентября Май-Маевский был отчислен от должности и начал отбывать срок. Неприятная история разрешилась личным вмешательством императора, который по ходатайству командующего округом инженер-генерала П. Ф. Унтербергера 2 апреля 1907 года помиловал полковника. Одновременно Май, наконец, получил два ордена, пожалованные ему в 1905 году «за отличную усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» — нашейные кресты Святого Станислава 2-й степени и Святой Анны 2-й степени. А 8 июня последовало и новое назначение, в 48-й пехотный Одесский полк, расквартированный в Межбужье Подольской губернии. Там Май-Маевский служил три года (командир 3-го батальона, семь раз замещал командира полка), после чего он был переведен в Луцк, на должность полкового командира 44-го пехотного Камчатского полка. Это произошло 2 августа 1910 года, в полк офицер прибыл 27

сентября.

Анализируя карьеру Владимира Зеноновича до Великой войны, легко заметить, что «блестящим генштабистом», стремительно двигающимся по выгодным должностям все выше и выше, он не был. Но в то же время и неудачником его назвать никак нельзя: в 37 лет — полковник, в 42 — командир полка. Разве что с наградами поначалу вышла заминка, но в 1907 году все выровнялось, а в 1909 и 1913 годах последовали награждения еще двумя «Святыми Владимирами» — 4-й и 3-й степени, и таким образом он получил полный «полковничий набор», вполне соответствовавший его положению. Даже неприятная история с крепостью, в общем, не особо помешала. Пороху Май не нюхал (если не считать горячий Владивосток 1905–1906 годов), зато прошел через все необходимые ступени армейской службы, причем в разных родах войск (инженерные, кавалерия, крепостные войска, пехота), повидал и столицу, и Польшу, и Туркестан, и Дальний Восток, и малороссийскую глубинку. А впереди была война, Первая мировая.

Любая война становится, помимо всего, проверкой на прочность для офицерского корпуса, экзаменом, за провал которого приходится платить кровью подчиненных, а часто и собственной. С грохотом рушатся карьеры, в мирное время считавшиеся образцовыми, и, наоборот, прекрасно проявляют себя люди, ходившие в «отстающих» или «заурядных». Именно так произошло с Владимиром Зеноновичем Май-Маевским. В общем, обычный полковой командир, каких были десятки, уже в самом начале войны зарекомендовал себя мужественным, хладнокровным и умелым офицером и 28 ноября 1914 года был произведен в генерал-майоры (со старшинством с 28 августа 1914 года) за бои под Равой-Русской и у деревни Забаржи 24–28 августа. Одновременно генерал возглавил 2-ю бригаду 11-й пехотной дивизии. Теперь помимо ставшего для него родным 44-го пехотного Камчатского полка ему подчинялся также 43-й пехотный Охотский. В должности комбрига Май-Маевский прошел почти весь 1915 год, год самых тяжелых испытаний для русской армии во время Великой войны…

Одиннадцатая дивизия входила в состав 11-го армейского корпуса, а тот, в свою очередь, — в 3-ю армию Юго-Западного фронта. Это значит — тяжелейшие бои осени 1914-го, «Великое отступление» лета 1915-го, когда именно на 3-ю армию обрушилась вся мощь шедших в прорыв германских войск Августа фон Макензена. Май-Маевский с честью шел дорогами войны, и лучшее свидетельство тому — его боевые награды. Почти все они приходятся на 1915-й, но две самые почетные — за подвиги,

совершенные в первый год войны. Благодаря правилу, согласно которому героические деяния воина, представлявшегося к Георгиевским наградам, описывались подробно, сегодня мы можем узнать, за что именно получил эти знаки отличия Владимир Зенонович. Итак, Георгиевского оружия — шашки с позолоченным эфесом, темляком Георгиевских цветов и миниатюрным крестом Святого Георгия — он был удостоен 11 апреля 1915 года «за то, что с 6 по 22 октября 1914 года, командуя 44-м пехотным Камчатским полком и занимая с полком правый участок позиции корпуса, на правом берегу р. Сана находясь все время под артиллерийским и ружейным огнем противника, отразил все попытки противника к переправе и удержал позицию до конца»[223]. А 20 ноября 1915 года грудь героя украсил скромный белый крест с изображением Святого Великомученика и Победоносца Георгия, поражающего копьем змия, — «за то, что в бою 13 августа 1914 года, состоя командиром 44-го пехотного Камчатского полка и командуя авангардом дивизии, взял с боя переправы у д. Брыкань и сел. Уцышков, а 14 августа отразил упорные атаки противника и, перейдя в энергичное наступление, после ожесточенного боя овладел важным железнодорожным узлом Красне, захватив 8 орудий и 43 зарядных ящика, служа в течение всего боя примером мужества и хладнокровия»[224]. Представляя Май-Маевского к ордену, начдив-11 генерал-лейтенант И. И. Федотов[225] особо подчеркивал, что подвиг его подчиненного «отстоял успехи, достигнутые накануне, не только частями 11-й пехотной дивизии, но и 78-й дивизии», Май-Маевский «был все время на самых опасных местах» и «заложил успех дальнейших дел по преследованию противника, приведшего к быстрому захвату Львова»[226]. Места Георгиевского подвига В. З. Май-Маевского сейчас находятся в Бусском районе Львовской области Украины.

Любопытно также хранящееся в РГВИА свидетельство поручика 44-го пехотного Камчатского полка Николая Владимировича фон Манштейна (сына «дедушки» В. К. Манштейна[227] и родного брата будущего «молодого генерала» В. В. Манштейна[228]): «Во время боя 13 и 14 августа при переправе через реку Буг и взятии железнодорожного узла м. Красне я находился при командире полка Май-Маевском в качестве наблюдателя за полем боя. Командир все время находился в цепи, отдавал распоряжения и своим присутствием под сильным огнем воодушевлял чинов полка, что и привело к быстрому захвату переправы. Стоя на мосту под огнем — опять отдавал приказания наступать вперед, благодаря чему было

захвачено много пленных и орудия. С наступлением темноты полк окопался по обеим сторонам железной дороги. 14 августа лично повел дальнейшее наступление на м. Красне, заметил батарею противника, наносившую сильный урон. По его приказанию наша батарея открыла огонь, а Май-Маевский лично корректировал стрельбу так удачно, что батарея противника замолчала, более того, австрийцы не смогли ее снять с позиции за несколько попыток. Май-Маевский повел дальнейшее наступление, с бою была захвачена батарея, передки, зарядные ящики, много пленных, снаряжения и оружия»[229]. Сам же Май-Маевский в подробной реляции с описанием боя 13–14 августа уточнил количество взятых в Красне пленных — 800 и привел цифры потерь своего полка: 3 офицера и 44 нижних чина убитыми, 4 офицера и 199 нижних чинов ранеными, 23 нижних чина пропали без вести[230].

Итак, дважды георгиевский кавалер — обладатель Георгиевского оружия и ордена Святого Георгия 4-й степени. А еще в 1915 году генералу следуют первые «звезды» — ордена Святого Станислава 1-й степени с мечами за бои 8 ноября 1914-го и с 1 декабря 1914-го по 1 января 1915 года на реке Дунаец у Заключина и за бои под Краковом с 15 ноября по 1 декабря 1914 года (приказ о награждении от 12 июня 1915 года) и Святой Анны 1-й степени с мечами — за бои в 1915-м в Карпатах на реке Завадке (10–17 февраля), под Рознатовом — Навидой — Петранко (27–28 февраля), под Калушем (15 мая) и под Галичем (с 17 мая по 1 июня) (приказ о награждении 3 октября 1915 года). В 1916-м — высокая и редкая для генерал-майора «звезда» Святого Владимира 2-й степени с мечами (5 апреля) «за бои в роли начальника Яссинского отряда при отражении прорыва австрийцев на Яворнике и в долине Оленец 24 апреля — 1 мая 1915»[231]. Также в 1916-м Владимир Зенонович был представлен командующим 4-й пехотной дивизией генерал-майором В. Ф. Баудером к ордену Святого Георгия 3-й степени «за командование частями 4-й пехотной дивизии в боях с 24 по 29 мая 1916 на позиции Гладка — Чорненька»[232]. Однако Петроградская Георгиевская дума 23 сентября отклонила это представление.

Впрочем, к этому времени Май-Маевский успел вернуться из строя в штаб — 17 декабря 1915 года его назначают генералом для поручений при командующем 11-й армией генерале от кавалерии В. В. Сахарове. Именно в этой должности Владимир Зенонович участвовал в Луцком сражении Юго-Западного фронта, позже получившем всемирную известность как «Брусиловский прорыв». А 8 октября 1916 года Май-Маевский стал

командующим 35-й пехотной дивизией (137-й Нежинский, 138-й Болховский, 139-й Моршанский и 140-й Зарайский пехотные полки). Эта дивизия входила в состав 17-го армейского корпуса, который, в свою очередь, сражался в составе 5-й армии на Северном фронте. В отличие от «кипевшего» Юго-Западного, Севфронт мог считаться в общем-то тихим — попытки германцев прорвать оборону русских войск в Латвии были пресечены еще год назад, масштабных наступлений тут не было, шло то, что принято называть «боевой работой» — перестрелки, артобстрелы, бомбежки с аэропланов, рейды разведчиков, иногда локальные бои с целью улучшить положение.

Именно на должности комдива-35 Владимира Зеноновича Май-Маевского застало известие о перевороте в Петрограде и отречении императора Николая II. Абсолютное большинство старших военачальников России восприняли эту новость если не с энтузиазмом, то по крайней мере с воодушевлением. О реакции Май-Маевского на Февральский переворот мы не знаем, но последующий ход событий позволяет допустить, что генерал как минимум не принадлежал к числу командиров, которых причислили к «старорежимным» — напротив, он быстро понял и воспринял «требования момента». Во всяком случае, ему не пришлось пройти через унизительную процедуру «получения недоверия» от собственных подчиненных, он не лишился должности во время весенней «тучковской чистки»[233], когда из рядов армии были изгнаны под предлогом старорежимности множество заслуженных, проверенных огнем Великой войны полководцев. Напротив, 18 апреля 1917 года генерал-майор Май-Маевский был назначен командующим 4-й пехотной дивизией (13-й Белозерский, 14-й Олонецкий, 15-й Шлиссельбургский и 16-й Ладожский пехотные полки), то есть вернулся с Северного на хорошо знакомый ему Юго-Западный фронт, которому вскоре предстояло стать самым «ударным» фронтом страны. Более того, 4-я дивизия оказалась на острие этого удара, выполняла роль тарана, так что в некотором роде Май-Маевский оказался дивизионным командиром русской армии № 1.

Июньское наступление 1917 года, «наступление Керенского», могло войти во все учебники по военному искусству как образец отлично спланированной успешной операции, завершившейся полным разгромом врага. Но, увы, в наступление шла уже не Русская императорская армия, а «Революционная армия свободной России» — развращенная Приказом № 1 и Декларацией прав солдата и гражданина, отягощенная бесчисленными комитетами, делавшими боевую работу как минимум затруднительной, а часто просто невозможной. Там, где

солдат удавалось воодушевить речами о революции, идеалах демократии, защите Родины и Свободы, они поднимались в атаку; в других же случаях часть начинала митинговать, обсуждая боевой приказ и решая — воевать или не воевать. Результаты могли быть самыми разными, вплоть до бессудного убийства командира. В этой обстановке выполнять обязанности офицера значило обладать непреклонной волей, непоколебимой уверенностью в себе и своем призвании и, конечно, безусловной личной храбростью. Всеми этими качествами в полной мере обладал и Владимир Зенонович Май-Маевский.

Наступление 6-го армейского корпуса, в состав которого входила 4-я пехотная дивизия, началось утром 18 июня, сразу же после того как стих артобстрел противника. И сразу же возникла заминка: цепь 13-го пехотного Белозерского полка пошла в атаку неуверенно, вяло, без лихости. И тогда впереди цепи неожиданно показался невысокий полный человек в генеральском кителе, с орденом Святого Георгия 4-й степени на груди. Вид комдива, бесстрашно шагающего к австро-венгерским позициям, вселил в сердца солдат отвагу, по цепи покатилось «ура!». Вражеская позиция была взята. Этот эпизод произошел у деревни Конюхи (ныне Козовский район Тернопольской области Украины). Одна из последних побед русской армии — победа под Зборовом, до которого от Конюхов всего 14 верст.

Героизм генерала в тот день принес ему еще две награды — мечи к довоенному ордену Святого Владимира 3-й степени (7 июля) и Георгиевский крест 4-й степени с лавровой ветвью (1 сентября, он имел номер 909 782). До лета 1917-го Георгиевский крест считался сугубо солдатской наградой, офицеры и тем более генералы к нему не представлялись. Но в разгар летнего наступления, 24 июня, Временное правительство разрешило вручать крест и офицерам «за подвиги личной храбрости», причем присуждалась такая награда общим собранием солдат части. Внешне такой крест отличался от обычного наличием серебряной лавровой веточки на ленте. Так что наградили Владимира Зеноновича те самые солдаты-белозерцы, которых он увлек за собой в атаку. Сразу заметим, что отношение к Георгиевскому кресту с лавровой ветвью в среде офицерства было двояким. Одни считали его своеобразным порождением «керенщины», неудачным гибридом, призванным сломать стену между офицерским корпусом и солдатской массой, и презрительно называли «метлой»; другие, наоборот, гордились «народным» статусом этой награды. К числу первых, например, относился барон П. Н. Врангель; получив своего «Георгия с лаврушкой» 24 июля 1917-го, он никогда его не носил, ограничиваясь полученным в

1914-м орденом Святого Георгия 4-й степени. А вот на многочисленных фотографиях Май-Маевского видно, что он надевал на китель и орден Святого Георгия 4-й степени, и Георгиевский крест 4-й степени — правда, без лавровой ветви на ленточке, что вообще-то могло ввести несведущих людей в заблуждение и заставить их думать, что в генералы Владимир Зенонович вышел из нижних чинов (впрочем, возможно и более прозаическое объяснение — веточки к лентам начали чеканить лишь в сентябре 1917-го, и многие кавалеры попросту не успели их получить). Так что, судя по всему, этой наградой генерал гордился, хотя, как мы увидим ниже, среди добровольческого офицерства она и вызывала иронию.

Помимо личного знака отличия для комдива, своеобразную награду за храбрость у Конюхов получила и вся 4-я пехотная дивизия — 15 июля 1917 года Приказом Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова № 634 она получила наименование «Часть смерти», а ее чинам был присвоен особый знак — серебряный, покрытый черной эмалью, с красной каймой и адамовой головой (череп и скрещенные кости) в центре; на верхнем луче имелась надпись «4 пех див», а на нижних — «ударная» и «18 июня 1917». Одновременно все чины дивизии получили право носить на правом рукаве черно-красный шеврон, цвета которого означали смерть за Отечество и революцию.

Но Май-Маевского это уже не касалось — 8 июля, за неделю до приказа, он получил новое назначение: командующим 1-м гвардейским корпусом, входившим в состав 11-й армии. Легендарные, элитные части русской армии — гвардейские Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Московский, Гренадерский полки. Сам Владимир Зенонович в молодости служил в одном из полков своего корпуса, Измайловском, а Егерский полк был когда-то «родным» для его отца.

Но все это только выглядело и звучало красиво и лестно: гвардейскими подчиненные Май-Маевскому части можно было называть уже с большой натяжкой. Шесть из восьми полков корпуса отказались участвовать в наступлении 18 июня, самовольно снялись с позиций и ушли в тыл. 24 июня наиболее разложившиеся Гренадерский, Павловский и Финляндский полки были окружены кавалеристами, место стоянки полков взяли на прицел артиллерия и бронеавтомобили. Отказывавшимся выполнять приказ солдатам дали два часа на раздумья. Бунтовщики во главе с большевиком, гвардии штабс-капитаном И. Л. Дзевалтовским-Гинтовтом[234] сдались и были арестованы. От Гренадерского полка после этого осталось 300 боеспособных

бойцов. Характерно такое описание полков 1-го гвардейского корпуса, сделанное генералом П. А. Половцовым[235]: «Лучше других Семеновцы, Преображенцы, вообще 1-я дивизия. Зато во 2-й плохо. Особенно мерзко в Гренадерском полку, также в Московском, находящимся под воздействием окружающей их рабочей среды, а в Павловском есть некая 4-я рота, способная отравить существование самого добросердечного начальства»[236].

Да и само новое назначение Май-Маевского было связано с катастрофой, постигшей Юго-Западный фронт в те дни. Первый порыв русских войск у Зборова не был поддержан и развит, а 6 июля подтянувшие резервы немцы и австро-венгры нанесли мощный контрудар в направлении Тарнополя, после которого «Армия свободной России» покатилась назад, без боя сдавая то, что было оплачено кровью в 1914–1916 годах. Связь между соседними частями была потеряна, в штабах не представляли себе, что именно творится на фронте, в тыловых городах и местечках царили насилие и хаос. Мужество отдельных героев переломить ситуацию не могло. Так, 300 офицеров двух русских дивизий, 126-й пехотной и 2-й Финляндской стрелковой, одни, без солдат, пошли в бой с десятью тысячами немцев. Никто из этих трехсот русских спартанцев не вернулся…

Только 15 июля ценой неимоверных усилий, в том числе беспощадных расправ над дезертирами и мародерами, новому главнокомандующему Юго-Западным фронтом Л. Г. Корнилову удалось остановить беспорядочный отход войск на линии Броды — Збараж — река Збруч. Так что первая же неделя Май-Маевского в должности комкора была настоящим адом, его гвардейцы тоже отступали, хотя, к их чести, без паники, а с упорными боями. В приказе по корпусу Владимир Зенонович особо отметил так называемую Петровскую бригаду 1-й гвардейской пехотной дивизии — преображенцев и семеновцев: «Петровская бригада в боях последних дней покрыла себя славой, прибавив к бесконечной веренице славных дел еще новое блестящее дело. Задерживая шаг за шагом противника, несмотря на всю тяжесть потерь и почти полное отсутствие поддержки от соседей, они дали время увезти нашу артиллерию»[237]. 10–12 июля 1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии упорно обороняли Тарнополь. Лишь после флангового маневра немцев город был оставлен врагу.

После Тарнопольской катастрофы и примененных Корниловым крутых мер фронт, казалось бы, «протрезвел» и успокоился, но на душе Владимира Зеноновича по-прежнему было тяжело. Слишком много в его положении в последнее время было несообразного, не укладывавшегося ни в какие рамки.

Командующий корпусом в чине генерал-майора — это выглядело по меньшей мере странно; в гвардии по штату генерал-майоры были командирами полков, а в армии они командовали бригадами, корпуса обычно возглавляли генерал-лейтенанты либо полные генералы. Факт героической атаки 18 июня во главе Белозерского полка тоже вызывал двоякие чувства: если солдат в штыковую атаку вынужден увлекать своим примером лично комдив — значит, армия больна, тяжело, глубоко больна. И насколько глубоко зашла эта болезнь, показали кошмарные дни 6–15 июля. Наедине с собой Май-Маевский не мог не признавать: «Армия свободной России», на которую он возлагал столько надежд в пьяном от свободы марте 1917-го, не стала его армией. Да, демократии в ней было сколько угодно, но армия и демократия — понятия зачастую противоположные.

Конец 1917 года для 1-го гвардейского корпуса, как и для всей русской армии, превратился в агонию. Партия большевиков набирала популярность в войсках, особенно после так называемого Корниловского мятежа, стремительно росло дезертирство, повсеместными стали измывательства над офицерами, пышным цветом цвела «национализация», которая на Юго-Западном фронте выливалась первым делом в «украинизацию». 25 октября произошел большевистский переворот в Петрограде, но для квартировавших на Украине частей он никакой силы не имел, здесь бал правила киевская Центральная рада. 6 ноября в приказе по корпусу В. З. Май-Маевский подчеркнул, что «противник старается использовать смуту, царящую у нас в тылу. Необходима особая бдительность и полный порядок в частях и при несении службы, чтобы дать достойный отпор обнаглевшему врагу. Наша Родина переживает действительно трудные минуты, и в этот момент я ожидаю от всех солдат и офицеров полной готовности к отражению врага»[238]. Увы, ждать этой готовности можно было уже далеко не от всех.

Первого декабря в корпусе были отменены чины, ордена, погоны и введена выборность командиров. Кавалер множества наград, генерал-майор Владимир Зенонович Май-Маевский в одночасье стал просто солдатом революционной армии, гражданином (или товарищем, кому как больше нравилось), командующим корпусом. А еще два дня спустя Юго-Западный и Румынский фронты были объявлены Центральной радой украинскими. Волей-неволей вставал вопрос: что делать дальше? Каждый решал его для себя по-своему. Владимир Зенонович оставался во главе вверенного ему соединения до конца: один из последних приказов по корпусу был отдан им 21 января 1918

года[239]. Как складывалась его судьба на протяжении последующих восьми месяцев — неизвестно. Ясно одно — он не только уцелел в нараставшем вокруг хаосе, но и сделал свой выбор, связав свою судьбу с Белым движением.

Шестнадцатого августа 1918 года генерал-майор Май-Маевский прибыл в Добровольческую армию. В то время такой шаг был связан с немалым риском, все ведущие на юг России железнодорожные ветки контролировались красными, и попадись генерал в их руки, его ждала бы немедленная и жестокая расправа. И вот столица Кубани, Екатеринодар. 16 августа — это две недели после взятия города, день как объявлена мобилизация, призванная сделать армию регулярной. Но три месяца Владимир Зенонович никакой определенной должности в этой армии не занимал, числясь в резерве чинов при главнокомандующем (в мемуарной литературе можно найти упоминание о том, что начинал он службу у белых вообще рядовым[240]). Этот факт может вызвать удивление — разве не нужен был добровольцам опытнейший боевой командир, чьему орденскому набору (напомним: «звезды» Святых Станислава, Анны и Владимира с мечами, Георгиевское оружие, Святой Георгий 4-й степени, Георгиевский крест с лавровой ветвью) могли позавидовать многие? Но дело в том, что прежние заслуги и старшинство играли в Добрармии весьма относительную роль, и тех, кто прибыл в армию не в самом начале ее формирования, «считали чем-то вроде париев. Их не назначали на ответственные должности, а предлагали идти в строй рядовыми бойцами или держали в резерве армии»[241]. Очевидец писал: «Всякий, кто бывал в Екатеринодаре в эти дни, отлично помнит, что встречали большое количество генералов с большим именем в Великую войну сидящими без дела и вместе с тем встречали бездарных мальчиков на ответственных постах, замечательных только тем, что они первопоходники»[242]. Впрочем, бывало всякое: например, П. Н. Врангелю, прибывшему в Екатеринодар неделей позже Май-Маевского, на другой же день дали дивизию, несмотря на то что сам он рассчитывал максимум на эскадрон.

Только поздней осенью Владимир Зенонович дождался настоящего дела. 17 ноября приказом главнокомандующего № 173 он был назначен командующим 3-й дивизией. К тому времени это соединение уже было овеяно легендами — это был бывший отряд полковника М. Г. Дроздовского, с боями преодолевший 1200 верст от Ясс до Дона. В дивизию входили 2-й Офицерский стрелковый, Самурский пехотный, 1-й и 2-й стрелковые и 2-й Конный полки, 3-я инженерная рота, 3-я отдельная легкая, конно-горная и конно-гаубичная батареи,

получившие в последнее время крупные пополнения, в том числе из пленных.

Однако без подводных камней не обошлось и на этот раз. Во-первых, сама причина назначения Май-Маевского была печальной: 13 ноября под Ставрополем был ранен в ногу начальник 3-й дивизии Михаил Гордеевич Дроздовский. Правда, долгое время его ранение не вызывало опасений, и все были уверены, что он вернется в строй. Но, увы, 14 января 1919 года Михаила Гордеевича не стало… А во-вторых, думается, что именно 3-ю дивизию Май-Маевский получил не просто так. В конце 1918 года «дроздовцы» имели в Добровольческой армии двоякую репутацию: с одной стороны, безусловные герои, с другой стороны — «не свои», «пришлые», не имевшие никакого отношения к Ледяному походу, подчеркнуто обожавшие своего командира, не скрывавшего монархических симпатий. Современник подчеркивал, что 3-я дивизия в Добрармии «была пасынком как в смысле пополнения людьми, так и в смысле пополнения материальной частью»[243]. Так что давали Владимиру Зеноновичу, в общем, отнюдь не «элитное» соединение, а сам он оказывался в положении дважды «чужого среди своих» — ведь он не был ни первопоходником, ни «дроздовцем». И нет сомнения, что на первых порах личный состав 3-й дивизии смотрел на нового комдива как на нечто временное.

Тем более что обстановка вокруг дивизии складывалась весьма напряженная. Сам Дроздовский после ранения передал командование одному из полковых командиров, В. К. Витковскому[244], но после взятия Ставрополя А. И. Деникин назначил временно исправляющим должность начдива генерал-майора А. В. Асташева[245]. Это был военачальник незаурядной личной храбрости (во время Первой мировой смог дважды (!) бежать из германского плена), но «дроздовцы» отлично помнили, как в начале их предприятия Асташев прилагал все усилия к тому, чтобы поход Яссы — Дон не состоялся. В итоге Асташев «прокомандовал дивизией всего три дня: вокруг него образовалась такая густая атмосфера, что ставка принуждена была срочно убрать его подальше от дивизии»[246] и снова назначить врид начдива «дроздовца» В. К. Витковского. Но интересно, что в дальнейшем на должность все-таки снова поставили «чужака» — Май-Маевского. Возможно, тем самым одновременно и проверяли генерала на прочность, и смиряли слишком уж самостоятельную, по понятиям Ставки, дивизию.

Итак, Владимир Зенонович оказался во главе незнакомого и, в общем, недоброжелательно настроенного к нему соединения — и вполне можно представить, что о нем говорили на первых порах

за спиной. Этому, кстати, немало способствовали внешние данные героя этого очерка; при всех своих героических качествах Владимир Зенонович обладал, наверное, самой невыигрышной среди легенд Белого дела внешностью — он был низкорослым, тучным, «на своих коротких, как тумбы, ногах»[247] и носил очки (что было ему разрешено специальным приказом по 1-й саперной бригаде, отданным 2 декабря 1889 года). Вот каким увидел утром 3 ноября 1918 года своего нового командира начальник штаба 3-й дивизии полковник А. В. Черныш[248]: «Впервые я услышал о Май-Маевском и увидел его. Наружностью своей он, выражаясь мягко, никак не мог привлечь пользу. Среднего роста толстая и неуклюжая до безобразия фигура с посаженной на ней без шеи головой. Лицо большое, некрасивое, рябоватое, с длинным носом и маленькими неопределенного цвета, умными и хитрыми глазками, с некоторым выражением добродушия! <…> По натуре это был большой барин, любивший, видимо, себя усладить в жизни. Во всяком случае, первое, что бросилось нам в глаза, это способность его хорошо и обильно пожрать. Аппетитом обладал всегда завидным»[249].

П. В. Макаров (на его истории и его воспоминаниях мы еще остановимся ниже) также приводит любопытные подробности: «Дроздовцы встретили нового начальника враждебно. Май-Маевский не участвовал в „Ледяном походе“, не сражался в рядах Дроздовского.

— Генерал прибыл на готовое и хочет окопаться! — ворчали офицеры. В штабе, не стесняясь, высказывались:

— Уж лучше бы назначили Витковского (участника дроздовских походов).

Даже солдатский Георгий трактовался как подлизывание к солдатским массам и вызывал насмешки»[250].

Впрочем, судя по всему, Владимир Зенонович успешно преодолел первую реакцию недоверия к себе. Тот же А. В. Черныш после невыигрышной для Май-Маевского характеристики замечает уже совсем другое: «Быстро довольно Май-Маевский стал вникать во все стороны положения дивизии и осваиваться со всем, что до нее относилось. Первое впечатление было, что 3-я дивизия получила умного начальника. И в самом деле, в значительном уме и опытности ему нельзя было отказать. <…> Ко всем в штабе Май-Маевский отнесся дружески и особенно внимательно ко мне, как начальнику штаба. На первых порах он часто обращался ко мне за моим мнением в том или другом вопросе. И это не производило впечатления, что он искал решений у меня, а видно было стремление опытного начальника лучше, глубже и быстрее вникнуть в различные дела по дивизии

<…> Прошло так три дня, и Май-Маевский легко, без напряжений, иногда как бы шутя вошел в курс дела по командованию дивизией»[251]. Словом, если внешность нового комдива и вызывала сначала насмешки дроздовцев, невольно сравнивавших Май-Маевского с Михаилом Гордеевичем, то его деятельность сразу же вызвала уважение и внушила доверие к прежде незнакомому генералу.

Девятнадцатого декабря 1918 года 3-я дивизия была переброшена из Екатеринодара в Каменноугольный бассейн (так тогда часто называли Донбасс) и восемь дней спустя вошла в состав Крымско-Азовского корпуса, который 10 января был преобразован в армию, в свою очередь вошедшую в состав созданных 8 января Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием А. И. Деникина. Состав дивизии к этому времени пополнили Чехо-Словацкий пехотный батальон, Петропавловский, Александровский и Романовский отряды, два конных отряда — Чугуевский и Белгородский, Ингерманландский конный дивизион, 3-й легкий и 3-й парковый артдивизионы. Появилась и своя авиация — 3-й авиаотряд.

Причина переброски дивизии в Донбасс заключалась в сложной политической обстановке на Украине тех дней. В декабре 1918 года окончательно рухнула Украинская держава гетмана П. П. Скоропадского, державшаяся только благодаря оккупировавшим Украину в феврале — марте 1918 года германским войскам. После их ухода и развала «Скоропадии» к власти в Киеве пришла Директория Украинской Народной Республики, с которой, в отличие от Скоропадского, белых не связывали даже отдаленные симпатии. Не желая военного конфликта, лидер Директории С. В. Петлюра[252] предлагал Донскому правительству крупные территориальные уступки, но позиция П. Н. Краснова[253] и А. И. Деникина была однозначной — никаких переговоров с сепаратистами. В Екатеринодаре считали, что красные смогут быстро разгромить войска УНР и ударить по открытому левому флангу (а это около 400 километров) Донской армии у Луганска и Юзовки. Именно с целью защиты этого оголенного фланга и была переброшена на Донбасс дивизия Май-Маевского. А. И. Деникин поставил перед комдивом задачу удержать линию Мариуполь — Юзовка — Бахмут — Луганск и «распространить влияние» до линии Бердянск — Синельниково.

Изначально численность дивизии была невелика — около 2500 штыков и сабель при 13 орудиях. 8 января в подчинение Май-Маевского был передан также 1-й Офицерский генерала Маркова полк, 12 января — Корниловский ударный полк, а чуть

позже — также и Партизанский генерала Алексеева пехотный полк. Таким образом 3-я дивизия фактически превратилась в группу войск, которую наименовали Донецкой. Впервые со времени создания Добрармии все «цветные» части были объединены под одним руководством — генерал-майора В. З. Май-Маевского.

На Донбассе войскам генерала противостояло сразу несколько враждебных сил. Во-первых, красные — группа Кожевникова, вскоре преобразованная в 13-ю советскую армию, во-вторых, украинские войска, в-третьих, воинство атамана Нестора Махно. Последний еще 15 декабря 1918 года заключил с Директорией УНР соглашение о совместной борьбе с белыми в случае их наступления на Украине, но уже через десять дней махновцы повернули оружие против союзников. В-четвертых, на Донбассе оперировали также местные рабочие отряды большевистской и левоэсеровской ориентации. Так что Донецкая группа войск продвигалась вперед, руководствуясь одним принципом: каждый, кто оказался на пути, — враг.

Первые же бои у Краматорска, Славянска и станции Розовка завершились в пользу белых. Попытка махновцев наступать 8 января была успешно отражена, и к 10 января дивизия достигла Токмака и станции Царевоконстантиновка. Очень помогли бойцам Май-Маевского два белых десанта, высадившихся в Геническе и Бердянске, — они также прорвались к Токмаку. Но ситуация осложнялась тем, что белым приходилось одновременно учитывать и «красный» фактор. 1-я и 4-я партизанские советские дивизии 9 января нанесли удар в направлении Старобельска и Беловодска и вскоре заняли их, 19 января отбили Славянск, а 21-го — и Луганск. 23 января началось контрнаступление белых на Дебальцево и Славяносербск, но через неделю части 3-й Украинской советской дивизии прорвались к Краматорску. И так день за днем, неделя за неделей. Оперативная обстановка менялась чуть ли не ежечасно, образовавшиеся «дыры» на фронте «латали» как могли. В каких условиях приходилось воевать белым, свидетельствует очевидец: «Привезенная от красноармейцев с Северного Кавказа эпидемия тифа, или „испанка“, свирепствующая в Европе, к концу января приняла повальный характер. Редкие ряды бойцов совсем опустели; вопрос с продовольствием и фуражом был острый; теплое обмундирование отсутствовало; обувь пришла в полную негодность <…> Здесь дрались нормально один против десяти, часто и против двадцати. Часто были случаи, когда в подкрепление посылались роты в 20 штыков, а под станцией Дебальцево взвод офицерской роты, в составе семи штыков,

перешел в контратаку и задержал наступавшие цепи красных»[254]. А в рапорте командира Корниловского ударного полка сообщалось, что с 1 января по 1 мая 1919 года полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 3303 человека, то есть за четыре месяца трижды полностью переменил состав.

В подобных условиях Май-Маевскому приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы имеющимися немногочисленными силами не только сдерживать натиск многократно превосходящего противника, но и наносить ему поражения. Важнейшие пункты на линии фронта держались небольшими отрядами, а в тылу, на узловых станциях, дежурили бронепоезда с резервными силами, которые в случае необходимости быстро перебрасывались с одного участка фронта на другой. Такую тактику высоко оценивало не только начальство Май-Маевского, но и его противники. «В Донецком бассейне, в районе Волноваха — Никитовка — Колпаково — Таганрог, действует группа противника под командованием генерала Май-Маевского, состоящая исключительно из добровольческих частей (пеших и конных), слабых по численности (полки по 250–300 штыков, в ротах и эскадронах по 50 штыков — 30 сабель), — отмечал в приказе от 27 марта 1919 года командующий советским Южным фронтом В. М. Гиттис[255]. — Особенность этих малочисленных частей — их хорошая подготовка. Чисто контрреволюционные элементы, из которых состоят добровольческие части, офицеры, юнкера, дворяне, помещики, студенты и прочие, являются хорошими одиночными бойцами, умеющими вести борьбу за местные предметы, быстро и умело маневрирующими и применяющимися к местности и обстановке, хорошо применяющими в дело бронепоезда, чему способствует хорошо развитая сеть железных дорог этого района»[256].

Артиллерист В. А. Ларионов[257], в те дни — юнкер-марковец, так вспоминал донбасские бои начала 1919 года: «Жутко было в те дни на Донбассе: переплет железных дорог давал широкий простор многочисленным советским бронепоездам… Шахтерское население держалось по отношению к нам недоверчиво и даже враждебно. Мы должны были бегать с пушками за отдельными ротами марковцев и за вскоре прибывшими корниловцами, передвигавшимися в разных направлениях по железным дорогам Донбасса в теплушках. <…> Три долгих месяца мы дрались в Донбассе против значительно превосходящих нас сил противника, наступавшего ежедневно на всех участках „фронта“. <…> Это было нелегко — идти в бой на рассвете, зная заранее, что к вечеру придется все равно вернуться в свои хаты… усталыми, голодными и злыми. Чернухино, Ольховатка, Никишины хутора,

Немецкая колония, недалеко от Дебальцева, были обычным театром наших боевых действий. Мы танцевали ежедневно взад и вперед, и ругали командование, не понимая цели и смысла этих упорных, утомительных и ничего не решающих боев»[258]. В. А. Ларионову вторит дроздовец А. В. Туркул, называвший бои в Донбассе начала 1919-го топтанием в крови.

Конечно, ни в каких учебниках, ни в каких уставах не было написано, как воевать в подобных условиях. Эту науку все полководцы Гражданской постигали на поле боя, каждый по-своему. И Владимир Зенонович уже в который раз чувствовал, что оказался в своей стихии. Полковник-корниловец М. Н. Левитов[259] оставил такую выразительную зарисовку генерала в бою: «На фронт очень часто приезжал командующий отрядом генерал Май-Маевский. Страдал генерал от своей тучности, и не было для него большей муки, чем молебны и парады, когда он, стоя, утирал пот с лица и багровой шеи носовым платком. Но этот человек совершенно преображался, появляясь в боевой обстановке. Пыхтя, он вылезал из вагона, шел, отдуваясь, до цепи, но как только равнялся с нею, на его лице появлялась бодрость, в движениях уверенность, в походке легкость. На пули, как на безобидную мошкару, он не обращал никакого внимания. Его бесстрашие настолько передавалось войскам, что цепи шли с ним в атаку, как на ученье. За это бесстрашие, за уменье сказать нужное ободряющее слово добровольцы любили своего „Мая“»[260]. Кстати сказать, именно тогда, в тяжелые донбасские дни, кто-то впервые уважительно сравнил генерала с Кутузовым: Михаил Илларионович, как известно, тоже не отличался стройностью и подвижностью движений.

О поведении Май-Маевского в бою свидетельствует и другой мемуарист, настроенный к генералу в целом куда менее благожелательно. Б. А. Штейфон[261], командовавший в Добровольческой армии восстановленным 13-м пехотным Белозерским полком, описывает один из боев на Донбассе в феврале — марте 1919 года:

«В Донецком бассейне я был начальником штаба 3-й пехотной добровольческой дивизии, входившей в состав 2-го корпуса.

Командир корпуса во время боев часто вызывал меня к аппарату и запрашивал о положении дел, проявляя обычно и правильное понимание обстановки, и большое мужество.

Однажды, когда я еще не успел узнать генерала Май-Маевского, на участке дивизии назревала очередная неустойка. Резервов не было. Артиллерия умолкла, она отходила. Наши слабые пехотные цепи были оттеснены и с трудом удерживались

на тыловой позиции.

Застучал телеграфный аппарат:

„У аппарата генерал Май-Маевский. Какова у вас обстановка?“

Я доложил. Утешительного было мало.

„Сейчас из Юзовки высылаем во фланг ‘Генерала Корнилова’. Две дроздовские роты направляем для удара с другого фланга. Через 10–15 минут батарея займет новую позицию и откроет огонь“.

Аппарат „задумался“. А затем через минуту:

„Я сам сейчас приеду на атакованный участок. Продержитесь?“

„Продержимся, Ваше Превосходительство. Не беспокойтесь!“

В фигуре Май-Маевского было мало воинственного. Страдая одышкой, много ходить он не мог. Узнав о его намерении приехать, я отнесся скептически к подобному намерению и не возлагал особых надежд на приезд командира корпуса.

Через полчаса генерал был уже у наших цепей. Большевистские пули щелкали по паровозу и по железной обшивке вагона.

Май вышел, остановился на ступеньках вагона и, не обращая внимания на огонь, спокойно рассматривал поле боя.

Затем грузно спрыгнул на землю и пошел по цепи.

— Здравствуйте, n-цы!

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство.

— Ну что, заробел? — обратился он к какому-то солдату.

— Никак нет. Чего тут робеть?

— Молодец. Чего их бояться, таких-сяких?

Через пять минут раздалась команда командира корпуса:

— Встать! Вперед! Гони эту сволочь!

Наша редкая цепь с громким криком „ура“ бросилась вперед.

Большевики не выдержали этого порыва — и положение было восстановлено»[262].

В эти дни судьба огромного 400-километрового фронта фактически зависела только от Май-Маевского, от его умений, энергии и таланта. Генерал и его изнемогающие войска держали, возможно, самый главный экзамен времен Гражданской войны. И выдержали его с честью. Видимо, в эти дни командование Добровольческой армии окончательно поняло, какой крупный козырь оно получило в лице полного, страдающего одышкой, внешне комично выглядевшего генерала… 28 февраля 1919 года Владимир Зенонович был назначен командиром 2-го армейского корпуса, а 9 марта Приказом главнокомандующего Вооруженными силами Юга России № 428 за боевые отличия

получил чин генерал-лейтенанта.

Второй армейский (Добровольческий) корпус ВСЮР включал в себя множество частей, но громче всего звучали названия наиболее известных и стойких добровольческих полков — Корниловский ударный, 1-й Офицерский генерала Маркова, 2-й Офицерский генерала Дроздовского. Это означало, что Май-Маевскому оказано высокое доверие командовать элитой, гвардией Белого дела. И эту честь доверили генералу, который, повторимся, не принадлежал к семье первопоходников, не был дроздовцем, а сделал себе имя в Добровольческой армии сам, на полях непрерывных сражений. Интересно, что 1-м армейским корпусом ВСЮР с января командовал бывший подчиненный Май-Маевского по 1-му гвардейскому корпусу времен Великой войны — генерал-майор А. П. Кутепов. Структурно 2-й армейский корпус вошел в состав Кавказской Добровольческой армии (командующий — генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель, которого во время его болезни замещал генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович).

Двадцать восьмого февраля 1919 года, в день назначения на должность комкора, в жизни Владимира Зеноновича возник человек, которому было суждено сыграть немалую роль в его судьбе. Приказом № 27 по 2-му армейскому корпусу «2 Офицерского Генерала Дроздовского полка подпоручик Макаров назначается личным адъютантом командира корпуса с 15.02.1919»[263][264]. Так впервые возник на страницах хроники Белого дела тот самый «адъютант его превосходительства», который стал позднее прообразом капитана Кольцова; на истории этого персонажа мы еще остановимся позже.

В должности комкора Владимиру Зеноновичу выпала в общем-то та же самая почетная и трудная участь — вести непрерывную маневренную войну сразу против нескольких противников. Первые признаки краха этих фронтов появились в феврале 1919 года, и тоже благодаря Май-Маевскому. Тогда сильно потрепанные им махновцы в тактических целях влились в состав 1-й Заднепровской советской дивизии на правах ее 3-й бригады. Но коалиция Махно и красных, как и следовало ожидать, была непрочной и неглубокой, обе стороны стремились использовать друг друга. Дисциплина в смежных с махновскими советских частях падала, росло число перебежчиков, которых отлавливали специальные заградотряды, фронт в этом месте был шатким, неустойчивым. И это блестяще использовали добровольцы, нанеся удар в самое «тонкое» место советского фронта — в стык между махновскими войсками и красной 13-й армией. Советские дивизии сразу же дрогнули, смешались и

начали отходить, а после того как Май-Маевский направил в образовавшийся прорыв конницу А. Г. Шкуро[265], побежали и махновцы (два дня спустя красные объявили Махно изменником и начали на него настоящую охоту). По воспоминаниям Н. Д. Всеволодова[266], служившего у красных, а затем перешедшего к белым, в отступающих советских войсках бушевали митинги, бойцы арестовывали и расстреливали своих командиров. Ситуация на Украине начала стремительно меняться в пользу белых.

Похоже, такое развитие событий не предвидели и в самом штабе ВСЮР. Ведь численно противники белых многократно превосходили их. Добровольцев в Донбассе было около девяти тысяч, а махновцев — больше десяти. А уж о советских войсках и говорить нечего, их было где вчетверо, где вшестеро больше, чем белых. В таких условиях действовать можно было только «по-корниловски», то есть смело атаковать, не считаясь с численным превосходством врага. И такая тактика принесла блестящий успех. 21 мая 1919 года на основе 2-го армейского корпуса была создана отдельная Добровольческая армия, во главе которой встал 52-летний генерал-лейтенант Владимир Зенонович Май-Маевский.

Вообще реформы, через которые прошли войска Белого Юга в те дни, были сложными и запутанными. Собственно Добровольческая армия, на которую возлагалась основная тяжесть боев на Украине, была выделена из состава Кавказской Добровольческой армии П. Н. Врангеля, причем на должность ее командующего помимо Май-Маевского претендовал и Я. Д. Юзефович, с середины февраля заменявший заболевшего Врангеля. Когда 7 мая А. И. Деникин сообщил Врангелю о том, что команддобром (так сокращенно называли командующего Добровольческой армией) станет именно Владимир Зенонович, Юзефович был сильно задет выбором Ставки. На следующий день, 8 мая, П. Н. Врангель отправился к Владимиру Зеноновичу на станцию Харцызск и так описал сцену знакомства с ним: «Я впервые увидел генерала Май-Маевского. Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и громадным носом-сливой, маленькими мышиными глазками на гладко выбритом без усов и бороды лице, он, не будь на нем мундира, был бы несомненно принят каждым за комика какой-либо провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и несомненно не глупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление. Долгие месяцы ведя тяжелую борьбу в каменноугольном бассейне, он не потерял бодрости духа. Он,

видимо, близко стоял к своим войскам, знал своих подчиненных. Генерал Май-Маевский был очень польщен доверием Главнокомандующего, о чем и просил меня довести до сведения генерала Деникина. Вместе с тем он просил о назначении начальником штаба армии взамен генерала Юзефовича, решившего оставаться при мне, начальника штаба Добровольческого корпуса генерала Агапеева. Своим заместителем на должность Добровольческого корпуса генерал Май-Маевский представлял генерала Кутепова, командовавшего действующим в районе станции Торговая отрядом из трех родов войск»[267]. На том и порешили — 2-й (Добровольческий) корпус с приходом А. П. Кутепова был переименован в 1-й, а части бывшего 1-го корпуса вошли в состав Кавказской армии Врангеля. До 14 июня Владимир Зенонович сдавал корпусные дела Кутепову и принимал управление армией от Юзефовича, который, к слову, так и остался в обиде на Деникина, считая себя несправедливо обойденным[268].

Воспоминания П. В. Макарова сохранили эпизод назначения Май-Маевского на должность командарма, произошедший 21 мая 1919 года на станции Иловайская (ныне Иловайск): «Май-Маевский вышел к стоящему на платформе почетному караулу. Одновременно с генералом со ступенек одного из вагонов прибывшего состава сошел Деникин, сопровождаемый генералами Романовским, Врангелем[269], своим адъютантом, полковником Колташевым[270] и другими штаб-офицерами свиты. Оркестр грянул встречный марш. <…>

Деникин пригласил садиться за стол. Когда все расселись, он встал с бокалом в руках и обратился к Май-Маевскому:

— Дорогой Владимир Зенонович! Я очень рад поздравить вас с новым высоким назначением. Знаю вашу доблесть, честность и твердость характера, всю героическую борьбу, которую пришлось вам вести в течение нескольких месяцев по удержанию Донецкого бассейна. Родина повелевает назначить вас на пост командующего армиями. Я уверен, вы с честью выполните возложенные на вас задачи; так же твердо, как и раньше, поведете и выведете наши доблестные части из Донецкого бассейна на широкую московскую дорогу. По русскому обычаю я поднимаю бокал и пью за ваше здоровье. Ура! Ура! Ура!

Деникин опрокинул бокал до дна и расцеловался с Май-Маевским.

— Да здравствует единая, неделимая великая Россия и ее верные сыны. Ура, ура, ура! — ответил мой начальник»[271].

Майский порыв 1919-го был настолько силен, что красных гнали даже не десятки — сотни верст. При этом у белых не было

сил даже для того, чтобы оставить на освобожденных территориях гарнизоны, важнее было ломить вперед, захватывать пространство, гнать противника, не давая ему опомниться. Выдающуюся роль здесь сыграл конный корпус генерала А. Г. Шкуро, взявший Екатеринослав, Кременчуг и Знаменку и разбивший спешно созданную для ликвидации прорыва 14-ю красную армию под командованием К. Е. Ворошилова. А «тараном» Добровольческой армии стал 1-й армейский корпус А. П. Кутепова, за пять недель прошедший с боями 300 верст. 6 июля корниловцы и марковцы вошли в Белгород, 7 июля дроздовцы — в Харьков. Это были дни величайшего триумфа Белого движения.

Везде люди встречали добровольцев как освободителей. Улицы расцвечивались трехцветными флагами, горожане осыпали запыленные колонны воинов цветами. Во всех освобожденных городах армия пополнялась сотнями, а то и тысячами добровольцев. После взятия Харькова в ней насчитывалось 26 тысяч человек, после взятия Полтавы — 40 тысяч. А ведь в начале года в распоряжении Май-Маевского было чуть больше трех тысяч штыков! Пополнения позволили развернуть «цветные» полки в бригады, а позже и в дивизии.

Между тем на других фронтах обстановка тоже выглядела оптимистично. 13 июля после трехдневного штурма П. Н. Врангель овладел Царицыном, в скором времени пал Камышин, до Саратова оставалось 40 верст. 16 июля в освобожденном Царицыне А. И. Деникин огласил положения своей самой знаменитой директивы, имевшей номер 08 878, но сразу получившей негласное название «Московская». Владимира Зеноновича в ней касался третий пункт, коротко обозначавший дальнейшие цели его наступления: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

На Москву нацеливались армии и других генералов — Врангель должен был идти к Первопрестольной через Саратов, Пензу, Нижний Новгород и Владимир; В. И. Сидорин[272] — через Воронеж, Козлов, Рязань, Новый Оскол, Елец и Каширу. Но главный удар поручался Май-Маевскому. Более того, ему уже передали, что в случае взятия Москвы Деникин именно его прочит на пост военного и морского министра России. А пока что Владимир Зенонович был назначен главноначальствующим Харьковской области (включала Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую губернии плюс области, занятые Добрармией), то есть получил в руки полноту не только военной, но и

гражданской власти на огромной территории — главноначальствующий совмещал в себе обязанности генерал-губернатора и командующего военным округом.

Приказы, как известно, не обсуждают, их выполняют. Но сам Деникин считал директиву не приказом, а скорее стимулом для дальнейших действий, официальным подтверждением общей идеи «похода на Москву». Потому и начались сразу же обсуждения директивы, так как идти на Москву, как выяснилось, мечтали не все. Например, Врангель со всей резкостью заявил, что наступление на Москву приведет к катастрофе, что ближайшая цель для ВСЮР — это прочное закрепление на рубеже Екатеринослав — Царицын, формирование в Харькове большой массы конницы для боевой работы на дальних подступах к Москве и, главное, прорыв к Волге для соединения с Колчаком. Но преобладало другое мнение: поход на Москву возможен, более того, только он и возможен. После фантастически быстрого освобождения Украины добровольцы пребывали в эйфории, подобной той, которая овладела армией в конце 1-го Кубанского похода, накануне штурма Екатеринодара. Тогда тоже казалось, что нет ничего невозможного, врагов били всегда, не считаясь с их количеством, выходили победителями из тяжелейших ситуаций, и главное — осталось совсем немного! Последнее, решающее усилие, и Россия свободна! В это верили в те дни и рядовые бойцы, и офицеры, и генералы.

А пока — веселый, праздничный Харьков, радостно встречавший освободителей. Именно тогда и начала обретать реальные очертания та самая легенда о Май-Маевском, которая позже перекочевала на страницы книги и стала достоянием общественности: генерал-пьяница, любитель кутежей. Ее с удовольствием смаковали и смакуют журналисты, и именно благодаря ей (а также, конечно, легендарному фильму) имя Май-Маевского остается относительно широко известным и по сей день. Имела ли эта легенда под собой реальные основания? Сразу скажем, трезвенником генерал действительно не был. Поскольку при изучении такого щекотливого вопроса лучше слушать современников, нежели потомков, предоставим слово Б. А. Штейфону: «Впервые я встретился с ним (Май-Маевским. — *В. Б.*) в декабре 1918 года в Юзовке. Имея служебное поручение, я явился на квартиру командира корпуса.

Среднего роста, полный, с профилем „римского патриция времен упадка“, он был красен и возбужден. Когда я вышел от Мая и затем высказал кому-то свои впечатления об этом странном визите, то мне разъяснили причины моего удивления.

— А когда вы были у Мая? До его обеда или после?

— Думаю, что после, так как денщик доложил, что „генерал сейчас кончают обедать, просят подождать“.

— Ну так Май был просто на взводе!..

Подобное упрощенное объяснение, по-видимому, соответствовало истине.

В дальнейшем я стал чаще встречаться с генералом Май-Маевским и убедился, что он действительно питает слабость к вину. Слабость обратилась в привычку, однако это обстоятельство если и мешало его боевой работе, то, во всяком случае, не в такой степени, как в харьковский период»[273]. Далее Б. А. Штейфон продолжает: «Бесспорно, в душе Мая горел тот огонек, какой отличает всякого истинного военного. И когда этот огонек не бывал заливаем вином, Май-Маевский проявлял и ясный ум, и правильность суждения.

В Донецком бассейне благодаря влиянию генерала Агапеева и старших чинов штаба Май если и пил, то пил сравнительно умеренно. Он любил пить в компании, вести при этом разговоры, а для подобного времяпрепровождения обстановка ежедневных боев мало располагала. Да и не было подходящих компаньонов.

Иногда, правда, обстановка так складывалась, что сдержать Май-Маевского было уже невозможно. Так, однажды, когда положение было крайне тяжелым, из штаба главнокомандующего получилось сообщение о том, что на следующий день сосредоточивается в Донецком бассейне конный корпус генерала Шкуро. Этому корпусу давалась задача пройти по тылам противника и тем облегчить общее положение наших войск.

На следующий день прибыл в своем поезде и генерал Шкуро. В одном из купе вагон-салона собрались старшие начальники — генерал Май-Маевский, генерал Шкуро, генерал Витковский (начальник 3-й пехотной дивизии), генерал Агапеев и я. Мы обсуждали подробности намеченного рейда. Шкуро в то время был в ореоле своей славы. Молодой, энергичный, искренно верящий в свою звезду, он лишь первые 10–15 минут сохранял генеральскую серьезность: обсуждал, соглашался, возражал. Чувствовалось, что он так глубоко убежден в победном исходе задуманного рейда, что наше мнение его мало интересовало. К тому же у Шкуро был блестящий начальник штаба, генерал Шифнер-Маркевич, и потому командир конного корпуса знал, что Шифнер сам все прекрасно разработает.

Шкуро и Май встретились, по-видимому, впервые. Шкуро не сиделось. Он вставал, жестикулировал… Май сидел грузно, чуть-чуть посапывал и добросовестно изучал по карте пути намеченного рейда.

Его солидность, годы, генеральская внешность — все это

известным образом импонировало Шкуро, и он величал Мая не иначе, как „Ваше Превосходительство“.

Очень скоро в дверях нашего купе появилась на мгновенье фигура адъютанта генерала Шкуро. Он сделал своему начальнику какой-то непонятный нам „морговой“ знак и исчез.

Шкуро, недолго думая, хлопнул Мая по плечу:

— Ну, отец, пойдем водку пить!

Лицо Май-Маевского расплылось в улыбку, и обсуждение рейда было прервано. В соседнем купе был приготовлен завтрак. Давно не виданные закуски: семга, балык, икра, омары, сыр…

— Выпьем-ка, отец, смирновки! — И из какой-то вазы со льдом появилась бутылка смирновки.

„Отец“ ответил полным согласием. Я с интересом наблюдал за генералом Май-Маевским. Он пил не жадно, очень прилично и, в сущности, даже немного. Водка и скоро поданное в изобилии шампанское вообще не производили на него видимого впечатления. И только к концу завтрака было заметно, что Май нагрузился.

Однако подобные эпизоды были редки. Жизнь штабов корпуса и дивизии проходила в рамках того сурового аскетизма, какой вообще был свойствен добровольческому фронту»[274].

Итак, в обстановке постоянных боев Владимир Зенонович если и воздавал должное Бахусу, то совсем нечасто. Во всяком случае, он ничем не выделялся на фоне прочих старших командиров, среди которых тоже встречались любители горячительного (так, в мемуарах П. С. Махрова[275] факт того, что генерал-лейтенант А. А. Боровский «без водки и вина за стол не садится», упоминается мельком, как нечто само собой разумеющееся; поезд генерал-лейтенанта В. И. Сидорина «скорее напоминал кочующий ресторан, чем штаб. Все были пьяны: и сам Сидорин, и начальник штаба армии»). И уж во всяком случае это никак не сказывалось на итогах его боевой работы. Все изменилось именно в Харькове, в тыловой атмосфере. Снова дадим слово Б. А. Штейфону: «Обосновавшись в Харькове, генерал Май-Маевский под влиянием своих страстей все более и более отходил от дела и терял волю. Харьковское общество, в особенности первое время, чуть ли не ежедневно „чествовало командира“. Одни это делали от души, не учитывая последствий, другие преследовали те или иные цели.

С ужасающей быстротой тыл стал затягивать всех, кто более или менее соприкасался с ним. Лично на себе я испытывал его тлетворное влияние. Смею считать себя человеком с достаточно твердой волей, однако я не мог не сознавать, как и в моей воле появились трещины. Соблазны большого города, известный

комфорт, правда, примитивный, но от которого мы отвыкли, естественное желание хотя временно забыть грубость и жестокость войны, упоение только что одержанными победами — все это, как и многое иное, колебало нашу волю и отвлекало внимание от войны. Инстинкт прежней жизни, прежних культурных вкусов и привычек властно напоминал о себе. Побороть или придушить эти инстинкты могли или соответствующая обстановка, или собственная воля. Обстановка, к сожалению, лишь поощряла развивающееся малодушие, а что касается воли, то не всякий ею обладал.

Прежде всего и больше всего утерял свою волю и заглушил лучшие стороны своего ума и характера генерал Май-Маевский. Его слабости стали все более и более затемнять его способности, и пословица о голове и рыбе нашла яркое подтверждение в харьковском периоде.

Был ли виноват в этом генерал Май-Маевский? Несомненно, был, но постольку, поскольку может отвечать за свои, поступки человек явно больной. Лекарства же, которые ему прописывались сверху, отпускались в столь незначительных дозах, что их действие не производило, по-видимому, должного впечатления.

В своем лице Май соединял высшее военное и гражданское управление обширного, вновь занятого района. Естественно, что ореол его власти привлекал к нему многих. Его окружение — военное, гражданское и случайное — стремилось или сделать приятное всемогущему начальнику, или не раздражать его „непрошенной“ опекой. То легкомыслие, какое проявлял сам генерал Май-Маевский, по непреложным психологическим законам передавалось и вниз. Май председательствовал на банкетах, официальных и интимных. Мая окружали дамы общества из числа тех, которые падки на всякую моду, будь это тенор, адвокат или пожилой генерал. В свою очередь офицерство кутило в „Версале“ или в загородных кабаках и, конечно, тоже с дамами. Разность обстановки, разность социальных положений дам нисколько не меняли сущности основного зла. Кутежи требовали денег, а при скудном добровольческом жалованье их можно было добывать только нечистоплотными путями.

Генерал Май-Маевский умер тем неимущим человеком, каким он и был в действительности. Лично я ни на мгновение не сомневаюсь, что он был человеком честным. Честным, конечно, в узком смысле этого слова. Эта примитивная честность все же не мешала ему быть неразборчивым в своих знакомствах и в принимаемых чествованиях. Не подлежит сомнению, что вокруг генерала группировались всевозможные дельцы и рвачи, которые под прикрытием громких фраз обделывали свои дела и делишки. Это создавало легенды, задевавшие не только доброе имя Май-Маевского, но и наносившие серьезный ущерб Добровольческому делу»[276].

В этом фрагменте Б. А. Штейфон очень точно подметил одну особенность: наличие «всевозможных дельцов и рвачей», которые группировались вокруг генерала в Харькове. Печальнее всего, что главный из них находился рядом с Май-Маевским постоянно, по долгу службы. Именно он и приложил массу усилий для того, чтобы дискредитировать генерала и разрушить его репутацию бесстрашного героя Донбасса.

Имя этого человека уже упоминалось выше. Павел Васильевич Макаров появился при Май-Маевском в феврале 1919 года и с тех пор тенью сопровождал его, как и положено личному адъютанту. Сразу скажем, что Макарову была уготована долгая жизнь и уникальная судьба. Начнем хотя бы с того, что в 1927 году он выпустил в Ленинграде книжку воспоминаний под названием «Адъютант генерала Май-Маевского». Сам по себе факт мало о чем говорящий — в 1920-х годах в СССР мемуары о Гражданской войне по обе стороны фронта выходили нередко, — но интересно то, что на протяжении двух лет книга выдержала пять (!) переизданий. А самое любопытное в том, что мемуары Макарова получились, с одной стороны, довольно достоверными (так, Макаров описывает в них события, о которых мог знать, только если сам был их непосредственным участником, причем реальность этих событий подтверждается другими источниками, о существовании которых он не подозревал); с другой стороны — в книге хватает и наивной хлестаковщины, и откровенного вранья, и просто путаницы. Нужно также учесть, что последующие издания книги (а она переиздавалась также в 1940, 1957 и 1960 годах) сильно «приглаживались» и правились в сторону беллетризации, так что наиболее достоверным является именно первое издание. На него и будем ссылаться.

Итак, родился Павел Васильевич Макаров 18 марта 1897 года в Скопине Рязанской губернии, в семье кондуктора товарных поездов. Рано начал работать, торговал газетами в Крыму, был кондуктором севастопольского трамвая, а во время Первой мировой поступил во 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Сначала служил в 32-м запасном пехотном полку в Симферополе, а 10 апреля 1917 года отправился на Румынский фронт в составе 5-й роты 134-го пехотного Феодосийского полка. На фронте был контужен и отравлен газами, быстро пришел к мысли о бессмысленности «империалистической бойни», после чего участвовал в братаниях, распустил свою роту и в форме румынского офицера бежал с фронта сам. Вернувшись в Крым, Макаров примкнул к большевикам и стал агитатором при Севастопольском областном революционном штабе. Весной 1918-го Макаров был направлен Севастопольским ревкомом в Мелитополь. И надо же было так случиться, что как раз в это время через город проходил отряд полковника М. Г. Дроздовского, шедший из Бессарабии на Дон. Одетого в офицерский френч и фуражку Макарова «дроздовцы» тут же задержали на улице, и далее произошла такая сцена:

«Штабс-капитан грозно спросил:

— Кто вы такой?

Колебаться было некогда:

— Штабс-капитан, представленный в капитаны по румынскому фронту.

— Кто командир полка? Какой полк?

Вопросы частили, как из пулемета. Не отстал и я:

— Сто тридцать четвертый Феодосийский полк. Командир полка Шевердин. Полк стоял по реке Серет.

— Правильно!

Штабс-капитан поверил, расцвел предупредительностью. Я узнал, что его фамилия Туркул, и немедленно меня зачислили в 3-ю роту»[277].

Неудивительно, что А. В. Туркул поверил Макарову — детали тот назвал действительно верные, вплоть до фамилии вполне реального Николая Игнатьевича Шевердина (он же, как Шевардин, упоминается в фильме «Адъютант его превосходительства» в качестве командира вымышленного 42-го Тегринского полка, где служил Кольцов). В издании 1957 года в сцену был добавлен также некий прапорщик Дьяченко, сослуживец Макарова по Феодосийскому полку, который подтвердил его личность. А вот в то, что Туркул «немедленно зачислил» новичка в 3-ю роту, верится с трудом по простой причине — отряд М. Г. Дроздовского был исключительно добровольческим, поэтому вступить в него Макаров мог только по собственному желанию. Как он позднее уверял, сделал он это потому, что решил служить советской власти, так сказать, внутри вражеского стана, по возможности нанося ему вред. Но, думается, реальность была куда проще — деваться Макарову было некуда, политическая обстановка складывалась для него неблагоприятно («наступают немцы и гайдамаки, нужно спешно эвакуироваться… Район, где мы находились, был кулацким»[278]), поэтому — почему бы временно не присоединиться к «дроздовцам»? А дальше уже как повезет. Тем более что выдумывать ничего не пришлось, офицером Павел Васильевич действительно когда-то был, разве что чин для солидности себе прибавил — на самом деле в отряд его зачислили подпоручиком, а до капитана он «вырос» только через полтора года.

Поскольку «дроздовцы» находились в Мелитополе 16–17 апреля 1918 года, именно этими числами и следует датировать вступление Макарова в их ряды. Дальше был поход, прибытие на Дон, где, как пишет Макаров, «во мне созрело решение — проникнуть в штаб дроздовцев и связаться с подпольной большевистской организацией. Я удачно симулировал болезненное состояние — результат тяжкой контузии и ранения (я, действительно, был контужен). К счастью, мне было знакомо

шифровальное дело, и полковник Дроздовский прикомандировал меня штабным офицером в шифровально-вербовочный отдел»[279]. В Ставрополе Макаров впервые увидел Май-Маевского, о котором пишет так: «Он прославился редкой храбростью еще в империалистическую войну. Генштабист по образованию, Май-Маевский командовал первым гвардейским корпусом, был награжден Анной, Владимиром, Станиславом 1-й степени, имел золотое оружие и георгиевские кресты 3-й и 4-й степени. В „керенщину“ под Тарнополем Май-Маевский первым вышел из окопов навстречу врагу, увлекая за собой солдат. За это генерал получил солдатского Георгия с веточкой. Убежденный монархист, Май-Маевский был тверд, не любил заниматься интригами. В добровольческую армию вступил на Кубани»[280]. Неточности, как видим, присутствуют — генералу приписан орден Святого Георгия 3-й степени, к которому он был только представлен, но не награжден, да и «убежденным монархистом» его сложно назвать, — но не такие уж и большие. (В издании 1960 года Макаров добавил следующее описание внешности генерала: «Он был высокий, толстый, с несколько выдающимся вперед животом, но движения его отличались легкостью. На мясистом лице выделялся выдвинутый вперед подбородок, на верхней губе разросся пучок русых усов, над усами навис крупный нос, а выше светлели голубые глаза, прикрытые пенсне»[281].)

В доверие к Май-Маевскому Макаров вошел не самым благовидным способом — передавая ему нелестные на первых порах отзывы «дроздовцев» о новом командире. В итоге после назначения начдивом Май-Маевский «сразу вызвал меня в кабинет и подробно расспросил о моем происхождении. Пришлось отлить пулю, что мой отец — начальник Сызрано-Вяземской железной дороги, что у Скопина расположено наше большое имение.

Совсем неожиданно для меня Май-Маевский спросил:

— Хотите быть моим личным адъютантом?

Я скромно ответил:

— Ваше Превосходительство, я польщен вашим вниманием, но ведь есть участники корниловского похода…

Май-Маевский перебил:

— Я имею право назначить кого мне угодно. Вы будете моим адъютантом. Сегодня я отдам в приказе.

На другой день я приступил к исполнению своих новых обязанностей. А вскоре генерал Май-Маевский принял корпус и армию, и я сделался адъютантом командарма»[282].

О своем шефе Макаров вспоминал двояко — с одной стороны, не уставал живописать его как вечно нетрезвого «врага трудового

народа», с другой — не отказывал ни в уме, ни в таланте, ни в личном обаянии. Вот, к примеру, описание работы Май-Маевского в то время, как его штаб располагался в Юзовке:

«Он сидел в кабинете и смотрел из окна на горизонт, откуда доносился гул орудийной канонады.

— На пепле развалин строится новая единая, неделимая Россия, — убежденно сказал он, внимательно разглядывая цветные флажки, расположенные кольцеобразно на оперативной карте. Затем отдал распоряжение своему штабу перейти на станцию Криничную.

Май-Маевский поставил дело крепко: стоило ему нажать клавиши правления, как под мастерскую игру генерала плясали и правые и левые. Уезжая на ст.[анцию] Криничную, генерал был спокоен за тыл.

Шли беспрерывные бои, железнодорожные станции переходили из рук в руки. У Май-Маевского было немного войск. Но, перебрасывая их с одного участка на другой, генерал вводил в заблуждение красных. Одним и тем же частям белых войск в течение дня приходилось участвовать во многих боях и разных направлениях; для этой цели был хорошо приспособлен подвижной состав транспорта. Такая тактика и удары по узловым станциям были признаны английским и французским командованием выдающейся новостью в стратегии. Май-Маевский в течение недели раз пять выезжал на фронт, поднимая своим присутствием стойкость бойцов. Войска его уважали, называя вторым Кутузовым (фигурой генерал был похож на знаменитого полководца)»[283]. Поистине удивительно, что такое печатали в СССР. И не только печатали, а многократно переиздавали! (Правда, стоит сказать, что с каждым переизданием книги Макарова в ней оставалось все меньше и меньше хорошего о Май-Маевском.)

В отличие от киношного разведчика Павла Андреевича Кольцова, реальный Павел Васильевич Макаров, как мы видели выше, не имел никакого задания от ЧК, не был никуда «внедрен», а просто выживал у белых как мог, используя ситуацию, в которой оказался волей судьбы. Согласно его мемуарам, он постоянно пытался установить контакты с большевистским подпольем, но все как-то не складывалось. Лишь летом 1919 года он списался со своим братом Владимиром, жившим в Симферополе и когда-то тоже работавшим в ревкоме; Владимир попросил Павла пристроить его в штаб Добрармии, что и удалось в сентябре-октябре. Поздней осенью, по уверению мемуариста, его брат начал уничтожать оперативные сводки белых, но никаких подтверждений этому нет. А вот в декабре 1919-го, когда

наступление белых на Москву провалилось и резко обозначился перелом в пользу красных, братья явно решили спасать себя и срочно вышли на связь с местным большевистским подпольем.

Но мы забежали вперед. А летом 1919 года, на пике удач Добровольческой армии, Макаров вполне наслаждался жизнью: место адъютанта командующего было сытым и спокойным, под юного капитана никто не «копал» и не проверял его, и даже его полуграмотность не вызывала в штабе особых нареканий (доходило до того, что начальник штаба армии генерал-лейтенант Н. П. Ефимов[284] лично исправлял грамматические ошибки в составленных Макаровым бумагах!). Основные обязанности адъютанта сводились к тому, что он поставлял своему командующему алкоголь и устраивал вечеринки, не забывая при этом обделывать и свои гешефты. Описан эпизод, когда Май-Маевский распорядился выдать своему адъютанту со склада 15 пудов сахару и 1 ведро спирта; на деле же Макаров получил 150 пудов и 15 ведер, бестрепетно приписав недостающие цифры. И был этот эпизод далеко не единственным.

Встает вопрос, как мог безусловно умный, талантливый военачальник терпеть возле себя полуграмотного пройдоху, который вместо «серьезно» писал в служебных бумагах «сурьезно» и не стеснялся спекулировать спиртом и сахаром? На этот вопрос отвечает Б. А. Штейфон: «Возможно, что наиболее правильным объяснением столь странного сближения является тот перелом, какой назревал в характере Май-Маевского еще со времен Донецкого бассейна. Когда пагубная страсть стала явно завладевать генералом, ему потребовалось тогда иметь около себя доверенного человека, который не только помогал бы удовлетворению этой страсти, но и принимал ее без внутреннего осуждения. Сознавая свои слабости, Май-Маевский вовсе не желал их афишировать. Он предпочитал, чтобы многое выходило как бы случайно. Столкнувшись с Макаровым, генерал понял, что это как раз тот человек, какой ему необходим. Перед Макаровым можно было не стесняться, совсем не стесняться. Май иногда называл его на „ты“ и, по существу, не делал разницы между своим денщиком — солдатом и личным адъютантом — офицером. И надо признать, что с точки зрения вкусов и привычек Май-Маевского трудно было найти более подходящее лицо, чем Макаров. Он без напоминаний просмотрит, чтобы перед генеральским прибором всегда стояли любимые сорта водки и вина, он своевременно подольет в пустой стакан, он устроит дамское знакомство и организует очередной банкет…

Для всего этого и для многого иного требовались, конечно, деньги. Таковых у Мая не было. Макаров легко нашел выход:

пользуясь своим служебным положением, он под предлогом, что это необходимо чинам и командам штаба армии, добывал из реквизированных складов мануфактуру, сахар, спирт и иные дорого стоившие тогда товары и продукты. Когда ему отказывали, он требовал именем командующего армией, справедливо полагая, что не будут же справляться у генерала Май-Маевского, дал ли он такое приказание или нет. К тому же Макаров в потребных случаях не смущался лично ставить подпись командующего, каковое обстоятельство еще более упрощало получение разных товаров…

Все добытое без труда „загонялось“, и у Макарова появлялись большие деньги. Меньшая часть шла на „обслуживание“ привычек Мая, а большая — уходила на кутежи самого Макарова. Не подлежит сомнению, что о многих грязных проделках своего адъютанта командующий армией и не подозревал. Обычный грех ближайшей неосведомленности многих высокопоставленных людей…

Спаивая своего начальника, Макаров и сам спивался. Спекуляции, которыми он занимался, становились достоянием широких масс, и, как водится в подобных случаях, молва вырисовывала еще более фантастические узоры на фоне и без того неприглядной действительности. Да и трудно было со стороны, особенно людям непосвященным, разобраться, где кончается Макаров и начинается Май-Маевский…

Несколько раз и генерал Кутепов, и генерал Деникин пытались воздействовать на генерала Май-Маевского и побудить его удалить от себя своего адъютанта. Советы первого, как подчиненного, не имели должного авторитета для командующего армией, а генерал Деникин, видно, не считал нужным пресечь решительными мерами все увеличивающийся соблазн. Сам Май-Маевский, быть может, в часы просветления и сознавал недопустимость своего поведения, но его ослабевшая воля уже не имела должных импульсов для сопротивления»[285].

Цитата пространная, но она очень точно объясняет все происходившее с Владимиром Зеноновичем поздним летом 1919 года. Здесь и природная предрасположенность, подавлявшаяся обстоятельствами зимы-весны, и вполне понятное желание расслабиться после непрерывного полугодового напряжения, и наличие рядом «своего» адъютанта, у которого всегда найдется то, что нужно. Не хватает лишь одного: подспудного ощущения близкого краха, конца (хотя в этой причине Май-Маевский вряд ли признался бы даже самому себе). Безусловно соглашаясь с Деникиным в том, что нужно наступать на Москву, он все-таки не мог не испытывать сомнений. Слишком масштабной была

поставленная перед ним задача и слишком сложными военные и политические обстоятельства, чтобы смотреть в будущее с безмятежным оптимизмом. Оттого и пытался генерал заглушить растущие в душе тревогу и неуверенность.

С одной стороны, повод для оптимизма действительно был. ВСЮР контролировали огромную территорию (больше 920 тысяч квадратных километров — это примерно современные Украина и Польша, вместе взятые) с 42-миллионным населением и богатейшими ресурсами, армия приобрела огромный боевой опыт и выросла численно, бойцы были вдохновлены победами и рвались вперед. К сентябрю — октябрю Белое дело находилось на пике своих успехов. В конце августа состоялся блестящий рейд корпуса (на самом деле так именовались шесть тысяч казаков) К. К. Мамантова[286] по советским тылам, пали Тамбов, Раненбург, Лебедянь, Елец; 31 августа группа войск Н. Э. Бредова взяла Киев, практически без потерь вытеснив из него сначала красноармейские, а затем и украинские части; 6 октября кавалеристы А. Г. Шкуро после тяжелейших боев взяли Воронеж, 5-й кавалерийский корпус Я. Д. Юзефовича взял Бахмут, Гадяч, Новгород-Северский. Но успешнее всего наступала «гвардия Белой гвардии», 1-й армейский корпус А. П. Кутепова. 17 сентября он, преодолев ожесточенное сопротивление красных, занял Курск, 11 октября — Кромы, два дня спустя — Ливны и Орел (войскам Май-Маевский послал по-суворовски краткую поздравительную телеграмму: «Орел — орлам!»). На броневиках и бронепоездах уже писали мелом «На Москву», командующий армией на смотрах обещал войскам увидеться в Туле. Казалось, Московская директива Деникина воплощается в жизнь прямо на глазах.

Но помимо этой, чисто внешней, парадной стороны дела существовала и другая. Освобожденную территорию белым было практически нечем контролировать, и когда в конце сентября 1919 года поднял голову недобитый весной Махно (а это, по самым скромным оценкам, 40 тысяч повстанцев), против него пришлось бросать снятые с фронта части, а только-только вставший на ноги тыл фактически перестал существовать. Да и сама армия, которая росла численно, одновременно, как ни парадоксально, теряла в качестве. Ведь теперь ее составляли не только идейные добровольцы, а мобилизованные крестьянские парни, пленные махновцы и красноармейцы — и понятно, что воевали они далеко не всегда блестяще. Да и офицеры из новых пополнений, мобилизованные в тыловых городах, зачастую разительно отличались от первых добровольцев — романтиков конца 1917-го — начала 1918 года, мечтавших лишь о спасении

России. Как вспоминал генерал М. А. Пешня[287]: «В армии осталось так мало тех рыцарей, которые брали Курск и Орел для России, для Москвы, все же остальные атаковали Курск и Орел каждый для себя, если и погибали иногда, то совсем не во славу Армии. Низменные инстинкты руководили ими при взятии городов, психоз наживы и разврата гнал их в бой, и здесь они боялись опоздать… В эту вооруженную, страшную и опасную тучу мародеров входили все бежавшие из полков всех фронтов и частей, все считающие себя на другое время инвалидами и больными, всех тыловых учреждений лишние чины, впрочем, кого там только не было»[288]. Усталость от бесконечных боев порождали такие пороки, как пьянство, наркомания, несоблюдение воинской дисциплины, грабежи мирного населения.

Безмерно разрослись тыловые службы, в которых процветали казнокрадство и воровство. Начиная с весны 1919 года тыл неоднократно пытались «оптимизировать», но к осени в Добрармии все равно на одного фронтовика приходилось семь тыловиков. Появилось слово «реалдоб» — реализация добычи. За полками следовали гигантские, по 100–200 вагонов, эшелоны, груженные трофеями, а десятки офицеров находились в длительных тыловых командировках, «реализуя» добытое. Отчасти это объяснялось чисто практическими соображениями — людей нужно было одевать, кормить, выплачивать им жалованье, — но, конечно, имел место быть и банальный грабеж, который к осени 1919-го в армии «стал таким же обыденным явлением, как питье чая и курение папиросы»[289].

К военным добавлялись административные, экономические, политические вопросы. Видя радостные лица освобожденных обывателей, белые военачальники полагали, что восторг встречи основан на глубокой симпатии местного населения к белым и… ошибались. Действительно, лучшие тут же пополняли ряды добровольцев, но основная масса не спешила помогать им ни морально, ни материально, выжидая, кто победит окончательно. И сразу же повисал в воздухе главный вопрос для крестьянства — земельный. Май-Маевский, кстати, неоднократно указывал Деникину на необходимость его скорейшего разрешения, но Антон Иванович откладывал все «мирные» проблемы на потом, а пока требовал, не сбавляя темпа, развивать наступление на Москву. И главное: до середины 1919 года Советская Россия была скована тяжелой войной с Польшей. Но в конце августа, потерпев ряд тяжелых поражений, большевики заключили с Пилсудским перемирие и у них высвободилось огромное количество войск, которые теперь спешно перебрасывались с Западного фронта на

Южный. В сентябре — ноябре сюда прибыло 325 тысяч человек! И качественно это были совсем иные войска, нежели в 1918-м. Закаленные боями, но, в отличие от одетых с бору по сосенке белых, отлично экипированные и вооруженные, у которых в командирах были мобилизованные офицеры и генералы, зачастую не менее талантливые, чем у Май-Маевского. Наряду с русскими шли национальные соединения — свежие Латышская и Эстонская дивизии, множество частей были укомплектованы китайцами, пленными австрийцами, венграми, немцами. В тылу развернулась поголовная мобилизация, на дверях уездных комитетов партии и комсомола появились объявления «Уком закрыт, все ушли на фронт». Лозунг «Все на борьбу с Деникиным!» становился в РСФСР главным.

Добровольцы уже привыкли сражаться с многократно превосходящим врагом — начиная с Ледяного похода это была своего рода «традиция» Белой гвардии. И бои, развернувшиеся в октябре — ноябре 1919 года под Воронежем, Орлом и Ливнами, долгое время шли с переменным успехом. Даже имея огромное превосходство в живой силе и боеприпасах, красные не могли с ходу разгромить армию Май-Маевского. Измотанные многодневными боями, экономящие каждый патрон, зачастую насчитывавшие в своем составе по 300 штыков (часть войск бросили в тыл, против Махно), полки 1-го армейского корпуса не только стойко держали оборону, но и наносили красным дивизиям, каждая из которых состояла из девяти (!) полноценных полков (то есть фактически равнялась корпусу), ощутимые контрудары. Чаши весов колебались; наступил тот самый момент, когда ситуация могла повернуться как в ту, так и в другую сторону.

Окончательный перелом наступил в середине ноября. На Украине красные отбили Чернигов и Бахмач; 8-я советская кавалерийская дивизия прорвала фронт и атаковала Льгов, где чуть было не захватила штаб Май-Маевского. 20 ноября пал Курск, белые отошли на линию Сумы — Белгород — Новый Оскол. Радостное победное лето сменилось даже не поздней осенью, а сразу ранней зимой, безжалостно перечеркнувшей все достижения прежних месяцев.

Мемуары современников запечатлели тяжелые картины осеннего отступления Добровольческой армии: взрывы мостов, водокачек, бронепоездов, занесенные снегом вереницы теплушек, внезапные ночные бои, трупы замерзших на дорогах. Стало ясно, думать нужно уже не о том, как взять Москву, а о том, как спасать войска от окончательного разгрома. В этой ситуации главком ВСЮР А. И. Деникин принял решение сменить командующего

Добровольческой армией. И 9 декабря 1919 года Владимира Зеноновича Май-Маевского заменил барон Петр Николаевич Врангель.

Существуют разные мнения о подоплеке этой замены. Якобы Деникин был недоволен Май-Маевским еще с конца лета, когда узнал о его харьковских запоях. Но тогда все ограничивалось «серьезными внушениями». А окончательным поводом стало совещание в штабе армии. Тогда выяснилось, что карта района боевых действий существует… в одном экземпляре и находится не в штабе, а на вокзале. В итоге карту ждали не меньше часа, Деникин разгневался, и отставка Май-Маевского «за пьянство и развал работы» была предрешена. В пользу этой версии, кстати, говорит тот факт, что именно в ноябре 1919 года во ВСЮР неожиданно началась масштабная кампания борьбы с пьянством. 18 ноября была запрещена продажа алкоголя в ресторанах после 23 часов, офицеров за пьянство было приказано сажать под арест, а за скандалы — разжаловать в рядовые. И наконец, есть мнение, что Деникин снял Владимира Зеноновича с должности главным образом затем, чтобы назначить на нее своего давнего недоброжелателя Врангеля. Мол, спасти фронт было уже невозможно, и Петру Николаевичу поручили невыполнимую задачу нарочно, чтобы его дискредитировать. В августе 1919-го между Деникиным и Врангелем уже состоялся обмен письмами, больше похожими на памфлеты, а 22 декабря Врангель отправил на имя Деникина пространный рапорт, суть которого свелась к фразе «Армии как боевой силы нет». В итоге Добровольческая армия была сведена в корпус, а между двумя военачальниками окончательно пробежала черная кошка.

Между тем в личном письме, адресованном Май-Маевскому, Деникин так высказался о причинах его отставки: «Мне больно Вам писать это письмо, переживая памятью борьбу в Донецком бассейне, Харьков, Белгород, Орел, Киев…

Но грозная обстановка и исход последней борьбы требует мер исключительных.

Фронт Добрармии зависит от успешных действий конных групп, в нее входящих и к ней присоединяемых.

Поэтому, для наилучшего использования конницы я решил вручить командование Добрармией ген-лу Врангелю, отозвав Вас в распоряжение Главнокомандующего»[290].

Если вдуматься, объяснение вполне убедительное. Надежды выправить ситуацию Деникин еще не терял, и ставку действительно можно было делать только на мобильную кавалерийскую группу — остатки 3-го конного и 4-го Донского корпусов (ему был придан также 2-й Кубанский корпус из состава

Кавказской армии, таким образом набралось около семи тысяч сабель). Деникин не без оснований считал, что лучше распорядиться этой силой сможет именно опытный кавалерийский командир, каким и был Врангель. А Владимир Зенонович, как мы помним, крупными конными соединениями никогда не командовал.

Заметим, что ни о каком пьянстве, ни о каких кутежах и разложении в письме Деникина нет ни слова, и тон его вполне уважительный. Да и с чего бы ему быть иным, если Антон Иванович прекрасно понимал — при имевшемся соотношении сил отход Добрармии неизбежен, и вины командующего в том нет. Напротив, на протяжении осени войска под командованием Май-Маевского проявляли массовый героизм и невиданную стойкость, и Владимира Зеноновича при этом ни один (!) недоброжелатель не смог упрекнуть в том, что увлечение генерала алкоголем как-то помешало ему выполнять свои обязанности. Коротко говоря — выпивший или абсолютно трезвый, Май-Маевский всегда был на посту и принимал единственно необходимые и верные решения.

И еще одно, самое очевидное и, пожалуй, самое главное объяснение его отставки. Во все времена проигравшие военачальники расплачивались за неудачу именно потерей должности. Во всех войнах были свои «антигерои», которым доставались печальные лавры проигравших (и не важно, насколько это соответствовало действительности): в Отечественной войне 1812 года это Чичагов, в Крымской — Остен-Сакен и Меншиков, в Русско-японской — Стессель и Куропаткин, в Первой мировой — Самсонов и Бобырь. Теперь таким антигероем предстояло стать Владимиру Зеноновичу. Очередной крутой поворот судьбы…

В мемуарах П. В. Макарова момент получения генералом письма Деникина описан так: «По мере того, как Май-Маевский читал письмо, выражение его лица становилось все печальнее и злее. <…>

— Я этого давно ждал, — с горечью сказал генерал, — писать не нужно; я раньше буду, чем дойдет ответ. Прикажите из состава поезда выделить мой вагон и приготовить паровоз.

Только что Май-Маевский условился с начальником штаба о заместительстве до прибытия нового командующего, как из Ставки уже пришла телеграмма, сообщавшая о выезде Врангеля в Харьков.

— Я отлично знал, что вслед за письмом должен выехать Врангель, — сказал Май-Маевский.

Начальник штаба просил генерала обождать в Харькове

барона, но Май-Маевский наотрез отказался»[291].

В итоге встреча старого и нового командующих состоялась 27 ноября. Макаров описывает ее так:

«На ст.[анции] Мерефа к нам в вагон быстро вошел Врангель.

— Владимир Зенонович, — сказал он громко, — ты меня прости, я в этом не принимал никакого участия. Даже отказывался, но пришлось подчиниться воле Деникина.

— Я тебя не виню, я раньше предвидел… так должно быть… — сказал с расстановкой Май-Маевский.

— Твое мнение о фронте? — спросил Врангель.

— Я считаю положение тяжелым и безвыходным. Причин много, объяснять их не буду, — твердо ответил Май-Маевский.

— Я думаю, прежде всего подтянуть офицерство. Для примера повесить несколько человек. Нужно остановить беспорядочное отступление, — сказал Врангель.

— Представь себе артель каменщиков, строящих здание; когда они дошли до четвертого этажа, первый дал трещину. Здание заколебалось. Может ли строитель заставить каменщиков продолжать постройку пятого этажа, хотя бы для непокорных и приготовил веревки?

— Владимир Зенонович, ты сильно расстроен. Тебе необходимо отдохнуть. Ты едешь в ставку, а оттуда куда намереваешься отправиться? — спросил Врангель.

— Не знаю, там будет видно.

Они распрощались»[292].

Согласно мемуарам Врангеля, эта встреча состоялась не в Мерефе, а в Змиеве, причем Май-Маевский горячо сетовал на незаслуженность отставки, хотя она была вполне почетной, с зачислением в распоряжение главкома. Судя по свидетельству Г. Н. Раковского[293], подобные «почести» Врангель считал совершенно неуместными и, будь его воля, судьба Май-Маевского сложилась бы иначе: «По его мнению, необходимо немедленно подвергнуть самому беспощадному наказанию бывшего командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского как преступника, который развратил армию, не организовал запасных частей для подготовки пополнений, допустил все тыловые безобразия»[294]. Но Деникин не был сторонником крутых мер. Свое отношение к Владимиру Зеноновичу он откровенно высказал лишь много позже, на страницах воспоминаний, сурово упрекнув бывшего подчиненного за пьянство и одновременно воздав ему должное за блестящее руководство войсками на протяжении почти всего 1919 года.

Так или иначе, Владимир Зенонович отныне был не популярным в обществе командармом, главноначальствующим

Харьковской области и потенциальным военным министром России, а просто отставником. И конечно, после многомесячного напряжения, после осенних неудач он был полностью опустошен и подавлен. Желание делать что бы то ни было пропало, наступили упадок сил и апатия. На вопрос адъютанта, что он собирается делать теперь, Май-Маевский ответил:

— Уеду в Новороссийск или в Кисловодск. Вдали от интриг будет спокойнее. Мне так надоела такая жизнь: выйти никуда нельзя, приходилось гулять у себя в паршивом саду или сидеть в особняке. Я завидовал вам, капитан.

В ответ Макаров начал пылко убеждать шефа обосноваться в Севастополе, и Владимир Зенонович согласился — по всей видимости, ему было все равно, куда ехать.

Комендант Севастополя генерал-майор В. Ф. Субботин[295] предложил Май-Маевскому отдельный особняк, но генерал предпочел остаться в своем штабном вагоне, а затем переехал в гостиницу «Кист»[296], стоявшую в центре города — на Екатерининской улице, рядом с Графской пристанью. О его жизни в отставке сохранилось не так много сведений; Макаров кратко пишет, что генерал «посещал адмирала Ненюкова[297], генерала Субботина; по-прежнему много пил и увлекался Диккенсом»[298]. Едва ли не самым крупным событием в жизни генерала этого периода стало участие в аресте собственного адъютанта.

У Павла Макарова были свои резоны так усиленно настаивать на переезде своего шефа именно в Севастополь. К этому времени брат Павла Владимир (напомним, что осенью Павел смог пристроить его на должность ординарца Май-Маевского) уже вернулся из Харькова в Крым, где связался с местным красным подпольем и готовил восстание. Однако подпольщиков предали, в ночь на 3 февраля 1920 года Владимир Макаров был арестован, а утром 5 февраля взяли и самого «адъютанта его превосходительства». По воспоминаниям Макарова, Май-Маевский лично принял участие в его аресте:

«В „Кисте“ Май-Маевский просил меня приготовить глинтвейн. Он тоже пришел ко мне в комнату, сел на диван и неожиданно спросил:

— Скажите, капитан, как вы смотрите на эсеров и коммунистическую партию? Какая между ними разница?

Впервые он заговорил со мной на политическую тему. Мне ничего не оставалось, как притвориться хладнокровным:

— Я не знаком с партиями. Меньше всего этим интересовался.

— А скажите, капитан, ваш брат действительно был младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся? — спросил Май-

Маевский, с ударением на каждом слове.

— Так точно, Ваше Превосходительство. Он служил в 32-м полку.

— Вы мне в Харькове рассказывали, что ваш отец служил начальником Сызрано-Вяземских железных дорог. У вас там, кажется, и имение есть?

— Точно так, Ваше Превосходительство. Жаль, что не была взята Рязань, — вы лично убедились бы в этом.

— А с какого времени ваш брат состоит в коммунистической партии?

Я понял, что все пропало.

— Никак нет, Ваше Превосходительство, я хорошо знаю брата. Он никогда не был коммунистом.

— Вы знаете, что ваш брат был председателем подпольной организации и все было подготовлено к восстанию? — отчеканил генерал.

При этих словах дверь комнаты открылась, вошла группа офицеров с револьверами в руках. Один из них крикнул злорадно:

— Капитан, руки вверх!

Я поднял руки. На меня смотрели дула нескольких револьверов. Начальник сухопутной контрразведки подошел к Май-Маевскому, стукнул шпорами и, приложив руку к головному убору, отрапортовал:

— Ваше Превосходительство, вам все хорошо известно?

— Да, — сказал генерал и тотчас же ушел»[299].

Это был последний раз, когда Май-Маевский виделся со своим адъютантом. 5 февраля 1920 года дороги этих людей разошлись навсегда, чтобы вновь сойтись через полвека — уже на киноэкране.

После ареста Павел Макаров продолжал упорно утверждать, что ничего о деятельности брата не знал, поэтому его поместили в тюрьму и начали тщательное следствие (яркий пример «беззакония и произвола», который, судя по советским книгам и фильмам, чинила «белая контрразведка»!). А вот Владимира после военно-полевого суда, доказавшего его вину, приговорили к расстрелу. После этого Павел Макаров предпочел не ждать дальнейшего выяснения обстоятельств, бежал из тюрьмы и начал партизанскую войну против белых. Его «3-й Симферопольский повстанческий полк» доставлял довольно много хлопот крымским гарнизонам белых — доказательством тому может служить его упоминание в мемуарах Врангеля. На момент эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 года отряд Макарова насчитывал в своих рядах 279 человек, а сам он за партизанскую деятельность в тылу белых получил именные серебряные часы.

Что касается Май-Маевского, то последний связанный с его именем боевой эпизод относится к февралю 1920-го. Почти одновременно с провалом Макаровского восстания в Крыму началось другое — орловское; его поднял капитан Н. И. Орлов[300], выступавший за «оздоровление тыла». Подавлять восстание было поручено Я. А. Слащову[301], который из Джанкоя немедленно телеграфировал Май-Маевскому в Севастополь. Владимир Зенонович, проявив редкую энергичность, быстро сформировал добровольческий офицерский отряд и на бронепоезде направился в Симферополь, откуда вернулся только при получении сведений о разгроме «орловщины»[302]. Уже один этот эпизод ярко свидетельствует о том, что в отставке Май-Маевский не воспринимался как никчемный безвольный алкоголик, потихоньку продававший мебель из своего гостиничного номера (именно так живописуют его некоторые мемуаристы[303]), — иначе Слащов обратился бы к кому-нибудь другому. Да и бывшие подчиненные помнили и любили генерала. Когда 16 марта 1920 года в Феодосию прибыл из Новороссийска Корниловский ударный полк, Май-Маевский, облаченный в полковую форму, приехал встретить ударников на пристань, на что корниловцы ответили ему импровизированным парадом. Растрогавшись, Владимир Зенонович прослезился[304].

Сразу после «орловской» истории Май-Маевского неожиданно навестил Врангель, в феврале 1920-го уже находившийся, в общем, в таком же положении, как и Владимир Зенонович (ему предстояла отставка после острого конфликта с Деникиным и фактически высылка из России, как ему казалось, навсегда). Владимир Зенонович был тронут визитом, но не преминул напомнить гостю о том, как больно было читать изданный им сразу же после вступления в командование Добрармией приказ, где был красноречивый пункт о борьбе с пьянством и грабежами. В ответ на недоумение Врангеля Май-Маевский пояснил:

— Помилуйте, на войне начальник для достижения успеха должен использовать все, не только одни положительные, но и отрицательные побуждения подчиненных. Настоящая война особенно тяжела. Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они и воевать не будут.

— Ваше Превосходительство, какая же разница при этих условиях будет между нами и большевиками? — возмутился Врангель.

— Ну, вот большевики и побеждают, — отреагировал Май-Маевский…

Уже через два месяца судьба Врангеля резко изменилась — он был избран главнокомандующим Вооруженными силами Юга

России и немедленно преобразовал их в Русскую армию. В ее рядах Май-Маевскому по-прежнему не нашлось места, 26 апреля он был зачислен в резерв чинов. Но он, по-видимому, и не стремился больше к командным должностям. Здоровье после 1919 года было подорвано, мучило сердце («Стал слабеть, — признавался генерал, — сам чувствую, что машина портится»[305]). Ему оставалось только следить за газетными сообщениями, переживать по поводу Одесской и Новороссийской эвакуаций, радоваться успехам Врангеля, надеяться на лучшее. Не сбылось — Белому Крыму историей была отпущена очень недолгая судьба.

Эвакуация Русской армии из Крыма началась 11 ноября 1920 года. Поскольку ее план был разработан заранее, паники и давки, в отличие от Одесской и Новороссийской эвакуаций, не наблюдалось. Владимир Зенонович, конечно, не пожелал оставаться «под Советами» и 12 ноября отправился к начальнику штаба Русской армии П. Н. Шатилову; тот распорядился выдать отставному генералу автомобиль для перевозки вещей на пристань и снабдил его денщика пропуском на корабль. На прощание Владимир Зенонович расцеловался с Шатиловым. Однако, как следует из «Памятной записки о Крымской эвакуации» Шатилова, «очень скоро после того, как он от меня ушел, ко мне прибежал другой неизвестный мне офицер с подпрапорщиком, оказавшимся денщиком Май-Маевского. Они заявили, что генерал Май-Маевский только что скоропостижно скончался. Денщик все время плакал, был страшно расстроен и все время причитывал: „умер мой генерал, нет моего генерала“. Я послал освидетельствовать, действительно ли Май-Маевский скончался, и, получивши подтверждение, приказал отвезти его тело в госпиталь»[306].

В 5-м томе «Архива Русской Революции», опубликованном в Берлине в 1922 году, содержится также публикация некоего Н. И. К. «Последние дни Большого дворца», в котором смерть Владимира Зеноновича описана так: «Около 4 часов приходит из города адъютант генерала Врангеля и сообщает, что только что умер генерал Май-Маевский. Все поражены. Часа за полтора до этого Май-Маевский был во дворце и просил у начальника штаба автомобиль для перевозки вещей на пароход. Машина ему сейчас же была дана, и он, заехав домой за вещами, отправился на пристань, но, проезжая по Екатерининской улице[307], умер в автомобиле от разрыва сердца»[308].

Сохранились также воспоминания известного советского кинорежиссера С. И. Юткевича, в 1920 году шестнадцатилетнего подростка, находившегося в белом Севастополе: «Я и сейчас с ужасом вспоминаю то невообразимое, что творилось в

Севастополе, когда к городу подходили красные. Обезумевшие люди рвались к порту. На моих глазах генерал Май-Маевский, привстав в машине, выстрелил себе в висок»[309]. Но это единственное свидетельство, больше оно ничем и никем не подтверждается.

Где и как похоронили Владимира Зеноновича, неизвестно. В суматохе эвакуации его смерть прошла практически незамеченной. По бытующей в Севастополе легенде, могила генерала находится на старом городском кладбище, что на улице Пожарова. Так или иначе, генерал-лейтенант Май-Маевский не пережил грядущего расставания с Родиной и остался с ней навсегда.

Прошло пять десятилетий. Возможно, имя командующего Добровольческой армией на пике ее успехов так и осталось бы достоянием специалистов по Гражданской войне, если бы не его бывший адъютант — Павел Макаров. Ему была уготована извилистая судьба: вскоре после эвакуации войск Врангеля из Крыма он возглавил истребительный отряд по борьбе с бандитизмом Крымской ЧК, какое-то время руководил милицией в родном Скопине, но вскоре окончательно вернулся в Крым, где служил в уголовном розыске Симферополя. По-видимому, душа бывшего адъютанта его превосходительства жаждала широкого признания, потому что в 1927 году он выпустил книгу воспоминаний, призванных возвысить автора и «застолбить» за ним важное место в истории Гражданской войны. Наверняка Макаров рассчитывал и на интерес со стороны драматургов и киносценаристов, так как снабдил мемуары специальным примечанием: «Всякого рода перепечатки и заимствования из этой книги (для пьес, сценариев и т. д.) без особого на то разрешения автора воспрещаются»[310]. Но получилось скорее наоборот. Вскоре после выхода книги (напомним, что в 1927–1929 годах она выдержала пять изданий и фактически вернула имя Май-Маевского из небытия) партизанская деятельность Макарова на стороне красных была подвергнута сомнению, адъютантством в логове классового врага его тоже начали попрекать, и в результате Павел Васильевич лишился пенсии, а в 1937-м и вовсе был арестован. Правда, в 1939 году его освободили и реабилитировали, а годом позже Макаров даже выпустил в Симферополе очередное издание своих мемуаров, в которых, правда, о его службе у Май-Маевского вообще не упоминалось и рассказ велся исключительно о партизанстве врангелевских времен. К началу Великой Отечественной Макаров служил в местном собесе, а в 1941 году во второй раз в жизни ушел в партизаны. На этот раз доблестно воевали не только он

сам, но и его жена и дети — дочь Ольга и сын Георгий, который в 1943 году погиб в бою. В отместку за партизанскую деятельность Макарова нацисты в декабре 1941-го после жестоких пыток расстреляли его мать, а также родителей жены. Заслуги Павла Васильевича были отмечены орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. В октябре 1942 года его, истощенного до степени дистрофии, эвакуировали из Крыма на Большую землю.

После войны Макаров снова пережил взлет известности, он пользовался заслуженным уважением как ветеран, а его мемуары, к которым добавились воспоминания времен Великой Отечественной, переиздавались в 1957 и 1960 годах. По их следам в 1966 году радио Крыма подготовило программу о Макарове, автором которой выступил его соратник по партизанскому движению Великой Отечественной Георгий Леонидович Северский (1909–1996). Этой программой заинтересовалась киевская газета «Юный ленинец», вскоре заказавшая Северскому повесть на ту же тему. В соавторы (вернее, в литобработчики) Северский взял киевского журналиста и литератора Игоря Марковича Росоховатского (1929–2015), и в итоге появилась повесть «И все-таки это было», публиковавшаяся в «Юном ленинце» в июле — ноябре 1967 года (причем Росоховатский скрылся под псевдонимом И. Росенко). Сюжет повести уже очень сильно отличался от реальной судьбы Макарова — авторы только «оттолкнулись» от нее, фактически создав совершенно нового персонажа по имени Павел Васильевич Маканов (с самим Макаровым при этом не консультировались и его не упоминали). Главным же героем повести был мальчик Миша Львов. А уже на основе этой повести Северский, не ставя в известность Росоховатского, вместе с опытным и успешным сценаристом Игорем Яковлевичем Болгариным (р. 1929) написал сценарий телевизионного фильма «Адъютант его превосходительства». Правда, от него один за другим отказались семь режиссеров, а восьмой, Е. И. Ташков, основательно переделал сценарий, отрывки из которого были опубликованы в 1968 году в журнале «Вокруг света». На этот раз адъютанта звали уже Павлом Васильевичем Марковым, а в предисловии сценаристы ссылались на П. В. Макарова — «одного из первых советских разведчиков». Впрочем, затем адъютанта переименовали в Павла Андреевича Маркова, а там и в Павла Андреевича Кольцова. Одновременно и Миша Львов стал Юрой.

Съемки шли в 1969 году, после чего фильм на четыре месяца «лег на полку» — члены худсовета обвинили его в апологии белогвардейщины. Но после закрытой премьеры для высших

чинов КГБ дело сдвинулось с места, и в апреле 1970 года фильм увидела вся страна, а его создатели получили Государственную премию. Росоховатский после выхода сериала на экраны подал в суд, и в июле 1972 года дело не без вмешательства министра культуры Е. А. Фурцевой закончилось мировым соглашением сторон, Северский выплатил Росоховатскому 1500 рублей. В 1979 году под фамилиями Северского и Болгарина вышла также новеллизация фильма под названием «Адъютант его превосходительства», куда вошли фрагменты повести «И все-таки это было». Впоследствии свет увидели еще семь книг о приключениях «адъютанта» (который отнюдь не был расстрелян, как это можно понять из фильма, а смог бежать и успешно продолжил свою деятельность).

Вот так имя Владимира Зеноновича Май-Маевского обрело вторую жизнь и подлинную популярность на просторах СССР. Впрочем, образ Владимира Зеноновича Ковалевского все-таки заметно отличался от прототипа, об этом можно судить по тексту книги «Адъютант его превосходительства». «Книжный» генерал Ковалевский, к примеру, окончил юнкерское училище, «первым на германском фронте получил золотое оружие», «всю войну, с первых дней четырнадцатого года <…> командовал корпусом», который «во время знаменитого Брусиловского прорыва особо отличился, за что и получил наименование гвардейского»; в генерал-лейтенанты его «произвел государь император», а «осенью восемнадцатого Ковалевский формировал штаб Добровольческой армии»[311]. Кроме того, он был женат, но бездетен, и в его семье воспитывалась племянница, будущая жена Г. Я. Седова Вера. Напомним, что реальный Май-Маевский заканчивал не юнкерское, а Николаевское инженерное училище; Георгиевское (а не Золотое) оружие получил хотя и одним из первых, но все же не первым; на Первую мировую вышел командиром полка, затем командовал бригадой и дивизией, а корпус получил лишь в 1917 году, причем гвардейским он именовался вовсе не из-за заслуг в Брусиловском прорыве; чин генерал-лейтенанта Владимир Зенонович получил уже в Добровольческой армии, к формированию штаба которой никакого отношения не имел. Да и с наградами неувязка — киношный Ковалевский, как и его прообраз, носит орден Святого Георгия 4-й степени, но вот Георгиевским крестом той же степени его почему-то обделили, взамен пожаловав некую иностранную награду (видимо, призванную подчеркнуть связь генерала с «интервентами»). В 4-й серии, в сцене банкета, британский генерал поздравляет Ковалевского «со званием лорда» и награждает его «орденами Святых Михаила и Георгия»; на самом

деле это одна награда, посвященная двум святым, и В. З. Май-Маевский был удостоен ее низшей степени (Companion), а в достоинство лорда его никто не возводил. Да и само награждение орденом выглядело почти анекдотичным, так как король Георг V пожаловал награду «генералу Харькову», искренне полагая, что Харьков — фамилия военачальника (впервые «генерала Харькова» упомянул премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж в речи 17 апреля 1919 года). Когда же члены британской военной миссии выяснили, что никакого генерала Харькова нет, орден вручили Май-Маевскому. (В той же сцене банкета на шее у генерала почему-то появляется еще и крест Святой Анны 2-й степени, но такое легкое отношение к «царским» наградам вообще характерно для советского кино: вспомним хотя бы «Хождение по мукам» В. С. Ордынского, где на груди Л. Г. Корнилова рядом с орденом Святого Георгия 4-й степени висит орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.) Об отсутствии у генерала семьи упоминалось в начале очерка, равно как и о том, что жена Г. Я. Седова Вера Валериановна Май-Маевская доводилась Владимиру Зеноновичу двоюродной сестрой, а не племянницей.

Внешне генерал Ковалевский в исполнении Владислава Стржельчика вызывал явные ассоциации с реальным Май-Маевским, но до полной аналогии с прототипом было все равно далеко — Ковалевский нисколько не походил на тучного одышливого «комика провинциальной сцены», да и алкоголем не злоупотреблял. Кстати, и в книге любовь генерала «к кутежам и водочке» упоминается настолько мельком, что на это можно не обращать внимания. И это понятно: красный разведчик должен был победить умного, серьезного и, что немаловажно, трезвого противника.

Кстати сказать, столь же далеким от прототипа получился и образ самого главного героя — Павла Андреевича Кольцова. Выше уже говорилось, что П. В. Макаров в Добровольческой армии оказался, в общем, случайно, а активную борьбу с белыми начал только в феврале 1920 года. Кольцов же в фильме вполне полноценный «красный Штирлиц», внедренный в тыл врага по заданию Всеукраинской ЧК и ведущий там весьма успешную работу. Вместо реального 134-го пехотного Феодосийского полка, в котором служил Макаров, Кольцову достались вымышленные 42-й Тегринский полк (в фильме) и рота разведчиков в 1-й пластунской бригаде генерала Казанцева (в книге; причем в одном месте Кольцов сообщает, что воевал в 9-й армии на Юго-Западном фронте, а в другом — на Западном). В отличие от не имевшего за Первую мировую орденов Макарова Кольцов успел

заслужить в боях награды (как он сам говорит, «ордена Анны и Владимира с мечами»; правда, неясно, почему в таком случае он не носит свой крест Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом на кителе), но не был ранен (на сохранившихся фотографиях Макарова на его форме видны две нарукавные нашивки за ранения, Кольцов же в фильме не носит ни одной). Образованием Кольцов, в отличие от прототипа, тоже мог похвалиться вполне солидным — «гимназия, три курса университета, ускоренный курс военного училища». Кроме того, реальный «адъютант его превосходительства» — в то время 22-летний обладатель вполне заурядной наружности — внешне сильно проигрывал 34-летнему Юрию Соломину, воплотившему на экране, можно сказать, эталонный образ белого офицера — красивого, благородного, умного, храброго.

Другие сюжетные посылки фильма также весьма далеки от реальности 1919 года. Никакого крушения эшелона с танками, тем более в результате диверсии, в истории Белого движения не зафиксировано; белые вовсе не стремились установить контакты с петлюровцами, скорее наоборот; белое подполье в Киеве отнюдь не было выкорчевано на корню, а успешно работало вплоть до освобождения города войсками Н. Э. Бредова. Впрочем, в художественном фильме такие неточности вполне допустимы.

Сам Павел Васильевич Макаров еще успел увидеть фильм, прототипом главного героя которого был он сам. Но колоссальный успех «Адъютанта…» самого адъютанта отнюдь не радовал — Макарова возмущало то, что его реальная история после множества перипетий превратилась в художественное произведение, не имеющее никакого отношения к нему самому. 16 декабря 1970 года Павел Васильевич скончался в возрасте 73 лет в Симферополе, на полвека пережив генерала, которому когда-то служил…

Николай Бредов: Верный долгу

Герой этого очерка, непосредственно причастный к ряду памятных событий Гражданской войны, не относится к известным лидерам Белого движения, находясь «в тени» своих непосредственных начальников — А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Николаю Эмильевичу Бредову не было посвящено ни одной отдельной работы, в его биографии по сей день существует множество белых пятен, и даже в весьма обстоятельных трудах по истории Гражданской войны его нередко путают с младшим братом, тоже генералом, Федором Эмильевичем. А между тем заслуживает внимания как минимум один интересный факт: во время Гражданской войны белые армии проделали несколько впечатляющих походов — 1-й (Ледяной) и 2-й Кубанские, поход дроздовцев Яссы — Дон, Екатеринославский (Зимний), Великий Сибирский… И ни один из них не был назван в честь военачальника, под командованием которого он был проделан. Исключение одно — Бредовский поход. И уже одно это заставляет относиться к имени генерала с интересом и уважением. Почему же этот генерал удостоился такой чести и какую роль он сыграл в Белом движении?

Николай Эмильевич Бредов появился на свет в семье потомственных офицеров. В некоторых источниках упоминается, что русские Бредовы — это ветвь древнего немецкого рода фон Бредовых (Bredow)[312], но этот вопрос еще требует отдельного исследования. Во всяком случае, приставку «фон» к своей фамилии семья генерала точно не использовала. По семейному преданию, его дед, немецкий военный инженер Эмиль Бредов был приглашен в Россию для модернизации крепости Новогеоргиевск (ныне Модлин, Польша)[313]. Его единственный сын Эмилий-Александр Эмильевич Бредов (1844–1895), уже приписанный к потомственному дворянству Плоцкой губернии, тоже стал военным инженером, служил в Николаевском инженерном училище, в чине штабс-капитана участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, за что удостоился ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В 1879 году он был произведен в полковники, в 1894-м — в генерал-майоры, а в 1890–1895 годах командовал 26-м пехотным Могилевским полком[314]. Женат Э. Э. Бредов был на Ольге-Софии Егоровне Кеппен (1843–1931), чья семья также была крепко связана с армией, ее отец — Егор Матвеевич Кеппен (1810–1868) — выходец из разночинского лифляндского рода, был полковником[315], а родные братья поднялись до генеральских

чинов: Николай-Егор Егорович (1845—?) был генерал-майором, а Павел Егорович (1846–1911) — генералом от артиллерии, управляющим Двором великой княгини Александры Иосифовны, воспитателем и близким другом великого князя Константина Константиновича, оставшегося в истории русской поэзии под псевдонимом К.Р., а в истории русского кадетского образования — как «отец всех кадет». Еще один брат, Егор Егорович (1853—?), дослужился до полковника, а Владимир-Фридрих Егорович (1859–1915), выйдя в отставку гвардии капитаном, перешел на гражданскую службу и в 1895–1913 годах был помощником правителя дел канцелярии Правления Императорской Академии наук. Таким образом, Николай Эмильевич Бредов был внуком полковника, сыном и племянником трех генералов, такое нечасто встречается даже в военных семьях.

Несмотря на то что Эмилий Эмильевич Бредов был лютеранином по вероисповеданию, его жена и дети были крещены в православной вере (стоит обратить на это внимание, так как во многих открытых источниках ошибочно говорится о том, что Н. Э. Бредов был лютеранином). В семье было три сына и три дочери — Александр-Эмилий-Георгий (родился 13 октября 1872 года), Николай-Павел-Константин (30 октября 1873 года), Елизавета-Жозефина-Эмма-София (12 сентября 1875 года), Мария-Эмма-София (21 декабря 1881 года), Феодор-Михаил (2 апреля 1884 года) и София-Елизавета-Екатерина (18 августа 1885 года). В русском обиходе вторые и третьи имена не использовались, и герой этого очерка стал для всех просто Николаем Эмильевичем.

В послужном списке генерала, составленном 12 мая 1917 года и дополненном 14 марта 1918-го в Российском государственном военно-историческом архиве, указано, что он «уроженец Петроградской губернии»[316]; в протоколе же допроса 1944 года, заверенном самим Н. Э. Бредовым, местом рождения генерала значится Санкт-Петербург. Но военная служба началась для Николая в Москве, с поступления в 1-й Московский кадетский корпус. Окончив его курс, он вернулся в столицу и 30 августа 1891 года был зачислен во 2-е Константиновское военное училище рядовым юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. Учился Бредов вполне успешно, что следует из присвоения ему званий унтер-офицера (18 сентября 1892 года) и портупей-юнкера (8 декабря 1892 года). Из училища юноша 7 августа 1893 года был выпущен в 13-й стрелковый полк, квартировавший в Одессе, в чине подпоручика. В полку он исполнял должности батальонного адъютанта и младшего офицера. И, как многие представители военной молодежи,

стремился продолжить образование. 15 июня 1896 года подпоручик был командирован в штаб Одесского военного округа для предварительных испытаний на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба. Испытания офицер выдержал успешно и два месяца спустя был откомандирован в Петербург. 8 октября 1896 года для него началась напряженная академическая учеба.

Первого июня 1897 года Николай Бредов получил чин поручика. Однако насыщенный курс академии, по-видимому, оказался для офицера непосильной ношей, так как 1 октября того же года, не сдав один из экзаменов, он был отчислен из академии и вернулся в полк. Впрочем, на этом поручик не сдался — 24 марта 1898 года его снова откомандировали в академию для держания экзамена в старший класс. На этот раз все прошло хорошо, и офицер был зачислен в академию сверх штата, а в мае 1899-го — и в штат. Курс академии Николай Эмильевич окончил с отметкой «успешно» и 23 мая 1901 года «за отличные успехи в науках» был произведен в штабс-капитаны, а на следующий день причислен к Генеральному штабу и получил перевод в Киевский военный округ. Его первой должностью там стал пост старшего адъютанта штаба 19-й пехотной дивизии. Отныне бóльшая часть служебной жизни Бредова будет связана именно с Киевом, а 18 лет спустя войскам под его командованием даже придется брать этот город.

Семнадцатого января 1902 года он был назначен старшим адъютантом штаба 9-й кавалерийской дивизии, 6 декабря того же года был произведен в чин капитана со старшинством 23 мая 1901 года и в тот же день получил свой первый орден — скромный крест Святого Станислава 3-й степени. А еще через неделю началась затяжная, длиной в год, заграничная командировка — в австрийский Линц. Формально «для усовершенствования в немецком языке», но на самом деле такие командировки всегда имели разведывательные цели. Нет сомнения, что во время этой командировки Бредов работал в тесном взаимодействии с русским военным агентом (атташе) в Австро-Венгрии полковником В. Х. Роопом[317].

По возвращении из Линца Николая Эмильевича ждал фронт — шла Русско-японская война, и 9-я пехотная дивизия, в штаб которой получил назначение капитан, принимала в ней активное участие. Боевое крещение капитана Бредова пришлось на 4 июля 1904 года. В этот день он, исполняя обязанности начальника штаба отряда генерал-майора К. Т. Рябинкина[318], принял участие в сражении на Уфангаунском перевале. Потом были бои 18 и 19 июля, 13–21 августа, 24 сентября — 5 октября, 13 января

1905 года, 5–27 февраля… Фактически Николай Эмильевич прошел через все тяжелейшие сражения Японской кампании, чем могли похвастаться совсем немногие ее участники. И заслуги мужественного офицера были оценены по достоинству, о чем свидетельствует весьма солидный список боевых наград, полученных им за Русско-японскую: ордена Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (8 октября 1904 года) и 2-й степени с мечами (12 января 1905 года), Святого Станислава 2-й степени с мечами (27 ноября 1904 года), Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (31 июля 1905 года). Кроме того, шашку героя украсил темляк соединенных цветов, Аннинского и Георгиевского, — знак того, что он удостоен ордена Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (24 сентября 1904 года) и Золотого оружия с надписью «За храбрость» (20 мая 1907 года). 9 сентября 1905 года за боевые отличия Бредов был произведен в чин Генерального штаба подполковника со старшинством 6 декабря 1904 года. А особой милостью стало то, что офицер «удостоился чести быть признанным в восприемники»[319] Наследника Цесаревича великого князя Алексея Николаевича, то есть заочно считался его крестным отцом (конечно, в почетном, а не в буквальном смысле).

После окончания войны Генштаба подполковник Николай Бредов 28 сентября 1905 года был откомандирован в Виленский военный округ для цензового командования 12-й ротой 41-го пехотного Селенгинского полка. 2 января 1906 года последовало назначение на должность штаб-офицера для поручений при штабе Киевского военного округа; затем, с перерывом на цензовое командование батальоном, Бредов заведовал отчетным отделением штаба округа и неоднократно исполнял должность окружного генерал-квартирмейстера. Его непосредственным начальником с августа 1908 года был генерал-майор (с октября 1908 года — генерал-лейтенант) М. В. Алексеев, будущий основатель Белого движения, а сослуживцем — подполковник (с декабря 1909 года — полковник) М. К. Дитерихс[320], впоследствии женившийся на сестре Бредова Софье. Штабная работа в Киеве сочеталась с множеством командировок — как правило, Бредов сопровождал в них командующего округом (до декабря 1908 года — генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова, после — генерала от артиллерии Н. И. Иванова). Послужной список Николая Эмильевича хранит упоминания и о множестве «секретных поручений», которые он выполнял во время службы. Так, с секретными поручениями его отправляли в Дубно (апрель 1907 года), Ровно, Луцк, Дубно и Житомир (декабрь 1907 года), Житомир и Умань (декабрь 1908 года), Харьков, Полтаву, Курск,

Чугуев и Чернигов (апрель 1909 года), Могилев-Подольский (март 1911 года), Проскуров и Каменец-Подольский (апрель 1911 года), Умань и Винницу (декабрь 1911 года)…[321]

Осенью 1906 года подполковника Бредова постигло большое личное горе, в Петербурге умер его близкий друг, подполковник военно-судебного ведомства Алексей Леонидович Носович. Он оставил после себя вдову Екатерину Павловну и шестилетнего сына Бориса; материальное положение семьи было крайне тяжелым. Вскоре Николай Эмильевич женился на вдове друга и усыновил Бориса. В семье появились дочери Татьяна (родилась 2 августа 1909 года) и Ольга (10 декабря 1912 года). В 1910 году Бредовы жили в Киеве по адресу Большая Подвальная, 22, в 1911 году — на Банковской, 5, в только что построенном пятиэтажном «Доме с маками», а тремя годами позже — на Прорезной, 26.

Супруга Н. Э. Бредова Екатерина Павловна, в первом браке Носович, урожденная Лансере (1878–1958), также была потомком русского рода иностранного происхождения. Ее отец, генерал-майор (при выходе в отставку он был произведен в генерал-лейтенанты) Павел Александрович Лансере (1845–1900) был военным инженером, как и отец Н. Э. Бредова, и служил в том же Варшавском военном округе. Старшая сестра Екатерины Павловны, Елена (1876–1963), вышла замуж за генерал-майора М. Н. Папа-Федорова[322], а младшая, Надежда (1880–1920), была близким другом и доверенным лицом знаменитого юриста А. Ф. Кони[323].

Интересна генеалогия супруги Н. Э. Бредова. Ее дед, поручик Александр Павлович Лансере, сын оставшегося после Отечественной войны 1812 года в России французского офицера, был на год младше своего брата, Людвига-Александра Павловича — отца скульптора Евгения Александровича Лансере, от которого пошел знаменитый род русских художников. Таким образом, Екатерина Павловна Бредова приходилась троюродной сестрой художнику Е. Е. Лансере, архитектору Н. Е. Лансере и художнице З. Е. Серебряковой, урожденной Лансере.

Шестого декабря 1908 года Николаю Эмильевичу, которому за два месяца до того исполнилось 35 лет, был присвоен чин Генерального штаба полковника. 5 июня 1912 года офицер получил назначение на должность начальника штаба 44-й пехотной дивизии, расквартированной в Умани. Но меньше чем через год, 28 марта 1913-го, последовал перевод обратно в Клев, на аналогичную должность в 33-ю пехотную дивизию, которой командовал генерал-лейтенант А. А. Зегелов[324]. С этой дивизией Николай Эмильевич и вышел на фронт Великой войны, как в то время называли Первую мировую. 33-я дивизия входила в состав

21-го армейского корпуса, а тот, в свою очередь, 3-ю армию Юго-Западного фронта.

Войска, входившие до войны в состав Киевского военного округа, приняли на себя первый удар, и неудивительно, что начштаба 33-й пехотной быстро сумел проявить себя. Уже 18–19 августа 1914 года он совершил подвиг, за который 6 февраля следующего года был удостоен почетнейшей боевой награды страны — ордена Святого Георгия 4-й степени. Как сказано в описании подвига, Николай Эмильевич, «будучи начальником штаба пехотной дивизии и находясь в течение всего боя под сильным артиллерийским, а временами и ружейным огнем противника, разработав план действий дивизии, создал полное взаимодействие в бою всех частей дивизии и, направляя свою самоотверженную деятельность на поле сражения к приведению всего плана в исполнение, способствовал завершению боя полною победою». (В послужном списке причина награждения отражена коротко — «за отличие в боях против Австрии»[325].)

Десятого ноября 1914 года полковник получил перевод из штаба в строй своей дивизии — командиром 166-го пехотного Ровненского полка (в командование вступил 2 декабря). В должности комполка Николай Эмильевич прослужил три месяца. 13 февраля 1915 года он получил также мечи к уже имевшемуся у него ордену Святого Владимира 3-й степени и в тот же день был назначен генерал-квартирмейстером 11-й армии. В этой должности Бредов служил до конца лета. 5 августа Николай Эмильевич был произведен в чин Генерального штаба генерал-майора, а три дня спустя отбыл к новому месту службы в Псков, на только что созданный Северный фронт — генерал-квартирмейстером штаба армий фронта.

К сожалению, на этой должности генерал-майор Бредов не смог в полной мере раскрыть свой талант штабиста. Северный фронт, возглавлявшийся неудачно возвращенным из небытия антигероем Русско-японской войны генералом от инфантерии А. Н. Куропаткиным, предпринял в марте и июле 1916 года две попытки прорвать мощные оборонительные линии, возведенные германцами на стыке Латвии и Белоруссии, но обе попытки оказались безуспешными и привели к большим потерям. 15 августа 1916 года генерал снова вернулся в уже ставший для него родным Киев, исправляющим должность начальником штаба Киевского военного округа (соответствующий приказ по округу был подписан 8 сентября). Главным начальником округа в это время был давний знакомый Бредова, 58-летний генерал-лейтенант Николай Александрович Ходорович, который в свое время сам прошел через многие должности, которые занимал

впоследствии Бредов, — окончил те же училище и академию, что и он, участвовал в Русско-японской, командовал одним из полков 33-й дивизии и был ее начальником штаба.

На должности начальника штаба Киевского военного округа Николай Эмильевич встретил Февральский переворот 1917 года. Как именно он отнесся к падению «старого режима», мы не знаем, но косвенным доказательством того, что «требования момента» Бредов вполне понял и принял, служит его дальнейший служебный рост: он попал в разряд тех военачальников, которых «демократическая» власть начала двигать наверх, замещая ими «старорежимных» генералов. Тыловая служба, продолжавшаяся восемь месяцев, завершилась 22 апреля 1917 года, когда Бредов принял 6-ю Финляндскую стрелковую дивизию (вступил в должность 11 мая). Эта дивизия была сформирована в январе-марте того же года и включала в себя 21, 22, 23 и 24-й Финляндский стрелковые полки трехбатальонного состава. Она входила в состав 49-го армейского корпуса 11-й армии Юго-Западного фронта. Как и все прочие формирования «Армии свободной России», 6-я Финляндская стрелковая обладала непременным атрибутом постреволюционной эпохи — собственным комитетом, который мог оспорить приказы командующего.

Девятнадцатого июня дивизия под командованием Николая Эмильевича Бредова участвовала в разгроме 9-й австро-венгерской армии у Зборова. Но это были последние победы русской армии, буквально через несколько дней сменившиеся позорным отступлением, больше похожим на бегство. После катастрофы, постигшей 11-ю армию, век дивизии оказался недолгим — уже 16 августа она была назначена к расформированию, а ее полки на правах третьих бригад вошли в состав 82-й пехотной и 4-й Финляндской стрелковой дивизий. Так что Бредову было суждено быть вторым (после генерал-майора Н. Н. Оболешева[326]) и последним командующим этой дивизией.

Тридцатого сентября Николай Эмильевич, по-прежнему оставаясь в чине генерал-майора, вернулся с Юго-Западного на Северный фронт, он был назначен командующим XXI армейским корпусом[327], занимавшим позиции в районе Вендена (ныне Цесис, Латвия). В открытых источниках Н. Э. Бредову приписывается командование тремя корпусами — 24, 12 и 21-м, но в послужном списке речь идет только о последнем, что логично: это соединение было, в общем, «родным» для Бредова, поскольку в двух из трех дивизий, входивших в его состав, 33-й и 44-й, он служил в свое время начальником штаба, а одним из полков 33-й дивизии командовал. Кроме двух «коренных»

дивизий, в корпус входили сформированная в феврале 1917 года 185-я пехотная дивизия, 33-я и 44-я артиллерийские бригады и парковые дивизионы; с сентября 1916 года корпусу были приданы также 116-я пехотная, а с июля 1917-го — 3-я Особая пехотная дивизии.

До войны корпус дислоцировался на Украине, из 20 тысяч солдат 33-й и 44-й дивизий около 14 тысяч были украинцами (из 495 офицеров —168 украинцев)[328], и это не в последнюю очередь повлияло на политическую ориентацию его офицеров и солдат: единственным из соединений Северного фронта корпус был «украинизирован» (приказ об этом был отдан 29 июля). Означало это, что из его частей переводились в другие полки солдаты — не украинцы по национальности, а их места занимали украинцы. С 21 сентября такую практику отменили, и украинские пополнения отныне приходили из тыла[329]. Офицеры при этом оставались на своих должностях или уходили по желанию, так что украинским корпус был по «солдатскому» принципу. Национализированные части обладали единственным достоинством, они плохо поддавались большевистской пропаганде. В остальном же это были типичные войска революционного времени, склонные к митингам по любому поводу и практически небоеспособные. Правда, как раз 21-го корпуса это не касалось, он был одним из наиболее стойких соединений фронта, геройски проявив себя в августовских боях под Ригой.

Восемнадцатого сентября Николай Эмильевич был награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами, а 12 октября 1917 года произведен в Генерального штаба генерал-лейтенанты с утверждением в должности командира 21-го армейского (вернее, уже 3-го Украинского) корпуса. 20 октября корпус был переведен из состава 12-й армии в 1-ю, что вызвало массовый протест среди украинских военнослужащих, увидевших в этом «тактический злоумышленный выпад неизвестных сил, которые имеют намерение остановить украинизацию»[330]. Но через пять дней в Петрограде произошел государственный переворот, власть перешла в руки большевиков, которые немедленно обрушили на армию поток нововведений — отменялись чины, погоны и ордена, все должности делались выборными, немедленно начались переговоры о мире с немцами. Фактически к концу 1917-го армия превратилась в неуправляемую вооруженную толпу, с которой можно было сделать только одно — как можно скорее демобилизовать ее.

Сторонником украинизации Бредов не был. Об этом говорит хотя бы его поведение на заседании исполкома совета солдатских депутатов Киевского военного округа 20 апреля 1917-го, когда

генерал активно убеждал собравшихся делегатов в том, что формирование украинских частей в условиях продолжающейся войны нецелесообразно[331]. Но после Октябрьского переворота Николай Эмильевич, по всей видимости, выбрал украинизацию как меньшее зло и возможность сохранить армию хоть в каком-то виде, ведь киевская Центральная рада заявила о своем непризнании переворота, и большевистские декреты не имели для «украинских» войск никакой силы. 31 октября 1917 года Центральная рада направила в корпус обращение к солдатам, призывавшее их выполнять только оперативные приказы командования, а от выполнения политических приказов советской власти отказываться. Скоро начались попытки украинских властей снять корпус с фронта. 7 ноября Центральная рада отдала командиру 3-го Украинского корпуса приказ «немедленно отправиться на Украину, а если не отпустят, то идти силой»[332]. 26 ноября военный секретарь (министр) провозглашенной три недели назад Украинской Народной Республики С. В. Петлюра вторично потребовал у большевистской Ставки «обменять» корпус на 2-й гвардейский, но получил отказ, не помог и разговор Петлюры по прямому проводу с красным главковерхом Н. В. Крыленко. В корпус проникали большевистские идеи, 607 человек вступили в Красную гвардию, ширилась антивоенная и антиукраинская агитация. В этой ситуации Бредов 7 декабря заявил в разговоре со штабом 1-й армии, что корпус должен быть либо украинским, либо нет: «В таком положении, как теперь, оставаться прямо немыслимо. Невозможно объединить две разных величины»[333].

Процесс перевозки корпуса из Латвии на Украину так и не был начат официально. В атмосфере нараставшего хаоса части просто распылялись, лишь 175-й пехотный Батуринский полк смог более-менее организованно пробиться через Белоруссию на Черниговщину, в район Бахмача. Остатки 33-й дивизии прибыли на Украину только в апреле 1918 года.

К этому времени служба генерал-лейтенанта Бредова в рядах русской армии уже подошла к концу. Формально она завершилась 27 января 1918 года, в этот день, согласно послужному списку, он сдал командование корпусом и, «как достигший высшего призывного возраста, отправился впредь до увольнения в отставку, в разрешенный отпуск»[334]. Соответствующий приказ войскам 1-й армии был отдан 2(15 по новому стилю) февраля. За все время Великой войны это был второй отпуск Бредова, первый он брал с 17 по 23 июля 1916 года — всего на неделю…[335] Николай Эмильевич отправился в Киев, где находилась его семья.

К тому времени Киев уже успел пройти через множество

политических потрясений. С 9 января Украина была независимой от Советской России. 22 января войска Центральной рады утопили в крови восстание рабочих завода «Арсенал». А через четыре дня в Киев после варварского артобстрела, не продиктованного никакой военной необходимостью, вошли большевистские войска под командованием бывшего капитана русской армии М. А. Муравьева[336]. Город погрузился в атмосферу террора, без суда и следствия было казнено более пяти тысяч человек, из них три тысячи офицеров. Но первый большевистский период продлился для Киева чуть больше месяца. Успевшая заключить с Германией мир Центральная рада запросила помощи у немцев, и в начале марта в Киев вошли германские войска, вместе с которыми вернулись петлюровцы. Правда, их власть была чисто номинальной и продержалась ровно столько, сколько это нужно было немцам. Поняв, что восстановить хотя бы временную стабильность на Украине Центральная рада не в состоянии, оккупанты плавно преобразовали Украинскую Народную Республику в Украинскую державу (далее — УД) во главе с бывшим генерал-лейтенантом русской армии Павлом Петровичем Скоропадским, принявшим титул гетмана всея Украины. И это была первая с начала года власть в Киеве, при которой Николай Эмильевич Бредов и его семья могли вздохнуть свободно.

Несмотря на то что УД позиционировала себя как государство, не имеющее никакого отношения к России, ее «украинскость» была во многом формальной. Сам Скоропадский, по его словам, только и ждал падения советской власти, чтобы «положить Украину к ногам России». В народе новая страна быстро получила ироническое название «Скоропадия». Но, несмотря на это, весной-осенью 1918-го она многими воспринималась как островок стабильности в бушующем послереволюционном море. На то, что гарантом этой стабильности выступали вчерашние враги — германцы, которые беспощадно грабили Украину, — как правило, закрывали глаза: ведь на фоне большевиков немецкие порядки выглядели именно что порядками.

Хотя УД держалась только на германских штыках, она обладала некоторыми признаками полноценной страны: государственными атрибутами, валютой, дипломатическим признанием со стороны тридцати государств, чиновничьим аппаратом. И главное — армией, в которую стремились тогда многие офицеры бывшей русской армии. Стремились по нескольким причинам: на Украине при Скоропадском не было террора по отношению к офицерам, не шла Гражданская война,

оклады были вполне приличными, а все 64 пехотных и 18 кавалерийских полков были переименованными полками русской армии. Поэтому многие выдумывали себе украинское происхождение, лишь бы выехать в «Скоропадию» и получить там должность. Так, уроженец Витебска генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза[337] «стал» выходцем с Черниговщины и занял пост военного министра Украины. В армии УД были введены новые чины (вместо поручика — значковый, вместо капитана — осавул, вместо генерал-майора — генеральный хорунжий) и погоны, внешне похожие на германские, с ромбиками вместо звездочек. Но с этим мирились, как и с необходимостью осваивать команды на украинском языке. Большинство офицеров УД воспринимали «Скоропадию» как промежуточный этап в судьбе, тихую заводь, где можно будет передохнуть и дальше перебраться на Дон — в Добровольческую армию. Всерьез воевать за гетмана они не собирались, что доказала история обороны Киева в конце 1918 года.

Поступил в армию УД и Николай Эмильевич Бредов. Нет сомнения, что для него его «украинский» период тоже был «необходимым злом», временем отдыха и одновременно попыткой хоть как-то заслониться от бушующего вокруг хаоса. В Военном министерстве, точнее, в Главном военно учебном управлении (по-украински — Головна шкільна управа), он получил должность члена комиссии по созданию военных школ и академий. Предполагалось, что украинские военно-учебные заведения будут делиться на юношеские военные школы, обер-старшинские профессиональные курсы, старшинские классы в военном и артиллерийском политехникумах, Военную академию и высшие курсы штаб-старшин и генеральных старшин. На деле же работа сводилась к «украинизации» тех военных училищ и кадетских корпусов, которые еще не успели пройти через этот процесс, и подготовке к созданию Военной академии. Но Бредов не мог не понимать, что «Скоропадия» явление временное, нужно думать о том, что будет дальше. И генерал сделал свой выбор, наладив связь с представителями Добровольческой армии, которые, во главе с генералом от инфантерии П. Н. Ломновским, в гетманском Киеве работали практически беспрепятственно, выполняя приказ М. В. Алексеева о переправке офицеров и солдат с Украины на Дон. Параллельно в столице формировались также Особый корпус и Сводный корпус Национальной гвардии, в них записывались офицеры, не желавшие ни служить гетману, ни ехать на Дон.

Между тем история «Скоропадии» подходила к концу. 11 ноября в Европе завершилась Первая мировая война (для России

она закончилась еще 3 марта с подписанием позорного Брест-Литовского мира), одновременно в Германии произошла революция, и германские оккупационные войска начали готовиться к эвакуации (из Киева они ушли 13 ноября). Оставшийся без поддержки Скоропадский срочно начал переговоры с представителями Добрармии, заявив на них: «Будущее Украины в России, но Украина должна войти, как равная и равной на условиях федерации. Прошло время командования из Петербурга — это мое глубокое убеждение. Самостийство было необходимо, как единственная оппозиция большевизму. Надо было поднять национальное чувство… Я никогда не сочувствовал немцам, но только они спасли русскую культуру на Украине». Впрочем, А. И. Деникину, твердо стоявшему на позициях «единой, великой и неделимой России», такие рассуждения близки не были, да и Добрармия, скованная боями на Северном Кавказе, решать украинские проблемы в конце 1918-го просто не могла, так что полноценное соглашение между сторонами достигнуто не было. И хотя Скоропадский издал «Федеративный акт», обещав в нем объединить Украину с Россией, эта декларация осталась на бумаге. А вот для политических противников гетмана акт стал последней каплей — 16 ноября они подняли восстание, образовалась Директория во главе с С. В. Петлюрой и В. К. Винниченко, поставившая своей целью свержение Скоропадского. Поскольку за семь месяцев своего правления гетман успел восстановить против себя очень многих, и в первую очередь крестьянство, мятеж скоро принял характер общенародного.

О том, что боевая сила армии УД на поверку оказалась во многом фикцией, уже говорилось выше — умирать за Скоропадского украинское офицерство (насколько оно было «украинским», мы видели выше) отнюдь не стремилось, и многие части гетманской армии переметнулись к Петлюре или разбежались (а тысячный отряд под командованием генерального хорунжего И. М. Васильченко[338] с боями ушел из Екатеринослава в Белый Крым, за 34 дня преодолев 500 верст). Единственной реальной опорой гетманской власти в Киеве волей-неволей оказались те самые русские добровольческие дружины, которые формировались начиная с лета. И то они готовы были воевать не за Скоропадского, а против Петлюры. Офицеры этих дружин открыто носили русскую форму и погоны, в городе появилось множество плакатов «Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан!». 31 октября газета «Голос Киева» опубликовала приказ о переходе всех войск на территории России в подчинение Добровольческой армии, что вызвало в городе

настоящий ажиотаж, всюду появились русские флаги, а добровольческие дружины объявили о своем подчинении Деникину. Впрочем, сам он заявил, что такого приказа не отдавал. В такой обстановке гетману ничего не оставалось, кроме как санкционировать официальную деятельность Киевского центра Добровольческой армии под командованием генерала от инфантерии П. Н. Ломновского. С 25 ноября в этом центре начал служить и Н. Э. Бредов. Первым делом Ломновский отдал приказ, предписывавший всем русским офицерам Киева считать себя частью Добровольческой армии, что повлекло конфликт с гетманским главнокомандующим генерал-лейтенантом князем А. Н. Долгоруковым[339]: тот приказал арестовать Ломновского. И хотя конфликт разрешился за несколько часов, он тут же стал достоянием обывателей и произвел сильное деморализующее воздействие на защитников Киева.

В обстановке хаоса, нервозности предстоящей эвакуации и непонятных линий подчинения удержать Киев от стремительно наступавших мятежников было невозможно. Немногочисленные офицерские дружины и сохранившие верность гетману части армии УД были разгромлены на подступах к городу, а А. Н. Долгоруков отдал поспешный, близкий к паническому приказ о капитуляции и бежал в Одессу вместе с офицерами своего штаба. Гетмана вывезли из Киева под видом раненого германского офицера. 13 декабря последние защитники Киева — офицеры русских добровольческих дружин — сложили оружие, а на следующий день в город ворвались петлюровцы. Именно этот период описан Булгаковым в «Белой гвардии», и эта книга прекрасно дает понять, в какой атмосфере жила семья Бредовых в это время.

Нет сомнения, что у Николая Эмильевича, пожелай он этого, были возможности нажать на нужные рычаги и эвакуироваться вместе с немцами, как это сделали сам Скоропадский и десятки высших офицеров из его окружения. Но делать этого Бредов не стал, у него была четкая гражданская позиция. После захвата Киева петлюровцами он, как и другие офицеры Киевского центра, не пострадал. Французский консул Э. Энно, находившийся в Одессе, направил на имя Директории ультиматум, требующий предоставить киевским «добровольцам» гарантии безопасности. Тем не менее за то, что эти гарантии будут соблюдаться, поручиться не мог никто. Оставалось одно — уезжать на Дон, в Добровольческую армию.

Это рискованное путешествие завершилось успешно. По прибытии в Екатеринодар 24 января 1919 года Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Э. Бредов был зачислен в резерв

чинов при штабе главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. В Добрармии Николай Эмильевич после долгого перерыва наконец встретился со своим младшим братом Федором. Тот также выбрал военную карьеру, окончил Павловское военное училище и Николаевскую академию Генштаба, служил в лейб-гвардии Финляндском полку и Иркутском военном округе. В 1915 году Генерального штаба подполковник Федор Эмильевич Бредов был взят в плен вместе со всем гарнизоном крепости Новогеоргиевск. И вот теперь оба брата увиделись на Дону. Забегая вперед скажем, что полковнику Ф. Э. Бредову была суждена яркая карьера в рядах Белого дела — долгое время он возглавлял штаб 3-й пехотной (Дроздовской) дивизии, а 17 августа 1920 года стал начальником штаба 2-го армейского корпуса Русской армии П. Н. Врангеля, причем рядом с отцом воевал и его сын, подросток-кадет Ростислав.

Ждать настоящего дела Бредову пришлось достаточно долго. Лишь 26 июня 1919 года А. И. Деникин назначил его на должность начдива 7-й пехотной дивизии Кавказской армии П. Н. Врангеля. Эта дивизия была сформирована 31 мая как 7-я дивизия, а 3 июня была переименована в 7-ю пехотную. У этого соединения была интересная предыстория. В конце января 1919 года в занятой французами Одессе генерал-майор Н. С. Тимановский сформировал Отдельную Одесскую стрелковую бригаду для защиты города от красных. В конце марта бригада отступила в Бессарабию, а оттуда в конце апреля была перевезена в Новороссийск. На ее базе и развернули 7-ю дивизию, в составе которой находилось много закаленных боями под Одессой офицеров и солдат.

Как и большинство соединений белых армий, дивизией вверенная Бредову часть могла считаться лишь номинально, поскольку в ней числилось 4653 человека, то есть меньше полка по штатам 1914 года. Впрочем, довоенные рамки давным-давно остались в прошлом. В состав дивизии входили Сводный полк 4-й стрелковой дивизии, Сводный полк 15-й пехотной дивизии (эти названия напоминали о соединениях, стоявших в Одессе до революции), 42-й пехотный Якутский полк, запасной батальон, 7-я артиллерийская бригада и 7-я инженерная рота. Начальником штаба дивизии был полковник Г. А. Эверт[340], как и Бредов, служивший ранее в гетманской армии.

Тридцатого июня 1919 года началась переброска дивизии под Царицын. К этому времени город уже три дня безуспешно штурмовала Кавказская армия П. Н. Врангеля, которая не могла сломить оборону мощной группировки красных под командованием Л. Л. Клюева[341] (21 тысяча штыков и сабель, 119

орудий). Но появление под стенами города свежей, хоть и небольшой дивизии Бредова, пяти бронепоездов и 17 танков изменило обстановку. «Начали прибывать первые эшелоны 7-й дивизии, — вспоминал П. Н. Врангель. — Вид частей порадовал меня. Полки были отлично одеты в английскую форму хаки и металлические шлемы. Люди выправлены, в частях большой процент кадровых офицеров. Начальник дивизии генерал Бредов был чем-то задержан в Ростове, и во главе дивизии стоял полковник Непенин»[342]. Выправка солдат и высокий воинский дух, царивший в 7-й дивизии, запомнились и генералу П. С. Махрову: «Эшелоны приходили в полном порядке. Солдаты поражали своей дисциплинированностью и внешним видом. Все они были одеты в новое английское обмундирование».

В ночь на 12 июля дивизия атаковала город в составе ударной группы генерал-майора С. Г. Улагая и, следуя за прорвавшими проволочные заграждения танками, смяла порядки противника. Утром 13 июля после жестокого уличного боя Царицын сдался, причем, согласно воспоминаниям П. Н. Врангеля, фронт красных окончательно прорвала именно 7-я дивизия при поддержке 3-й Кубанской казачьей. Первая же боевая операция времен Гражданской войны с участием Николая Эмильевича завершилась успешно. Во время штурма 7-я пехотная дивизия потеряла 361 офицера и солдата убитыми, ранеными и пропавшими без вести, иными словами, каждого тринадцатого.

Поскольку ситуация на фронте развивалась стремительно, надеяться на отдых не стоило. Сразу же после взятия Царицына 7-я пехотная дивизия была погружена в эшелоны и направлена на хорошо знакомый Николаю Эмильевичу украинский театр военных действий. Генерал П. С. Махров так описал сцену отъезда Н. Э. Бредова из Царицына: «На платформе я увидел начальника дивизии Николая Эмильевича Бредова. Это был очень симпатичный человек и отличный генерал, имевший репутацию боевого храброго офицера. За командование полком в 1915 году он был награжден Георгиевским крестом и как талантливый офицер Генерального штаба был известен еще в мирное время. Выше среднего роста, красивый, стройный, прекрасно сложенный, с чисто военной выправкой, одновременно он был подвижен и спокоен.

— Николай Эмильевич, — окликнул я его, — у меня к вам просьба, когда займете Полтаву и освободите мою жену, от которой я не имею сведений, дайте мне весточку.

— Напишите мне адрес вашей супруги, — ответил Бредов, тут же вынул свою записную книжку и записал наш адрес в Полтаве»[343].

Отныне Николаю Эмильевичу предстояло воевать в составе Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского. В биографиях обоих военачальников можно найти несколько «точек пересечения» — оба были петербуржцами, на Великой войне рано стали георгиевскими кавалерами, а в июле 1917-го оба сражались в 11-й армии Юго-Западного фронта. 16 июля 1919 года 7-я пехотная дивизия Бредова принимала участие во взятии Полтавы, и Николаю Эмильевичу выпала приятная участь сообщить жене генерала П. С. Махрова о том, что ее муж жив. Как вспоминала супруга Махрова, перед ней «стоял стройный, моложавый генерал, симпатичный и элегантно одетый». «Прошу Вас сказать мне откровенно, в чем Вы нуждаетесь, я сделаю все возможное, — сказал Бредов. — Может быть, Вам нужны деньги? Мы с Петром Семеновичем потом сочтемся». «Все это было сказано просто, прямо от души»[344], — вспоминала жена Махрова.

В Полтаве были взяты большие трофеи — 20 орудий, бронепоезд, 35 паровозов, 1500 вагонов. По предложению Бредова в городе торжественно отметили 210-ю годовщину Полтавского сражения. Обращаясь к войскам во время парада, генерал отметил, что гвардейцы повторили и умножили подвиги своих предков, совершенные под Полтавой в 1709 году.

Тридцатого августа 1919 года Николай Эмильевич снова увидел город, с которым было столько связано в его судьбе, — Киев. На этом эпизоде боевой карьеры генерала стоит остановиться подробнее.

Задача освобождения Киева, с февраля 1919 года находившегося в руках красных, была поставлена в Московской директиве А. И. Деникина. Для занятия города был предназначен так называемый Полтавский отряд, в который вошли 7-я пехотная дивизия, свежесформированный 5-й кавалерийский корпус (командир — генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович) в составе 1-й и 2-й кавдивизий и Сводно-гвардейская бригада (командир — генерал-майор барон Н. И. Штакельберг), всего примерно шесть тысяч штыков и сабель. У красных было вдесятеро больше сил — прикрывавшие Киев советские 12-я и 13-я армии насчитывали 67 тысяч штыков. Но фронт к тому времени практически развалился, и большевики думали не столько об обороне Киева, сколько о его «зачистке» и эвакуации имущества. Тем более что с запада к городу быстро приближалась еще одна вооруженная сила — объединенные армии Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и Украинской Народной Республики (УНР), а именно 1-й и 2-й корпуса Галицкой армии ЗУНР и Запорожский корпус армии УНР под общим командованием бывшего австро-венгерского

подполковника, а ныне генерального четаря (чин, равный генерал-майору) Антона Крауса[345]. Отношение к белым у галичан и украинцев было различным. Для первых русские не были врагами, в то время как петлюровцы ненавидели любую Россию, не важно, белую или красную. Тем не менее по отношению к объединенным украинским силам белые руководствовались простым приказом — украинцы должны или сдать оружие, или примкнуть к добровольцам, если же эти условия не будут выполнены, их следует считать такими же противниками, как и большевиков. В свою очередь, украинцам их командование предписывало воздерживаться от любых проявлений враждебности по отношению к белым.

Задачу освобождения Киева В. З. Май-Маевский поручил Николаю Эмильевичу Бредову. Нет сомнения, что выбор именно его кандидатуры на эту роль был не случайным: во время штурма Царицына генерал успел проявить себя как мужественный и инициативный военачальник, кроме того, он хорошо знал местную специфику, ориентировался в городе и прилегающих к нему районах. И наконец, освободителю Киева надо было проявить дипломатические таланты, ведь ему предстоял неизбежный контакт с представителями украинских вооруженных сил. Не последнюю роль сыграло и отличное знание генералом немецкого языка (в Галицкой армии он использовался наравне с украинским, так как она создавалась на базе укомплектованных украинцами частей австро-венгерской армии).

Проанализировав обстановку и не желая напрасных жертв, Бредов избрал оригинальную тактику. Он предоставил право вытеснить красных из города украинцам. В итоге после непродолжительных оборонительных боев вечером 30 августа (в одном из них при не до конца выясненных обстоятельствах погиб Н. А. Щорс[346]) красные оставили Киев, и подошедшие первыми украинцы и галичане заняли его ключевые точки. На следующий день в Киеве должен был состояться парад с участием Петлюры. При этом сами украинцы считали, что добровольцы скованы боями в 80 километрах от города и опасности для них не представляют. На самом же деле первые разъезды группы Бредова появились на никем не охраняемом Николаевском мосту через Днепр тем же вечером 30 августа. Три полка из 5-го кавкорпуса Юзефовича двинулись по улицам, без лишнего шума разоружая все встречавшиеся по пути украинские и Галицкие части.

Рядовой Н. В. Волков-Муромцев, участвовавший в этой операции, так вспоминал вступление в Киев: «Мост, с пол версты длиной, казался просто приманкой для засады. Впереди нашей линии шел Исаков, с другой стороны моста Мирский. На всех

лицах напряжение. <…> Как только перешли, пеший разведочный отряд от роты Мирского полез по крутому обрыву, а мы, сформировавшись в колонну, пошли вверх по Николаевскому спуску. Подождав наверху остальные роты, мы шли вниз по Никольской и Александровской на Царскую площадь. Впереди шел Энден с отрядом. За ними тянулись остальные стрелки.

Тут наверху канонада звучала гораздо громче. Мы остановились у Арсенала. Разведки пошли в соседние улицы. Все поочередно гадали, кто это мог быть. Или кто-то бомбардировал подходы к Киеву, или красные от кого-то отбивались. Говорили, что наши перешли Днепр ниже по течению, другие — что это армия Шиллинга из Одессы, третьи — что это поляки, и т. д.

Когда мы наконец двинулись опять, улица была пуста. Только на Царской площади вдруг высыпал народ. Стали кидать цветы, девицы целовали солдат, кричали „ура“, махали русскими флагами.

Вдруг все замерло. Толпа прижалась на тротуарах. Энден с частью своего отряда разделился, поехал вперед по Крещатику, там вдали стояла колонна австрийцев в серо-голубых формах и кепи. На вид они были так же удивлены, как и мы. Сивчук прошептал:

— Да это австрияки, откуда они?

Подъехал батальонный. Все глазели на австрийскую колонну. Энден медленно ехал по середине улицы по направлению к австрийцам. Мы смотрели в ожидании. Энден вернулся и громко сказал:

— Они говорят, что они украинцы, командует ими какой-то Петлюра.

— Да ну их к черту! — сказал Исаков.

<…> Сейчас же возобновились крики „ура“, посыпались цветы, толкотня. Мы прошли до Бессарабки и остановились»[347].

Офицер-танкист А. Д. Трембовельский[348] вспоминал: «При входе в город киевляне забрасывали танки цветами. Восторженная толпа приветствовала нас криками „ура“, а на одной площади жители города встретили нас с бокалами шампанского»[349].

Свой штаб Николай Эмильевич разместил в здании 5-й Киево-Печерской мужской гимназии[350]. Таким образом, украинские и добровольческие войска появились в городе одновременно.

Утром 31 августа обе вооруженные силы встретились в центре города, на Думской площади[351]. На Крещатике собралась многонациональная (в 1919 году в Киеве жили более 232 тысяч русских, 128 тысяч украинцев и 114 тысяч евреев) толпа горожан.

Галичане и петлюровцы появились на площади в полдень и вывесили на балконе здания думы желто-голубой флаг, портреты Тараса Шевченко и Петлюры. Двумя часами позже в сопровождении священнослужителей подошли и добровольцы. Обе стороны вели себя корректно, эскадрон белых построился рядом с галичанами, а на просьбу генерал-майора Н. И. Штакельберга[352] разрешить принять участие в параде и вывесить на балконе думы также и русский флаг, генерал Краус ответил согласием. Всё шло к тому, что парад освободителей Киева получится совместным. Сначала рядом с украинским флагом на балконе думы вывесили несколько переданных из толпы маленьких русских флажков, а вскоре генерал Штакельберг своими руками укрепил там и большой триколор; собравшиеся на Думской площади горожане взорвались аплодисментами и криками восторга. Но тут произошло непредвиденное: только что назначенный комендантом Киева петлюровский полковник В. П. Сальский[353] приказал сорвать триколор с балкона, заявив: «Перед московським прапором не будемо парадувати!» Еще каких-то два года назад Сальский был русским подполковником, кавалером Георгиевского оружия, более того, судьба дважды сводила его с Бредовым — сначала в 1916 году на Северном фронте, затем в Военном министерстве Украинской державы, где Сальский служил в отделе пехотных школ. И вот теперь бывший русский офицер приказывал сорвать «московский» флаг со здания Киевской городской думы. Один из казаков выполнил приказ и передал флаг сотнику Божку, который картинно бросил полотнище под копыта коня Сальского. Результат этой выходки оказался предсказуемым — киевская толпа взревела уже от негодования. К Сальскому бросился один из верховых офицеров-добровольцев, на скаку вынимая шашку из ножен, но ординарец полковника зарубил его. На площади началась беспорядочная стрельба, причем огонь по петлюровцам и галичанам вели главным образом киевляне. После короткой свалки петлюровцы с галичанами бежали с площади и рассеялись по городу. Бредов отдал решительный приказ разоружить украинцев, и вскоре бóльшая часть петлюровских войск сложила оружие; остальные скопились в районе вокзала и тщетно ждали приказов от растерявшегося командования.

Обескураженный генерал Краус (тоже едва не погибший, когда под его автомобиль кто-то бросил гранату) лично направился в штаб Бредова улаживать конфликт. После десяти минут ожидания Николай Эмильевич появился в комнате в сопровождении офицеров своего штаба. Крауса сопровождали отаман Виметаль, сотники Тавчер и Верниш, поручики

Онишкевич и Чехович. Разговор шел по-немецки; это обстоятельство позволило украинскому историку Я. Ю. Тинченко 80 лет спустя иронизировать по поводу того, что «два немца на немецком языке решали судьбу славянского Киева». Но на каком еще языке Бредову было разговаривать с якобы украинским, а на деле австрийским генералом? Что же касается «немецкости» самого Бредова (дополнительно подчеркиваемой приставкой «фон», которая в реальности им не использовалась), то скажем коротко — Николай Эмильевич был русским во втором поколении (в протоколе его допроса 1944 года указано: «Русский, из дворян»), православным по вероисповеданию, и, самое главное, он был русским офицером, что и определяло всю его жизнь и судьбу…

Переговоры начал Краус:

— Господин генерал, наши войска после тяжелых боев заняли Киев; мы воюем против общего врага — большевиков. Мы оба воины, и политика нас не касается. Я пришел сюда, чтобы установить демаркационную линию, а потом вместе воевать с большевиками. Оставим политические недоразумения политикам.

Последовала пауза, после которой Николай Эмильевич жестко отчеканил:

— Киев, мать городов русских, никогда не был украинским и не будет!

— Оставим политику в стороне, — после долгой паузы с трудом возразил Краус, — мы должны оговорить только военное положение, и у меня нет никаких полномочий разрабатывать продолжительные условия. Я здесь только как командир группы войск, который хочет избежать конфликтов. Сейчас в дороге уже находится делегация во главе с генералом Павленко, у которого полномочий больше. Делегация прибудет с минуты на минуту.

— Речь идет об Омельяновиче-Павленко? — уточнил Бредов, имея в виду Михаила Владимировича Омельяновича-Павленко, бывшего генерал-майора русской армии, служившего у Скоропадского, а затем возглавившего Галицкую армию.

— Я не знаю, — слукавил Краус, отлично знавший, что это именно Омельянович-Павленко.

— В том случае, если это Омельянович, он будет расстрелян, — коротко отозвался Бредов, — а с Петлюрой переговоров вообще не будет, так как он бандит. А как вы относитесь к Петлюре?

Краус ушел от ответа, сказав, что Галицкая армия была вытеснена поляками за реку Збруч, воюет с большевиками и имеет свои линии подчинения. Затем Краус высказал возмущение

тем, что белые разоружили галицкие подразделения, на что Бредов заметил, что галичане тоже захватили одну его артбатарею, а затем напомнил о том, что со здания думы был сброшен и затем уничтожен русский флаг. Стрельбу на улицах генерал назвал большевистской провокацией и заключил:

— Украинские войска должны быть немедленно и без всяких условий выведены из города.

— Мы сами взяли город и намерены его защищать от любого врага, — возразил Краус.

С улицы между тем раздавались одиночные выстрелы и пулеметные очереди. Краус предложил отправить в город одного из своих офицеров, чтобы известить стороны о ходе переговоров, но Бредов не согласился. Тогда Краус подал ему свой револьвер со словами:

— В таких обстоятельствах все переговоры иллюзорны. Я без связи со своими войсками, без информации, мои руки заранее связаны, поэтому я не могу свободно принимать решения и считаю себя вашим пленным[354].

В ответ Бредов предложил Краусу хорошо подумать и вышел из комнаты. Согласно другой версии, «выбежал в бешенстве», чего, конечно, быть не могло: на протяжении всех переговоров Николай Эмильевич вел себя спокойно и уверенно, с позиции силы, и оставил Крауса в одиночестве именно затем, чтобы окончательно навязать ему свою волю. Прием сработал блестяще. «На один час Бредов оставил меня одного, это был самый тяжелый час в моей жизни, — вспоминал Краус. — В моей голове крутились самые страшные мысли. Почему я должен быть тем, на кого возложены такие тяготы и ответственность? Где была давно обещанная делегация с генералом Павленко, где был главный атаман Петлюра?»[355] Через час, в два часа ночи 1 сентября, переговоры продолжились. Уловив в настроении австрийца перемену, Бредов напористо потребовал у него сдать все оружие или передать Галицкую армию в подчинение Деникина. От этого ошеломленный Краус категорически отказался, а вот следующее требование Бредова на фоне предыдущих уже показалось ему вполне приемлемым: украинцы и галичане должны были отойти от Киева на один дневной переход, без всяких трофеев и не предпринимая никаких враждебных действий против белых. Кроме того, из Крауса удалось выбить еще один важный пункт: «Галицкая армия действует независимо от войск Петлюры, под собственным галицким командованием, без какой-либо политической программы, с одной только целью борьбы с большевизмом»[356].

Утром 1 сентября на всех киевских стенах можно было

прочесть приказ Н. Э. Бредова, извещавший о том, что Киев отныне и навсегда возвращается в состав великой и неделимой России. Сложнейшая задача, поставленная перед военачальником, была полностью выполнена. В итоге избранной Николаем Эмильевичем тактики красные ушли из Киева сами, отступив перед превосходящими силами украинцев и галичан, а этих «конкурентов» белые вытеснили из города в течение дня благодаря дипломатическому таланту Бредова. В сущности, освобождение Киева в конце августа 1919 года может по праву считаться наиболее блестящей операцией по овладению крупным населенным пунктом за всю историю Белого дела на Юге России — осуществленной минимальными силами и с минимумом жертв. (Из четырех других российских городов, чье население к 1919 году превышало 200 тысяч человек, Белая армия заняла также Одессу и Харьков, однако эти военные операции сопровождались достаточно серьезными боями и, соответственно, потерями.)

Современный украинский историк С. В. Машкевич так оценивает итоги двух судьбоносных для Киева дней: «Белогвардейцы в Киеве в нужные моменты проявили твердость и решимость. Находясь в явном меньшинстве, они не колебались, не стесняли себя джентльменскими нормами, когда нужно было разоружать противника, и твердо отстояли свою линию на переговорах. Украинцы же, во-первых, не имели продуманной стратегии поведения по отношению к белогвардейцам (приказ „занимать“, но не „стрелять“ попросту сгубил их); во-вторых, страдали от разногласий в собственном лагере (между галичанами и наддніпрянцами); в-третьих, по крайней мере, в самом Киеве не пользовались поддержкой местного населения»[357].

Существуют, впрочем, и другие оценки действий Н. Э. Бредова в качестве дипломата — мол, занятая им позиция была не просто «твердой и решительной», а чрезмерно жесткой, что помешало создать союз между добровольцами и украинцами. Об этом писал бывший министр исповеданий у Скоропадского В. В. Зеньковский: «Соглашение, которое так легко было достигнуть в это время (украинцы, дорожа тем, чтобы хотя бы „символически“, но без власти, остаться в Киеве, пошли бы на самые принципиальные уступки), достигнуто не было — так была совершена грубейшая трагическая ошибка. По существу, самое соглашение, которое неизбежно должно было покоиться на унижении украинцев (ибо оставить Киев в руках украинцев — чего они добивались, обещая в дальнейшем доброжелательный нейтралитет, — действительно было невозможно для

„добровольцев“ ввиду огромного стратегического значения Киева как крупного железнодорожного узла), но его нужно было бы добиться, чтобы иметь непосредственное соприкосновение с украинцами именно в Киеве. Для этого нужно было создать и максимально удерживать какую-нибудь „паритетную“ комиссию, не владея вполне Киевом и не отдавая его всецело украинцам. Такое положение продолжилось бы не более нескольких месяцев — одна или другая сторона должна была бы уйти. А между тем за это время можно было бы добиться нового соглашения с Петлюрой, быть может заключить даже серьезный союз. <…> Но в ставке Деникина уже был провозглашен лозунг „Единой Неделимой России“ — лозунг верный, но демагогически направленный против украинцев — говорю демагогически, потому что не все украинские группы к тому времени стояли так решительно за „самостийность“»[358]. В этой обширной цитате мемуарист сам же и отвечает на вопрос, возможно или невозможно было соглашение добровольцев с украинцами: несомненно, что Н. Э. Бредов получил четкие инструкции от А. И. Деникина и вел переговоры с А. Краусом исходя исключительно из идеи «единой, великой и неделимой России».

Тем не менее надежда на то, что украинцев удастся «сломать», какое-то время еще не покидала добровольческое командование. В отличие от переговоров Бредова с Краусом значительно меньше известен факт переговоров комбрига 7-й дивизии генерал-майора П. П. Непенина с упоминавшимся выше М. В. Омельяновичем-Павленко, состоявшихся 26 сентября на станции Пост-Волынский. Озвученные Непениным требования Бредова оставались прежними: украинцы должны или разоружиться и разойтись, или войти в структуру ВСЮР; переговоры быстро зашли в тупик. А идея союза с Галицкой армией, ставшая реальностью в ноябре 1919 года, оказалась в итоге мертворожденной — армия (переименованная в Украинскую Галицкую) была практически небоеспособной из-за эпидемии тифа, а в начале 1920-х годов под названием Червоной Украинской Галицкой перешла на сторону РККА.

Сохранилось несколько фотографий парада Добровольческой армии в Киеве: на первом плане командарм, генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский в корниловской форме, чуть позади него генерал-лейтенант Н. Э. Бредов в летней белой гимнастерке, поодаль, тоже в летней белой форме, командир 5-го кавкорпуса генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович. Взятие города имело огромное моральное значение: ведь следующей после «матери городов русских»[359] была Москва. А население Киева искренне радовалось — красная власть ассоциировалась у нее с ужасами

«чрезвычаек», их в Киеве было шестнадцать, а количество горожан, зверски замученных или казненных накануне прихода белых, исчислялось сотнями. У О. Э. Мандельштама в одном из стихотворений есть строка «Пахнут смертью господские Липки…»[360] — это об элитном киевском районе, где жили когда-то Бредовы и куда горожане в сентябре 1919 года ходили опознавать обезображенные во время пыток в ЧК трупы. Об этих днях вспоминал Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии академик А. А. Дородницын[361]: «Когда Киев и наше село заняли деникинцы, отец отправился в Киев раздобыть лекарств для больницы. Завалы трупов — жертв ЧК — еще не были разобраны, и отец их видел своими глазами. Трупы с вырванными ногтями, с содранной кожей на месте погон и лампасов, трупы, раздавленные под прессом. Но самая жуткая картина, которую он видел, это были 15 трупов с черепами, пробитыми каким-то тупым орудием, пустые внутри. Служители рассказали ему, в чем состояла пытка. Одному пробивали голову, а следующего заставляли съесть мозг. Потом пробивали голову этому следующему, и съесть его мозг заставляли очередного»[362].

Седьмого сентября 1919 года на территории, занятой Вооруженными силами Юга России, была создана Киевская область, куда вошли территории бывших Киевской, Черниговской и Подольской губерний. В дальнейшем планировалось перенести в Киев Ставку ВСЮР. А 20 сентября были образованы войска Киевской области; функции их командующего и главноначальствующего области стал исполнять генерал от кавалерии А. М. Драгомиров. Его должность была отчасти «наследственной», генерал был сыном знаменитого М. И. Драгомирова, который командовал Киевским военным округом, был киевским, волынским и подольским генерал-губернатором и на этих постах пользовался большой популярностью и уважением.

«Костяк» войск составила Киевская группа Н. Э. Бредова, к которой в октябре были присоединены 2-й армейский корпус М. Н. Промтова, 9-я пехотная дивизия, 2-я Терская пластунская бригада и множество более мелких частей, в том числе технических — 3-й отряд танков, 3-й бронепоездной дивизион, 2-й авиадивизион. Всего 8882 штыка и сабли, 220 пулеметов, 74 орудия. К сожалению, не оправдались надежды на крупное пополнение в Киеве, полумиллионный город дал армии всего полторы тысячи добровольцев. Впрочем, это неудивительно, так как большинство активно сочувствующих Белому делу киевлян сгинули в застенках ЧК или подпали под предыдущие мобилизации, украинские или большевистские.

Конечно, без дела эти силы не стояли, Добрармия продолжала развивать наступление вглубь России, а войска Киевской области обеспечивали это наступление с фланга, теперь имея противниками не только красных, но и время от времени петлюровцев (правда, стычки с ними были редкими, так как официально стороны не воевали) и просто бандитов (например, под Нежином орудовала шайка бывшего офицера Крапивянского). Из крупных успехов на долю 7-й дивизии выпало освобождение отрядом полковника Б. А. Штейфона Чернигова, пришедшееся на 12 октября. Однако тревожным «звонком» для добровольцев стала ночь на 14 октября, когда советская группировка под командованием И. Э. Якира — две стрелковые дивизии и кавбригада Г. И. Котовского, — выходившая из окружения благодаря попустительству украинских войск, неожиданно ударила по слабым добровольческим заслонам на реке Ирпень и ворвалась в Киев. Войска Киевской области отошли на левый берег Днепра (вместе с белыми ушли из Киева 60 тысяч жителей — примерно одна восьмая часть населения). Но мосты и Печерский монастырь Бредов оставил за собой, перегруппировал силы и уже на следующий день контратаковал. Упорные уличные бои в Киеве шли три дня, и к 18 октября город снова перешел к белым. Яркое описание вторичного освобождения Киева оставил артиллерист-вольноопределяющийся В. Н. Душкин:

«На рассвете уходим на Киев. Пройдя Слободку, цепной мост, поднимаемся на Печерск. По склонам валяются убитые красные. Много синих венгерских шинелей. Это — элита красных войск: части из военнопленных мадьяр. Говорят, им дали отпор на Печерске арсенальные рабочие, организованные инженером Кирстой. Спускаемся по Институтской до Крещатика, и далее по Крещатику. Изо всех окон на нас сыплются пакеты папирос, а кое-где на веревочках спускаются бутылки водки. Папиросами забито все, вплоть до хоботов орудий. Стрельба кипит где-то близко. Поворачиваем на Фундуклеевскую и сразу попадаем в огонь. <…> Из многих окон в нас сыплются пули, рикошетируют, визжат, стучат всюду. За Оперой высится многоэтажный дом с угловой башенкой. На верхнем балконе башенки ритмично вспыхивают оранжевые огоньки, и пули шлепают по щиту моего орудия. „Ага! А ну, кто кого!“ Навожу на балкон и посылаю „мгновенку“. Взрыв, пыль, падающие обрывки чего-то. Пулемет приказал долго жить. <…> Поднявшись выше, до спуска к базару, начинаем стрелять в сторону Политехнического Института. Красные уходят по Брест-Литовскому шоссе. Непрерывно гремит и дрожит воздух — рвутся пороховые погреба. Все наше наступление происходит на этом фоне. <…> Октябрьский захват Киева на 3 дня закончился. И

выбили их 3-й батальон Якутского 42-го полка и наша батарея»[363].

Вторичное взятие города омрачилось еврейским погромом, в котором участвовали рядовые добровольцы и местные жители. Погром продолжался два дня, с 17 по 19 октября, и запомнился тем, что киевские евреи активно оборонялись с помощью… крика. «Громилы оцепили один из больших домов, но не успели ворваться в него. В притаившемся темном доме, разрывая зловещую тишину ночи, пронзительно, в ужасе и отчаянии, закричала женщина. Ничем другим она не могла защитить своих детей, — только этим непрерывным, ни на мгновение не затихающим воплем страха и беспомощности. На одинокий крик женщины внезапно ответил таким же криком весь дом от первого до последнего этажа. Громилы не выдержали этого крика и бросились бежать. Но им некуда было скрыться, — опережая их, уже кричали все дома по Васильковской улице и по всем окрестным переулкам. Крик разрастался, как ветер, захватывая всё новые кварталы. Страшнее всего было то, что крик несся из темных и, казалось, безмолвных домов, что улицы были совершенно пустынны, мертвы и только редкие и тусклые фонари как бы освещали дорогу этому крику, чуть вздрагивая и мигая… Кричал Подол, Новое Строение, Бессарабка, кричал весь огромный город»[364] — так описывал октябрьский погром 1919 года К. Г. Паустовский[365].

Военные власти сразу же начали предпринимать решительные меры против погромщиков. В день окончательного возвращения в Киев, 18 октября, Н. Э. Бредов издал приказ, который был расклеен на всех улицах: «Добровольцы! Мужество перед врагом и милосердие к мирному населению и даже к поверженному врагу должно быть вашим украшением»[366]. Город начали патрулировать офицерские роты и отряды из рабочих, пресекающие бесчинства, военно-полевые суды выносили смертные приговоры погромщикам. Это позволило быстро прекратить беспорядки.

Но сам факт того, что красные при желании могут серьезно угрожать белому Киеву, говорил о многом. Судьба Киевской группы войск зависела от хода событий на главном, московском, фронте, а там они развивались не в пользу добровольцев. Многократно численно превосходящие их красные части переломили ситуацию, одновременно в тылу белых начались многочисленные восстания, поднял голову недобитый Махно. В этой ситуации войска Киевской области держались до последнего, даже когда красная 12-я армия С. А. Меженинова вышла по левому берегу Днепра к Черкассам и Кременчугу, Киев

все еще оставался белым. Только утром 16 декабря 44-я стрелковая дивизия красных под командованием бывшего прапорщика И. Н. Дубового форсировала Днепр, выбила добровольцев с мостов и повела бои за город. Войска Н. Э. Бредова мужественно обороняли Киев на протяжении двенадцати часов, но вынуждены были отступить. Это был последний день, когда Николай Эмильевич видел город, с которым его столько связывало — и светлого, и печального.

После оставления города вновь была сформирована Киевская группа войск в составе 7-й пехотной дивизии, 2-го Конного генерала Дроздовского полка и менее крупных частей. Возглавивший группу Н. Э. Бредов перешел в подчинение главноначальствующему Новороссийской области генерал-лейтенанту Н. Н. Шиллингу[367]. В задачу группы входила оборона важнейшего черноморского порта, пока находившегося в руках белых, — Одессы.

Марш на Одессу проходил в мелких, но постоянных стычках с наседавшими красными, петлюровцами, махновцами и просто местными бандитами. Во время одной из таких стычек, 17 декабря, Бредов едва не попал в плен к петлюровцам, полусотня которых во главе с полковником Дьяченко атаковала добровольцев у местечка Ставище, захватив 40 офицеров и 20 солдат. Николая Эмильевича спасли тогда лишь туманная погода и мастерство водителя его автомобиля. Артиллерист В. Н. Душкин так описывал отход от Киева: «Левая сторона Днепра уже занята красными. Идем и огрызаемся. Красные, кажется, не спешат. Серьезных боев нет. Иногда от Днепра красные пытаются перерезать нам путь, но это им не удается. После перепалки продолжаем путь. И так от Киева до Раздельной. Весь путь в каком-то оцепенении, в тумане, почти без мыслей. Автоматически идем, едим, деремся, спим — как заводные»[368]. Слово «едим» требует пояснений: питались в походе практически одним… сахаром, которым были набиты карманы шинелей и офицеров, и солдат; сахар скоро приелся до тошноты, но замены ему не было, и люди, преодолевая отвращение, на ходу черпали ложками или ладонями сахарный песок, чтобы дать истощенным организмам хоть какие-то силы.

Вместе с армией, сильно замедляя темп ее продвижения, отступал огромный беженский обоз, в котором находились те, кто не желал оставаться в Киеве «под большевиками». Началось дезертирство, причем имевшее определенную специфику. Как вспоминал Б. А. Штейфон, «мобилизованные по мере продвижения Добровольческой армии к северу, в период успеха, люди охотно воевали, покуда их деревня находилась позади

фронта. Как только родные места очищались войсками, там оставались и уроженцы очищенных мест. Борьба с этим злом была безрезультатна. Части же, составленные из уроженцев отдаленных губерний, дезертирства почти не знали»[369]. Единственным утешением могло служить наличие на фронте новых союзников — четырехтысячной Украинской Галицкой армии, но она, как говорилось выше, была практически небоеспособна из-за эпидемии тифа и к тому же не склонна конфликтовать с петлюровцами. Косила болезнь и войска Бредова. Связи с основными силами не было, армия питалась неутешительными слухами: оставлен Курск, оставлен Харьков. Все надежды были на то, что после обеспечения одесской эвакуации части будут морем вывезены на соединение с основными силами армии.

Но Н. Н. Шиллинг явно имел на Бредова свои виды, так как 5 февраля 1920 года Николай Эмильевич получил от него следующее письмо:

«ВЕСЬМА СЕКРЕТНО

Генералу Бредову

В случае непосредственной угрозы Одессе я со штабом переезду [в] Севастополь. В этом случае на Вас и на Ваш штаб возлагаю объединение командования и управления во всех отношениях всеми войсками, учреждениями и управлениями, находящимися в Одесском районе, равно как и Галицийской армией. К Вам же переходит гражданская власть. Одесса должна быть удерживаема возможно дольше, дабы успеть вывезти раненых, больных и семьи офицеров, а также лиц, служивших в Добровольческой армии, коим грозит опасность быть убитыми большевиками и кои не могут идти походом. [В] случае оставления Одессы все, что возможно, из русских добровольческих войск надлежит под прикрытием союзного флота посадить на суда и отправить в Крым. Все, что за отсутствием тоннажа [не] может быть эвакуировано морем, отходит на Днестр в районы г. Беляевка — Маяки и Тирасполь, где и приступает к переправе на правый берег. При этом румынскому командованию должно быть заявлено:

1. Отход на Бессарабию явился вынужденным в силу вещей;

2. Что о возможности такого отхода заблаговременно было сообщено через нашего представителя в Бухарест румынскому правительству и представителям Антанты в Екатеринославе и Одессе и что ответа с отказом не последовало;

3. Что из телеграммы генерала Деникина я усмотрел, что вообще русские могут быть направлены в Бессарабию.

В отношении румын надлежит сохранить полную лояльность и ни при каких обстоятельствах враждебных действий не

открывать. Настаивать на пропуске с оружием в руках в Тульчу для посадки на суда и вывозки в Крым или Новороссийск. [К] галичанам, пока они лояльны, относиться также лояльно и всемерно подчеркивать наше к ним — галичанам — благожелательное отношение, как к родным братьям. В случае их перехода на сторону большевиков надлежит быстро разоружить те части, которые расположены на путях отхода наших войск.

Для обеспечения довольствия образовать [в] Тирасполе и Маяках продовольственные магазины. Все не погруженные в повозки боевые припасы и все ценное, что не может быть возимо с собой на походе, грузить на суда по указанию соответствующих начальников отделов штаба. Относительно денежных знаков — мною предпринимаются шаги по снабжению войск, которые отойдут в Бессарабию, валютой, но нет надежды на своевременное благоприятное осуществление этого вопроса, почему о способе дальнейшего довольствия в Бессарабии поручаю Вам сговориться на месте с румынскими властями, указав, что за все взятое будет уплачено. Можно производить товарообмен или частично для получения румынской валюты продать часть вывезенного имущества по Вашему усмотрению, разрешаю деньги обменять в Одессе.

Согласно указаний главкома, лица мужского пола в возрасте от 17 до 43 лет, способные к строевой и тыловой службе, не имеют права на отъезд за границу, почему таковые лица в случае выступления в Бессарабию должны быть присоединены к войскам и с ними из Тульчи отправлены на фронт.

Местоположение своего штаба предоставляю избрать Вам самим. Радиостанцию получите у командира 3-го радиотелеграфного дивизиона. О времени передачи Вам командования сообщу дополнительно»[370].

Таким образом, за два дня до падения Одессы генерал-лейтенант Н. Э. Бредов был предупрежден Н. Н. Шиллингом о том, что вскоре получит все его полномочия — и военные, и гражданские, плюс власть над Украинской Галицкой армией. Причина этому может быть только одна — Шиллинг уже понял, что удержать Одессу не удастся, и в последний момент решил переложить ответственность на другого. Впрочем, в силу «весьма секретный» приказ не вступил, и «время передачи командования» Шиллинг так никогда Бредову и не сообщил. Похоже, что 5 февраля Шиллинг вообще не вполне отдавал себе отчет в том, что делает, так как вскоре после «весьма секретного» письма Бредову он передал всю военную и гражданскую власть в Одессе полковнику А. А. Стесселю[371], а вечером того же дня неожиданно назначил ответственным за оборону города и района

генерала Украинской Галицкой армии В. Н. Сокиру-Яхонтова[372].

Эвакуация города действительно проходила безобразно, иного слова не подберешь. Тоннажа хватило лишь на офицерские семьи, гражданских чиновников, раненых и больных, но такой стройный порядок был соблюден лишь на бумаге; по свидетельству Ф. Штейнмана, «в те дни можно было наблюдать, как в Одесском порту преспокойно грузились целые полки и строевые артиллерийские части — счастливцы, которым так или иначе удалось зафрахтовать пароход. Зато не хватало на кораблях места для госпиталей, переполненных больными и ранеными офицерами, которым пришлось остаться в Одессе и стать жертвами большевистской расправы»[373]. Бросали на берегу исправные орудия, бронеавтомобили, бронепоезда, около полумиллиона снарядов и патронов, 300 тысяч пудов зерна, бросали исправные и неисправные корабли в порту, переполненные грузами эшелоны на вокзале. Во всем этом общественное мнение винило исключительно Шиллинга, в мемуаристике он устойчиво входит в тройку антигероев Белого движения наряду с И. П. Романовским и В. З. Май-Маевским. Но следует признать, что задача, поставленная перед генералом, оказалась практически невыполнимой не только из-за его личных качеств, темпа продвижения красных и процветавшего в одесских штабах казнокрадства пополам с расхлябанностью, но и из-за позиции, занятой союзниками белых по Антанте. Так, на неоднократные просьбы Шиллинга отремонтировать Бугазский мост, по которому должны были пройти белые бронепоезда, англичане ответили, что за починку румынского моста отвечают французы, а в ответ на просьбу предоставить суда для эвакуации заявили, что никакой опасности для Одессы не предвидится, а если бы она и была, то судов для вывоза из города тридцати тысяч человек у них нет. Более того, англичане попросту обманули Шиллинга, сообщив ему, что переговоры с румынами о пропуске русских войск на их территорию идут полным ходом и наверняка увенчаются успехом. В итоге отданный Шиллингом строевым частям приказ уходить в Румынию был в сложившейся ситуации единственно возможным, так как позволял сохранить армию от поголовного истребления и спасти жизни беженцев, не попавших на суда в Одесском порту. В сущности, это была вариация на тему годовой давности — ведь в марте 1919 года из Одессы в Бессарабию ушла бригада Н. С. Тимановского, которая затем была судами перевезена из Тульчи в Новороссийск. Нечто подобное, лишь в значительно больших масштабах, предполагалось сделать и теперь.

Как именно происходила постановка боевой задачи, известно

из мемуаров Б. А. Штейфона: «По прибытии в Одессу генерал Бредов со своим начальником штаба отправился в штаб генерала Шиллинга.

В штабе генерала Шиллинга работа шла нормально. Не было заметно ни суеты, ни нервности. Только генерал Шиллинг имел сильно озабоченный вид.

Генералу Бредову объяснили обстановку. Она была немногословна: „Транспортных средств вывезти войска нет. Пройти в Крым сухим путем уже невозможно. В ближайшие дни Одесса будет оставлена. Единственная возможность спасти войска — это движение в Румынию. Представитель английских войск ведет переговоры с румынами о принятии ими группы генерала Бредова и гарантирует успех этого плана. У Тирасполя, где намечается переход румынской границы, имеются большие склады продовольствия и иных запасов, вполне достаточные для нужд войск“. <…>

Обстановка для генерала Бредова была ясна. Он заботится только о чести армии и настаивает, чтобы англичане добились почетного для войск перехода румынской границы и скорейшей затем переброски наших войск опять в Россию для продолжения борьбы.

Еще несколько деловых вопросов, недолгие разговоры об общем положении Добровольческой армии, и генерал Бредов покинул штаб генерала Шиллинга»[374].

В обстановке творящегося вокруг хаоса Николай Эмильевич смог осуществить этот самый важный пункт требований Шиллинга — вывести «все, что за отсутствием тоннажа не может быть эвакуировано морем», на Днестр. Все строевые части армии были разделены Н. Э. Бредовым на три группы. В самую крупную, которую возглавил сам Николай Эмильевич, входили войска Киевской группы; в группу генерал-лейтенанта М. Н. Промтова — остатки деморализованного и потрепанного 2-го армейского корпуса; наконец, еще один небольшой отряд возглавил генерал-майор П. Г. Васильев[375]. Группа Бредова должна была следовать на Тирасполь, группа Промтова — на село Маяки, группа Васильева — на Овидиополь, после чего все должны были перейти границу Румынии и собраться в Тулче, откуда войска планировалось морем перевезти в Крым или Новороссийск. Следует учитывать, что к румынской границе в эти дни стремились также множество отрядов помельче (например, кадетский, состоявший из кадет Одесского корпуса) и просто неорганизованных беженцев.

Седьмого февраля в Одессу ворвались передовые части красных, одновременно в городе подняло восстание

большевистское подполье. Агония белой Одессы была страшной: толпящиеся на сходнях перегруженных пароходов беженцы, бьющие с Николаевского бульвара по порту красные пулеметы, с боем прорывающиеся из города сушей отдельные части. В эти дни Бредов наверняка благодарил судьбу за то, что еще месяц назад смог отправить из города свою семью — тещу Надежду Федоровну Лансере, урожденную Кондратову, и жену Екатерину Павловну с дочками, десятилетней Таней и семилетней Олей и приемным сыном Борисом. Пароход, на котором уходили из Одессы Бредовы, следовал в болгарскую Варну. Прощались, надеясь на новую встречу, хотя будет ли она — никто не мог сказать в точности.

Выезжали из Одессы ночью; район, через который шли эшелоны, уже контролировался красной конницей Г. И. Котовского и местными повстанцами, но все обошлось. 10 февраля 1920 года отряд Н. Э. Бредова достиг Тирасполя. На другом берегу Днестра начиналась Бессарабия, еще два года назад русская губерния, ныне аннексированная Румынией. И сразу же выяснилось главное — никаких переговоров с румынами о пропуске русских в Бессарабию никто не вел и никого пропускать они не собираются. Чтобы предотвратить попытки перейти замерзший Днестр, румыны даже специально разбили лед на реке и установили на своем берегу пулеметы. Обещанных Шиллингом складов в Тирасполе тоже не обнаружилось. А местные жители только смеялись в ответ на попытки расплатиться с ними за еду выданными в Одессе украинскими карбованцами.

Бредов немедленно попытался прояснить ситуацию, но несколько его телеграмм, адресованных высоким должностным лицам Румынии (вплоть до короля), остались без ответа. Между тем весть о том, что «румыны не пускают», вызвала в отряде брожение; упорно муссировался слух, что не пускают румыны лишь потому, что требуют сдать оружие, а Бредов-де отказывается от этого условия. Мало-помалу пошли разговоры о том, чтобы арестовать генерала и выдать его красным. Но были и те, кто с самого начала был твердо намерен идти до конца. О безусловной верности своих частей Бредову заявили, к примеру, командир 13-го пехотного Белозерского полка полковник А. П. Радченко и начальник 4-й стрелковой дивизии генерал-майор П. П. Непенин.

Вечером 10 февраля в Тирасполе, в штабном вагоне Бредова, собрался военный совет. Настроение царило мрачное, но, по свидетельству Б. А. Штейфона, Николай Эмильевич проявил колоссальную выдержку и силу духа: «Ни одного слова упрека или осуждения кого-либо не высказывается им. Он спокоен,

ободряет и обнадеживает. Он не допускает мысли о бесславном конце своих войск. Из окон своего вагона он видит, что ему вручена судьба не только войск. Кругом масса женщин, детей и различного гражданского люда»[376]. Но когда один из генералов предложил сдаться красным и тем самым сохранить жизни людей, Бредов неожиданно вспыхнул и резко заявил:

— Повторю то, что и раньше от вас не скрывал, — продовольствия нет, денег нет, положение сложное. Однако надо найти достойный выход!

В конце концов приняли решение форсировать Днестр, а если румыны будут препятствовать этому, то на силу ответить силой. Но Бредов все же не был удовлетворен этим решением и уже после того, как все разошлись, наедине с начальником штаба Б. А. Штейфоном начал изучать на карте путь возможного отхода на север, в сторону Польши. «Таким образом, в его голове впервые зарождаются мысли о походе в Польшу, — вспоминал Штейфон. — О поляках мы не имели никаких сведений, за исключением тех, что Польша тоже воюет с Совдепией»[377].

На первый взгляд мысль эта казалась авантюрной. Где именно находится Войско Польское, никто не знал, удастся ли оторваться от красных — тоже. Но Бредов, по-видимому, руководствовался самой простой логикой: попытка его уставших и сильно потрепанных войск с боем прорваться через румынскую границу неизбежно приведет к большим потерям и, скорее всего, будет отбита, а если и нет, то армию ждет просто позорный плен и разоружение. К тому же могут погибнуть многочисленные беженцы, прибившиеся к войскам. А шанс соединиться с поляками есть — минимальный, но есть! «Идея похода была весьма примечательная и ярко характеризовала характер и военное дарование генерала Бредова: красное командование, по-видимому, не догадывалось, что вся Новороссийская группа сосредоточилась у Тирасполя, — писал Б. А. Штейфон. — Советские войска, тоже уставшие, стремились к югу, рассчитывая прижать белых к морю и овладеть богатой Одессой. Им не приходило в голову, что Новороссийская группа, искусно ускользнув от их ударов, может двинуться в сторону противоположную от Одессы, то есть на север. Дерзкий план генерала Бредова могло разгадать только незаурядное военное воображение. Большевики таковым не обладали. Технический план похода основывался на внезапности и быстроте: незаметно уйти от Тирасполя и форсированными переходами оторваться от противника»[378].

Утром 11 февраля идея Н. Э. Бредова была вынесена на обсуждение высших чинов группы войск и встретила общее

одобрение. С энтузиазмом восприняли ее и в отряде. При отступлении из Тирасполя пришлось бросить все тяжелое вооружение, взорвать или утопить в Днестре бронепоезда. С собой брали лишь то, что можно было вести на подводах и в немногочисленных автомобилях (их бросили через неделю похода, когда кончился бензин). Около полуночи 12 февраля отряд выдвинулся в поход на север, вдоль русла Днестра, в узкий «коридор», который еще не был занят красными.

Под командованием Бредова на начало похода состояли очень значительные по меркам Гражданской войны силы, примерно 15–16 тысяч офицеров, военных чиновников и солдат. Кроме того, армию сопровождал большой обоз, в котором следовали беженцы, раненые и больные сыпным тифом. Для сравнения: вся Добровольческая армия в разные периоды 1-го Кубанского (Ледяного) похода насчитывала от трех с половиной до шести тысяч человек, отряды М. Г. Дроздовского во время похода Яссы — Дон и И. М. Васильченко во время Екатеринославского похода — чуть больше тысячи. По численности участников Бредовский поход уступал лишь Великому Сибирскому[379]. Наиболее боеспособной силой группы войск Н. Э. Бредова была 4-я стрелковая дивизия, в состав которой входили 13-й и 16-й стрелковый полки с двумя сводными батальонами 14-го и 15-го. К прежним «железным стрелкам» они имели весьма отдаленное отношение, но наверняка Бредову было приятно, что под его командованием состоит полк, в котором он когда-то начинал службу. Высоким боевым духом выделялись также Сводно-гвардейская пехотная дивизия, 2-й Конный генерала Дроздовского полк, остатки пехотных и кавалерийских полков — 13-го Олонецкого, 14-го Белозерского, 16-го Ладожского, 42-го Якутского, 75-го Севастопольского, 80-го Кабардинского пехотных, 1-го Сумского и 3-го Елисаветградского гусарских, 11-го Рижского, 16-го Тверского, 17-го Нижегородского, 18-го Северского драгунских, Крымского и 3-го Осетинского конных. По мере продвижения к северу к группе Бредова присоединялись остатки 2-го армейского корпуса, разрозненные отряды пограничной и государственной стражи, просто «вольные стрелки» и беженцы, так что к концу похода отряд насчитывал 30 тысяч человек, из них 20 тысяч штыков, почти 4 тысячи больных (из них 2 тысячи сыпнотифозных), 500 раненых, 350 беженцев и 330 офицерских семей — женщин и детей. Фактически это была армия, хотя официально такой статус был придан отряду только в марте.

Рядом с Бредовым в поход выступили без преувеличения выдающиеся военачальники старой русской армии. Многих из них судьба уже сводила с Николаем Эмильевичем раньше. Так, генерал-майор, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени Михаил Николаевич Скалон (1874–1940) командовал 33-й пехотной дивизией в конце 1917 года, когда Бредов был командиром 21-го армейского корпуса. Генерал-майор, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия Петр Павлович Непенин (1872–1932) шел с Бредовым всеми дорогами Гражданской войны, начиная с Царицына. Обладателем самых

почетных наград в отряде являлся генерал-лейтенант Петр Степанович Оссовский (1860 — после 1920) — он был удостоен Георгиевского оружия и ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степени. А самым старшим по возрасту среди генералов отряда был 63-летний генерал-лейтенант Михаил Николаевич Промтов (1857–1951); он же достиг на Великой войне самого высокого положения (командовал 11-й армией) и, по всей видимости, был недоволен тем, что общее руководство походом осуществляет генерал «ниже» его статусом.

Боевые столкновения во время похода случались нечасто: Бредов избегал их, так как логично считал, что обремененная огромным обозом армия серьезного боя просто не выдержит. 14 февраля в Дубоссарах белых обстреляли галичане (их Украинская Галицкая армия, как мы помним, перешла на сторону красных и переименовалась в Червоную Украинскую Галицкую); 15 февраля бой был уже с красными. Армию преследовали и местные бандиты, которые пользовались любой возможностью, чтобы напасть на отставших; несколько офицеров поплатились за свою беспечность жизнью.

Шестнадцатого февраля в местечке Рыбница (ныне город в Приднестровской Молдавской Республике) войска были разделены на три походные колонны. Вдоль железнодорожной линии Бирзула — Вапнярка шла кавалерия под командованием кавалера ордена Святого Георгия 4-й степени генерал-майора Н. В. Склярова[380]. Среднюю колонну составили главные силы армии, а левая колонна — обозники — двигалась по берегу Днестра. Обозы целый день переправлялись через реку Рыбницу, при этом красный бронепоезд пытался сорвать переправу, но белая конница, совершив набег на станцию Колбасная и полустанок Горшунь, помешала этому. После этого заметных боев с большевиками уже не было. Расчет Бредова на то, что командование красной 14-й армии просто не догадается, что прижатые к границе Румынии белые организованно двинутся на север, к Польше, оказался совершенно верным.

Погода во время перехода стояла разная. В первый день пригревало солнце, на припеке было даже жарко, и молодые офицерские жены, вызывая улыбки, шли в колонне в платьях и туфлях на высоких каблуках. Но тем же днем поднялся ветер, резко похолодало, и вот «высоких каблуков уже не видно. Дамы достали у мужей, у знакомых сапоги, шляпки исчезли и заменились шалями, платками, башлыками. На многих дамах — защитные шинели»[381]. Обмундирование на участниках похода было разномастным; так, полковник Б. А. Штейфон носил еще довоенные, 1914 года, фуражку и шинель с вязаным шарфом, а

Н. Э. Бредов «был в обычной солдатской изношенной шинели, в папахе и случайно имел выданную еще в Новороссийске англичанами кожаную безрукавку»[382].

Обычно выступали в путь на рассвете и в день делали примерно 35 верст. К ночи участники похода так уставали, что часто засыпали без ужина, где придется — на лавках, на полу изб. Некоторые научились спать прямо на ходу и просыпались, лишь когда наталкивались на соседа или повозку. Продукты доставали в селах, через которые шла армия. Обычно питались хлебом, салом, молоком, чаем — все это доброжелательно настроенные местные крестьяне давали походникам, как правило, бесплатно. Полноценных обедов и ужинов не готовили, так как на готовку требовалось время, а его предпочитали тратить на сон.

Штаб отряда работал допоздна. «И надо было торопиться, забывать и свою усталость, и сон, и голод, дабы скорее разослать приказания, — вспоминал Б. А. Штейфон. — Его ожидают тоже усталые люди и тоже не спят.

А спать хочется так безумно.

И сколько раз, обсуждая движение следующего дня, генерал Бредов вдруг умолкал буквально на полуслове.

Посмотришь, генерал крепко спит, зажав в руке пенсне. И, глядя на его лицо, уже не управляемое волей, видишь, как бесконечно физически и морально устал этот человек.

Жаль будить, но надо:

— Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство…

Работа продолжается»[383].

Местность, по которой шла армия, была пересечена многочисленными ручьями и оврагами, которые кавалерия и артиллерия преодолевали с огромным трудом; как вспоминал очевидец, «каждую подводу приходилось спускать и вытягивать на руках, так как лошади не в силах были вывозить подводу наверх по скользкой обледенелой дороге»[384]. 17 февраля ударил сильный мороз, повалил снег, и идти стало еще тяжелее. Несколько раз отряд попадал в настоящие снежные бури. Продолжал свирепствовать сыпной тиф, в некоторых ротах болел уже каждый третий, и обоз увеличивался с каждым часом. Но многие тифозные продолжали шагать рядом со здоровыми, днем пребывая в полубреду-полуяви, а ночью забываясь коротким беспокойным сном.

Артиллерист В. Н. Душкин, один из немногих «бредовцев», оставивших воспоминания, свое участие в походе описывал так: «Снег, снег и снег. Шли мы многими колоннами. Наша, мне кажется, была левее всех, то есть ближе всех к Днестру. И путь, пожалуй, был самый трудный: то карабкались на крутые склоны,

то скользили на дно долин, шедших к Днестру. И хлопья снега, крупные, пушистые, медленные, лохматые, заносят все: и людей, и лошадей, и пушки, и подводы. Ветра нет, и приглушенный стук копыт, пофыркивание лошадей, позвякивание металлических частей лишь подчеркивают тишину. Люди идут молча. <…> И так с холма в долину, из долины на холм. Иногда в гололедицу, при спуске, из упряжки создается невероятное месиво. Люди, лошади, передок, ползущий боком, орудие, обогнавшее передок и сшибающее с ног коней»[385].

Серьезных происшествий в походе не было; даже известный «отсутствием твердого командования»[386] Отдельный сводный Терский батальон, сформированный 15 января, проделал поход без нарушений дисциплины. Конфликты, иногда возникавшие между старшими начальниками «благодаря» их личным амбициям, тактично улаживались Бредовым. Его авторитет в войсках был высок и никем не оспаривался; даже отрядный поэт подполковник Б. Л. Шебеко, описавший поход в саркастических, напоминающих по тону юнкерские «Журавли»[387] стихах, без всякой иронии назвал генерала в них «нашим властелином» и «достойным внуком достойных дедов»[388].

О поляках по-прежнему не было никаких сведений. Несколько раз штаб пытался с помощью радиостанции установить с ними связь, но тщетно. Наконец 24 февраля в местечке Вербовец конные разведчики сообщили, что встретили польский разъезд. В десять часов утра 25 февраля в селе Новая Ушица (ныне центр Новоушицкого района Хмельницкой области Украины) русские соединились с поляками, которые встретили добровольцев вполне приветливо. Причина этой приветливости была понятна: поляки были заинтересованы в подкреплениях, так как малыми силами держали значительный участок фронта против красных.

Б. А. Штейфон так вспоминал день окончания похода: «С горы, на которой была расположена Новая Ушица, польский начальник мог лично наблюдать силы и состав нашего отряда.

Картина была действительно грандиозной.

Бесконечной лентой тянулись наши части: конница, пехота, артиллерия, снова пехота и артиллерия, обозы. Лица людей были оживлены сознанием, что цель достигнута; повсюду из рядов были слышны разговоры и смех.

Таким образом, не только своим числом, но и духом мы должны были произвести на поляков сильное впечатление.

Около 400 верст прошел отряд в 14 дней, прошел в суровую зимнюю пору, окруженный постоянно врагами и везя с собой до двух тысяч больных и несколько тысяч беженцев»[389].

Итоги похода без преувеличения можно назвать блестящими.

Н. Э. Бредову удалось с минимальными потерями и без ненужных боев спасти от истребления вверенные ему войска, сохранить десятки тысяч жизней. Поход не имел аналогов в истории Гражданской войны по количеству спасенных гражданских лиц — беженцев, стариков, женщин и детей. Дерзкое решение двигаться в сторону Польши оказалось единственно верным, трудно представить, какими жертвами могла обернуться попытка прорваться через румынскую границу. Во всяком случае, не подчиненные Бредову разрозненные отряды и группы, пытавшиеся уйти в Румынию, понесли на границе большие потери убитыми и ранеными, многие, в том числе генерал П. Г. Васильев, покончили с собой; из двенадцати тысяч беженцев, покинувших Одессу при приближении красных, румынами было интернировано всего 1800 человек.

Впрочем, с польскими союзниками тоже начались трения. Первой же ночью, стоило Бредову со своим штабом расположиться на ночлег в холодной, кишащей клопами избе, к нему явился командир польской бригады и заявил:

— Пане генерале, командующий Польским фронтом получил донесение о прибытии русских войск. Он не имеет еще от своего правительства полномочий вести с вами переговоры. В нашем районе довольно ограниченные запасы продовольствия, и командующий фронтом лишен возможности прокормить ваши войска. Поэтому командующий польскими войсками просит пана генерала завтра отойти за линию польских войск, расположиться по своему усмотрению в полосе между нами и большевиками и выждать там решение нашего правительства, которому сегодня отправлено сообщение о вашем приходе.

— Доложите командующему фронтом, что я никак не могу исполнить его предложения, — ответил Николай Эмильевич. — Мои войска только что совершили тяжелый длительный переход. Я привез около двух тысяч больных. С нами женщины, дети, старики.

— Все русские, военные или гражданские лица, это все равно, все, кто прибыли в составе вашего отряда, должны завтра перейти в нейтральную полосу — между польскими войсками и большевиками, — повторил поляк.

— Позвольте, господин бригадный командир, но то, что вы называете «нейтральной полосой», это не что иное, как зона военных действий, — возразил Бредов. — Направляя нас туда, вы подвергаете больных, женщин, детей и гражданский элемент всем ужасам войны.

— Я не могу входить в рассмотрение этого вопроса, — надменно ответил «парламентер». — Если к шести часам вечера

завтрашнего дня пан генерал не исполнит переданных ему указаний, то он будет заставлен силой исполнить это распоряжение.

Поляк холодно поклонился и встал, давая понять, что разговор окончен. Бредов вспыхнул:

— У меня двадцать тысяч штыков. Если вы не желаете считаться с вопросами гуманности, то я сумею отстоять свои права на основании международного права!

Поляк молча поклонился и вышел[390].

Жесткая позиция, занятая Н. Э. Бредовым, явно повлияла на настроение польского командования, поскольку через день Николая Эмильевича пригласил к себе генерал дивизии Войска Польского Франтишек Крайовский[391], и его настроение было уже совершенно иным. Просьбы о помощи беженцам, больным и довольствовании отряда были удовлетворены, о перемещении в нейтральную зону речь уже не шла. С 1 по 5 марта в селе Солодковцы состоялись полноценные переговоры, на которых русскую сторону представляли генерал-лейтенант Н. Э. Бредов, полковники Б. А. Штейфон и В. Ф. Белогорцев[392], а польскую — майор С. Рупперт, поручики Т. Кобылянски и Ю. Мощиньски, личный адъютант Ю. Пилсудского ротмистр князь С. Радзивилл. Последний, несмотря на то что родился в Берлине, служил в русской армии и сразу дал Бредову понять, что хорошо помнит прошлое:

— Здравия желаю, Ваше Превосходительство, прошу простить, что я вас заставил ожидать, поезд опоздал. Я ротмистр князь Радзивилл.

— Здравствуйте, князь. А вы, вероятно, служили в нашей армии?

— Да, я имел честь служить в Черкесском конном и лейб-гвардии Казачьем Его Величества полках. А нет ли в вашем отряде гвардейской кавалерии?

Разговор велся на русском языке. Бредов сразу же изложил полякам свои требования:

— Мы желаем возможно скорее с оружием вернуться на родину и продолжать нашу борьбу. Просим польское правительство помочь нашему пропуску переговорами с дружественными державами. Просим оказать покровительство и помощь нашим больным и беженцам. Отряд готов, впредь до переезда в Россию, принимать участие в борьбе с большевиками на Польском фронте, сохраняя, однако, безусловно свою внутреннюю самостоятельность. Если же польское правительство признает необходимым нас интернировать, на что оно имеет право по законам международным, то мы желаем, чтобы нам

было оказано все то, что знаменует собой сохранение военной чести: оставлено было бы оружие, сохранена дисциплина и так далее.

Князь Радзивилл горячо отозвался:

— Не может быть даже мысли о покушении на честь русского отряда, добровольно пришедшего в Польшу и просящего гостеприимства у польского народа. Мы не связаны формальными договорами, но у нас общий враг — большевики[393].

В ходе переговоров был выработан договор между поляками и «бредовцами» (употребляем это слово в кавычках, поскольку официального наименования в честь Н. Э. Бредова соединение не имело). Договор включал 13 пунктов и задним числом был датирован 1 марта 1920 года. Статус отряда с этого дня был поднят до армии, которой присваивалось название «Отдельная Русская армия» (3 марта она была переименована в Отдельную Русскую Добровольческую армию). Поляки обязывались разместить ее на своей земле, сделать все возможное для скорейшего ее возвращения на территорию, занятую Вооруженными силами Юга России, и быть посредниками между армией и правительствами других союзных стран. Оружие оставалось в собственности армии, но сдавалось на специальные склады; исключение составляло личное оружие офицеров, как холодное, так и огнестрельное. Десять тысяч коней поляки покупали по три тысячи марок[394] за голову.

Дальнейшие события разные мемуаристы описывают по-разному. Согласно Б. А. Штейфону, через два дня «бредовцы» заняли самостоятельный участок на польско-советском фронте (район Женишковцы — Колюшки — Ломоченцы — Заборозновцы; ныне Виньковецкий район Хмельницкой области Украины). Боевых действий там практически не велось, к тому же в армии стремительно прогрессировал тиф. Эпидемия, раскисшие весенние дороги и сильная усталость войск сделали невозможным реализацию еще одного смелого замысла Бредова — похода на соединение с основными силами ВСЮР (предполагалось идти к Днепру, форсировать его в районе Кременчуга и затем двигаться в Крым или Ростов-на-Дону). В двадцатых числах марта армия была сменена с позиций и ушла на карантин в местечко Ярмолинцы (ныне центр Ярмолинецкого района Хмельницкой области Украины). Эту версию опровергает генерал-лейтенант М. Н. Промтов, согласно которому «бредовцы», среди которых не было ни одной боеспособной части, были сразу же выведены в тыл и в боевых действиях на стороне Войска Польского не участвовали вовсе[395]. Но мемуары рядового «бредовца», артиллериста В. Н. Душкина, подтверждают правоту

Штейфона: «Три недели стояли вместе с польскими войсками. Стреляли. Я продолжал быть наводчиком. Это была, насколько помнится, Новая Ушица»[396].

Так или иначе, тиф продолжал свирепствовать, армия таяла на глазах. «Временные госпитали были переполнены, и больные лежали вперемежку со здоровыми, — вспоминал Б. А. Штейфон. — Смерть буквально косила отряд. Среди жителей тоже началась эпидемия. Помню, что когда в какой-то избе освобождали комнату для генерала Бредова и штаба, то на наших глазах вынесли оттуда сыпнотифного хозяина. Мы чем-то „покурили“, больше, правда, папиросами и немедленно заняли избу. Всякие меры предосторожности в существовавших тогда условиях были бесцельны. Постоянно приходилось бывать на распределительных пунктах, в госпиталях. Медицинский персонал — врачи, сестры, санитары — таял с каждым днем. Это были незабываемые, кошмарные дни.

Весь поход стоил нам гораздо меньше жертв, чем Ярмолинский период.

Генерал Бредов бывал повсюду. Глубоко верующий человек, он давно свою жизнь и судьбу вручил Провидению»[397].

После карантина началась перевозка войск в бывшие немецкие лагеря для военнопленных — Стшалково (возле Познани; русские обычно произносили польское название как «Щёлково»), Пикулицы (возле Перемышля) и Дембия (возле Кракова); впоследствии были созданы еще два лагеря, в Щипёрно и Александрове-Куявском недалеко от Калиша. Данные о количестве людей, принятых поляками в лагеря, разнятся: по русским данным 22 845 человек, из них три тысячи больных, по польским — 18 916 человек, из них 3941 больной. При этом представители одной части нередко распределялись по разным лагерям; так, 307 чинов Симферопольского офицерского полка оказались в Стшалково, 40 в Щипёрно и 26 в Пикулицах[398].

Поскольку условия содержания войск в лагерях не были оговорены, Н. Э. Бредов лично съездил в Варшаву, к министру военных дел Польши Ю. Лесневскому[399], чтобы прояснить ситуацию. И опять, как в случае с Радзивиллом, многое зависело от личного фактора: Лесневский, хоть и был уроженцем Витебщины и в прошлом генерал-майором русской армии, с Бредовым так и не встретился, а вот вице-министр Казимеж Сосновски[400], в прошлом полковник австро-венгерской армии, «проявил себя чуждым формальностям и человеком широкого размаха»[401] и подписал инструкцию, согласно которой бойцы армии Бредова содержались на иных условиях, нежели военнопленные, и не должны были контактировать с

большевиками и украинцами «по разности идеологий»; им разрешались ежедневные строевые занятия. Кроме Соснковского Бредов получил аудиенцию также у начальника Польского государства маршала Юзефа Пилсудского, который «произвел приятное впечатление своей простотой и твердостью характера, угадывающегося в течение разговора»[402]. Генерал побывал и в посольствах других государств — Великобритании, Франции, Чехословакии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Суть всех переговоров сводилась к одному: установить как можно более комфортный режим для войск во время интернирования и скорейшее возвращение на родину. Но, на словах высказывая полное сочувствие «бредовцам», дипломаты заверяли, что пока ничем конкретным помочь не могут.

К сожалению, утвержденная Соснковским инструкция для комендантов лагерей на деле практически почти не работала. Об этом вспоминал Б. А. Штейфон: «В наши внутренние дела коменданты, правда, не вмешивались, но они окружили жизнь наших войск такими стеснительными мерами полицейского характера, что быстро возбудили к себе ненависть отряда. Окруженные проволокой, массой часовых, с постоянными резкими окликами „nie wolno“[403], войска чувствовали себя на положении военнопленных, и это являлось источником тяжелых душевных переживаний. <…> Жизнь в лагерях скоро приняла характер постоянной мелкой войны. Коменданты также восстали против строевых занятий, и в итоге люди целыми днями слонялись без всякого дела. Оружие, которое по договору было оставлено офицерам, отбиралось, и отбиралось грубо, с насилием. В конце концов солдаты были отделены от офицеров и совершенно изолированы от своих начальников.

Наши начальники слали донесения генералу Бредову, а местные штабы — военному министру. Обе стороны обвиняли друг друга.

Несколько раз дело чуть-чуть не дошло до вооруженных столкновений, и только авторитет наших начальников кое-как сдерживал страсти.

Энергичные протесты генерала Бредова не всегда достигали цели. Его слушали, часто соглашались, иногда возражали, ссылаясь на донесения комендантов, слали указания комендантам, война в лагерях как будто утихала, а затем через короткий промежуток времени снова разгоралась и с большей силой»[404].

Конечно, многое зависело от самого коменданта. Например, комендант Стшалково 53-летний полковник Антоний Кевнарский, в прошлом офицер русских 7-го гренадерского Самогитского и 80-

го пехотного Кабардинского полков, всем запомнился как грубый, жестокий и надменный человек, а вот в Пикулицах, Дембии и Александрове отношение комендантов к их подопечным было вполне приемлемым.

Подпоручик-артиллерист В. Д. Матасов так вспоминал лагерь в Александрове: «Лагерь состоял из низких деревянных бараков, покрытых черным толем и огороженных колючей проволокой от капустных и картофельных полей. В бараках были нары из голых досок, без матрацев. Наши бараки разделяла одна жидкая сетка — забор от бараков военнопленных красных. В большинстве это были московские студенты, весьма дружески к нам расположенные. В одном из их бараков была библиотека со времен Великой войны, которая была создана для русских пленных немцами. Мы получили право ходить к красным в эту библиотеку и пользоваться книгами.

Кухни белых и красных были рядом, и мы получали нашу еду стоя рядом в очередях и если что ругали, то только получаемую еду. Если какой-либо ретивый коммунист пытался язвить по нашему адресу, то его быстро усмиряли свои же. Кормились мы одной и той же вонючей свининой, сваренной с овощами. Когда подъезжала подвода со свиными головами, то дуновение свежего ветерка менялось в смрадное. Мусульмане отказывались принимать такую пищу, мы же ели с голодухи и оставались живы. Выходили из положения тем, что ночью проскальзывали в картофельное поле и самоснабжались. Отношения с охраной, польскими солдатами, заносчивыми и грубыми, не могли быть дружелюбными. Не нахожу возможным выжать из себя никакого чувства благодарности за польское гостеприимство»[405].

В. Н. Душкину лагерь Стшалково запомнился таким: «Бараки наши — полуподвальные: надо спускаться на пять ступенек, чтобы попасть в барак. Пол земляной. Вдоль всего барака проход в два аршина. По бокам — непрерывные нары. Окна — только на торцевых стенах, по бокам двери. В бараках темно и нет никакого освещения. <…> В бараке расположилось человек двести, лежать на нарах довольно тесно. Барак явно не рассчитан на такое количество обитателей. Все должны лежать головой к стене и ногами к проходу»[406]. Госпиталь в Стшалково был немногим лучше: «Госпиталь — ряд бараков, на этот раз нормальных, с окнами и деревянным полом. Лекарств нет. Иногда мерят температуру. Кормят жиденькой овсянкой. В остальном обходимся собственными средствами»[407].

Этим воспоминаниям противоречит рапорт командующего 4-й стрелковой дивизией генерал-майора А. И. Шевченко[408]; из него следует, что в бараках Стшалково нар не было и офицерам

приходилось спать на грязном полу; снабжение дровами отсутствовало, и чины армии вынуждены были отламывать от бараков доски, чтобы согреть чай. Полуголодное состояние вынуждало русских офицеров и солдат продавать полякам обмундирование и даже личное оружие; некоторым удавалось устраиваться на работу в лагерные мастерские, на электростанцию или наняться конюхом к польскому офицеру[409]. Вместе с тем воины Отдельной Русской Добровольческой армии отказывались брать у поляков жалованье, полагавшееся военнопленным (150 марок в месяц офицерам и 27 — солдатам), так как пленными себя не считали.

Жизнь в лагерях, конечно, была несладкой. Но все понимали, что в сложившейся ситуации Бредов смог добиться от поляков максимум возможного. Главное, армия спасена, сохранена как боевая сила. Жили надеждой на скорый переезд в последний осколок Белой России — Крым, о котором ходили самые разные слухи. Кстати, сам П. Н. Врангель далеко не сразу пришел к мысли о необходимости перебазирования войск Бредова в Крым. Как сообщал посол во Франции В. А. Маклаков главе временной дипломатической миссии в Польше Г. Н. Кутепову[410] 24 апреля 1920 года, «Врангель высказывает пожелание упрочения дружбы между Россией и Польшей и сотрудничества их вооруженных сил. Первым шагом к этому, по его мнению, могло бы быть передвижение отряда Бредова в район правого фланга польских войск для введения его в дело против большевиков наряду с поляками»[411]. Однако в июле Врангель уже категорически настаивал на том, что «все боеспособные элементы из Польши должны немедленно направляться в Крым»[412].

А пока «бредовцы» старались разнообразить быт как могли. В лагере открылся любительский театр, читальня со свежими газетами, по воскресеньям поляки показывали кино; священник 13-го пехотного Белозерского полка организовал походную церковь и хор при ней. Конечно, помогали и свойственные интеллигентным людям ирония и самоирония, даже в тяжелых условиях «бредовцы» не теряли чувства юмора, и рукописный журнал карикатур «В гостях хорошо, а дома лучше» не знал недостатка в авторах. Упоминавшийся выше подполковник Б. Л. Шебеко так описывал обычный день в лагере:

Встаем чуть свет, —
Идем в клозет.
Потом опять
Бегом в кровать.
С утра — игра,

Винтим[413], брюзжим,
Поем, свистим,
Соврем про Крым.
Сидим, едим,
Чай пьем, вшей бьем,
Идем гулять,
Потом кровать[414].

По мере того как развивалась советско-польская война и Красная армия продвигалась вглубь Польши, «бредовцы» повсеместно начали испытывать на себе антипатию поляков к русским, не важно, белым или красным. Были случаи, когда часовые били русских прикладами или нагайками. Так, ночью 15 июля 1920 года военный чиновник Симферопольского офицерского полка Петрашев, спросив разрешения у часового, пошел в туалет, но на обратном пути неожиданно получил удар плетью по спине; обескураженный Петрашев успел только спросить: «За что?» — на что поляк снова замахнулся плетью с криком: «Нельзя!»[415] Пропажа принадлежавших русским колец, часов, портсигаров и прочего стала обычным явлением. Ироничные стихи подполковника Б. Л. Шебеко сохранили для нас лексикон польского часового:

Поверьте слову офицера,
Скажу без лести и стыда,
Любезных слов: «пся крев»[416], «холера», —
Мы не забудем никогда![417]

Впрочем, и «бредовцы» в долгу не оставались, платя полякам той же монетой. В Стшалково дошло до того, что командир охраны лагеря подпоручик Каспшак просил генерал-лейтенанта П. С. Оссовского запретить русским офицерам «употребление таких выражений, как „польская собака“, „польская морда“, „скурвы“ и „сукин“, с которыми они обращаются к польским солдатам ежедневно»[418].

К слову, поляки делали все возможное, чтобы разложить армию Бредова. Поскольку она была многонациональной, то работа велась именно в этом направлении: 3 мая отделили от русских украинцев, предоставили возможность уехать на родину болгарам, венграм и латышам во главе с комбригом 5-й пехотной дивизии генерал-майором Ф. П. Бернисом[419], из Пикулицы разрешили уехать в занятый поляками Киев офицерским женам — уроженкам этого города. Многие офицеры начали выдумывать

себе иностранное происхождение, что позволяло получить в Варшаве документы и уехать в Крым самостоятельно (причем для такого трюка даже не требовалась «зарубежная» фамилия: так, благополучно уехал из лагеря поручик Овчинников, назвавшийся уроженцем Лотарингии). В лагерях открыто работали вербовщики украинской армии, которая формировалась на территории Польши, а также армии С. Н. Булак-Балаховича, Войска Польского и латвийской армии. На этой почве начались конфликты вплоть до вооруженных, русские и украинцы не раз сходились в жестокой рукопашной, а 2 июля подпоручик Фиалковский даже застрелил украинского агитатора (и был оправдан польским судом «как действовавший в состоянии необходимой самообороны»[420]). Но многие, отчаявшись и не предвидя в судьбе никаких изменений, решались на переход. Так, из бывших казаков-«бредовцев» в Калише была сформирована кавбригада под командованием есаула Михаила Ильича Яковлева — 1-й Терский и 2-й Сводный Донской казачьи полки общей численностью 750 сабель; она интересна тем, что действовала на советско-польском фронте автономно, не входя в структуру Войска Польского, постепенно увеличивалась, была развернута в дивизию и на момент интернирования 30 ноября 1920 года насчитывала 3200 человек (М. И. Яковлев впоследствии принял участие в организации убийства советского полпреда в Польше П. Л. Войкова[421], а в апреле 1941 года погиб в Освенциме).

Сведения о количестве перешедших из рядов армии Бредова в другие вооруженные формирования разнятся: по одним данным, их было около двух тысяч[422], по другим — только в Стрелецкую бригаду армии УНР перешло около четырех тысяч человек[423]. Позиция самого генерала по этому поводу была однозначной: переход расценивался как дезертирство, а предложения вербовщиков предписывалось «отметать с презрением»[424]. Наконец, были и просто побеги офицеров из лагерей, они на свой страх и риск бежали в Крым, к Врангелю. Бежали, наслушавшись разговоров о том, что ни одно государство Европы не соглашается пропустить войска Бредова через свою территорию, а значит, о России можно забыть.

Судьбу воинов Отдельной Русской Добровольческой армии решили успехи Красной армии, которая летом 1920 года стояла в 12 километрах от Варшавы. Румынские власти неожиданно согласились пропустить «бредовцев» через свою территорию. Раньше такой вариант — возвращение к своим через Румынию — даже не рассматривался, так как все хорошо помнили «теплую» встречу румын у Тирасполя в начале года. Но теперь обстоятельства изменились. Опасаясь того, что красные,

расправившись с Польшей, повернут на юг, румыны начали воспринимать армию Бредова как потенциальную союзницу. Основная заслуга в принятии этого решения принадлежала представителю ВСЮР в Румынии генерал-лейтенанту А. В. Геруа[425], который обеспечил техническую сторону переезда[426]. Кстати, и отношение поляков к «бредовцам» в этот период улучшилось, и русские не раз слышали от своих охранников: «Поезжайте скорее в Крым, бейте большевиков оттуда, а мы отсюда».

Четвертого августа 1920 года Н. Э. Бредов издал официальный приказ о предстоящей переброске частей армии в Румынию и далее в Крым. Приказ не касался беженцев, офицерских семей, тех, кто по собственному желанию уходил из армии, раненых, больных. Польское командование устанавливало жалованье «бредовцам» в размере 100 марок в месяц офицерам и 60 фенигов в день солдатам[427]. В каждом эшелоне ехали врач и пять санитаров, а в каждом вагоне — польский офицер и восемь солдат, обеспечивавших порядок во время поездки. Тем, кто не желал ехать в Крым, Польша обещала предоставить статус беженцев. Таких набралось около семи тысяч.

Двенадцатого августа 1920 года первые эшелоны с воинами Отдельной Русской Добровольческой армии отправились из Варшавы. Подполковник Б. Л. Шебеко так описал приготовления к отъезду:

Прошли томления недели.
Скачи, пляши, кричи «ура»!
Вчера поляки повелели
Обед варить с восьми утра.

Осталось ждать теперь не много!
Мы словно видим сладкий сон:
Сегодня, помоляся Богу,
Уехал первый эшелон.

Мы алчем бранной славы снова,
Манит к себе полей простор…
Прощай, наш лагерь у Щелкова,
Колючей проволоки забор!

Прощай, барак «удобный», «барский»,
Что был столицей вшей и блох!
Прощай, наш общий «друг» Кевнарский,
Наш бескорыстный «Царь и Бог»!

Мы не забудем «зупы», «кавы»[428]
На Крымском даже берегу, —
И пред «союзною» Варшавой
Считаем мы себя в долгу!..[429]

Маршрут пролегал через Лодзь, Краков, Стрый, Перемышль, Станиславов, Коломыю, Снятии, Черновицы, Роман, Фокшаны и Стилы. Николай Эмильевич уезжал с первым поездом, чтобы руководить приемкой войск в Крыму. «Мне запомнился разговор, происшедший у меня с генералом Бредовым накануне его отъезда, — вспоминал Б. А. Штейфон. — Разговор этот чрезвычайно характеризует личность моего начальника.

У генерала Бредова в Варне находилась семья, много и нежно им любимая. Он все время мечтал о встрече с ней. Среди офицеров отряда было несколько человек, семьи которых тоже были в Варне. Все эти офицеры просили у генерала Бредова разрешения по прибытии в Галац съездить в Варну, повидать своих близких и затем со следующим транспортом или самостоятельно прибыть в Феодосию. С полной охотой удовлетворил генерал Бредов эти просьбы.

— Вы сколько дней предполагаете пробыть в Варне? — спросил я генерала, уверенный, что он разрешит себе после всего пережитого заехать к семье. Задержка в пути на два-три дня никакого расчета не составляла. К тому же только от генерала Бредова зависело время его прибытия в Крым, ибо он по своему желанию мог выехать из Польши и с первым и с последним эшелоном.

— Я не предполагаю заезжать в Варну, — грустно, но твердо ответил генерал Бредов.

— Но ведь два-три дня вашей задержки все равно ничего не меняют.

— Нет, я не вправе оставлять войска, пока не верну их в Крым.

С отъездом генерала Бредова, когда я остался единоличным ходатаем за отряд, я постиг всю тяжесть нравственной ответственности, которую так мужественно, твердо и безропотно нес генерал Бредов в течение многих месяцев»[430].

Эшелон, которым ехал Бредов, шел с задержками, день простояли в Стрые, четыре дня — в Перемышле. В дунайском порту Галац были 20 августа. Второй эшелон, следовавший без остановок, оказался в Галаце на шесть дней раньше. Из Галаца добровольцев переправили в порт Рени, на другом берегу Дуная.

Кроме армии эшелоны везли множество русских, так или иначе оказавшихся в Польше и просивших доставить их «к своим», и даже бойцов одного из Кубанских казачьих полков 1-й Конной армии С. М. Будённого, который в полном составе перешел от красных к полякам и пожелал отправиться в Крым. Всего в перевозке было задействовано двенадцать эшелонов, около шестисот вагонов. Правда, поляки вернули только одну пятую часть оружия, сданного «бредовцами» в начале их зарубежной одиссеи, — винтовки, 18 орудий и 282 пулемета. Но этому было объективное объяснение, так как склады, на которых хранилось оружие армии Бредова, давно уже захватили красные, а польские склады пустовали. Последние эшелоны на две недели задержались у Перемышля в связи с прорывом красной кавалерии, но 2 сентября и эти поезда ушли в Румынию. «Переезд по Румынии совершился без задержек при полном содействии и военных, и железнодорожных властей, — вспоминал Б. А. Штейфон. — Нас нигде не задерживали, не осматривали, и чувствовалось общее желание возможно скорее продвинуть нас в Галац. Мы встречали повсюду полную предупредительность»[431]. Напомним, что эта «предупредительность» возникла, только когда «бредовцы» стали нужны румынам, а еще в начале года ту же самую армию они встречали пулеметами.

В Рени «бредовцев» грузили на баржи, которые шли вниз по Дунаю и Сулинскому гирлу до Сулины. Там предстояла перегрузка на крупные русские транспорты «Херсон»[432] и «Саратов»[433] и суда поменьше — «Ялту»[434] и «Корнилов»[435]. Не обошлось без приключений — капитан «Корнилова» заявил, что пароход перегружен и нужно заново распределять вес на борту. Пока проясняли этот вопрос, пассажиры провели жуткую из-за обилия малярийных комаров ночь на песчаной косе в устье Дуная. Первый крымский маяк увидели ранним утром и потом целый день шли вдоль родных берегов. Вечером 24 августа 1920 года первый корабль бросил якорь в порту Феодосии.

Артиллерист-вольноопределяющийся В. Н. Душкин так писал о плавании «бредовцев» из Сулины до Феодосии на транспорте «Корнилов»: «С первыми лучами солнца начали грузиться. Набили нами низы парохода до отказа. Нанесли мы с собою комаров, и жгли они нас в жаре, в духоте, среди больных морской болезнью, а таких было много, до самой Феодосии.

Вот она, Феодосия! Дома! Подходим вечером, после плавания под жарящим солнцем, почти поголовно больные морской болезнью, скученные — не пройти — и облегчавшиеся за невозможностью добраться до борта прямо в трюмы. <…> Но невзгоды эти как-то стирались из-за магического слова

„Феодосия“.

<…> Пришвартовались, начали разгружаться. <…> Было уже темно, на набережной редкие фонари освещали рельсы, тюки и склады. Улеглись где кто мог и сразу уснули»[436].

Героическая эпопея Отдельной Русской Добровольческой армии генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова завершилась. Всего из Польши в Крым прибыло 12,5 тысячи офицеров и солдат. В Феодосии состоялся парад «бредовцев», который принял начальник гарнизона города, генерал-лейтенант И. П. Ставицкий[437]. Тогда же своих новых подчиненных впервые увидел и П. Н. Врангель, у которого, по его воспоминаниям, сжалось от боли сердце при виде босых и оборванных офицеров и солдат, некоторые из которых были в одном нижнем белье.

Конечно, всех переполняла радость от возвращения на родину. Подпоручик-артиллерист В. Д. Матасов вспоминал: «Побывав несколько месяцев в стране с чужим языком, была большая радость оказаться на родной земле и с несказанным наслаждением купаться в море. Трудно передать особенную радость, когда, купаясь ночью прямо с мола и плавая в прохладной воде, можно было наблюдать фосфоресцирующий свет воды, плещущейся о камни мола. После всего пережитого несколько дней в Феодосии показались нам раем. Оборванные и почти босые, получив белье, обмундирование и оружие, мы вновь были готовы к исполнению нашего воинского долга. Отношение воинского начальства и жителей к нам, Бредовцам, было очень внимательным и приветливым, как будто мы совершили что-то большое и трудное»[438].

После карантина и отдыха «бредовцы» составили основу новых 6-й (комдив — генерал-майор М. А. Звягин[439]) и 7-й (комдив — генерал-майор Г. Б. Андгуладзе[440]) пехотных дивизий 3-го армейского корпуса Русской армии П. Н. Врангеля (сформирован к 4 сентября 1920 года); командование корпусом принял генерал-лейтенант Михаил Николаевич Скалон, проделавший Бредовский поход в должности командира Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Сам же Николай Эмильевич был зачислен в распоряжение главнокомандующего Русской армией. Это решение П. Н. Врангеля вызвало у многих «бредовцев» как минимум недоумение. В. Н. Душкин вспоминал: «Понемногу оглядевшись, поняли, что… <…> генерал Бредов, чье имя получила вся наша эпопея, был по совершенно непонятной причине устранен повсюду, и это всем показалось обидным. Такая несправедливость нас больно ударила. Было обидно за начальника, сумевшего увести от разгрома, сохранить целость и, несмотря на уловки Польши и „союзников“, вернуть в Крым и

бросить в бой пару десятков тысяч бойцов»[441].

Действительно, на первый взгляд сложно понять, почему Н. Э. Бредов, неоднократно проявивший себя с наилучшей стороны и как военачальник, и как военный дипломат, доставивший в Крым немалое пополнение, был отставлен Врангелем, прекрасно помнившим, как блестяще показал себя Бредов в должности начдива во время взятия Царицына. Можно предположить, что здесь сыграли свою роль статус подчиненной Бредову группировки и ее численность. Ведь Отдельная Русская Добровольческая армия Н. Э. Бредова на момент прибытия в Крым насчитывала 12,5 тысячи штыков и сабель, а Русская армия П. Н. Врангеля к началу июня 1920 года была лишь вдвое большей —25 тысяч. И Бредов привез с собой из Польши пусть оборванные и изнуренные болезнями, но преданные начальству, закаленные невероятными трудностями и готовые к новым боям войска, приобретшие международную известность, ведь судьбой «бредовцев» занимались дипломаты нескольких стран, на них рассчитывали, их опасались. И главное, его войска имели статус отдельной армии! Все эти факторы, вместе взятые, не могли не беспокоить Врангеля, и, думается, в его армии Николай Эмильевич невольно повторил судьбу М. Г. Дроздовского, тоже яркого «походника», бывшего кумиром для своих войск. Он был вполне намеренно отстранен от реального руководства войсками именно в силу «излишней самостоятельности» и армейского статуса подчиненной ему группы войск. Но если Дроздовского с почетом «спустили» на уровень начдива, то Бредову, в отличие, например, от его подчиненного П. П. Непенина, в Русской армии не досталось даже дивизии. При том, что его родной брат Ф. Э. Бредов занимал должность начальника штаба 2-го армейского корпуса. Конечно же, это делалось с ведома и одобрения Врангеля, который вообще весьма болезненно реагировал на малейший признак «вождизма» в подчиненных ему войсках и намеренно «придерживал» ярких, склонных к самостоятельности командиров (классический пример — его взаимоотношения с Я. А. Слащовым). Эту особенность характера Петра Николаевича подмечали многие мемуаристы; так, Б. А. Штейфон метко сказал о нем, что, «ведя крупную политическую игру, он умел выводить из игры тех, кто казался ему лишним»[442].

Так или иначе, на заключительном этапе Белой борьбы Николаю Эмильевичу проявить себя не было суждено. Судьба 3-го армейского корпуса (бывшей Отдельной Русской Добровольческой армии) оказалась короткой: в середине октября 1920 года он понес огромные потери на Днепре и после отхода в

Крым был расформирован, 6-я дивизия передана во 2-й армейский корпус генерал-лейтенанта В. К. Витковского (начальником штаба которого, как упоминалось выше, был брат Н. Э. Бредова Федор Эмильевич), а 7-я дивизия — в Кубанский корпус генерал-лейтенанта М. А. Фостикова (от обеих дивизий оставалось примерно по тысяче человек). А Бредовский поход — единственный поход Гражданской войны, названный в честь его командира, — постепенно оказался заслонен в истории Белого дела другими событиями. Причина этого очевидна, крымская эпопея и эвакуация отодвинули подвиг «бредовцев» на второй план, а скромные, не склонные к самолюбованию мемуары участников похода появились лишь в 1930-х годах. Единственным напоминанием о том, что поход этот действительно был, служила учрежденная 25 февраля 1922 года приказом главнокомандующего Русской армией П. Н. Врангеля № 206 особая награда — крест «За поход отряда генерала Бредова» («В воздаяние верности долгу и понесенных тяжелых трудов и лишений чинами отряда генерала Бредова, с боями пробившимися в студеную зимнюю пору из Тирасполя в Польшу») [443]. Крест оказался в своем роде уникальным. Это была единственная награда Белого движения, в названии которой упоминалась фамилия конкретного военачальника. Награда была покрыта с обеих сторон белой эмалью с узкой серебряной каймой, посередине креста помещалось изображение опущенного острием книзу меча. На поперечных сторонах награды гравировалась дата «1920», а на обороте размещалась надпись «Верные долгу». Крест носился на бело-сине-красной ленте, левее всех степеней Георгиевского креста, Георгиевской медали, а также знаков за 1-й Кубанский и Екатеринославский походы (то есть расценивался ниже всех этих знаков отличия). Это была последняя награда, которой Н. Э. Бредов удостоился в своей жизни, и единственная, в названии которой упоминалось его собственное имя.

Четырнадцатого ноября 1920 года вместе с тысячами своих соотечественников 47-летний генерал-лейтенант Николай Эмильевич Бредов покинул родину, отправившись в вынужденное изгнание. Вместе с ним из Севастополя уходили его младший брат, 36-летний полковник (уже в Галлиполи, в 1921 году, он был произведен в генерал-майоры) Федор Эмильевич, и племянник, пятнадцатилетний кадет Ростислав. Вообще в Белое движение так или иначе оказались вовлечены большинство членов семьи Бредовых: одна сестра Николая Эмильевича, Софья, была замужем за генерал-майором Михаилом Константиновичем Дитерихсом, в июне — ноябре 1919 года командовавшим Восточным фронтом и одновременно занимавшим в

правительстве А. В. Колчака пост военного министра; другая, Елизавета, вышла замуж за генерал-майора Константина Николаевича Хагондокова и уехала в эмиграцию еще в 1919 году. Остались в России лишь двое Бредовых, самый старший брат Александр (он, в отличие от Николая и Федора, был инженером-путейцем) и средняя сестра Мария. Александр Эмильевич работал начальником комитета по перевозкам Западного округа, жил в Смоленске, а в 1927 году вместе с сестрой переехал к матери в Ленинград, где вскоре умер. Мария Эмильевна трудилась домработницей и воспитательницей в детских яслях, растила племянника — сына М. К. Дитерихса и С. Э. Бредовой Михаила (1916–1976; он был усыновлен тетей и получил фамилию Бредов. Впоследствии Михаил Михайлович Бредов стал выдающимся физиком, доктором наук, профессором). Мария Эмильевна пережила блокаду и ушла из жизни в 1948 году. Могилы брата, сестры и матери генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова находятся на петербургском Волковом кладбище.

В отличие от Федора Бредова, которому предстояла Галлиполийская эпопея, путь Николая Эмильевича лежал сначала в турецкий Константинополь, а затем в болгарскую Варну, где с января 1920 года жили его теща, жена, дочери и приемный сын. В конце Гражданской войны Варна наряду с Бургасом была главными «морскими воротами» для русских эмигрантов, прибывавших в Болгарию, временно или навсегда. Русская колония в этой стране в начале 1920-х годов была одной из самых крупных, по разным оценкам, от 35 до 40 тысяч человек. Это объяснялось общностью веры, близостью языков и благодарной памятью, которую болгары испытывали к русским — освободителям их страны от османского ига. Болгарское законодательство было настроено по отношению к русским более чем толерантно. Русские могли беспрепятственно передвигаться по всей Болгарии, пользовались равными с болгарами правами при устройстве на работу, могли выгодно обменять на левы давным-давно не котировавшиеся в России «керенки», ветераны Русско-турецкой войны получали в стране немалые пенсии, неимущим оказывалась бесплатная медицинская помощь.

До октября 1921 года Николай Эмильевич жил с семьей в Варне, но работы там найти не удавалось, и Бредовы переехали в Севлиево, небольшой городок в центре Болгарии, бывший в то время «штаб-квартирой» Дроздовских частей. Впрочем, в Севлиево с заработками было не лучше, спасало лишь то, что у пасынка генерала, Бориса, имелся собственный автомобиль (огромная редкость по тем временам), на котором он занимался извозом. Но вскоре Борис переехал к другу во Францию, а

Бредовы в 1923 году перебрались в столицу Болгарии Софию, где поселились в районе Долни Лозенец (туда же переехал и Федор Эмильевич с семьей). Начавший застраиваться в начале 1920-х годов, Лозенец представлял собой тихую живописную окраину болгарской столицы, где селились в основном небогатые представители творческой интеллигенции. Жили там и семьи эмигрантов, среди которых профессор медицинского факультета Софийского университета Алексей Эрастович Янишевский, редактор газеты «Русь», в прошлом подполковник Глеб Федорович Волошин-Петриченко, свояк Н. Э. Бредова генерал-майор Михаил Николаевич Папа-Федоров и др. Условия жизни были далеки от идеальных: только в 1928 году в Лозенце появились водопровод и канализация.

Интересные воспоминания о болгарской столице 1920–1930-х годов оставил Д. А. Бендерев, вывезенный в эмиграцию ребенком: «В 1924 году население Софии было не более 200 000 человек и до 1944 года развитие и переустройство города шло медленно. <…> Такие теперешние кварталы, как Красно село, Павлово, Княжево, Горна баня, Лозенец и др., были оторваны от города пустыми, незастроенными местами. Поглощение их шло медленно, но до 1944 года уже некоторые из них вошли в очертания города (Лозенец, Красно село, часть Павлово и т. д.), и население стало уже 400 000 человек. Самое высокое частное здание было пятиэтажное, построенное в тридцатые годы на углу улиц Раковского и Московской — по диагонали к старому русскому посольству. Вначале самыми высокими были только двух- и трехэтажные жилые дома. Началось и строительство частных четырехэтажных кооперативных домов с т. н. апартаментами и более высоких государственных учреждений. Чем дальше от центра, тем ниже были дома с двориками-садами, полными сиренью и цветами. На бул.[ьваре] Скобелева, который только оформлялся, существовала еще небольшая мечеть, а квартал Лозенец с его низкими домиками был просто цветущим парком. <…> Зимой все население города отапливалось углем или дровами, благодаря чему в холодные и морозные дни воздух в городе всегда был тяжелым и был густой непроглядный туман. <…>

Трамвайные пути были в ограниченном количестве и то только с одной колеей — через две или три остановки были разъезды, где разъезжались встречные трамваи. <…> Автомобильный транспорт еще не существовал, зато было много извозчиков. Такси появились впервые в 1927 году на стоянке „Орлов мост“, и все машины были ситроенами, целиком окрашенные как шахматная доска (желто-коричневые). Радио для

нас было чудом… <…> но оно быстро начало распространяться среди населения. <…> Первый же звуковой фильм появился в 1932 году. <…>

Появился и троллейбус по маршруту Княжевское шоссе — Горна баня. Мэр, инж.[енер] Иванов, старался с 1934 по 1944 год сделать из Софии образцовый и модерный город, дублировались трамвайные пути, она была идеально чистой, за малейшее засорение или оплевывание безжалостно штрафовали. Прошли те года, когда я однажды, возвращаясь с ул.[ицы] Волова, пересекая бул.[ьвар] Дондукова в киселе грязи потерял одну свою галошу, которую мне не удалось найти, даже щупая рукой по локоть в грязи. Я вернулся в интернат с одной галошей, так что пришлось мне покупать новую пару — это было в 1927 году. Вскоре мы уже перестали носить галоши, и даже зимой не было необходимости: все улицы мощеные, тротуары приличные»[444].

В Софии Николаю Эмильевичу было суждено провести в общей сложности 16 лет, и это был самый спокойный период его жизни, в особенности на фоне тяжелейшего шестилетия 1914–1920 годов. Пришлось вписываться в эмигрантскую реальность. Зарабатывали кто как мог: Екатерина Павловна шила обувь, Федор Эмильевич трудился землемером, его жена Евгения Ивановна была тапером в кинотеатре и медсестрой в санатории для легочных больных в селе Искрец. Сам же генерал сменил множество профессий. До 1927 года он был «наблюдателем за работами» на железобетонном строительстве, затем несколько месяцев трудился рабочим на фабрике по изготовлению стеариновых свечей, после чего до 1930 года служил землемером в организации «Трудово земелно стопанство» («Трудовое земельное хозяйство») и год был кассиром в кооперации Союза болгарских врачей. Основной доход семье приносили выполняемые им на дому чертежные работы, да иногда приходила помощь от Бориса из Франции. 12 декабря 1933 года скончалась теща генерала Надежда Федоровна, и на 94-м участке Центрального Софийского кладбища у Бредовых, как и у многих эмигрантских семей, появилась родная могила. Были и радости — обе дочери Николая Эмильевича вышли замуж. Избранником Татьяны стал горный инженер, в прошлом артиллерийский подпоручик-корниловец Андрей Давыдович Макаренко, а Ольга вышла замуж за талантливого ученого-геолога Андрея Алексеевича Янишевского, сына знаменитого врача и соседа Бредовых по Лозенцу А. Э. Янишевского (к несчастью, в феврале 1949 года А. А. Янишевский трагически погиб, упав в неогражденную шахту лифта).

Участник Бредовского похода В. Н. Душкин так вспоминал

общение со своим бывшим командиром: «Весной 1924 года, в Софии, работая по утрам у инженера Шурупова, известного строителя, мецената и помощника нашему брату… <…> я встретил генерала. Он работал с Шуруповым. В гимназии я встретился и познакомился с двумя его дочерями-подростками, Таней и Олей, очень славными и милыми девочками. Таня и Оля ввели меня в их дом в Лозенце, познакомили меня с их матерью, и я имел невыразимое счастье быть за одним столом с генералом, говорить о чем угодно, сколько угодно и как угодно и слушать, слушать… Так обретен был общий язык. Это был обаятельный, спокойный, простой в общении аристократ духа»[445].

Генерал участвовал и в общественной жизни русской Болгарии. Он входил в совет Общества единения русских в Болгарии, существовавшего в мае 1920-го — июне 1924 года и ставившего целью «объединить проживающих в Болгарии русских без различия их политических убеждений на почве культурно-национальных и моральных интересов; содействовать организации, развитию и укреплению государственной власти, способной вывести Россию из анархии; способствовать единению русских с болгарами и другими славянскими народами на почве общеславянской культуры»[446]. Общество претендовало на то, чтобы стать координирующим органом для всех русских эмигрантских организаций в Болгарии, в августе 1921 года провело даже съезд русских беженцев, однако было все же слишком малочисленным для осуществления стоявших перед ним грандиозных задач: на декабрь 1921 года — 230 человек, на май 1924-го — 112.

В сентябре 1924 года все русские военные организации и союзы, созданные за рубежом, были объединены под эгидой Русского Обще-Воинского союза (РОВС). Делами Болгарии и Турции ведал 5-й (с 31 июля 1925 года — 3-й) отдел РОВС, который возглавил генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов[447]. Канцелярия отдела разместилась в центре Софии в одноэтажном доме по адресу: улица Оборище, 17[448]. Обстановка была более чем скромной — расшатанные деревянные стулья, запачканные чернилами столы. Только кабинеты генерала Абрамова и начальника его канцелярии, артиллерийского капитана-дроздовца К. А. Фосса[449] были обставлены несколько лучше.

Этот адрес — Оборище, 17, — на долгие годы стал для Бредова одним из главных в Софии. В 1924 году Николай Эмильевич встал во главе Национального союза русских «Долг Родине», который входил в структуру РОВС. Сведений о «Долге Родине» сохранилось очень немного, и это неудивительно — эта организация задумывалась как глубоко законспирированная, ее

участники делились на «тройки» и знали лишь своего командира и двух других участников «тройки». Вербовкой в «Долг Родине» занимался К. А. Фосс. Одним из немногих мемуарных свидетельств о деятельности «Долга Родине» являются воспоминания Б. В. Прянишникова[450]: «Вербуемых заверяли в патриотических целях борьбы с коммунизмом в России. Неясно было, как эта борьба будет вестись из-за рубежа. Не было понятно, почему сплоченным в воинских организациях испытанным воинам следовало приступить к тайной политической деятельности. Не было и прямых распоряжений генерала Абрамова о желательности вступления в ряды организации „Долг Родине“. Лично я, как и мои друзья по Атаманскому военному училищу, отнеслись к организации „Долг Родине“ отрицательно. Вербовка в организацию не дала большого числа готовых к тайной деятельности под руководством доселе неизвестных деятелей. Тем не менее небольшое число капитанов и поручиков оказало доверие капитану Фоссу, вступив в тайное сообщество. Среди них — ближайший помощник Фосса, капитан Корниловского артиллерийского дивизиона Николай Дмитриевич Закржевский. <…> Возникновение организации „Долг Родине“ по времени совпало с началом конспиративной деятельности Кутепова. Но к зарождению этой организации Кутепов не имел никакого отношения»[451].

В 1926–1927 годах «Долг Родине» был постепенно преобразован А. А. Зайцовым и К. А. Фоссом во «Внутреннюю линию» — тайную контрразведку РОВС, имевшую филиалы и агентуру в семнадцати странах. К ней Н. Э. Бредов, судя по всему, либо уже не имел отношения, либо его участие было глубоко законспирировано. Роль генерала как одного из создателей контрразведки РОВС еще ждет своего исследователя.

В 1933–1935 и 1943 годах Николай Эмильевич возглавлял еще одно подразделение 3-го отдела РОВС — Софийский отдел Общества русских офицеров Генерального штаба. Организация была небольшой, в нее входили генерал-лейтенанты Ф. Ф. Абрамов, Ф. С. Рерберг, А. И. Жнов, генерал-майоры А. В. Арцишевский, Ф. Э. Бредов, М. М. Зинкевич, В. П. Никольский, полковники П. А. Бородаевский, А. П. Петренко и П. К. Ясевич. Со многими из них Николай Эмильевич был знаком еще по Великой войне (например, с Ф. С. Рербергом они вместе состояли в Киевском центре Добрармии). Деятельность общества сводилась к организации докладов на военно-исторические и политические темы. Так, в 1935 году после маневров Киевского военного округа Общество русских офицеров провело подробный анализ этих маневров. Как пояснял сам

Николай Эмильевич, «изучение устава Красной Армии, разбор Киевских маневров и другие аналогичные доклады для нас, военных людей, представляли чисто профессиональный интерес. Это не что иное, как стремление держать себя в курсе событий в Советской России»[452]. Сам он выступил в обществе с единственным докладом «Шестимесячная защита Шипки». Как вскоре оказалось, это знаменитое по событиям Русско-турецкой войны 1877–1878 годов село в центре Болгарии сыграло в судьбе генерала особую роль.

Осенью 1937 года в жизни 64-летнего к тому времени Николая Эмильевича произошли крупные перемены. Он получил предложение возглавить оставшийся после смерти генерал-майора Ф. П. Инютина[453] без руководства приют для инвалидов и хронических больных Российского общества Красного Креста в селе Шипка. Ему снова, как и в начале 1920 года, были вверены судьбы тех, кто уже не мог бороться сам, — беспомощных калек и тяжелобольных, заброшенных в Болгарию волею судеб. На пять лет Шипка стала для генерала домом. Как следует из архивных документов, в приют он прибыл 1 сентября 1937 года, причем при медицинском освидетельствовании сам был признан инвалидом[454].

Приют Красного Креста в Шипке, основанный в декабре 1923 года, входил в тройку крупнейших русских инвалидных домов Европы, в нем постоянно жили 120–130 человек. В одном с ним здании размещался созданный в 1928 году Шипкинский инвалидный дом, рассчитанный на 100 человек и подчинявшийся Союзу русских инвалидов в Болгарии; отношения между двумя этими приютами, несмотря на аналогичность задач, были натянутыми, и генералу не раз приходилось улаживать возникавшие между администрациями недоразумения. Население приюта состояло из тяжелораненых на фронтах Первой мировой и Гражданской войн отставных генералов, офицеров, военных чиновников, солдат, казаков, членов их семей, немногочисленных гражданских беженцев. Им были отведены помещения в постройках, возведенных в начале XX века и примыкавших к красивейшему храму-памятнику Рождества Христова, посвященному памяти героев Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Сейчас все эти здания принадлежат монастырю Болгарской православной церкви «Рождество Христово», но, к сожалению, пустуют и медленно разрушаются.

Жизнь в Шипке резко отличалась от софийской. После шума столицы — величественная тишина Балканских гор, вместо 400-тысячного города — двухтысячное село, каждый десятый житель которого был русским инвалидом. Русские и болгары жили между

собой дружно, в Шипке еще в 1920-х начали возникать смешанные семьи. Среди инвалидов было немало участников Бредовского похода, встречались и те, кто помнил освобождение Киева. Иногда к Николаю Эмильевичу приезжали погостить дети; кроме того, в приюте постоянно жила племянница его жены, Наталья Михайловна Папа-Федорова.

На должности заведующего приютом Николай Эмильевич встретил известие о начале Второй мировой войны, весть о нападении Германии на Советский Союз. Среди эмигрантов (в 1940 году в Болгарии насчитывалось 18 397 русских) отношение к этому событию было различным. Многие надеялись, что Германия и ее союзники разгромят Красную армию и свергнут советскую власть, после чего можно будет вернуться домой. Другие с самого начала не испытывали никакого сочувствия к гитлеровской авантюре, предрекали ей крах и желали победы пусть Советской, но все же России. Третьи восприняли новую войну как продолжение Гражданской и были готовы сражаться с большевизмом на любом фронте, не только русском. Такие записывались в Русский охранный корпус (далее — РОК), формировавшийся с сентября 1941 года в Югославии и действовавший там главным образом против партизан-коммунистов Иосипа Броз Тито, иногда против четников Драголюба Михайловича, а на заключительном этапе войны также против Красной армии, армий Румынии и Болгарии. До ноября 1942 года корпус представлял собой фактически автономное соединение, где сохранялись звания и чины, которые их обладатели имели в русской армии, а в качестве обмундирования использовалась югославская форма. В РОК записывались русские эмигранты из разных европейских стран — от Франции до Латвии. Из Болгарии в корпус в марте 1942-го — январе 1943 года вступило около двух тысяч человек, около трети пригодных к военной службе эмигрантов-мужчин (из них были целиком сформированы 3-й и 4-й полки РОК). Начальником штаба, а со временем и командиром РОК стал старый знакомый и бывший подчиненный Николая Эмильевича, в 1921 году сравнявшийся с ним в чине, генерал-лейтенант Б. А. Штейфон, произведенный также в генерал-лейтенанты вермахта. А младший брат Н. Э. Бредова, генерал-майор Федор Эмильевич, отправился в корпус одним из первых и занял в РОК должность командира 5-й юнкерской роты 2-го батальона 3-го полка (там же служил его сын Ростислав). В РОК оказалось много и других давних знакомых Бредова и по Софии, и по Гражданской войне, и сложно допустить, что Штейфон, младший брат, племянник и другие близкие люди никак не пытались привлечь Николая Эмильевича к

делу создания корпуса. Однако никаких документальных свидетельств того, что генерал согласился на это, нет, он по-прежнему выполнял обязанности заведующего Шипкинским приютом.

В начале 1940-х годов Болгария оказалась в странном положении — она была официальной союзницей нацистской Германии, но войну СССР так и не объявила, так как, по убеждению царя Бориса III, сражаться против русских его армия просто не стала бы. Тем не менее под давлением Берлина контроль за русскими эмигрантами усилился, а поддержка, им оказываемая, сократилась. В 1941 году приют для инвалидов и хронических больных был переименован в Государственный приют для инвалидов и больных иностранцев и передан из ведения Российского Красного Креста под управление Министерства иностранных дел и исповеданий Болгарии. В 1942 году Н. Э. Бредов оставил должность заведующего приютом и переехал к дочери Ольге и ее мужу Андрею Янишевскому в Софию — в Лозенец, на бульвар Князя Симеона Тырновского, 8, где находился агрономический факультет Софийского университета; в здании факультета действовал Геологический институт, который предоставил Янишевским квартиру (современный адрес — угол бульвара Драгана Цанкова и улицы Добри Войникова, в здании находится биологический факультет Софийского университета Святого Климента Охридского).

Вторая мировая между тем продолжалась; для Болгарии, которая с 13 декабря 1941 года находилась в состоянии войны с Великобританией и США, она выразилась прежде всего в чудовищных воздушных бомбардировках, которые обрушились на страну в ноябре 1943 года. Особенно жестоко американские «Митчеллы», «Либерейторы» и «Летающие крепости», английские «Москито» и «Галифаксы» бомбили Софию, несмотря на то, что никаких военных объектов в столице не было. Самый сильный налет София пережила 10 января 1944 года, днем город атаковали 220 американских, а ночью — 80 английских самолетов; 947 человек погибли, 710 были ранены, было разрушено 3731 здание. После этого из Софии началась массовая эвакуация, за пять дней, спасаясь от бомбежек, город покинули около 300 тысяч жителей. Был среди них и Николай Эмильевич Бредов, чья квартира тоже сгорела от попадания бомбы. Он перебрался из столицы в центр страны, в небольшой городок Твердицу, где директором местной шахты работал его зять Андрей Давыдович Макаренко. Впрочем, эхо войны звучало и там — 24 июня 1944-го американцы бомбили расположенный в 45 километрах от Твердицы город Казанлык.

Фронт уже приближался к Болгарии, и русские эмигранты ожидали неизбежного прихода Красной армии со смешанными чувствами. В отличие от 1941 года большинство вполне искренне желали победы своему народу над фашизмом, многие помогали болгарским партизанам; те же, кто хорошо помнил Гражданскую войну, опасались того, что в Болгарии теперь тоже будет установлена советская власть и начнутся репрессии против тех, кто когда-то воевал в рядах белых армий.

Так и произошло. Война, которую СССР объявил Болгарии 5 сентября 1944 года, оказалась формальной, вооруженного сопротивления болгарская армия не оказала, народ радостно приветствовал красноармейцев. 9 сентября в результате государственного переворота к власти пришло коммунистическое правительство, и Болгария объявила войну Германии. По стране покатилась волна спешных преобразований по советскому образцу, армия получила название народной, полицию заменила милиция. Более двадцати русских эмигрантских организаций были приравнены к фашистским и закрыты, а их имущество конфисковано. А сотрудники опергрупп Управления военной контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта сразу же приступили к поискам лиц, которые сотрудничали с гитлеровцами и их пособниками. Сотрудничество это трактовалось крайне широко, задерживали и тех, кто действительно был связан с нацистами (например, вербовщиков в ряды РОК), и просто членов эмигрантских организаций, которые все были объявлены «белогвардейскими». К 20 ноября в стране были задержаны 88 участников таких организаций. Эмигрант князь А. Л. Ратиев так вспоминал обстановку тех дней: «Случайные встречи с [советскими] офицерами, приятельские, дружественные разговоры, часто заканчивавшиеся неопределенными предупреждениями: опасайтесь тех, кто придет после нас, представителей специальных служб и учреждений. <…> И вот начинают заходить к нам и лица другого облика. Внешне все они стараются быть вполне корректными, но в их разговорах чувствуется нарочитая твердость и сдержанность. Расспрашивают они неизменно и о причинах нашего выезда из России, выражают по этому поводу свои сдержанные сожаления и начинают расспрашивать о ряде других лиц и об их адресах. Ясно, что их интересуют в первую очередь те лица, которые, как известно, поступили в немецкий корпус… <…> или те, кто непосредственно сотрудничал и работал с немцами. <…> Это подтверждают и начавшиеся аресты. Способствуют этому и некоторые из эмигрантов, которые, как видно, своим угодничеством стараются загладить или кое-какие свои

собственные прегрешения, или же заполучить для себя какие-нибудь блага за счет непрошеного угодничества»[455].

Во всех открытых источниках утверждается, что Н. Э. Бредов был арестован СМЕРШ в 1944 или 1945 году, затем вывезен в СССР и погиб в заключении. Украинский электронный ресурс «Енциклопедія сучасної України» даже взял на себя смелость указать, что погиб генерал в Мордовии. Однако никаких документальных подтверждений этому в информационных массивах ФСБ и МВД Российской Федерации обнаружить не удалось. Лишь недавно в архиве Управления ФСБ по Омской области были найдены документы, позволяющие пролить свет на участь генерала после вступления Красной армии в Болгарию. Согласно им, очередь Николая Эмильевича подошла 25 октября 1944 года. Возможно, за ним специально пришли в день, когда «по старому стилю» произошел Октябрьский переворот. Генерал был арестован в доме своего зятя, в Твердице. Судя по спецсообщению начальника Управления контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта П. И. Ивашутина Военному совету фронта, Н. Э. Бредов был сочтен одним из руководителей РОВС, принимавших участие в формировании Русского охранного корпуса, хотя никаких фактических доказательств этому приведено не было; возможно, генерала просто спутали с его братом[456].

Протокол единственного допроса Н. Э. Бредова датирован 18 ноября того же года[457]. Следователя интересовали и его военная карьера времен Гражданской войны (генерал подробно изложил ход событий 1919–1920 годов), и участие в РОВС, в частности, в Обществе русских офицеров Генерального штаба. На вопрос, слушались ли в обществе доклады на политические темы, Бредов ответил утвердительно и привел в пример доклад М. М. Зинкевича «о государственном устройстве Советского Союза». Когда следователь уточнил, освещал ли Зинкевич тему с антисоветских позиций, Николай Эмильевич ответил: «Да, это безусловно так. Иначе и быть не могло, потому что и сам Зинкевич, и все общество к советской действительности относились отрицательно»[458].

Прозвучали и вопросы о главе 3-го отдела РОВС Ф. Ф. Абрамове и начальнике «Внутренней линии» К. А. Фоссе. Но Николай Эмильевич говорил о них скупо, его ответы сводились к тому, что с Абрамовым и Фоссом он был знаком лишь формально, встречался с ними редко и только по бытовым вопросам. Следователь не мог не знать, что это не соответствовало истине: и с Абрамовым, и с Фоссом генерал состоял в плотном контакте еще с начала 1920-х годов, а «Внутренняя линия», где Фосс играл

одну из главных ролей, вообще была прямым продолжением «Долга Родине» Бредова. Но, по-видимому, Николай Эмильевич твердо дал понять, что говорить на эту тему не намерен, потому что в два часа ночи 19 ноября допрос был прекращен, и больше генерала не допрашивали.

О дальнейших событиях рассказывает тетрадный лист, приложенный к протоколу допроса: «Расписка. Приняты Бредов, Удовицкий, Гущин, Гротто-Слепиковский и Кумань, их документы и личные разные вещи. Претензий не заявлено. Ридзович Обрад Малиша. 24/XI 44. Нач.[альник] ОЗН-а Отдел защиты народа г. Вршац»[459]. ОЗН (Отдел защиты народа, по-сербски «Оделенье за заштиту народа») — это югославская контрразведка, созданная при Народно-освободительной армии Югославии 13 мая 1944 года; «ОЗНа све дозна», «ОЗН все знает» — такая невеселая шутка бытовала тогда в сербском языке.

Встает вопрос: почему Н. Э. Бредов был передан органами СМЕРШ югославским коллегам? Ведь арестованных в Болгарии «белогвардейцев» (этот термин трактовался очень широко и мог означать что угодно) вывозили в СССР на дополнительные допросы в Главное управление контрразведки СМЕРШ, после которых их ждал суд. Так, хорошо знакомый Бредову начальник штаба 3-го отдела РОВС полковник Петр Константинович Ясевич 12 ноября 1945 года был осужден по трем пунктам статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к десяти годам лишения свободы (после отбытия срока он жил в Мордовии и умер там в 1970 году). Кроме того, множество русских эмигрантов были отправлены в трудовые воспитательные общежития (так в Болгарии назывались лагеря), причем среди них были не только условные «белогвардейцы», но и военные преступники. Так, в 1947 году из 401 русского, содержавшегося в «общежитиях», 322 ранее служили в РОК, 18 были вербовщиками в корпус, 18 состояли в рядах СС, а 8 служили в гестапо. Почему же Николай Эмильевич не был вывезен в СССР или заключен в лагерь? Можно предположить, что главной причиной этого стали его косвенные связи с руководителями Русского охранного корпуса — ведь его родной брат Федор служил в РОК как раз на территории Югославии, а ближайший соратник Бредова на Гражданской войне Б. А. Штейфон и вовсе был командиром корпуса. Во время допроса Н. Э. Бредов имя Штейфона не называл, а о брате упомянул лишь в связи с тем, что в последний раз видел его в конце 1943 года, когда тот приезжал в отпуск в Софию. Но вполне возможно, что двух этих факторов — родство с Ф. Э. Бредовым и знакомство с Б. А. Штейфоном — оказалось достаточно для того, чтобы советские контрразведчики передали старого генерала-

инвалида для дальнейшего разбирательства югославским коллегам.

К сожалению, невозможно точно установить, с кем именно Н. Э. Бредов разделил тяготы заключения. Можно лишь предположить, что упомянутый в сопроводительной записке Гущин — это 67-летний полковник Василий Федорович Гущин, инспектор классов Одесского, а в эмиграции преподаватель 1-го Русского кадетского корпуса, а Гротто-Слепиковский — 79-летний генерал-майор Мечислав Станиславович Гротто-Слепиковский, в составе 4-й стрелковой дивизии совершивший Бредовский поход, а в дальнейшем прошедший через лагерь Стшалково.

Путь Бредова лежал из Твердицы через пол-Болгарии на запад, к югославской границе. Потом с юга на север, опять через полстраны, в маленький горный городок Вршац, расположенный в сербском Банате, почти на границе с Румынией. Почему именно туда, ведь к тому времени уже месяц как был освобожден Белград? Вряд ли это уже возможно установить. Что было дальше? Можно только предполагать, учитывая, что ОЗН «славился» свирепостью своих нравов и с теми, кого считал врагами, расправлялся беспощадно. Возможно, Николай Эмильевич какое-то время содержался в «региональном ликвидационном лагере» Стойкович-Телеп, где находились также представители местного немецкого населения (в 29-тысячном Вршаце жили 12 тысяч немцев), сербские четники и хорватские усташи. Охрана этого лагеря имела полномочия убивать заключенных без суда и следствия, жертв закапывали в братских могилах. К декабрю 1944 года в лагере Стойкович-Телеп оставалось всего 300 узников, остальные погибли.

С неменьшей жестокостью, чем к немцам (не только нацистам, но и обычным фольксдойче), четникам и усташам, югославские партизаны относились к «белогвардейцам». Как раз в декабре 1944 года сотрудники ОЗН проводили массовые расправы над преподавателями 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, действовавшего в Бела-Цркве, что рядом с Вршацем. Тела расстрелянных не закапывали, а просто бросали в скотомогильник на окраине городка. Только в мае 2014 года на этой братской могиле появился поминальный крест, в церемонии открытия которого участвовал автор этих строк.

Екатерина Павловна Бредова еще долгие годы надеялась на то, что увезенный из дома хмурым октябрьским днем 1944 года муж вернется. Она упорно обивала пороги всех болгарских ведомств, но никто не мог сообщить ей ничего утешительного. Когда надеяться стало больше не на что, в 1954 году Е. П. Бредова

с дочерьми решила переехать в СССР. Не «вернуться», поскольку из этой страны они не уезжали, а переехать на родину, на землю, где родились и жили ее предки; возможно, и найти какие-то следы Николая Эмильевича. Первыми уехали овдовевшая в 1949 года Ольга Николаевна со вторым мужем, выпускником Софийского университета врачом Вадимом Карамышевым, и сыном от первого брака Алексеем; их направили в Омскую область. Татьяну Николаевну с мужем Андреем Макаренко и сыном Николаем распределили в Экибастуз, где в то время не было почти никого, кроме заключенных, их охраны и ссыльных. В декабре 1958 года вдова генерала скончалась на севере Омской области в возрасте 80 лет. Татьяна Николаевна Бредова, в замужестве Макаренко, ушла из жизни в 1981 году в Туле, Ольга Николаевна Бредова, в замужестве Янишевская, — в 2006 году, в Ставрополе. Семья не оставляла попыток прояснить судьбу Николая Эмильевича, и в конце концов ей удалось найти уникальные документы, которые с любезного согласия потомков генерала были использованы при написании этого очерка[460].

Представители других ветвей семьи Бредовых остались за рубежом. Сестры Николая Эмильевича, Софья Дитерихс и Елизавета Хагондокова, скончались в 1944 году в Шанхае и в 1948 году в Париже соответственно. Последний из братьев Федор Эмильевич после пленения английскими войсками в 1945 году смог выехать в Сан-Франциско, где и умер в 1959-м; в США скончались также его сын Ростислав (1905–1961) и внук Михаил (1940–1982). Жена Федора Эмильевича и его дочь Наталья, в первом браке Макарова, во втором Аначкова, остались в Болгарии. Там же живут потомки сестры свояченицы Н. Э. Бредова Елены Павловны, в замужестве Папа-Федоровой.

В истории Белого дела Николаю Эмильевичу Бредову принадлежит особенная роль. Он проявил себя и как талантливый военачальник, и как опытный военный дипломат, но главное — как вождь Бредовского похода, командующий Отдельной Русской Добровольческой армией, спасший от гибели десятки тысяч человеческих жизней. И надпись на обороте креста «За поход генерала Бредова» — «Верные долгу» — как никогда лучше характеризует высокую и трагическую судьбу этого человека.

Александр Кутепов: «Мы боремся за РОССИЮ…»

Александр Павлович Кутепов принадлежит к числу наиболее известных военачальников Гражданской войны. Но его биография интересна не только этим, Кутепов — своего рода воплощение всего русского офицерства начала XX столетия, в его судьбе предельно сконцентрированы все испытания и достижения, выпавшие на долю его поколения. Представитель провинциальной небогатой семьи, храбростью и военными талантами вышедший в лейб-гвардию, герой двух войн — Русско-японской и Первой мировой, сохранивший верность присяге в революционной Сибири в 1905 году и в кипящем петроградском феврале 1917-го, один из первых добровольцев, первопоходник, командир наиболее известных и результативных соединений Белой армии. В свои 38 лет его сверстники чаще всего были капитанами или подполковниками, Кутепов же к этому возрасту достиг предельно возможного на воинской службе чина — генерала от инфантерии (выше был только генерал-фельдмаршал, но этот чин не присваивался с 1912 года). В отличие от большинства белых военачальников Гражданская война для него не закончилась с уходом из Крыма. Он и пал в бою Гражданской войны, своем собственном, личном неравном бою за РОССИЮ (именно так, заглавными буквами было набрано название страны в одной из его речей 1929 года).

В большинстве источников местом рождения генерала значится небольшой город Череповец Новгородской губернии. Однако петербургский историк А. Ю. Петухов в своем обстоятельном исследовании, посвященном молодости генерала, высказал убедительную версию о том, что Кутепов появился на свет в ныне несуществующем селе Слутка Новгородского уезда Новгородской губернии, расположенном на берегу реки Волхов, в 22 верстах от Новгорода[461]. Александр, родившийся 16 сентября 1882 года, был первенцем в семье личного дворянина Константина Михайловича Тимофеева и его жены Ольги Андреевны; позже у пары родились сыновья Владимир (1885, умер в том же году), Борис (1887), Сергей (1889) и Андрей (1891). Когда Александру было восемь лет, отец скончался, а еще два года спустя тридцатилетняя Ольга Андреевна вышла замуж за сына сельского священника, уроженца Самарской губернии, 34-летнего чиновника по крестьянским делам Корпуса лесничих, губернского секретаря Павла Андреевича Кутепова. 9 марта 1893

года десятилетний Саша Тимофеев, как и его братья, был усыновлен отчимом и получил фамилию «Кутепов» с отчеством «Павлович».

К этому времени Павел Андреевич Кутепов два месяца как служил во 2-м Холмогорском лесничестве Архангельской губернии, и семья жила в уездном городе Холмогоры по адресу: Петербургский проспект, 39. В 1894 году Александр начал учебу в Архангельской гимназии, хотя без особого желания: «Я сам так хотел быть военным, что первое и настоящее огорчение я испытал, когда мои родители отдали меня в гимназию, а не в кадетский корпус»[462]. С полной уверенностью сказать, когда и почему зародилось в мальчике желание связать судьбу именно с армией, мы не можем, но одно известно точно: еще в детстве Кутепов выбрал своим кумиром Михаила Дмитриевича Скобелева, знаменитого «Белого генерала», освободителя Болгарии и героя Ахалтекинской экспедиции, оставившего в русской военной истории след яркий, словно комета. Характерно, что судьба Скобелева глубоко волновала еще одного легендарного белого военачальника, С. Л. Маркова, под командованием которого Кутепову выпало служить в 1918 году.

Учился гимназист Кутепов не блестяще, чему свидетельством многочисленные «тройки» по латыни, греческому, Закону Божьему, арифметике, географии и французскому; в пятом классе он был даже оставлен на второй год за «двойку», полученную по русскому языку. Зато подросток сразу завоевал авторитет среди одноклассников, как благодаря тому, что был на год их старше, так и из-за общей подтянутости, твердости характера, врожденного чувства справедливости. Иногородние гимназисты жили в общежитии, и Кутепова назначили старшим по комнате, точнее, мезонину: «Сразу в этом мезонине был заведен порядок образцовый. Точно было указано время, когда можно шалить и подымать возню, но и в точно положенный час в мезонине должна была наступить тишина. Когда отдавалось приказание — спать, всё сразу стихало. К ослушникам Кутепов применял меры воздействия далеко не те, которые возложены на воспитателей, но плакать никто не смел, так как по горькому опыту многие знали, что порядок и тишина будут быстро водворены самым решительным способом»[463].

По мере учебы гимназист не забывал и свою давнюю мечту: поступить на военную службу. Будучи в третьем классе, он с разрешения отчима побывал на маневрах, наравне с солдатами совершил 72-верстный марш и участвовал в «бое за взятие города». «Мои родители, — вспоминал Александр Павлович, — сначала сильно беспокоились, чтобы я не огрубел среди солдат,

но при мне, ребенке, солдаты были всегда сдержанны и деликатны, и я ничему худому от них не научился»[464]. В свободное время гимназист шел на плац и внимательно наблюдал за учебными занятиями солдат, а «чтобы развить в себе волю, додумался до такого своеобразного приема — приказывал будить себя по ночам, тщательно одевался и, борясь со сном, начинал шагать по комнатам или же выходил из дому и шел в те места, которые ему казались особенно страшными и жуткими»[465].

Пятнадцатого апреля 1899 года Саша Кутепов пережил тяжелую потерю — смерть матери. Отец вызвал его домой, в Холмогоры, телеграммой, но в живых мать Александр уже не застал, она скончалась за несколько минут до его приезда, перед смертью благословив его портрет. За пять дней до этого умерла только что родившаяся дочь Кутеповых Маша. Смерть новорожденной сестры и матери словно заставила Александра другими глазами взглянуть на свою учебу. Начиная с 1899 года из его аттестатов исчезают «двойки», он начинает хорошо учиться даже по тем предметам, которые давались ему с наибольшим трудом. Возможно, уже тогда Александр твердо выбрал для себя дальнейшую судьбу: он будет поступать в пехотное юнкерское училище на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. Отныне и навсегда служба, вернее служение, займет в жизни Кутепова главное место. Как отмечал его сослуживец и подчиненный, генерал Б. А. Штейфон, «чтение, театр, музыка, не говоря уже о балах, танцах, не увлекали его. <…> Александр Павлович довольно скоро сходился на службе с сослуживцами, подчиненными и начальниками, но когда приходило время расставаться, отходил от них равнодушно. Вообще, в его отношениях к людям всегда существовала какая-то внутренняя сдержанность, что, несомненно, было следствием основной черты его характера — замкнутости»[466].

Но вернемся в самое начало XX века. Собрав необходимые документы и получив разрешение отчима, Кутепов 9 июля 1901 года был зачислен в ряды Архангелогородского резервного батальона (того самого, с которым еще гимназистом проделал свой первый учебный поход), а 7 сентября, сдав вступительный экзамен, стал юнкером Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища, которое как раз в 1901 году было переведено на трехлетний курс обучения. О том, что с призванием Александр не ошибся, свидетельствуют скупые строки послужного списка: производство в младшие унтер-офицеры, младшие портупей-юнкера, а 11 июля 1903 года великий князь Константин Константинович[467] произвел Кутепова в фельдфебели, минуя звание старшего портупей-

юнкера «за отличное командование сводной ротой на смотру». «Фельдфебельские нашивки на погонах показывали мне, что он лучший во всех отношениях, — вспоминал Кутепова-юнкера его преподаватель генерал Н. Н. Головин. — Чрезвычайно выдержанный, он всегда и во всем подавал пример дисциплинированности. Простой в обращении со своими сверстниками, он вместе с этим умел поставить себя так, что, когда отдавал распоряжения как фельдфебель роты, эти же сверстники исполняли его приказания точно и беспрекословно. <…> А. Кутепов заражал своих сверстников и жаждой знания. Много пришлось мне после 1903 года иметь учеников, но смело могу сказать, что столь сильно жаждущих военных знаний, как А. Кутепов, я встречал редко»[468].

В отличие от гимназии в училище Александр стремился быть первым во всем. Строевые приемы он осваивал даже по ночам, упорно занимался фехтованием (и в 1904 году получил приз как лучший фехтовальщик училища). Тот же Н. Н. Головин описал выразительный эпизод: «Я пришел на одну из репетиций. В списке юнкеров, которые должны были отвечать, числился и А. Кутепов. Перед тем как я начал вызывать к доскам юнкеров, ко мне подошел А. Кутепов. Он обратился ко мне с просьбой разрешить отложить его опрос до следующего репетиционного дня. По принятому в училище порядку подобные отказы допускались только в случае болезни. Но на мой вопрос о причине отказа А. Кутепов, несколько сконфуженно, но открыто смотря мне в глаза, тихо сказал, что во вчерашний вечер ему неожиданно представился случай быть в театре, и это помешало ему подготовиться. Меня поразила честность его ответа. Сколько учеников на его месте позволили бы себе „спасительную“ ложь, сославшись хотя бы на внезапную „головную боль“… Поэтому в ответ на заявление А. Кутепова я сказал ему, что хотя формально я должен был бы поставить ему ноль, но я ценю „правду“ его ответа и буду спрашивать его в следующий раз. В следующий раз А. Кутепов блестяще выдержал „заложенную“ репетицию.

Впоследствии, когда мы встретились с А. Кутеповым в эмиграции, он сам рассказал мне, что случай с отказом произвел на него большое впечатление. Он очень колебался: сказать правду или „защитную неправду“? В училище порядки были строгие, и он рисковал полученным нолем испортить себе многое. Однако после долгой внутренней борьбы он все-таки решил сказать правду. Идя к моему столу, он был уверен, что я отнесусь формально, и он получит свой ноль.

Подобная моральная честность осталась у А. П. Кутепова на всю его дальнейшую жизнь. И не она ли именно привлекла к нему

сердца его подчиненных, товарищей и начальников?»[469]

Девятого августа 1904 года Александр Кутепов был выпущен из училища с производством в подпоручики. Как один из лучших выпускников, он имел право выбора части и остановился на 85-м пехотном Выборгском полку, который к тому времени находился на Дальнем Востоке, где шла Русско-японская война. Помимо этого факта, на выбор новоиспеченного офицера оказало влияние также место дислокации полка в мирное время: родная Новгородская губерния. После короткого отпуска подпоручик отбыл к месту нового служения, 30 сентября 1904 года он прибыл в полк и сразу же принял боевое крещение: 22-я пехотная дивизия, в которую входил 85-й Выборгский полк, прикрывала отход 4-го Сибирского корпуса.

В Японской кампании Кутепов принял участие в качестве офицера полковой команды охотников, то есть разведчиков (с 9 мая 1905 года — помощник начальника команды). Знавший его в те годы офицер А. А. Шеин вспоминал Александра Павловича так: «В то время не было лысины и бороды, маленькие усы, вся фигура была более сухая, худощавая и юношески подтянутая, только глаза были те же, но в них было меньше грусти и часто вспыхивали искорки задора. <…> Два раза по приглашению А. П. я участвовал в его ночных экспедициях, предпринятых для разведки производимых японцами работ. Как правило, в ночь, предшествовавшую такой разведке целой командой, А. П. производил таковую сам с одним или двумя из своих охотников, тщательно подготовляя успех действий команды и часто рискуя собой лично, он старался довести до минимума риск в действиях своих подчиненных. Все его ночные разведки — а они происходили чуть ли не 2–3 раза в неделю, — носили отпечаток тщательной подготовки, продуманности, почему и потери всегда были очень незначительны». Запомнилось Шеину и то, что «скромного, всегда аккуратно и по форме одетого подпоручика Кутепова трудно было уговорить выпить одну-две рюмки водки, а о том, чтобы он играл в карты, — мне и слышать не приходилось»[470].

Тяготы службы для Кутепова скрашивала дружба с однокашником по училищу — подпоручиком Максимом Эдуардовичем Леви. Они вместе ходили на боевые «дела», вместе отдыхали, устраивали «балы», на которых в качестве угощения выступали пирожки и пельмени. Но 20 февраля 1905 года командующий 8-й ротой подпоручик Леви был убит пулей в висок. Александр Павлович глубоко переживал гибель друга, после войны навестил его мать и, по-видимому, в чем-то считал себя ее сыном, так как переписывался с ней на протяжении

четверти века, а она ласково называла его Шуриком.

Боевые заслуги подпоручика во время Русско-японской войны были отмечены несколькими наградами: орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (5 мая 1905 года), Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (так называемое Анненское оружие, 14 июля 1905 года), Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (22 мая 1906 года, его Кутепову вручал лично Николай II). Помимо русских наград, его мундир украсила и первая иностранная — прусский орден Короны 4-й степени с мечами на ленте Железного креста. Ее получение было связано с тем, что шефом 85-го пехотного Выборгского полка был император Германии и король Пруссии Вильгельм II.

После завершения кампании Кутепов был откомандирован в 85-й пехотный запасной батальон, стоявший в Новгороде. Но проехать в Центральную Россию оказалось не так-то легко: Сибирь была охвачена революционным движением, на станциях Иркутск, Верхнеудинск и Красноярск воинские эшелоны задерживались бастующими. Кутепов не раздумывал долго, во главе горсти преданных ему и присяге солдат он арестовал революционный комитет и добился отправки эшелонов. Звучит просто, но можно себе представить, сколько мужества и решимости потребовалось юному подпоручику, чтобы переломить ситуацию в свою пользу! Это был первый опыт борьбы Кутепова с революционной стихией, и опыт вполне успешный.

В декабре 1906 года в служебной судьбе Кутепова наступил важный перелом, повлиявший на всю его дальнейшую карьеру, — он получил перевод в лейб-гвардию, точнее, в лейб-гвардии Преображенский полк — старейший в русской армии. Правда, брожение времен первой русской революции затронуло и эту престижную часть. В июне 1906 года солдаты 1-го батальона преображенцев подали начальству петицию из девятнадцати пунктов, содержавшую самые разные требования, вплоть до свободы печати. Правда, потом обнаружилось, что петиция была явно составлена с чужого голоса, например, под печатью солдаты имели в виду… полковую печать для документации, то есть просто спутали ее с прессой. Но решение военного суда оказалось жестким: 1-й батальон был переименован в особый пехотный и лишился гвардейских прав, из четырехсот солдат батальона 191 пошел под суд (32 были оправданы, остальные переведены в дисциплинарный батальон сроком от одного до трех лет), генералы и офицеры поплатились увольнениями, выговорами и замечаниями. В полку образовалось сразу 32 обер-офицерские вакансии, на одну из них и был переведен Александр Кутепов. Для армейского офицера, выпускника юнкерского училища, пусть

даже и обладателя боевых наград, это был феерический взлет.

На протяжении года Кутепов был прикомандирован к полку, то есть находился на испытательном сроке без права носить Преображенский мундир. Он служил в полковой учебной команде и временно командовал пулеметной командой. 10 сентября 1907 года офицер был произведен в поручики, а в декабре того же года наконец зачислен в 5-ю роту полка. 6 декабря 1911 года Кутепов стал штабс-капитаном, а 6 декабря следующего года — кавалером ордена Святого Станислава 2-й степени. Его петербургские адреса, по обыкновению начала века, часто меняются: улица Гоголя, 4, квартира 8; Кирочная, 37; Миллионная, 33. Но главные все же два последних: это новые и старые казармы полка, причем казармы на Миллионной соединены переброшенным через Зимнюю канавку крытым переходом с Зимним дворцом. Подобное расположение казарм подчеркивало исключительно высокий статус полка в структуре армии.

Несмотря на то что в первом полку империи служили представители знатных фамилий и обладатели больших состояний, для которых вчерашний армеец мог выглядеть нищим безродным выскочкой, характер и таланты офицера быстро сделали свое дело. В. В. Дейтрих-Белуха-Кохановский[471], пришедший в полк вольноопределяющимся, а затем ставший штабс-капитаном, вспоминал: «В полку Кутепов выдвинулся сразу. И выдвинулся, несмотря на чрезвычайное богатство полка яркими, самобытными характерами и во всех отношениях выдающимися офицерами. Его исключительное знание службы в среде, гордившейся с ревнивым самолюбием этим знанием службы, и где тем не менее авторитет Кутепова в этой области вскоре установился непререкаемо; его щепетильная строгость к самому себе и заботливость о солдате; его восприимчивость ко всему тому, чем полк дорожил как традицией, то скромное достоинство, с которым Кутепов умел себя держать, — все это вместе взятое вызвало к нему глубокое уважение с первых дней его вхождения в полковую семью. „Правильный человек“, — часто мне, будучи еще вольноопределяющимся, приходилось слышать о Кутепове мнение солдат, побаивавшихся его беспощадной требовательности по службе, но ценивших его заботу о солдатах и его совершенно бесстрастную справедливость»[472]. У нижних чинов вызывало восхищение то, что Кутепов блестяще мог делать все, что требовал от солдат, от ружейных приемов до стрельбы, от гимнастических упражнений до фехтования; офицеры единогласно отмечали его чувство такта, доброжелательность, юмор (тех, кто «не тянул» или манкировал обязанностями, Кутепов иронично называл «Федóра Ивановна», и это прозвище

надолго укоренилось в полку).

Конечно, «блестящим гвардейцем» из тех, кто был вхож в лучшие столичные дома и не жалел денег в ресторанах, Александр Павлович не был. Служба в первом полку гвардии была делом дорогим в прямом смысле слова, а ведь нужно было заботиться о семье, о братьях и сестрах. Борис по примеру брата выбрал военную карьеру, окончил то же Санкт-Петербургское пехотное юнкерское (с сентября 1909 года — Санкт-Петербургское военное, с мая 1910 года — Владимирское военное) училище и стал офицером 1-го железнодорожного полка, Сергей поступил на юридический факультет столичного университета, затем начал служить в канцелярии тверского губернатора; младшие сводные сестры Раиса и Александра учились в Архангельской гимназии, а со временем перебрались в Петербург. Отчим же скончался в 1912 году. Конечно, приходилось экономить каждый рубль из служебного жалованья, чтобы помочь своим, и не зря в характеристике, данной Кутепову командиром полка, подчеркивалось: «Содержит семью и нуждается в ежемесячном пособии в 100 рублей». Там же было сказано: «Честнейший и храбрейший солдат, преданный полку до самозабвения и благодарный за всё, что ему полк дает. В строевой и внутренней службе незаменим. Во взглядах узковат, и не во всех офицерских вопросах может разобраться»[473].

Конечно, слово «храбрейший» говорит о том, что это характеристика уже военного времени. Великая война, или Первая мировая, как начали ее называть с началом Второй, началась для преображенцев, как и для всей страны, летом 1914 года. Императорская гвардия не прохлаждалась в тылу, она сразу пошла в огонь, подчеркивая тем самым свое право первой пролить кровь за Родину. Для командира 4-й роты штабс-капитана Кутепова первый же бой — 20 августа 1914 года у деревни Владиславовка Люблинской губернии — закончился тяжелым ранением ружейной пулей ниже колена. Потом были еще два: 31 марта 1915 года осколок снаряда поразил офицера в правую ступню, а 27 июля того же года последовала рваная рана пулей в пах. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы понять: фронтовыми дорогами Кутепов шел достойно. Но сохранившиеся отзывы позволяют судить о нем не просто как об офицере-герое (таких было великое множество), но и как о выдающемся командире всех уровней: ротного, батальонного, полкового. В бою Александра Павловича отличали не только редкая храбрость, но и хладнокровие, расчетливость, умение понять замысел противника, бережное отношение к подчиненным, инициатива.

Так, 27 июля 1915 года у польской деревни Петрилово (Владовский уезд Ломжинской губернии), после того как артиллерийский огонь германцев почти полностью уничтожил 3-ю роту преображенцев, Кутепов, не дожидаясь приказа, повел свою роту в контратаку. Тяжелое ранение не остановило героя — лежа на носилках, он продолжал хладнокровно руководить боем и в конце концов восстановил положение. Тогда погибло две трети состава роты, но было на несколько часов остановлено продвижение целой баварской дивизии. За этот подвиг Кутепов был удостоен высшей боевой награды страны, ордена Святого Георгия 4-й степени (командующий армией утвердил постановление Георгиевской думы в октябре 1915 года, император — почти год спустя). Другим выдающимся боем с участием Кутепова стало взятие леса у деревни Свинюхи 7 сентября 1916 года. Тогда 2-й батальон преображенцев, насчитывавший около четырехсот штыков, фактически спас от полного разгрома лейб-гвардии Егерский и Измайловский полки, причем всем запомнилась блестящая атака батальона под артиллерийским огнем противника: Кутепов целую версту вел свои цепи в таком быстром темпе и так умело маневрируя, что практически избежал потерь. Этот бой был отмечен Георгиевским оружием (награждение было утверждено уже новой властью, Временным правительством, 14 марта 1917 года). А сколько было боев, не отмеченных никакими наградами! Например, 12 сентября 1915 года во время обороны белорусского города Сморгонь рота Кутепова пошла на противника, бравируя храбростью, в колонне, держа строевой шаг, не обращая внимания на потери. Потрясенные этим германцы просто не рискнули контратаковать храбрецов и отступили.

На Великой войне Александр Павлович честно прошел все положенные ступени полковой службы: год, с июля 1914-го по август 1915-го, командовал 4-й ротой, в августе — ноябре 1915-го — ротой Его Величества (1-й ротой), в ноябре 1915-го — июне 1916-го — 1-м батальоном, в июне 1916-го — январе 1917-го — 2-м батальоном, с 28 января 1917 года временно командовал полком. Помимо Георгиевских, он был удостоен еще двух наград: ордена Святой Анны 2-й степени с мечами (28 октября 1914 года) и мечей к ордену Святого Станислава 2-й степени (9 апреля 1915 года). За время войны Александр Павлович дважды был повышен в чине: 3 сентября 1915-го он был произведен в капитаны, а 26 ноября 1916-го — в полковники (чина подполковника в лейб-гвардии не существовало, и гвардейские капитаны сразу производились в полковники, причем в мирное время срок выслуги между этими чинами составлял шесть лет).

Словом, репутацию мирных лет Кутепов блестяще подтвердил на полях сражений. Более того, уже тогда, на Первой мировой, окружающие его чувствовали, что это не просто выдающийся герой-командир, а вождь, лидер, воплощение всех лучших качеств русского офицерства. Ему безоговорочно верили и подчинялись и гвардейцы лучших фамилий, и нижние чины. Сохранилась выразительная сценка, запечатленная В. В. Дейтрих-Белуха-Кохановским:

«Я вытянулся и взял под козырек с тем рвением, на какое только способен человек, все военное образование которого заключается в добром желании и в том, что он за два года перед тем окончил университет по юридическому факультету. Кутепов с улыбкой осмотрел меня с ног до головы и поправил мне пальцы.

— Здравствуй, молодчинище…

Я почему-то почувствовал, что я действительно молодец.

— Здравья желаю, Ваше Высокоблагородь… — В этот момент я от души желал здравия Кутепову.

— Хорошо отвечаешь, — удовлетворенно и точно с удивлением сказал Кутепов и погладил бороду.

Я опять почему-то почувствовал, что действительно хорошо отвечаю.

— Студент?

— Так точно, Ваше Высокоблагородь, студент.

— Охотник?

— Так точно, Ваше Высокоблагородь, охотник.

Кутепов посмотрел мне прямо в глаза.

— Это хорошо, — наконец сказал он. — Но помни — сейчас в тебе не студент нужен, а охотник. Сумей умереть, если надо. И умри Преображенцем. За Россию умрешь…»[474]

Между тем приближалось время, когда умереть за Россию стало возможно не только на фронте борьбы с внешним врагом. Наступал враг внутренний, для борьбы с которым нужны были не просто храбрость, решительность и инициатива, но ум и гражданское мужество. И, конечно, многое зависело от того, чтобы оказаться «в нужное время в нужном месте». Кутепова словно сама судьба направила прямо в эпицентр событий, в февральский Петроград 1917-го. Он ехал с фронта в обычный трехнедельный отпуск, навестить сестер, а попал в свой первый бой Гражданской войны.

Хаос, начавшийся в столице России 23 февраля 1917 года, когда на улицы вышли первые, еще немногочисленные бастующие, можно было легко прекратить, будь в Петрограде сильная городская власть. Но город управлялся ничтожествами, не оценившими ни масштабы, ни последствия беспорядков и не

имевшими никакой воли к их подавлению. И главное, в городе не было государя, который мог бы отдать соответствующий приказ. Как раз накануне мятежа Николай II уехал из Петрограда в Могилёвскую Ставку, вернее, был обманом завлечен туда именно с целью лишить главу государства возможности подавить мятеж в зародыше. На обеспечение Февральского переворота работало множество людей, из которых вышедшие на улицы рабочие были самыми неосведомленными.

Но полковник Кутепов ничего этого не знал. Его, отпускного, спешно вызвали на Миллионную, в Преображенские казармы, где поручик В. З. Макшеев сообщил ему страшную новость: взбунтовался лейб-гвардии Волынский запасной полк, к нему присоединились и запасники-преображенцы, один офицер убит. А затем последовал вызов в градоначальство, на угол Адмиралтейского проспекта и Гороховой, где командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант С. С. Хабалов[475] кратко обрисовал Кутепову положение в столице и поставил перед ним задачу: во главе карательного отряда ликвидировать беспорядки. Кутепов обратил внимание, что генерал буквально стучит зубами от волнения. Остальные присутствующие, в их числе градоначальник генерал-майор А. П. Балк[476] и и. д. начальника штаба округа генерал-майор М. И. Тяжельников[477], тоже смотрели на Кутепова умоляюще, как на последнюю надежду. И, возможно, именно в эту минуту Александр Павлович осознал, что самая последняя надежда что-то остановить, повернуть вспять, спасти не только столицу, но и всю страну действительно возложена на него.

У него был опыт воздействия на вышедшую из-под контроля толпу. В 1905 году он разогнал бунтовщиков в Иркутске, а несколько лет спустя в Петрограде один вид его учебной команды преображенцев отрезвил бастующих рабочих. Но теперь ситуация была другой. Вместе с фабричными, женщинами, детьми, окраинными люмпенами на столичные улицы вышли солдаты расквартированных в Петрограде запасных частей, в том числе гвардейских. Если в 1905 году против государства пошли единицы людей в погонах, то теперь их были сотни, тысячи. Как правило, это были мобилизованные совсем недавно восемнадцатилетние парни, для которых военная служба, долг перед Родиной были не предметом для гордости и великой честью, как для солдат довоенной поры, а бедствием, крахом всего прежнего уклада жизни. И среди 280-тысячного офицерского корпуса тоже уже хватало тех, кто считал, что главный враг России не Германия, а самодержавие. Это были вчерашние учителя, семинаристы, крестьяне, мещане, служащие,

прошедшие трехмесячные ускоренные курсы военных училищ и надевшие погоны прапорщика, те, о которых пели: «Раньше был я дворником, звали все Володею, а теперь я прапорщик, Ваше Благородие!» Солдаты против солдат, офицеры против офицеров, солдаты и горожане вместе против полиции. А те, кто мог противостоять мятежникам, ждали команды и… не получали ее. По вековому монолиту шли страшные трещины, и один-единственный Кутепов при всем желании не мог остановить этот процесс. Да и то он оказался задействован в событиях конца февраля лишь потому, что о нем вспомнил полковник В. И. Павленков[478], порекомендовавший Кутепова Хабалову, а тот прислушался к совету и отдал приказ. А если бы не отдал?

Но что было в его силах, Кутепов сделал. Один, за командующего округом, за градоначальника, за всех генералов и офицеров, которыми был наводнен Петроград и которые не делали ничего, чтобы его спасти. На протяжении страшного дня 27 февраля полковник Александр Павлович Кутепов во главе сборного отряда, численность которого едва составляла 500 штыков, честно выполнял свой долг: перекрывал улицы, препятствуя продвижению мятежников к центру, разгонял огнем бесчинствующую толпу и тщетно пытался связаться с Хабаловым, чтобы уточнить ситуацию (телефон в градоначальстве уже не отвечал). В какие-то мгновения ему казалось, что эти пятьсот верных долгу людей смогут переломить ситуацию в свою пользу, но к вечеру обезумевшая улица просто растворила в себе кутеповский отряд. «Весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криками тушила и разбивала фонари, — вспоминал Кутепов. — Среди криков я слышал свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью. Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может»[479]. Полковника, остатки его подчиненных и тридцать раненых толпа заблокировала в небольшом двухэтажном доме графа Мусина-Пушкина на Литейном проспекте[480]. Поблагодарив здоровых солдат за службу и приказав им расходиться по казармам, Кутепов отказался от предложений переодеться в штатское и спасаться самому. Уже ночью в особняк пробрался ефрейтор-преображенец — принес солдатскую форму для своего командира. «Но мне был противен какой-либо маскарад, и я от этого отказался»[481].

На следующее утро, 28 февраля, к дому подъехали два грузовика с красногвардейцами и два бронеавтомобиля, на окна направили пулеметы. О дальнейшем А. П. Кутепов вспоминал так: «В это время в мою гостиную вбежала сестра милосердия и стала

уговаривать меня надеть халат санитара, так как, по ее словам, приехали рабочие и солдаты, чтобы убить меня. Попросив ее оставить меня одного в гостиной, я сел на маленький диванчик в углу и стал ждать прихода представителей новой власти.

Гостиная, бывшая длиной меньше восьми шагов и шириной шагов пять, имела две двери — одни вели в ряд комнат, идущих вдоль Литейного проспекта, другие, обращенные к окнам, выходили на площадку вестибюля. Напротив первых дверей было большое зеркало в стене, напротив вторых — также зеркало между окнами. Сидя в углу, я видел, как по комнатам бежали двое рабочих с револьверами в руках. Случилось так, что на порогах обеих дверей моей комнаты одновременно появились рабочие с револьверами в руках. Посмотрев друг на друга и увидев, вероятно, в зеркалах только самих себя, они повернулись и ушли, не заметив меня»[482]. Судьба хранила Кутепова. Во второй половине дня его вывезли из дома Мусиных-Пушкиных в санитарном автомобиле.

Первого и второго марта он еще не оставлял надежд на перемены, общался с однополчанами в Офицерском собрании, даже произнес первую в своей жизни импровизированную речь в Государственной думе («сказал им, что удивляюсь их пустым разговорам, когда надо говорить только о том, как навести порядок, чтобы спасти положение»[483]), впервые столкнулся с солдатским хамством (ефрейтор с офицерской шашкой, не отдав чести, отказался пустить его в казармы) и чем дальше, тем отчетливее понимал — столица погибла. Оставалось одно — возвращаться на фронт, тем более что на квартиру сестры Кутепова уже трижды приходили его арестовывать. Ехать пришлось кружным путем, через Москву, Воронеж и Киев. В Твери Кутепова чуть было не схватили на перроне двое солдат, заявивших: «Здесь в поезде говорят, что вы расстреливали народ в Петрограде»[484]. Пришлось на ходу выпрыгивать из вагона.

В купе, ночью, Кутепов слышал разговоры попутчиков, обсуждавших, что лучше — монархия или республика, и если монархия, то кто предпочтительнее — Николай II или его брат Михаил. От этого на душе было тоскливо и тошно. Но было понятно и другое: Россия изменилась бесповоротно. Что делать дальше? Конечно, служить, ведь война идет, и страну нужно защищать, а армия не существует сама по себе, она выполняет приказы правительства, которое теперь называлось Временным. Конечно, Кутепова не могло не возмущать первое же нововведение революционной эпохи, коснувшееся армии, — Приказ № 1 Петроградского совета, вводивший в каждой части выборный солдатский комитет. Но, опять-таки, он не счел себя

вправе покинуть армию, родной полк в дни, когда судьба страны решалась на полях сражений.

Гвардии Преображенский полк (после переворота он лишился приставки «лейб», означавшей принадлежность именно к Императорской гвардии) занимал позиции в Волынской губернии, далеко от Петрограда, и общее разложение добралось до него нескоро. Позиции Кутепова в полку были крепкими, он пользовался общим уважением, в том числе и в полковом комитете, и назначение полковника на должность командующего полком[485] 2 апреля 1917 года было принято как само собой разумеющееся. Но в июне в полк пришли четыре маршевые роты, вполне «революционные», состоявшие почти поголовно из рабочих. И на заседании полкового комитета сразу же прозвучал вопрос: что делал Кутепов в Петрограде 27 и 28 февраля, не стрелял ли он там в народ? Тогда полковника отстоял один из членов комитета, эсер Иван Боговой: «Такие люди, как полковник Кутепов, нам нужны. Он не наш, но он честный и правильный человек. Ему нельзя ставить в вину, что он поступал по своей совести. С ним не пропадешь. Старые солдаты его знают»[486]. Но таких «старых солдат» становилось все меньше. В конце июня на дивизионном митинге, где кроме преображенцев присутствовали солдаты Егерского и других гвардейских полков, Александр Павлович едва не погиб: «Нас с угрозой окружили искаженные непонятной злобой лица… Толпа щетинилась штыками. „На штыки Кутепова“, — сперва отдельными голосами, а потом все множившимися неистовствовала толпа, взвинчивая и возбуждая себя своими же криками»[487]. И снова, как уже бывало не раз, Кутепова спасло невероятное самообладание. Он громким голосом крикнул: «Преображенцы, ко мне! Преображенцы, вы ли выдадите своего командира?!» И произошло чудо — солдаты полка мгновенно сомкнулись вокруг Кутепова.

Такое же чудо произошло 7 июля у деревни Мшаны, где преображенцы в последний раз продемонстрировали силу духа старой русской гвардии. Тогда Петровская бригада (Преображенский и Семеновский гвардейские полки) были брошены на ликвидацию прорыва, в который устремились германские и австро-венгерские войска. Гвардейцам нужно было не только спасти брошенное корпусное имущество и задержать врага, но и прикрыть позорное отступление «Армии свободной России». Об атмосфере, царившей в те дни на Юго-Западном фронте, вспоминал полковой адъютант преображенцев, капитан П. Н. Малевский-Малевич: «Полк в составе бригады отходил среди моря развращенной и грабившей свои собственные тылы солдатской толпы, бежавшей при малейшем признаке противника

или даже при звуке отдаленного орудийного выстрела, выкидывавшей раненых из санитарных повозок и поездов, чтобы самой скорее удрать в тыл. <…> Как наша бригада, дерясь с противником каждый день в течение двух недель, вышла из этого ада, я думаю, никто сейчас объяснить не может»[488].

Перед началом боя Кутепов произнес речь, которая, несмотря на то что «говорил он коротко, нескладными, рублеными фразами», запомнилась его сослуживцам:

— С вами говорит ваш старый командир для того, чтобы вы не могли потом сказать, что он не предупредил вас в грозную минуту. Россия в опасности. Все простить можно. Нельзя простить предательства. Преображенцы предателями не были. Пусть шкурники остаются — они не нужны. Полк сейчас выступит и пойдет со мной. В ружье![489]

О вкладе, который Кутепов внес в бой 7 июля, красноречивее всего свидетельствуют отзывы его сослуживцев. Капитан Д. Д. Зуев: «Командующий полком полковник Кутепов выказал исключительное мужество и твердость духа. Обходя последние свои цепи под действительным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем, являя пример непоколебимого мужества и отваги, одним своим появлением останавливая волнения людей, видящих бегство слева и справа, полковник Кутепов удержал в арьергарде порядок и твердость»[490]. Капитан П. Н. Малевский-Малевич: «Все его видели все время впереди, слышали его ободряющий голос и черпали от него силу духа, которая дала возможность полку честно и до конца выполнить свою боевую задачу»[491]. Старший унтер-офицер Г. Вагин: «Полковник Кутепов залегал с винтовкой в руках, залегал в передовую цепь и, как простой солдат, наравне со всеми отстреливался от дерзкого врага, превосходного в силах, следовавшего за нами по пятам. По пути отхода полковник Кутепов с опасностью для жизни сам перевязывал и выносил тяжелораненых и тем спасал их от позорного плена»[492]. Младший унтер-офицер Фалько: «В тяжкую минуту 7-го июля полковник Кутепов был душой полка и вносил бодрость каждому поучительным примером, несмотря на то, что несколько раз был засыпан и сшибаем с ног воздухом от вражеских снарядов»[493].

Особенно ценны два последних свидетельства, поскольку это голоса солдат, уже затронутых, может быть, общим для тех дней разложением, но еще верящих в своего командира и готовых идти за ним в огонь и воду. Не случайно, когда после боя Кутепов благодарил полк за работу, в ответ ему «старорежимно» отвечали: «Рады стараться, Ваше Высокоблагородие» — хотя согласно мартовскому Приказу № 1 полагалось говорить «господин

полковник».

В тот день Кутепов не раз и не два был на волоске от гибели. Один из снарядов разорвался у него буквально под ногами, убив шедшего рядом с ним поручика С. Н. Мещеринова. Но Александр Павлович, как заговоренный, снова встал и возглавил атаку. За доблесть, проявленную 7 июля, он был представлен к ордену Святого Георгия 3-й степени. За всю войну такую награду получили всего 60 человек, Кутепов мог (и имел полное право) стать шестьдесят первым. Но в хаосе второй половины 1917-го представление попросту затерялось. Зато нашла героя другая награда, Георгиевский крест 4-й степени с лавровой ветвью № 1 216 556, присужденный «по приговору» полкового комитета. Правда, судя по фотографиям, во время Гражданской войны и позже Кутепов эту награду не носил.

После Октябрьского переворота, заставшего преображенцев на позиции западнее Волочиска, положение офицеров в армии, в том числе гвардии, резко ухудшилось. Барон С. А. Торнау, служивший в Преображенском полку, так вспоминал конец 1917 года: «В середине ноября настроение стало сразу более напряженным. В резервных частях работал подпольный военно-революционный комитет большевистского направления. Деятельность его становилась все заметнее. Солдаты как-то сразу распустились, честь стали отдавать нехотя и не всегда»[494]. Предвидя неизбежный конец, Кутепов провел несколько тайных совещаний среди старших офицеров, на которых был выработан дальнейший план действий. Главную полковую святыню — знамя решили отправить в тыл, в безопасное место. 21 ноября офицеры попрощались со знаменем тайно, чтобы не раздражать солдат. В. В. Дейтрих-Белуха-Кохановский так вспоминал эту душераздирающую сцену: «У окна, барабаня пальцами по стеклу, стоял Кутепов, и слеза за слезой скатывались у него по бороде. Малевский-Малевич и Вансович рыдали на походной койке мужскими, сухими, душу разъедающими слезами. Спрятав голову в руки, сидел молча офицер, назначенный отвозить знамя[495]. Несколько офицеров — одновременно мы все не могли собраться, чтобы не возбудить подозрения, — со злобным отчаянием стояли по углам»[496]. Они прощались со старой армией, прежней Россией, со смыслом всей своей жизни… Кутепов открепил от полотнища бесценную реликвию, крест ордена Святого Георгия 1-й степени, который император Александр II снял с себя и приколол к знамени лейб-гвардии Преображенского полка в 1878 году, после освобождения Болгарии. С этой реликвией Александр Павлович больше не расставался, он носил ее на цепочке вместе с нательным крестом. С ней он и погиб.

Первого декабря в полку были отменены чины, погоны и ордена. По приказу Кутепова процедура снятия погон и наград во избежание эксцессов была проведена организованно и спокойно, хотя можно представить, каких переживаний она стоила офицерам (теперь уже бывшим, так как само понятие «офицер» было тоже отменено). 7 декабря состоялись выборы командиров. По заранее намеченному Кутеповым плану остаться в полку должны были лишь несколько бывших офицеров, которых выберут на командные должности; они должны были помочь остальным покинуть расположение части и отправиться на Дон, в организацию генерала М. В. Алексеева. Так и случилось. Самого Кутепова солдаты прикомандировали к хозяйственному отделению полковой канцелярии «для письменных занятий», проще говоря, писарем, причем сделано это было «из уважения к его ранам». Командиром полка избрали бывшего капитана И. С. Зыбина (утверждение, что Кутепов был последним командиром преображенцев и отдал приказ о расформировании полка, далеко от истины). Через неделю Зыбин отдал приказ о частичной демобилизации, и множество бывших офицеров, в их числе Кутепов, смогли вполне официально покинуть полк.

В отличие от многих впавших в отчаяние или апатию сослуживцев Кутепов ни минуты не задумывался о том, что делать дальше. Война для него продолжалась, только теперь это была война не с внешним, а с внутренним врагом, захватившим его страну… «Как только стали доноситься до нас слухи и вести с Дона, Александр Павлович, не колеблясь, решил ехать туда, — вспоминал А. А. Зайцов. — Я хорошо помню… <…> его воодушевление и горячую веру в то, что борьба продолжается, и его надежды на конечный успех»[497]. В середине декабря он через Киев выехал на Дон и 24 декабря прибыл в Новочеркасск, где вступил в Алексеевскую организацию, вскоре переименованную в Добровольческую армию. На фоне расхристанной толпы, в которую к тому времени уже превратилась кадровая армия, добровольцы выглядели вызывающе «старорежимно» — погоны, награды, никаких комитетов; единственное, что изумляло, — мизерные размеры новорожденной армии и отсутствие должностей для большинства офицеров, даже заслуженных. Но Кутепов и в ситуации, когда полковники вступали в армию рядовыми, становились, как шутили добровольцы, командирами отдельных винтовок, был оценен по достоинству: 30 декабря Л. Г. Корнилов назначил его начальником гарнизона Таганрога и прилегающего к нему района.

Первые «белые» дни полковника стали для него тяжелейшей проверкой на прочность. Задача была простой: требовалось

организовать оборону Таганрога и подступов к Ростову от наступавших на него большевистских войск. Но в распоряжении Кутепова была буквально горсточка добровольцев — Таганрогская и Ростовская офицерские, Морская и Георгиевская роты, 1-я рота 2-го Офицерского батальона, юнкерская полурота 3-й Киевской школы прапорщиков, партизанский отряд имени Корнилова, бронепоезд и бронеавтомобиль. С 10 января по 1 февраля 1918 года Кутепов и его добровольцы, окруженные со всех сторон, вели отчаянную борьбу с наседавшими со всех сторон красными, воюя на пределе сил и за этим пределом. «Под начальством Кутепова такие молодцы, что если бы у нас было 30 тысяч таких людей, мы бы с ними сейчас же отвоевали у большевиков всю Россию»[498], — заметил А. И. Деникин, посетивший позиции Кутепова под Таганрогом. А когда Добровольческая армия в ночь на 23 февраля ушла из Ростова в легендарный поход, затем получивший название 1-го Кубанского, или Ледяного, полковник Кутепов выступил из города в должности командира 3-й роты Сводно-офицерского полка, которым командовал генерал-лейтенант С. Л. Марков. Под его командованием было около двухсот человек, половина из которых была в чине прапорщика. Уже в 1922 году, в эмиграции, Александр Павлович так говорил об этой части: «С тех пор я особенно люблю Марковцев. <…> Я чувствую с ними какое-то душевное родство. Мне приятна марковская форма, которую почти не снимаю, я окружен Марковнами: мой конвой, мои адъютанты, мой вестовой — Марковцы, да и сам я считаюсь первым Марковцем»[499]. Впрочем, впоследствии Кутепов не меньшую симпатию испытывал и к дроздовцам, и самая знаменитая его фотография сделана в 1922 году именно в дроздовской форме. В годы Гражданской генерал носил также корниловскую форму, а иногда надевал и старую Преображенскую.

В 3-й роте Сводно-офицерского полка служило множество бывших подчиненных Александра Павловича по лейб-гвардии Преображенскому полку, и неудивительно, что рота вскоре приобрела в Добрармии славу самой «отчетливой»[500]. Сам же Кутепов завоевал в армии славу отчаянного храбреца: «Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания…»[501] Когда во время боя у хутора Филипповского почти все залегли, Кутепов подчеркнуто продолжал стоять под огнем: «Шапка на затылке, руки в карманах. <…> В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили»[502].

Начав поход командиром роты, Кутепов завершил его командиром Корниловского ударного полка. На эту должность

полковник был назначен лично Л. Г. Корниловым после гибели во время штурма Екатеринодара «первого ударника» М. О. Неженцева[503], причем численность полка на момент его принятия Кутеповым составляла 67 штыков. В 1929 году Александр Павлович передал полковнику В. Полянскому содержание своего разговора с Корниловым в день назначения:

— Вы вступаете в командование Корниловским полком, и вам предстоит вплотную подойти к личному составу полка. Говорят, что корниловцы — республиканцы. Это неправда: они такие же, как и все, офицеры. И перед ними одна ясная, но и бесконечно трудная задача — спасение России. Сейчас не время говорить об образе правления для будущего. Но все-таки я должен высказать перед вами полную уверенность в том, что Россия придет в конце концов к конституционной монархии[504].

Корниловец М. Н. Левитов вспоминал: «Первоначальное чисто служебное отношение к новому командиру полка полковнику Кутепову сменяется чувством уважения за его жертвенную службу России. Полковник Кутепов…<…> расположил к себе корниловцев своей выдержкой и спокойствием. Он часто шел с цепями. Его коренастая фигура в фуражке, сдвинутой на затылок, всегда виднелась в наиболее опасных местах. В походе и на отдыхе заботы полковника Кутепова были, прежде всего, о своих солдатах. Пока не будет размещен на отдых весь полк до последней роты, пока не будут все накормлены, он не успокаивался»[505].

Во время 2-го Кубанского похода Александра Павловича ждало еще одно повышение, и тоже по печальной причине. После гибели С. Л. Маркова он был назначен временно командующим 1-й дивизией (через месяц Кутепов получил 1-ю бригаду этой дивизии). После боя под станицей Тихорецкой полковник едва не погиб: подъехал к вражеским окопам, защитники которых выкинули белый флаг, и напоролся на губительный огонь в упор; несколько человек рядом с ним были убиты наповал, но Кутепов по какой-то невероятной случайности уцелел. А 30 августа 1918 года офицер получил назначение в тыл, черноморским военным губернатором. Можно предположить, что эту перемену в его судьбе он воспринял как минимум с недоумением, ведь до этого Кутепов никогда не занимался администраторской работой. Но подоплека у этого назначения, скорее всего, была чисто политической: как раз в августе Кутепов вместе с другими бывшими гвардейскими офицерами поддержал монархические выступления В. В. Шульгина и, видимо, был временно «сослан» А. И. Деникиным в тыл.

Созданная в 1896 году Черноморская губерния со столицей в

Новороссийске до революции была самой маленькой в Российской империи. Теперь же это был недавно освобожденный клочок земли, на котором восемь месяцев существовала советская власть, а теперь буквально всё предстояло восстанавливать с нуля. Кутепову пришлось столкнуться с множеством проблем, обычных для любой администрации времен Гражданской войны, разгулом преступности и насилия, засильем коррупции, развалом финансовой системы. У нового губернатора не было ни помощников, ни даже полноценного управленческого аппарата. Многое пришлось постигать с нуля, методом проб и ошибок. «Помню сетования Александра Павловича на общую продажность, отсутствие патриотизма и неспособность и нежелание примениться к новым обстоятельствам, — вспоминал В. В. Свечин[506]. — <…> Минутами он бывал близок к отчаянию. Этот суровый железный человек иной раз недалек был от слез, сознавая трагизм положения»[507].

На губернаторской должности Кутепов получил чин генерал-майора (25 ноября 1918 года), а через полгода, 26 января 1919-го, вернулся на фронт — теперь командиром 1-го армейского корпуса, заменив заслуженного «первопоходника» Б. И. Казановича.

К январю 1919 года относится и радостное событие в личной жизни героя этого очерка — он обзавелся семьей. Случилось так, что штаб корпуса в Екатеринодаре разместился в доме, в котором снимала комнату тридцатилетняя уроженка Риги, дочь коллежского советника, Лидия Давыдовна Кютт. Она была очень недовольна тем, что ее уплотнит какой-то «препротивный генерал», но, как это часто бывает в жизни, от ненависти до любви оказался один шаг. Венчались влюбленные, по выражению Кутепова, в два счета, так как корпус покидал Екатеринодар. Забегая вперед скажем, что Лидия Давыдовна оказалась идеальной офицерской женой, она стойко переносила все тяготы службы мужа, поддерживала во всем и неизменно называла его «Солнышком». Александр Павлович отвечал жене столь же нежной любовью и никогда с ней не спорил, шутливо именуя «моим семейным начальством». Словом, это была образцовая пара.

В ходе работы над книгой автору удалось выяснить интересные подробности о жене А. П. Кутепова. Как оказалось, в 1910 году она работала в Риге продавщицей и жила в центре города, по адресу: Ягерштрассе[508], дом 1, квартира 3. У Лидии Давыдовны была также сестра Наталья, в 1907–1910 годах служившая на Рижской таможне и проживавшая по адресу: 4-я линия Анненгоф, дом 2, квартира 4 (в 1927 году по этому адресу

жил уже ее отец). Согласно справочникам, в начале XX века в Риге жили также столяр Вильгельм Кютт и «управляющий материальными ценностями» И. Кютт, но какое отношение они имели к Лидии Давыдовне, неизвестно. Заметим, что по национальности жена генерала была эстонкой: фамилия Кютт достаточно распространена в Эстонии, да и знавшие ее уже по парижской жизни эмигранты запомнили эстонский акцент Лидии Давыдовны.

Первая половина 1919 года для Кутепова и его корпуса прошла в непрерывных боях на реке Маныч и в Донбассе; удача склонялась то на одну, то на другую сторону, но к маю стало окончательно ясно, что инициативу перехватили белые. 14 июня Александр Павлович принял от В. З. Май-Маевского, назначенного командующим Добровольческой армией, новое соединение, 2-й (Добровольческий) корпус, одновременно переименованный в 1-й. Лето — осень 1919-го — это время наивысших успехов белых армий на Юге России. Добровольцы стремительно рвались вперед, освобождая от красных Белгород, Харьков, Киев, Курск, Орёл. До Москвы оставалось, как говорили тогда, «два корниловских перехода». И тараном белого наступления был именно 1-й корпус Кутепова, в который входила элита Белой гвардии, «цветные» полки (в 1919 году они были развернуты в бригады и дивизии), носившие имена прославленных военачальников Л. Г. Корнилова, С. Л. Маркова, М. Г. Дроздовского и М. В. Алексеева. 6 июля в Белгороде Александр Павлович был произведен в чин генерал-лейтенанта «за боевые отличия». Теперь он сравнялся в количестве звездочек на погонах со своими командирами Деникиным и Май-Маевским.

Популярный в начале XX века писатель Н. Н. Брешко-Брешковский так охарактеризовал «звездный час» Кутепова в очерке «Герой Харькова и Курска»: «Что-то стихийное в этом безудержном стремлении первого армейского корпуса, стремлении на Москву.

Один видный генерал, прошумевший конник[509], полушутя сказал генералу Кутепову:

— А ведь я, пожалуй, ворвусь со своим корпусом раньше вас в Москву…

— Что же, — ответил с ясной улыбкой Кутепов, — я буду только искренне вас приветствовать… Для меня, как для русского человека, важнее всего, чтобы Москва была возможно скорее очищена от красной погани. А кто войдет в Белокаменную первым, это не важно… Важен сам факт…

В этом благородном ответе генерал Кутепов — как на ладони весь с его прямотой и глубоким непоказным патриотизмом. Он

чужд тщеславия, он не ищет внешних почестей. Ему дорога, безумно дорога Россия и только Россия. В этом отношении что-то корниловское у генерала Кутепова»[510].

Верил ли сам Кутепов в то, что, как пели его подчиненные, «зазвенит колоколами древняя Москва и войдут в нее рядами русские войска»? Исходя из его цельного, нацеленного на действие характера, из всей его судьбы — не мог не верить. Но, будучи глубоко целеустремленным и склонным к решительным поступкам человеком, он в то же время никогда не болел шапкозакидательством. Оценивая ситуацию на фронте, Кутепов не мог не понимать: триумфальное шествие белых войск не могло продолжаться вечно, слишком большие силы были накоплены против них противником. В октябре 1919-го корпус Кутепова и советские войска сошлись в решающей схватке, от исхода которой зависела, в сущности, вся дальнейшая судьба Белого дела. Важность момента чувствовали буквально все. И не случайно на одном из совещаний в штабе Кутепова прозвучало фантастическое по дерзости предложение: обрушить все силы на потрепанную уже Латышскую дивизию, разгромить ее и, не задерживаясь, идти прямо на Тулу и Москву! Главное — посеять панику в тылах противника и захватить столицу. А штаб армии об этой операции только предупредить и тут же прервать с ним связь. Соблазн был велик, тем более что в Туле, как писал Ленин 20 октября, «массы далеко не наши»[511], а подходы к Москве толком не были укреплены и защищались лишь разрозненными гарнизонами. Из сообщений разведки стало известно, что началась эвакуация правительственных учреждений из Москвы в Вологду, был заранее создан подпольный комитет партии. «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что вся Россия содрогнется»[512], — утверждал Троцкий.

Но «хлопать дверью» не пришлось. Кутепов отверг заманчивое предложение, потому что понимал — битва за Москву закончилась, даже не начавшись. Какие бы чудеса храбрости ни проявляли под Орлом, Кромами и Ливнами корниловцы, марковцы, дроздовцы и алексеевцы, перемолоть все прибывавшую и прибывавшую против них массу красных войск они не могли, даже если бы легли костьми до последнего человека.

Очерк Н. Н. Брешко-Брешковского «Герой Харькова и Курска» увидел свет 14 ноября 1919 года и в тот день звучал уже не более чем печальной издевкой. К этому времени от кутеповского корпуса оставалось всего 2600 штыков, что соответствовало неполному полку мирного времени. Корниловская дивизия равнялась батальону, Дроздовская — трем ротам. Начался общий отход Добровольческой армии. Ее новый командующий

П. Н. Врангель, сменивший В. З. Май-Маевского, предлагал Деникину отходить в Крым, но главком отверг это предложение по двум причинам: он не хотел бросать на произвол судьбы казачество, поддержавшее добровольцев в самом начале Белого дела, а также тылы и госпитали Дона и Северного Кавказа.

Кутеповский корпус, раньше бывший тараном наступления, сейчас стал щитом, прикрывавшим отступавшие войска. Горькое, тяжелое отступление шло по местам Ледяного похода 1918 года. Тогда всех одушевляла надежда, вера в победу любой ценой, вдохновлял Корнилов. Теперь на юг откатывались потрепанные, деморализованные, потерявшие веру в себя и в командиров войска. Отход осложнялся 25-градусными морозами; в 4-м Донском корпусе генерал-лейтенанта А. А. Павлова из десяти тысяч казаков почти половина замерзла насмерть прямо в седлах во время перехода к станице Торговой. И только элита армии, кутеповские «цветные» полки, держалась до конца, отбивая залпами и штыками накатывавшие на отступавших волны будённовской конницы.

Какая-то надежда появилась в начале марта 1920 года. Тогда 1-й армейский корпус (1763 офицера, 4638 штыков, 1723 сабли при 259 пулеметах и 63 орудиях) в жестокий мороз, под сильным зимним ветром форсировал Дон и отбил потерянный 10 января Ростов, взяв пять тысяч пленных. Но мощная атака 1-й Конной армии С. М. Будённого, отбросившей донских казаков и устремившейся к Ставрополю, свела успех Кутепова на нет. Ростов пришлось сдать вторично, чтобы избежать окружения. Кубанская армия к этому времени превратилась в толпу дезертиров, Донская — в поток деморализованных беженцев, то и дело оставлявших занимаемые рубежи. Екатеринодар был сдан практически без боя. Смешавшись с Донской армией, добровольцы отошли за реку Кубань и 24 марта подошли к Новороссийску. Деникин еще надеялся удержать Таманский полуостров, откуда можно было постепенно перевезти войска в Керчь. Но приказ оборонять Тамань не выполнил уже никто, ни кубанцы, ни донцы, ни добровольцы — контроль над армией главком утратил окончательно.

Из Новороссийска предстояло морем уходить в Крым, еще остававшийся последним клочком русского юга, где еще не было красных (пять попыток Красной армии ворваться в Крым в январе — феврале 1920 года были сорваны пятитысячным корпусом под командованием Я. А. Слащова). Эвакуация обернулась кошмаром, который навсегда запомнился тем, кто ее видел. Из 80 тысяч человек на корабли и суда удалось в обстановке паники и хаоса погрузить около 35 тысяч. Б. А. Штейфон свидетельствовал:

«Обезумевшим людям, штурмовавшим пароходы, казалось, что вооруженная борьба окончилась. Большинство начальников было того же мнения. Главнокомандующий [А. И. Деникин] пребывал в состоянии крайней волевой приниженности. Поэтому при эвакуации одни без сожаления, другие озлобленно бросали оружие, патроны, снаряжение. И в Крыму высаживались уже не воины, а в массе — толпа. Генерал Кутепов оставался одним из немногих начальников, которые сохранили присутствие духа и веру в возможность дальнейшей борьбы. А потому принимал все меры, чтобы подчиненные ему войска погрузились с оружием и с остатками своих артиллерийских и интендантских запасов»[513].

Мемуары А. В. Туркула сохранили выразительную сцену эвакуации из Новороссийска роты 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. Рота пришла на причал, когда все пароходы уже были заполнены до отказа. Туркул обратился напрямую к Кутепову, разместившему штаб на эсминце «Пылкий»[514], и получил разрешение погрузить 200 человек, в то время как дроздовцев было 700. Туркул решил грузить всех. Началась погрузка, эсминец оседал в воду все ниже и ниже. Начальник штаба корпуса генерал-майор Е. И. Доставалов[515] резко приказал Туркулу выгружать офицеров обратно, тот отказался, сославшись на комкора, на что последовал окрик Кутепова:

— Прекратить спор! — Реплика, обращенная к Туркулу: — Полковник Туркул, хороши же у вас двести человек!.. — И обращение к Доставалову: — Потрудитесь не делать никаких замечаний командиру Офицерского полка!..

В итоге забрали всех. Но «Пылкий» еще около часа вел артиллерийскую дуэль с батареей красных, прикрывая потерявший ход французский корабль. Комендоры «Пылкого» выпустили около сотни 102-миллиметровых снарядов и в итоге выиграли бой. Утром 27 марта 1920 года перегруженный эсминец, сидевший в воде по палубу, уносил Кутепова из Новороссийска, где когда-то он в первый (и как оказалось, не в последний) раз попробовал себя на поприще администратора. Впереди был Крым, но что именно их там ожидало, внятно не мог объяснить никто.

В атмосфере полного краха главнокомандующий ВСЮР А. И. Деникин не счел возможным дальше возглавлять войска и предложил «Военному совету избрать достойного», которому он передал бы «преемственно власть и командование». Есть все основания считать, что на решение Деникина повлияло именно мнение Кутепова, точнее, два связанных с ним фактора. Первым была резкая телеграмма, которую Александр Павлович отправил

на имя Деникина еще 11 марта в атмосфере творившегося на подступах к Екатеринодару хаоса. В ней Кутепов жестко требовал предоставить ему неограниченные полномочия на время отхода армии к Новороссийску, особо подчеркивая, что «все учреждения Ставки… <…> должны быть посажены на транспорты одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса»[516]. Хотя Деникин и поставил Кутепова на место ответным сообщением о том, что правительственные учреждения и Ставка будут эвакуированы тогда, когда он сочтет нужным, его чувства свелись к единственной фразе: «Вот и конец». Сам Антон Иванович 5 апреля 1920-го в доверительной беседе с кадетом Н. И. Астровым вспоминал об этом так: «Он [Кутепов] хороший и честный солдат. Я всегда буду это признавать. Но он ничего не понимает в политике. И я никогда не прощу ему его письма. В письме приводились несколько ультимативных требований от имени Добровольческого корпуса и между прочим требование, чтобы я и штаб при эвакуации Новороссийска последними погрузились на корабль. Это было гадко. Но стало ясно, что связь между мной и Добровольческой армией порвалась»[517].

Окончательное же решение оставить пост Деникин принял под влиянием разговора, произошедшего у него с Кутеповым в Феодосии в ночь на 1 апреля. Подробности этого разговора неизвестны, но зять Л. Г. Корнилова полковник А. Г. Шапрон-дю-Лорре[518] оставил подробное описание своего общения с Кутеповым, состоявшегося сразу после его разговора с Деникиным. Судя по этому описанию, Кутепов нервно потребовал аудиенции у Деникина, ссылаясь на то, что «в армии идет брожение, недовольство»[519]. Выйдя после длительной беседы с Деникиным, Кутепов сказал: «Черт знает что, генерал Деникин отказывается быть Главнокомандующим и уезжает»[520]. Шапрон-дю-Лорре изумленно заметил, что «такового настроения в армии нет», на что Кутепов резко ответил, что «части Добровольческой армии не хотят Деникина», и сослался на мнение корниловцев. Шапрон-дю-Лорре начал убеждать Кутепова в том, что корниловцы — это еще не вся армия, и в итоге генерал, неожиданно сменив тон, заявил: «Да, уход Деникина — это конец армии, его нужно убедить, чтобы он остался, это нужно сделать во что бы то ни стало»[521]. Однако побывавший после Кутепова у Деникина А. М. Драгомиров убедился в том, что Деникин уже принял решение уйти и не отступится от него: «Главнокомандующий стоит на непримиримой точке и никакими доводами и увещеваниями его сбить не удастся»[522].

Какими именно соображениями руководствовался Александр

Павлович, убеждая Деникина уйти со своего поста, — не вполне ясно. Возможно, он считал, что после Новороссийска главком утратил даже остатки авторитета и дальнейшее его нахождение на посту главы ВСЮР принесет Белому делу только вред. Но куда более вероятно — надеялся на то, что в случае перемен ему предстоит повышение. Поручик М. А. Критский в своих воспоминаниях приводит диалог Кутепова с неким офицером (то есть самим Критским), состоявшийся в Севастополе накануне Военного совета 3–4 апреля 1920 года. Приведем этот любопытный диалог полностью.

— Вы слышали, что Деникин решил уйти? — обратился Кутепов к Критскому.

— Так точно, Ваше Превосходительство, но я не знаю, насколько эти слухи верны.

— Генерал Деникин решил уйти бесповоротно. На пост главнокомандующего выдвигают генерала Врангеля, а некоторые командиры добровольческих частей говорили мне, что если не удастся убедить Деникина изменить свое решение, то на этом посту предпочли бы видеть меня. Что вы на это скажете?

— Ваш вопрос так неожидан… Сейчас мне в голову приходят такие мысли… У барона Врангеля иностранная фамилия, к тому же с титулом, чуждым для русского уха. Большевики, конечно, используют это в своей пропаганде. Генерал Врангель энергичен, талантливый военачальник, но, говорят, настолько честолюбив, что это мешает ему быть всегда беспристрастным. Думаю еще, если главнокомандующим будет генерал Врангель, то армии как Добровольческой наступит конец. Откровенно говоря, я бы лично предпочел видеть вас на этом посту и, поверьте, не потому, что вы мой начальник…

— Быть может, вы во многом и правы, — ответил, помолчав, Кутепов, — но я считаю, что Врангель талантливее меня и он лучше, чем я, справится с нашим тяжелым положением… Я буду настаивать на кандидатуре генерала Врангеля и скажу об этом начальникам своих частей[523].

Насколько пересказ М. А. Критского соответствует реальности — неясно. Возможно, этот фрагмент мемуарист сочинил уже задним числом, когда роль П. Н. Врангеля в истории Белого движения была очевидна. В начале же апреля 1920 года он находился в вынужденной эмиграции в Константинополе, покинув армию после острого конфликта с Деникиным, и тогда Кутепов вполне мог всерьез размышлять о том, чтобы возглавить Вооруженные силы Юга России самому, а не признавать списанного со счетов отставника Врангеля «более талантливым», чем он сам.

В день начала Военного совета Кутепов провел два предварительных совещания — со старшими командирами Офицерской стрелковой генерала Дроздовского дивизии и 1-го армейского корпуса. На обоих совещаниях участников привел в недоумение «грустный, как бы подавленный»[524] вид обычно энергичного генерала. Несмотря на то что подчиненные в голос заявляли о том, что никого, кроме Деникина, на посту главкома не видят, Кутепов неоднократно повторял, что решение Антона Ивановича уйти бесповоротно и переубедить его не удастся. На самом же Военном совете он сначала вообще отказался участвовать в происходящем («Это выборы. Добровольческий корпус не может выбирать»[525]), а затем поддержал Деникина. Лишь после известия о категорическом решении главкома оставить пост участники Военного совета остановились на кандидатуре Врангеля. Причем, по утверждению Н. Н. Шиллинга, «ни возражений, ни согласия, а тем более энтузиазма большая часть участников не выразила, все были утомлены и чувствовали, что без генерала Деникина будет много хуже; решительно и определенно поддержали кандидатуру генерала Врангеля генерал Драгомиров и чины флота»[526]. П. С. Махров: «Только несколько нерешительных голосов в зале повторили имя Врангеля, и наступило гробовое молчание. Ощутилась какая-то неловкость. Ясно было, что кандидатура Врангеля не вызывает одобрения. Тем не менее Драгомиров поторопился закрыть заседание»[527]. А. П. Богаевский[528] также вспоминал о том, что Врангель был избран на Военном совете прежде всего потому, что кого-то все-таки нужно было избрать.

После того как А. М. Драгомиров зачитал членам совета последний приказ А. И. Деникина о назначении его преемником Врангеля, генералы «без воодушевления и единогласия» приветствовали нового главкома общим «ура!». Кутепов же отозвался о происходящем так: «Лично у меня после ухода генерала Деникина было очень тяжелое настроение»[529].

Подавленное состояние Кутепова можно объяснить сложной внутренней борьбой, которую генералу пришлось выдержать в эти дни. Вероятно, он надеялся на то, что Деникин, впечатлившись нарисованной им картиной «брожения и недовольства» в армии, передаст ему командование, что называется, из рук в руки, примерно так же, как в апреле 1918 года после гибели Л. Г. Корнилова М. В. Алексеев передал командование над армией самому Деникину. Сам факт созыва Военного совета, а затем и безоговорочная поддержка Деникина, которую выказала верхушка «цветных» соединений, оказались для Кутепова неприятными сюрпризами, спутавшими все его карты. Кроме

того, Александр Павлович прекрасно осознавал, что в сложившейся ситуации руководство Белым движением — это не лавры, а тяжкий крест, колоссальная ответственность и в первую очередь задача политическая, а не военная, к чему он попросту не был готов, но расставаться с шансом ему, человеку славолюбивому (по слову А. В. Суворова, полагавшего славолюбие добродетелью для офицера), было нелегко.

Сам Кутепов чувствовал небезупречность своего поведения, потому что уже в эмиграции, задним числом постарался приписать «переворотные» настроения генералам В. Л. Покровскому и Я. А. Слащову. Якобы между ним и Покровским в Новороссийске и Слащовым в Джанкое состоялись разговоры, в ходе которых Покровский и Слащов предлагали Кутепову участвовать в смещении главнокомандующего, но встретили решительный отказ. Между тем сам Слащов в своих мемуарах не только не упоминает о факте такого разговора, но и прямо подчеркивает стремление Кутепова занять место Деникина; Покровский же погиб в 1922 году в Болгарии[530] и не мог подтвердить или опровергнуть утверждения Кутепова.

Так или иначе, Александру Павловичу отныне предстояло служить под началом Врангеля, с которым они были знакомы с 15 мая 1919 года. Не будучи посвящен в колебания Кутепова накануне смены главкомов, весной 1920-го Врангель считал его «просто» выдающимся генералом-строевиком, не имеющим вкуса к политике и лишенным каких-либо претензий на избранничество. Вероятно, именно поэтому Кутепов, в отличие от многих «деникинцев», и при Врангеле сохранил исключительно высокое положение в армии.

Сказать, что Врангелю досталось тяжелое наследство — значит не сказать ничего. 2 апреля британский верховный комиссар в Константинополе поставил его в известность о том, что в случае продолжения «явно бесполезной борьбы» с большевиками Великобритания откажется от всякой поддержки Белого движения. Друзья указывали Врангелю на то, что предприятие, за которое он берется, не имеет ни малейших шансов на успех[531]. А. А. Лампе[532], последний, с которым Врангель говорил перед тем, как отплыть из Константинополя в Крым, вспоминал, что тот «шел не на праздник власти, как это думали многие, он ясно сознавал трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, он понимал, что идет на тяжелый труд, на подвиг, и, тем не менее, он опять подчинился долгу и… <…> принял на себя тот крест, который и привел его к преждевременной могиле»[533].

«Трудность и почти безнадежность задачи» Врангель

действительно осознавал четко. «По человеческим соображениям почти нет никаких надежд на дальнейший успех Добровольческого движения, — сказал он на встрече с архиереями в Севастополе 3 апреля 1920 года. — Армия разбита. Дух пал. Оружия почти нет. Конница погибла. Финансов никаких. Территория ничтожна. Союзники не надежны. Большевики неизмеримо сильнее нас и человеческими резервами, и вооруженным снаряжением»[534]. И однако он решил использовать предоставленный ему шанс, делая ставку прежде всего на тяжелую затяжную войну Советской России с Польшей. Можно было попробовать выстроить на юге единый антисоветский фронт, соединившись с поляками, украинцами, казаками Дона и Кубани. Если обозначатся успехи, полагал Врангель, Великобритания пересмотрит свое решение об отказе поддержки Белого дела, а Франция усилит эту поддержку. В конце концов, Белое движение в начале 1918 года находилось в неизмеримо более трудном положении и сумело выстоять.

Настроения тех, кто пошел за Врангелем, очень точно описал в мемуарах митрополит Вениамин (Федченков)[535], в 1920 году епископ Армии и Флота: «К этому времени Белая армия потерпела полное крушение, и остатки ее в несколько десятков тысяч человек кое-как перебрались на Крымский полуостров. Невольно приходит на ум известная сказка о старике Мазае, который спасал на лодке зайчиков с затопленного весенним половодьем островка. От огромнейших пространств, занятых белыми, остался теперь только маленький квадрат Крыма по двести верст в длину и ширину. Недаром у нас ходил анекдот, будто Троцкий пренебрежительно так отозвался о нем: „И что такое Крым?! Это — маленький брелок от цепочки часов на моем животе! Не больше!“

Но не так думали мы, белые, то есть многие из нас. Казалось бессмыслицей продолжать проигранную борьбу, а ее решили опять возобновить. И мало того, еще надеялись на победу. Мечтали, и среди таких наивных был и я, о Кремле, о златоглавой Москве, о пасхальном трезвоне колоколов Первопрестольной. Смешно сейчас и детски наивно. Но так было. На что же надеялись?

Оглядываясь теперь, двадцать три года спустя, назад, я должен сказать — непонятно! Это было не только неразумно, а почти безумно. Но люди тогда не рассуждали, а жили порывами сердца. Сердце же требовало борьбы за Русь, буквально „до последней пяди земли“. И еще надеялись на какое-то чудо: а вдруг да все повернется в нашу сторону?! Иные же жили в блаженном неведении — у нас еще нет большевиков, а где-то там

они далеко. Ну, поживем — увидим. Небось?.. Были и благоразумные. Но история их еще не слушала: не изжит был до конца пафос борьбы. Да и уж очень не хотелось уходить с родной земли. И куда уходить? Сзади — Черное море, за ним — чужая Турция, чужая незнакомая Европа. Итак, попробуем еще раз! А может быть, что и выйдет? Ведь начиналось же „белое движение“ с 50 человек, без всякой земли, без денег, без оружия, а расползлось потом почти на всю русскую землю. Да уж очень не хотелось уступать Родину „космополитам-интернационалистам“, „евреям“ (так было принято думать и говорить про всех комиссаров), социалистам, безбожникам, богоборцам, цареубийцам, чекистам, черни. Ну, пусть и погибнем, а все же — за родную землю, за „единую, великую, неделимую Россию“. За нее и смерть красна! Вспомнилось и крылатое слово героя Лавра Корнилова, когда ему задали вопрос:

— А если не удастся?

— Если нужно, — ответил он, — мы покажем, как должна умереть Русская армия!

<…> У нас еще есть клочок земли, есть осколки армии, и мы должны бороться! Мы хотим бороться! Мы будем бороться! И притом ясно, что наше дело хорошее, правое, святое, белое дело! Как не бороться за него до последней капли крови?!»[536]

Именно такие чувства воодушевляли Врангеля и его соратников. Более того, немалое количество участников Белого движения, которые уже находились на тот момент в эмиграции после Новороссийска и Одессы, вернулось в Крым. Ехали из Болгарии, Румынии, Польши, Египта, Греции, Турции, с острова Лемнос, оттуда, где уже наладился какой-никакой быт, осели семьи. Возвращались в октябре 1920 года, когда белому Крыму оставалось меньше месяца. Посыльное судно «Китобой»[537] пришло в Крым с Балтики 16 ноября, в день завершения эвакуации Русской армии с полуострова, хотя его команда знала о том, что бои уже закончились! Значит, верили и надеялись, несмотря ни на что.

Последний осколок старой России, Белый Крым… Около 60 тысяч квадратных километров (меньше, чем современные Латвия или Литва), около трех миллионов жителей. Врангелевскому Крыму было отпущено немного, всего восемь месяцев, с марта по ноябрь 1920-го. Но за этот короткий срок, имея минимум ресурсов и максимум проблем, Петр Николаевич Врангель сумел невозможное. Он не только реорганизовал потрепанные и деморализованные остатки ВСЮР (они были преобразованы в Русскую армию), но и оздоровил тыл, и провел ряд впечатляющих боевых операций в Северной Таврии. И ко всему этому Кутепов имел непосредственное отношение. Путем жестоких мер (пугавшие обывателей трупы мародеров и дезертиров на уличных фонарях) генералу удалось навести порядок в тыловых крымских городах, а 1-й корпус Кутепова блестяще действовал против многократно превосходящих сил красных во время летней кампании. Так, в июне корниловцы и дроздовцы уничтожили под Большим Токмаком 1-й конный корпус Д. П. Жлобы, причем в боевых действиях особенно отличилась белая авиация. 17 сентября Александр Павлович возглавил 1-ю армию, в состав которой вошли 1-й армейский корпус (командир — генерал-лейтенант П. К. Писарев; Корниловская ударная, Пехотная генерала Маркова и Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизии), Донской корпус (командир — генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов, 1-я и 2-я Донская конные и 3-я Донская дивизии) и 1-я конная дивизия.

Но, как и успехи Деникина год назад, успехи Врангеля были тактическими, но не стратегическими. В сущности, они стали возможны лишь потому, что красные, не сумев ворваться в Крым с ходу зимой, временно признали Врангеля второстепенной угрозой и сосредоточились на Польском фронте. А сам Белый Крым был разменной монетой в политических играх европейских держав, и как только необходимость в нем отпала, его история подошла к концу. Признание со стороны Франции, последовавшее 10 августа, не помогло. Пятью днями раньше Пленум ЦК РКП(б) признал врангелевский фронт более важным, нежели польский. И хотя Врангель до самого конца возлагал надежды на совместные действия с Польшей (туда отправился его старый соратник генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович, который из остатков Отдельной Русской Добровольческой армии Н. Э. Бредова должен был сформировать 3-ю Русскую армию), Пилсудский предпочел общим интересам национальные. Осенью 1920 года повторилась ситуация осени 1919-го, теперь красные ликвидировали Западный фронт, откупившись от поляков половиной Белоруссии и частью Украины, и бросили на Врангеля шесть полнокровных армий,

которые 26 сентября возглавил талантливый военачальник-самородок М. В. Фрунзе. Рассчитывать на то, что их сдержит слабо укрепленный Перекопский вал, было наивно; рассказы о бетонных дотах, колючей проволоке с электрическим током и минных полях на Перекопе были не более чем фронтовыми байками.

После заключения советско-польского мира Врангель окончательно понял, что Крым обречен. Красный Южный фронт насчитывал 140 тысяч человек, 1000 орудий, 17 бронепоездов, 31 бронеавтомобиль, 45 самолетов. Русская армия могла противопоставить этому 37 тысяч человек, 213 орудий, 6 бронепоездов, 20 бронеавтомобилей, 25 танков, 42 самолета. Но без боя сдаваться никто не собирался, и 14 октября состоялась последняя отчаянная атака белых на Каховский плацдарм, в которой одновременно участвовали двенадцать танков (в их числе и «Генерал Кутепов»), что стало самым массовым применением этого вида оружия в Гражданскую войну. Но переломить ход событий уже было невозможно. 29 октября вся группа белых войск в Северной Таврии была окружена красными, но прорыв 1-й Конной армии С. М. Будённого в тыл кутеповцам не был подкреплен действиями 2-й Конной армии Ф. К. Миронова, в результате чего 30 октября — 3 ноября Кутепов ценой неимоверных усилий смог прорвать кольцо и по Чонгарскому перешейку вывел свои части в Крым. Его действия высоко оценил даже Фрунзе: «Особенно замечательным приходится признать отход основного ядра в Крым. Отрезанные от перешейков врангелевцы все-таки не потеряли присутствия духа»[538]. Тем не менее было понятно главное — за пять дней белые потеряли всё, чем владели почти пять месяцев.

Впоследствии Кутепов критиковал некоторые действия Врангеля на посту главкома. Так, по его мнению, изначально ненужными были Кубанская десантная операция и разделение войск на 1-ю и 2-ю армии, а «отход основного ядра в Крым» должен был произойти раньше: «Отход был бы без давления на фронте, войска шли бы спокойно, с музыкой. За время отхода можно было бы из Таврии вывести в Крым все наши хлебные запасы. Дух в войсках не был бы потерян. На Перекопе войска сами укрепили бы свои позиции, и мы смело могли бы отсидеться в Крыму всю зиму. <…> Врангель не согласился с моим планом, так как считал, что очищение нами Северной Таврии могло бы неблагоприятно повлиять на наши переговоры с Францией»[539]. Но, так или иначе, в реальной обстановке конца октября — начала ноября Кутепов действовал энергично, хотя и небезупречно (некоторые его соратники потом ставили ему в

вину упущенную возможность разгрома 1-й Конной армии). Он снова, как и в феврале 1917-го, сделал всё, что от него зависело, и прав был Б. А. Штейфон, когда утверждал, что «Врангель был обязан Кутепову тем, что так достойно и с такой честью закончил крымский период своего Главнокомандования»[540]. Заслуги Кутепова в 1920 году были оценены Врангелем по достоинству: еще 24 июля Александр Павлович был награжден орденом Святителя Николая Чудотворца 2-й степени, а 20 ноября за арьергардные бои в Крыму произведен в чин генерала от инфантерии. Таким образом, 38-летний Кутепов опередил в чине самого Врангеля, который оставался генерал-лейтенантом (это имело чисто символическое значение, так как старшинство в белых армиях всегда определялось должностью, а не чином).

Впрочем, этот приказ Врангеля был издан уже на Константинопольском рейде. За шесть дней до этого, вечером 14 ноября, Александр Павлович Кутепов в последний раз смог взглянуть на родной берег с борта транспорта «Саратов», где кроме него находились еще 7349 человек. Это была уже вторая эвакуация в жизни генерала, но, в отличие от Новороссийска, теперь впереди был не Крым, а зарубежье, где «белых русских» не ждал никто. 126 русских кораблей и судов вывезли из Крыма 145 693 человека. Иностранные корабли и суда — пять французских, пять американских, четыре английских, три итальянских, два греческих, по одному турецкому, норвежскому, датскому и бельгийскому (обычно упоминаемый в качестве польского пароход «Полония» — *Polonia*[541] — ходил на самом деле под французским флагом) — эвакуировали еще около десяти тысяч.

В массовом сознании благодаря многочисленным художественным произведениям утвердился образ ухода Русской армии из Крыма в ноябре 1920-го как панического бегства из Севастополя под обстрелом стремительно приближающихся красных. В. В. Маяковский в поэме «Хорошо!» (1927) собрал все штампы о Крымской эвакуации воедино: тут и «бьет мужчина даму в морду, солдат полковника сбивает с мостков», и «кашей грузился последний эшелон», и наседающие «наши», ведущие огонь по трапам[542]. Примерно так же выглядят и финальные кадры первой серии фильма А. А. Алова и В. Н. Наумова «Бег» (1970), там, где белые пулеметчики, прикрывая посадку на корабли, практически в упор ведут огонь по входящей в порт красной кавалерии, а та атакует эвакуируемых в конном строю. На самом же деле в Крыму ничего подобного не происходило. Вернее, были отдельные эксцессы, без которых никогда не обходится грандиозная операция по перемещению сотен тысяч

людей. Были сложности, особенно трудно эвакуировалась Феодосия, где были и давка на трапах, и оставшиеся на пристани; последние суда покинули мыс Чауда, что находится между Феодосией и Керчью, лишь на рассвете 19 ноября, когда другие уже стояли на рейде Мода в Босфоре. Тоннажа не хватило на всех желающих, и в итоге суда уходили перегруженными. Так, рассчитанный на 978 раненых транспорт «Владимир»[543] ушел из Феодосии, имея на борту 12 600 (!) беженцев, почти вшестеро больше, чем было пассажиров на «Титанике». Но все же ничего подобного хаосу Одессы и Новороссийска не наблюдалось и близко. Схему эвакуации четко проработали заранее, корабли и суда распределили по всем крымским портам, за каждой частью был закреплен «свой» транспорт, специальные воинские команды строго следили за порядком во время погрузки. Не было и никакого «стремительного преследования белых красными». Передовые части Красной армии были сильно потрепаны во время тяжелого штурма Перекопа (только убитыми РККА потеряла там 10 тысяч человек, вдвое больше, чем Русская армия), а 12 ноября вообще отдыхали, что позволило арьергардам белых оторваться от противника. Днем раньше Фрунзе направил Врангелю радиограмму с предложением почетной капитуляции. В этой радиограмме был очень важный пункт — гарантии жизни и неприкосновенности, а тем, кто не пожелает остаться в России, — обещание свободного выезда за рубеж при условии отказа от дальнейшей борьбы. Врангель скрыл это предложение от своих войск, но листовки с его текстом сбрасывали на колонны отступающих от Перекопа войск самолеты красных. И хотя 12 ноября Ленин гневно обрушился на Фрунзе по поводу его мягкотелости («Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, то есть к невыходу из Крыма ни одного судна. Если же не примет, нельзя ни в коем случае повторять и расправиться беспощадно»[544]), никакой финальной «битвы за Крым» за этим так и не последовало. Фрунзе не стал посылать свои обескровленные войска в погоню и отсекать белых от портов, не предпринял никаких попыток запереть флот противника в гаванях или потопить его уже в море. Фактически он позволил Врангелю спокойно осуществить эвакуацию. Почему — историки спорят до сих пор. Высказываются мнения о «рыцарском благородстве» красного командующего, о его опасениях насчет ожесточенного сопротивления прижатых к портам белых, о желании сохранить жизни своих бойцов и тех воинов Русской армии, которых затем можно было бы использовать в рядах Красной. Однако скорее всего на решение Фрунзе повлияла телеграмма командующего

французской Средиземноморской эскадрой адмирала Ш. А. Дюмениля[545] от 13 ноября, в которой тот сообщал командованию красных: «Я дал указание всем судам, находящимся под моей властью, оказать помощь в эвакуации и предлагаю вам дать немедленный приказ вашим войскам, чтобы они не мешали вооруженной силой проведению погрузки на суда. <…> Если хотя бы один из моих кораблей подвергнется нападению, я оставлю за собой право использовать репрессивные меры»[546]. А поскольку прямой вооруженный конфликт с Францией (а также другими восемью странами, чьи корабли и суда участвовали в эвакуации) в планы РСФСР не входил, Фрунзе разумно предпочел, что называется, не нагнетать обстановку.

Конечно, уходили из Крыма далеко не все, кто там находился. 12 ноября Врангель честно предупредил в приказе о полной неизвестности, которая ожидает беженцев, и отсутствии средств на их содержание. И около 200 тысяч гражданских лиц остались в Крыму. Остались как местные, не желавшие бросать родные места и налаженный быт, так и те, кто разуверился в Белом деле, кто просто не мог решиться на отъезд в полную неизвестность, кто верил листовкам красных, обещавшим жизнь. Кроме того, в Крыму попали в плен 2009 офицеров и 52 687 солдат Русской армии — отставшие от своих частей, застрявшие в глубине полуострова, не сумевшие погрузиться, а также около 15 тысяч раненых и больных. Конечно, никто не мог и помыслить о том кошмаре, который обрушится на Крым после взятия его красными. Зимой 1920-го — весной 1921 года на полуострове были расстреляны десятки тысяч человек, как бывших чинов Русской армии, так и простых обывателей, вся вина которых состояла в том, что они меньше года жили «при Врангеле». В официальной советской статистике фигурировала цифра 52 тысячи погибших, но точные данные вряд ли будут когда-либо названы. «Беспощадная расправа», о которой Ленин писал Фрунзе, все-таки состоялась, и сколько людей стали ее жертвами, поверив в обещанную большевиками амнистию и оставшись в Крыму, уже никто никогда не узнает.

Но, повторимся, в дни эвакуации о таких последствиях никто не думал и в них не верил. Остающиеся в Крыму оставались, конечно, с нелегким сердцем, но все же без особой боязни, в особенности те, кто, как они думали, ничем не запятнал себя в глазах советской власти. Отчасти такой отсев совпадал с интересами Врангеля, который намеревался вывезти за рубеж наиболее последовательных и твердых своих сторонников, готовых продолжать борьбу в рядах армии. Эвакуировать же из Крыма не 156, а 200–300 тысяч человек попросту не получилось

бы из-за нехватки плавсредств, но даже если бы такая эвакуация и удалась, содержать такую массу людей союзники не стали бы (а в перспективе не было бы, конечно, ни Галлиполи, ни РОВС). Из имущества эвакуировали лишь то, что имело коммерческую ценность; множество лошадей и техники было оставлено на берегу вполне намеренно, причем приказом Врангеля категорически запрещались их порча и уничтожение, так как считалось, что они «принадлежат русскому народу».

По стихам Маяковского памятно и прощание Врангеля с Крымом: «в черной черкеске» тот падает на колени на пустынном молу, трижды целует землю, трижды крестит Севастополь и уже под пулями наступающих красных садится в шлюпку. Эффектно, но, увы, — вновь никакого отношения к реальности. На главнокомандующем в день исхода была не легендарная черная черкеска, а офицерское пальто с корниловскими черно-красными петлицами и корниловская же фуражка. 14 ноября в 14 часов на Графской пристани Врангель поблагодарил за службу свой конвой, юнкеров Атаманского Новочеркасского и Сергиевского артиллерийского училищ, несших караульную службу в городе, произнес краткую речь, после чего снял фуражку, перекрестился, поклонился городу, в 14.40 сел в катер в сопровождении генералов П. Н. Шатилова, Е. И. Коновалова и М. Н. Скалона и через десять минут прибыл на флагманский крейсер «Генерал Корнилов» (бывший «Очаков»; по иронии истории корабль, считавшийся одним из символов революции, ушел из России как флагман Белого флота)[547]. Следом пошли на погрузку и юнкера, а последним, около 15.00, оставил город начальник обороны Севастопольского района генерал-лейтенант Н. Н. Стогов[548]. Толпившиеся на берегу люди со слезами благословляли уходящих. Но у желающих была возможность вернуться назад — уже когда все корабли и суда стояли на внешнем рейде, их обходила самоходная баржа, собирала тех, кто по каким-либо причинам передумал покидать родину, и возвращала их на пристань. Первые части Красной армии вошли в Севастополь ровно через сутки, в 14.00 15 ноября. Но такая «мирная» и «организованная» реальность, понятное дело, плохо укладывалась в советскую схему истории Гражданской войны, потому и была придумана, а затем растиражирована в стихах, романах и фильмах «паническая» Крымская эвакуация, калька с Новороссийской и Одесской.

В последнее время стало распространяться ложное утверждение о том, что корабли врангелевской эскадры уходили из Крыма под французскими флагами. На самом же деле ни один из русских кораблей не спустил славного Андреевского флага,

хотя французы и настаивали на этом. Когда командующий Черноморским флотом контр-адмирал М. А. Кедров[549] твердо отказался это сделать, французский адмирал Дюмениль пожал ему руку. Флаги Франции были подняты только на фор-стеньгах мачт, кормовыми же оставались Андреевские.

До утра 17 ноября Врангель на «Генерале Корнилове» обходил крымские порты, наблюдая за ходом эвакуации. За безопасность плавания поручиться никто не мог, в ноябре Черное море обычно штормит, и во время перехода из-за погодных условий погибли эсминец «Живой» и тральщик «Альбатрос», пришлось также бросить несколько катеров, шедших на буксире. Через несколько дней эскадра во главе с «Генералом Корниловым» бросила якоря на рейде оккупированного странами Антанты Константинополя. Что будет дальше — никто не знал.

Но Врангель не терял надежды сохранить боевую силу своей армии. Он надеялся, что Франция предоставит его войскам помощь как союзница по Антанте, по боям еще Великой войны. Но эти надежды оказались несостоятельными — в обмен на покровительство, которое будет оказано эвакуированным из Крыма, французское правительство взяло в залог военный и коммерческий русский флот и гигантские запасы вывезенного на кораблях имущества (продовольствия, одежды, угля и т. п.) на общую сумму более 69 миллионов франков. Да и вопрос о дальнейшем местонахождении войск был решен помимо Врангеля. 21 ноября 1920 года Русская армия была реорганизована. Все части, кроме казачьих, сведены в 1-й армейский корпус под командованием Кутепова (9540 офицеров, 15 617 солдат, 369 военных чиновников, 142 человека медперсонала, всего 25 868, плюс 144 женщины и 244 ребенка). В составе корпуса отныне числились 1-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта В. К. Витковского, куда вошли остатки всех «цветных» полков, 1-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича, артиллерийская бригада, Технический полк, позже появились учебно-офицерский кавалерийский полк и учебная артиллерийская батарея. Местом размещения для них был выбран турецкий городок Галлиполи (ныне Гелиболу) на европейском берегу Дарданелл, в 200 верстах к югу от Константинополя. Добровольцам это название было знакомо разве что по сражению 1915 года, тогда в Галлиполи британские, австралийские и новозеландские войска тщетно пытались сломить сопротивление турок. Но уже очень скоро «галлиполийцами» станут называть себя тысячи русских, выбравших эмиграцию. Что же касается казачьих соединений, то Донской корпус Ф. Ф. Абрамова (1977 офицеров, около шести

тысяч казаков) был размещен в нескольких лагерях недалеко от Константинополя, а Кубанский корпус М. А. Фостикова (около 300 офицеров, около двух тысяч казаков) — на греческом острове Лемнос.

В реальности войска Кутепова разместились не в самом Галлиполи, а в палаточном лагере в шести верстах от городка. Надежды оптимистов на «турецкий юг» не оправдались — лагерь был разбит в неуютной, поросшей колючей травой и покрытой грязью долине, через которую протекала кишевшая змеями речка. С близкого моря дул сильный норд-ост, лили ледяные дожди, кусались москиты и скорпионы, ночами наводили тоску своим воем шакалы. Когда Кутепов впервые увидел место, где предстояло разместиться его войскам, у генерала невольно вырвалось: «И это всё?!» Казалось, из Галлиполи не будет исхода и остатки Русской армии загнаны сюда, чтобы со временем вымереть. Не случайно русские сразу же переименовали Галлиполи в Голое Поле.

Кутепов снова, уже в который раз должен был разрешить внешне невыполнимую задачу, создать на пустом месте всю инфраструктуру лагеря, от починочных мастерских до прачечных, от лазаретов для сыпнотифозных до столовых. И главное — вытянуть тысячи людей из ямы бездонного отчаяния. После чудовищного напряжения последних дней Крыма, эвакуации и стоянки на Константинопольском рейде в Галлиполи наступил резкий упадок физических и душевных сил. Многим казалось, что после сдачи Крыма дальнейшая жизнь потеряла смысл. Родные и близкие погибли, потеряны или остались в Совдепии, былые заслуги не стоили ничего, всё, что осталось из имущества, — револьвер да шинель. В такой атмосфере опускали руки даже самые стойкие. Начались эксцессы, прежде немыслимые в рядах белых: неотдание чести, дерзости, а то и хамство старшим по чину, неисполнение приказов. На Новый, 1921 год чины корпуса под воздействием алкоголя устроили массовую стрельбу в воздух. Но настоящий кошмар произошел на Крещение. Тогда во время исполнения старшими командирами корпуса «Боже, Царя храни!» офицерская молодежь Дроздовского полка обстреляла и забросала камнями палатку, в которой находились несколько генералов.

Казалось, что вернуть к прежней жизни эту голодную, оборванную, озлобленную, лишенную смысла существования толпу уже не удастся. Но неукротимая энергия, целеустремленность и жесткость Кутепова уже в который раз совершили чудо. Генерал вел себя так, будто ничего не случилось, беспощадно карал за распущенность, незнание устава,

малейшее неповиновение. Легендарной стала галлиполийская «губа» — гауптвахта, куда люди попадали за плохо пришитую пуговицу, порванную штанину, неотдание чести, появление в лагере в пьяном виде, нецензурную брань, «порожденную разгулом войны». За попытки вести большевистскую агитацию, клеветать на начальство, продажу личного оружия просто расстреливали. И это возымело действие. Когда Галлиполи 15 февраля 1921 года посетил П. Н. Врангель (его французы изолировали от подчиненных ему войск), он был поражен порядком и чистотой, царившими в лагере. А в пасхальную ночь в Галлиполи не раздалось ни одного выстрела, оказалось достаточно краткого приказа, изданного даже не Кутеповым, а его подчиненным, комендантом лагеря генерал-майором Б. А. Штейфоном.

Но дело не ограничилось восстановлением железной дисциплины и превращением скопища отчаявшихся беженцев в военный лагерь. В Галлиполи за месяц были созданы 12 курсов для офицеров — пехотные, артиллерийские, кавалерийские, инженерные, радиотелеграфные и другие, для солдат заработали учебные команды и школы грамотности. Начали деятельность шесть военных училищ (в них учились 1482 юнкера), дипломы которых затем принимались в Европе, были основаны высшие общеобразовательные курсы, курсы иностранных языков. Во всех полках и училищах были созданы походные храмы, утварь для которых делали из консервных банок, и организованы хоры при них. «Для поднятия этики» 5 января 1921 года были введены суды чести и разрешены дуэли. Стали проводить парады и смотры. Готовились к ним тщательно — новые гимнастерки шили из американских халатов и простыней, фуражки и шаровары — из перекрашенных одеял. «И когда на первом весеннем параде войска вышли в строй по форме и парадно одетыми, когда гремели оркестры, встречавшие командира корпуса, и тихо развевались знамена, впечатление было потрясающим»[550], — вспоминал Б. А. Штейфон.

Конечно, многим шагистика, преувеличенная «аракчеевская» дисциплина, «игра в солдатики» казались ненужными и бессмысленными. Таких в лагере не удерживали, тем более что Галлиполи постоянно «обрабатывали» западные союзники, предлагавшие ехать на заработки в Бразилию и даже вернуться в Советскую Россию. Для таких был создан отдельный «беженский батальон», отделенный от остального лагеря. Колеблющимся было дано три дня на раздумья. Но желающих покинуть лагерь в итоге оказалось немного, всего лишь одна десятая населения Галлиполи. И если в начале «галлиполийского сидения»

неизменно подтянутый, слегка насмешливый Кутепов, безжалостно «цукавший» и солдат, и офицеров за малейшее упущение по службе, вызывал у большинства раздражение или злобу, то со временем эти чувства сменились глубоким уважением к генералу, вкладывавшему все силы в то, чтобы жизнь лагеря стала лучше.

С укреплением дисциплины в Галлиполи расцвела и культурная жизнь. Заработали театр, библиотека, начала выходить «Устная газета», издавались десятки машинописных журналов (у корниловцев — «Огни», у марковцев — «Шакал», у дроздовцев-артиллеристов — «Веселые бомбы» и т. д.; их печатали по ночам в штабах, когда были свободны пишущие машинки), провела первые матчи футбольная команда, соревновались между собой гимнасты и силачи, выступали полковые оркестры, для которых умельцы делали инструменты. Над собственным нелегким бытом подтрунивали в карикатурах и шаржах, в которых доставалось и начальству (Кутепов собрал целую коллекцию карикатур на себя). Для детей организовали гимназию имени Врангеля и детский сад. Кутепов с женой в свободные минуты любил там бывать, с удовольствием возился с детьми, а если кто-то из них заболевал, то ежедневно навещал его в лазарете.

Быт самого генерала в Галлиполи был организован очень скромно. Александр Павлович и Лидия Давыдовна занимали одну комнатку, жили тихо, замкнуто, общаясь с узким кругом близких личных знакомых и братом генерала, полковником Технического полка Борисом Кутеповым (где находятся другие его родные, Кутепов не знал). Жалованье командира корпуса составляло столько же, сколько и у остальных офицеров-галлиполийцев — две турецких лиры, и время от времени вестовой Кутепова Федор нес на местную «толкучку» продавать генеральские сапоги или платье Лидии Давыдовны. Но сам Александр Павлович всегда был одет по всей форме, подавая пример внешнего вида прочим. Родилась даже галлиполийская примета: если Кутепов в дроздовской гимнастерке, то настроение у него доброе и на «губу» вряд ли кто попадет; если в корниловской — может быть и так и сяк, а вот если в марковской — разнос неизбежен.

Всю жизнь бывший истово верующим человеком, в Галлиполи генерал также подавал многим пример своей набожностью, он посещал все положенные церковные службы, которые всегда отстаивал целиком и по стойке «смирно», с полным благоговением. Часто посещал и три галлиполийских кладбища, где навсегда остались те, кто не перенес тягот изгнания. По инициативе Кутепова в Галлиполи был воздвигнут

величественный памятник всем русским, которые нашли вечный покой в турецкой земле. Каждый галлиполиец принес для этого памятника свой камень весом не меньше четырех килограммов, дети несли гальку и щебень. 16 июля 1921 года памятник был освящен и открыт, в 1949-м — разрушен землетрясением, а в 2008-м — восстановлен.

Надо сказать, что опыт Галлиполи был и остался во многом уникальным. В других местах «рассеяния» русских войск, в лагерях Чилингир, Хадем-Киой, Санджак-Тепе, Кабакджа, выведенные туда части выживали с огромным трудом, отчаянно борясь с обстоятельствами и нередко проигрывая им. В лагере Чилингир, к примеру, 3-я Донская дивизия подняла голодный бунт, в ходе которого едва не погиб комендант, генерал А. А. Курбатов. И в первую очередь причиной этого было отсутствие в этих местах такого командира, как Кутепов. В ноябре 1921 года по приказу П. Н. Врангеля были учреждены особые единообразные знаки для тех, кто прошел через беженские мытарства на острове Лемнос, в Чаталджинском районе, на последней стоянке русского флота в тунисской Бизерте. Но особое значение среди них имел Галлиполийский крест, который его обладатели носили с гордостью, как награду, ибо Галлиполи для Русской армии стало символом не поражения и смерти, а духовной победы и веры в жизнь. И главная заслуга в этом, безусловно, принадлежала Кутепову. «Величием духа, всесокрушающей силой, непоколебимой верой в правоту нашего дела и безграничной любовью к Родине и Армии он неизменно в самые трудные дни нашей борьбы вселял в свои части тот дух, который дал им силы на Родине и на чужбине отстаивать честь своих знамен, — отзывался о галлиполийских заслугах Кутепова Врангель. — История в будущем оценит генерала Кутепова, я же высказываю ему мою безграничную благодарность за неизменную помощь и дружескую поддержку, без которой выпавший на мою долю крест был бы непосилен»[551].

Галлиполийцы сохраняли связи между собой и в последующие годы. 22 ноября 1921 года по инициативе капитана В. В. Орехова, штабс-капитана Н. З. Рыбинского и подпоручика В. Х. Даватца было создано Общество галлиполийцев, объединившее всех чинов 1-го армейского корпуса. В 1924 году оно вошло в структуру РОВС, долгое время было его старейшей составляющей и прекратило существование 6 января 2016 года. Ныне его традиции продолжает Союз потомков галлиполийцев.

«Чудесное преображение» Галлиполи из «Голого Поля», места, где царило отчаяние, в образцовый лагерь готовой ко всему армии, естественно, не могло остаться незамеченным в

новорожденном мире русского зарубежья. Кутепова все чаще начинали упоминать не только как легендарного генерала-строевика, но и как талантливого администратора, несгибаемого борца за былые идеалы и общественного деятеля. Именно в Галлиполи Александр Павлович впервые задумался о том, что борьбу с большевизмом вполне можно продолжать и находясь за рубежом. Пока что это выражалось в отправке в Советскую Россию отдельных офицеров, большинство из которых, впрочем, предпочитали тратить полученные на тайную миссию лиры в ближайшей таверне. Возможно, именно эта активность Кутепова (о которой знали все в лагере, так как навыками конспиративной работы генерал не обладал) начала понемногу вызывать неудовольствие П. Н. Врангеля, который весьма ревниво относился к любым формам излишней самостоятельности и тем более к росту популярности подчиненных ему командиров. Не случайно Петр Николаевич вскоре высказал идею расформирования 1-го корпуса, что вызвало бурную реакцию Кутепова. И хотя от этой идеи отказались, отношения двух военачальников стали настороженными, и чем дальше, тем больше.

Между тем галлиполийский феномен стал фактором европейской политики. В наличии на территории оккупированной Турции русского вооруженного контингента не был заинтересован никто, тем более что европейские державы уже сделали первые шаги навстречу Советской России, будучи заинтересованы в торговле с ней. Французы, которые сначала поддерживали Врангеля «из соображений гуманности», урезали продовольственный паек для галлиполийцев, начали настаивать на том, чтобы русские сдали оружие, а 1 апреля 1921 года вообще прекратили снабжение. Тогда Кутепов спокойно и с достоинством ответил, что не допустит, чтобы его люди умерли с голоду или превратились в банду разбойников. Взятый генералом тон возымел действие, и снабжение было возобновлено. Отношения же Врангеля с французами стали настолько острыми, что он даже подготовил приказ на случай собственного ареста, где назначал своим заместителем Кутепова. И хотя до этого не дошло, но было ясно, что эпоха Галлиполи завершается. Радужные надежды на скорую переброску армии для продолжения борьбы в Польшу, Грузию, на Дальний Восток таяли по мере изменения политической обстановки. Чтобы предотвратить распыление подчиненных ему сил, Петр Николаевич с апреля 1921 года вел переговоры об их перебазировании в Болгарию и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС, с 1929 года эта страна стала называться Югославией). Обе эти славянские страны в годы

Гражданской войны в целом поддерживали Белое движение, а их монархи, царь Борис III и король Александр I, видели в прибытии в их разоренные Первой мировой войной государства большого количества потенциальных рабочих рук больше плюсов, чем минусов.

Первая партия галлиполийцев, 1029 человек, была перевезена в болгарский порт Бургас в июне 1921 года, в августе в КСХС отбыли кавалерия и первый эшелон пехоты, а основная масса войск 1-го армейского корпуса осенью и в начале зимы убыла в Болгарию: 14 ноября в Бургас пришел турецкий пароход «Керасунд» (1653 пассажира), 16 ноября в Варну — «Аж-Дениз» (3477), 19 ноября в Бургас — «Решид-Паша»[552] (1680) и 30 декабря в Варну — «Ак-Дениз» (2520, в числе этих пассажиров был и Кутепов). 8 декабря через Салоники в КСХС убыли Николаевское кавалерийское училище, часть Технического полка, к тому времени переформированного в батальон, и подвижной отряд Красного Креста. Последние галлиполийцы покинули лагерь 6 мая 1923 года. Ими стали часть Технического батальона и учебно-офицерский кавалерийский полк, они перебрались из Галлиполи в КСХС.

Тридцатого декабря 1921 года в Варне Кутепову была устроена торжественная встреча. Этот момент показан в советско-болгарском фильме Ю. Ю. Карасика «Берега в тумане» (1985); правда, в фильме Кутепова встречает на берегу Врангель, чего в реальности не было, поскольку главнокомандующий покинул Константинополь только 26 февраля 1922 года и направился в КСХС. Штаб 1-го корпуса разместился в древней столице Болгарии, Велико-Тырново, части занимали пустующие казармы, каких было много, поскольку после Первой мировой войны болгарские вооруженные силы были сокращены до минимума. На 12 февраля 1922 года в Болгарии находилось около 20 тысяч чинов Русской армии. По подсчетам депутата болгарского Народного собрания В. Коларова, они располагали 24 600 винтовками (к ним имелось 1 миллион 488 тысяч патронов), 156 пулеметами, 7800 единицами холодного оружия, 15 легковыми автомобилями и 10 грузовиками[553].

После Галлиполи Болгария воспринималась всеми как нечто близкое и родное. Православные храмы, красивый язык, похожий на русский, общая память о войне 1877–1878 годов, которая в Болгарии называется Освободительной, улицы, названные в честь Александра II, Скобелева и Радецкого, форма на болгарских офицерах, напоминавшая русскую, радушное отношение местных жителей — все это грело душу. Но политическая ситуация в Болгарии была сложной: находившееся у власти с 1920 года

правительство премьер-министра Александра Стамболийского («грубого и решительного мужика», по характеристике генерала П. Н. Шатилова) симпатизировало Советской России, в стране набирали политический вес местные коммунисты. Неудивительно, что корпус Кутепова, который сохранял четкую структуру, оружие и форму, был бельмом на глазу у болгарских левых. В стране активно муссировались слухи, что русские-де готовят вооруженное восстание и поход-реванш на Советскую Россию; постепенно начались запреты, ограничения, а там и вооруженные провокации. В итоге Кутепов 25 мая 1922 года был арестован в Софии (причем ранее, когда он туда собирался, ему предоставили гарантии безопасности) и выслан из Болгарии в Грецию, откуда выехал в КСХС. Одновременно с Кутеповым были выдворены из страны еще 58 генералов и старших офицеров, чуть позже ликвидирована российская дипломатическая миссия в Софии. Тягостный для русских беженцев в Болгарии период завершился только 9 июня 1923 года, когда в результате государственного переворота в стране пришло к власти правительство Александра Цанкова, немедленно прекратившее политику подспудной большевизации Болгарии и гонений на эмигрантов. Но в эту страну Кутепов уже не вернулся, впоследствии он бывал в Болгарии только наездами.

Генерал поселился на окраине Белграда, в Душеновце, в маленьком, плохо меблированном домике из трех комнат, которые занимали он сам с женой, брат Борис, адъютант и верный вестовой Федор. До центра было около часа ходьбы, но это Кутепова не смущало, он любил подолгу ходить пешком. Сразу же по прибытии в Белград Александру Павловичу сообщили ошеломляющую новость: в соответствии с приказом П. Н. Врангеля большинству чинов 1-го армейского корпуса отныне позволялось наниматься на работу. И пусть такое решение было единственно верным и возможным со стратегической точки зрения, для Кутепова оно означало только то, что его корпус больше не существует как военная сила, а его чины теперь просто беженцы, наемники, а сам он уже никому не нужен. Это еще больше оттолкнуло Кутепова от Врангеля. Предоставленные ему должности «помощника главнокомандующего» и «начальника Галлиполийской группы в Болгарии» не могли обмануть Александра Павловича, так как за ними не стояло ничего конкретного. Кутепов все больше и больше склонялся к тому, что фигурой, объединяющей военную эмиграцию, должен быть не Врангель, а великий князь Николай Николаевич[554] — Верховный главнокомандующий в 1914–1915 годах, ныне проживавший в имении Шуаньи недалеко от Парижа и многими признававшийся

главой дома Романовых.

При этом не следует думать, что Кутепов был сторонником воссоздания в России монархии. Лично оставаясь монархистом, он тем не менее считал, что его страна прошла через слишком глобальные перемены, чтобы после победы слепо воссоздавать старое. «Какова будет эта новая Россия — мы не знаем, но мы знаем, что она не может быть копией с России прошлого»[555], — говорил Александр Павлович в одном из интервью. Очень точно написал о его мировоззрении автор очерка «Облик Кутепова» К. Зайцев: «Кутепов был, конечно, монархистом и при том монархистом не по головному убежденно, а по внутреннему чувству, монархистом до мозга костей. Но вместе с тем он был в такой мере — я не скажу, одержим Россией, слишком он был для этого слова спокойно деловит — а поглощен Россией, насыщен ею, что монархизм его, при всей его почвенности и укорененности, не мешал широте его политического кругозора и размаху его политической работы. Россия была для него выше монархии, а сам он был слишком скромен в своем чувстве служения России, чтобы навязчиво диктовать ей свои вкусы, чтобы посметь предъявлять ей какие бы то ни было ультиматумы»[556].

В феврале — марте 1923 года состоялась первая поездка Кутепова в Париж, во время которой генерал дважды, 9 и 28 марта, общался с великим князем и, по утверждению Б. А. Штейфона, «принял на себя известные деловые обязательства» по организации боевой работы в Советской России[557]. Официальный перевод Кутепова в распоряжение великого князя Николая Николаевича состоялся 21 марта 1924 года, когда приказом П. Н. Врангеля № 14 Александр Павлович был освобожден от должностей помощника главнокомандующего и начальника Галлиполийской группы. И хотя второй параграф этого приказа содержал исключительные похвалы Кутепову, генерала этот документ больно задел, ведь его фактически увольняли из армии. «Вот и дослужился, что меня перевели на беженское положение»[558], — обмолвился он в разговоре. Когда Кутепов уезжал из Белграда в Париж, его провожали всего лишь пять человек.

Отношения между Кутеповым и Врангелем так и остались холодными. Они по-прежнему были между собой на «ты», но Петр Николаевич высказывался о дальнейшей деятельности Александра Павловича в лучшем случае скептически, а в худшем называл ее «подлой игрой» (в письме П. Н. Шатилову 26 января 1926 года[559]). Кутепов платил той же монетой, иронизируя в адрес Врангеля в переписке, и не проявлял особого интереса к

работе в составе Русского Обще-Воинского союза (РОВС) — объединения всех эмигрантских военных организаций, основанного Врангелем в сентябре 1924 года. В последний раз оба виделись в Париже в феврале 1928 года во время богослужения, обменявшись несколькими внешне доброжелательными фразами. После безвременной смерти П. Н. Врангеля 25 апреля 1928 года А. П. Кутепов в соответствии с приказом великого князя Николая Николаевича возглавил РОВС, тем самым став официальным лидером русской военной эмиграции, а 6 января 1929 года после смерти великого князя вступил и в высшее руководство РОВС.

К. Зайцев так сравнивал двух военачальников: «Кутепов и Врангель! В некоторых отношениях генерал Врангель, конечно, затмевал скромного и деловитого Кутепова. У ген.[ерала] Врангеля был подлинный талант властвования. От него исходила некая поистине магическая сила, воздействие которой испытал всякий, кто хоть раз находился в его присутствии. Декоративно великолепный, он естественно повелевал, и окружающие его также естественно ему подчинялись. Власть его над массами была чудодейственной.

Кутепов не обладал подобными данными прирожденного правителя. Но поставим вопрос иначе. Кто мог, перебирая в своей памяти десятки и сотни знакомых ему имен из состава армии, остановить свой выбор на любом из них и, призвав в свой кабинет капитана или полковника, имя рек, из их числа, сказать ему: „Полковник или капитан такой-то, у меня есть к вам дело; это очень ответственное поручение, и есть много оснований предполагать, что вы не вернетесь, если обстоятельства обернутся для вас неблагоприятно, — согласны ли вы взяться за него?“ Кто мог задать такой вопрос сотням доблестных офицеров и быть уверенным, что не будет отказа, и что поручение будет свято выполнено и окажется в руках человека беспредельно преданного и абсолютно верного? — Я полагаю, что другого такого человека нет в нашем зарубежье и не было его даже тогда, когда был в живых ген.[ерал] Врангель»[560].

Какие же «известные деловые обязательства» принял на себя Кутепов в Париже? Он возглавил в Собственной канцелярии великого князя Николая Николаевича разведывательно-информационную часть и сосредоточился на «активной работе». Речь шла о заброске в Советскую Россию преданных Белой идее офицеров, которые, по мысли Кутепова, должны были установить связи с военным руководством Красной армии. На вопрос: «Зачем?» — Кутепов дал развернутый ответ в одной из своих речей: «Мы „белые“, пока „красные“ владеют Россией, но как

только иго коммунизма будет свергнуто, с нашей ли помощью или без нее, мы сольемся с бывшей Красной армией в единую Русскую армию»[561]. Взгляд на Красную армию как на «временное орудие в руках врагов России», идея поиска в высшем командовании РККА «национально мыслящей части» глубоко захватили Кутепова и увлекали его на протяжении всех 1920-х годов. При этом как именно будут выполнять конкретные задания его разведчики, никто не знал; из доверительно сказанных Б. А. Штейфону фраз «главное, я хочу связаться с кем-нибудь в Красной Армии. Тухачевским[562] или кем-нибудь другим…»[563] видно, какими наивными были представления генерала о закордонной работе его агентов. Но, повторимся, Кутепов был искренне воодушевлен своей идеей, которая на фоне «абстрактной» деятельности Врангеля по сохранению русской военной силы за рубежом казалась ему продолжением реальной боевой борьбы, дела Крыма и Галлиполи.

Структура и методы работы боевой организации А. П. Кутепова, естественно, не афишировались. Известно, что «кутеповцы» — в основном молодые офицеры, участники Гражданской войны, и русские юноши, которым на момент революции было по 12–15 лет, — тайно переходили границу СССР с территорий сопредельных стран и после выполнения миссии так же скрытно возвращались обратно. Немалое их количество сразу же гибло от пуль пограничников, а те, кому удавалось раствориться на просторах Совдепии, чаще всего «прокалывались» на мелочах. Но были и такие, которым удавалось совершить не одну «ходку» в СССР (так, Михаил Иванов и Александр Болмасов переходили границу по восемь раз, поручик Николай Падерна — 15). «Кутеповцев» неизменно провожал в поход сам генерал; при этом он «говорил коротко, отчеканивая каждое слово, после чего энергично пожимал руку. Не было ни дрожания в его голосе, ни лобызаний, ни многозначительных взглядов. Людей, у которых Александр Павлович замечал сомнение или упадок настроения, он всегда отставлял от похода»[564].

Не вполне ясна роль Кутепова в создании «Внутренней линии» — тайной контрразведки РОВС, выросшей в 1926–1927 годах из возглавлявшегося Н. Э. Бредовым Национального союза русских «Долг Родине». По версии генерала П. Н. Шатилова, Александр Павлович был инициатором создания «Линии», но, находясь в Париже, не мог оказывать большое влияние на ее становление, учитывая, что центром ее деятельности была Болгария. В декабре 1927 года, находясь с визитом в Софии, Кутепов заявил на собрании сотрудников «Линии»: «Моим доверенным лицом является капитан Фосс, ему подчиняйтесь», то

есть делегировал полномочия К. А. Фоссу. Возглавлявший РОВС в конце XX века капитан В. Н. Бутков утверждал, что у истоков «Внутренней линии» стоял Генерального штаба полковник А. А. Зайцов, впоследствии ближайший помощник Кутепова в парижский период его жизни. Данные о том, что Кутепов не доверял «Внутренней линии» и в мае 1929 года создал тайный Русский исторический союз (он же «Орден Чести») под командованием капитана И. В. Завадского-Краснопольского для контроля над деятельностью «Линии», основаны на спорных эмигрантских источниках.

Источники финансирования работы Кутепова были различными. Главным образом это были суммы, отпускаемые из так называемой Казны великого князя Николая Николаевича, после его смерти в 1929 году переименованной Кутеповым в Фонд спасения России, а также пожертвования меценатов. Так, большую финансовую помощь Кутепову оказывал его давний знакомый, полковник Павел Николаевич Богданович[565], женатый на богатой голландке. Иногда поступали средства и от иностранных разведок (так, в конце 1927 года Кутепов получил 200 тысяч фунтов стерлингов из Великобритании[566]). Из средств РОВС, по свидетельству Е. К. Миллера[567], на деятельность Кутепова «ни одного франка не было отпущено».

Какую угрозу боевая организация Кутепова представляла для безопасности Советского Союза? Смело можно сказать, что незначительную. Сразу скажем, что контактов с высшим руководством РККА установить никому из «кутеповцев» не удалось, а собранные ими сведения представляли главным образом социологический интерес (редкое исключение — мичманы братья Гокканены, которые раздобыли действительно ценные данные о войсках Ленинградского военного округа). Но сам по себе факт существования за рубежом структуры, направленной на активную деятельность на территории СССР, не мог не беспокоить советские спецслужбы. В результате ИНО ОГПУ (Иностранному отделу Объединенного государственного политического управления) удалось быстро и весьма точно установить не только причастный к деятельности Кутепова круг лиц, но и связи эмигрантов-«активистов» в СССР. Так, рижская резидентура ИНО 18 марта 1925 года направила в Москву обстоятельную записку, в которой сообщала: «Исполнительный орган организации „Секретное бюро“ состоит из Кутепова, ген. [ералов] Кусонского, Шатилова, С. Е. Трубецкого и Б. К. Арсеньева. Лицами для поручений состоят Воронцов-Дашков и Верисоцкий. Работа производится в Париже, рю Сселет, 25, рю Бельшас, 73, рю де Карм, 20. Задачей этого бюро является

организация активной борьбы в целях свержения соввласти. Тактика бюро: установление связи с командным составом Красной Армии к восстанию и переходу на сторону Н[иколая] Н[иколаевича], а также образование внутри Совроссии ячеек (троек или пятерок) в целях подготовки и производства террористических актов и местных восстаний среди крестьян»[568]. Далее следует перечень лиц, поддерживающих организацию в Великобритании, Германии, Польше, КСХС, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии, раскрыты подробности пересечения «кутеповцами» границ СССР (вплоть до указанных номеров югославских и французских купюр, которые должны быть у них!), названы фамилии и контакты связников в Москве, Ленинграде, Ростове и Киеве. Так, в столице СССР явки для кутеповских курьеров находились по адресам: Нащокинский переулок, 10, Малый Афанасьевский переулок, 35, Газетный переулок, 5 и Большой Козловский переулок, 8, а в Ленинграде — по адресу: набережная Мойки, 101. Приводился в отчете и пофамильный список курьеров, которые проследовали через границу в 1925 году[569].

Впрочем, не стоит думать, что все перечисленные в записке рижской резидентуры советские связи Кутепова были реальными. К этому времени ОГПУ избрало оригинальную тактику, оно стало играть на опережение, во многом направляя и контролируя деятельность генерала, причем сам он об этом и не подозревал. Речь идет о знаменитой операции «Трест» (проведенной в 1922–1927 годах), в ходе которой в белоэмигрантские круги было внедрено множество агентов ОГПУ, как из числа самих эмигрантов, так и постоянно проживавших в Европе резидентов советской разведки. В Советском Союзе обстоятельства операции «Трест» были рассекречены в 1965 году, когда увидел свет посвященный ей роман-хроника Л. В. Никулина «Мертвая зыбь». Не претендовавший на художественные открытия и написанный весьма убогим «суконным» языком роман тем не менее пользовался большим успехом и лег в основу многосерийного телевизионного фильма С. Н. Колосова «Операция „Трест“», премьера которого состоялась в мае 1968 года. Именно тогда на советском экране зритель впервые смог увидеть Кутепова, образ которого весьма качественно воплотил артист Г. А. Гай.

Легенда «Треста» была разработана очень убедительно, прошла несколько проверок, и под обаяние якобы существовавшей в СССР Монархической организации Центральной России (МОЦР) подпали даже весьма трезвомыслящие эмигранты. Ведь в «рядах» МОЦР «состояли» такие величины, как хорошо известные до 1917 года генералы

А. М. Зайончковский[570] (кстати, первый полковой командир Кутепова) и Н. М. Потапов[571], и, как признавался кутеповский резидент в Польше С. Л. Войцеховский[572], «мы не могли представить себе генералов Зайончковского или Потапова презренным орудием чекистов»[573]. А в существование в СССР подпольной антисоветской структуры так хотелось верить! К слову, в записке рижской резидентуры ИНО бывший генерал от инфантерии Андрей Медардович Зайончковский и его дочь Ольга Андреевна Попова упоминались как одни из главных «клиентов» кутеповских эмиссаров; это показывает, что работавшие в Латвии чекисты не были посвящены в подробности «трестовской» игры и принимали ее за чистую монету. На раннем этапе «Треста» было легендировано участие в нем также М. Н. Тухачевского, у которого, кстати, были отличные отношения с Зайончковским.

Кутепов установил связь с «Трестом» через Марию Владиславовну Захарченко-Шульц — одну из самых идейных и бесстрашных своих бойцов, которую генерал ласково называл «племянницей» (что породило устойчивую легенду о том, что она действительно родственница Кутепова). «Впечатление от этой группы самое благоприятное: чувствуется большая спайка, сила и уверенность в себе, — сообщала Захарченко-Шульц из Москвы в Париж. — Несомненно, что у них имеются большие возможности, прочная связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться. <…> Их лозунгом является великий князь Николай Николаевич — законность, порядок»[574]. В июле 1925 года Кутепов впервые встретился в Париже с «лидером» МОЦР, бывшим статским советником А. А. Якушевым[575], с которого, собственно, и началась провокация «Треста». Общался с ним и сам, и вместе с великим князем Николаем Николаевичем, и в итоге вполне поверил визитеру. Не поверить Якушеву было сложно, он ведь и был самым настоящим, истовым монархистом, только «перекованным» советскими спецслужбами. Поверив в существование МОЦР, Кутепов стал ее представителем в Париже, не раз встречался с ее деятелями. И главное, изменил политику Боевой организации: отказался от идеи убийств главных чекистов Ф. Э. Дзержинского, В. Р. Менжинского и А. Х. Артузова, начал отправлять своих боевиков в СССР по каналам «Треста», то есть, сам того не ведая, перешел под контроль советских спецслужб. Правда, по утверждению С. Л. Войцеховского, доверие Кутепова к «Тресту» «не было безграничным. Он отклонил приглашение МОЦР съездить в Россию и „проверял“ связанных с „Трестом“ людей»[576]. Но это было по большому счету не важно.

До определенного момента «Тресту» удавалось выполнять основную задачу: под предлогом наличия в СССР мощной

антисоветской группы, занимающейся подготовкой восстания, убеждать Кутепова не торопиться с активными действиями и полностью контролировать его агентов. Но в марте 1927 года на совещании в финском городе Териоки Кутепов напрямую спросил у Н. М. Потапова, когда именно МОЦР собирается поднимать восстание против советской власти. Стало ясно, что генерал намерен действовать более решительно. А 17 мая 1927 года в рижской газете «Сегодня» один из деятелей «Треста» Эдуард Стауниц (Александр Опперпут)[577] опубликовал сенсационное признание — Якушев, Потапов и умерший в 1926 году Зайончковский работали на советские спецслужбы, а МОЦР был грандиозной провокацией красных, созданной с целью контроля над деятельностью антисоветских организаций за рубежом. Самого же Стауница-Опперпута принудили к участию в этой операции, но он 13 апреля бежал в Финляндию, каялся и просил дать ему возможность искупить вину. Для пущей убедительности Стауниц-Опперпут вывел из СССР четверых кутеповских «активистов», которым грозил неизбежный арест.

Историки спецслужб до сих пор по-разному оценивают поступок Стауница. По одной версии, он действительно решил порвать с ОГПУ как минимум по двум причинам — у него начались романтические отношения с Марией Захарченко-Шульц, а в финансовых делах «Треста», которыми он ведал, обнаружилась крупная недостача. По другой — признания Стауница были частью игры ОГПУ, которая была призвана скомпрометировать Кутепова в глазах эмиграции и одновременно ввести в ее круги Стауница как своего.

Так или иначе, это был серьезнейший удар по репутации Кутепова. На совещании у великого князя Николая Николаевича он выслушал множество горьких для себя слов, особенно от Врангеля, который с самого начала не доверял «трестовикам». Как писал Врангель И. Г. Барбовичу[578], он заявил Кутепову, что тот «преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен», и порекомендовал «после обнаружившегося краха его трехлетней работы от этого дела отойти»[579]. Однако интереснее всего тот факт, что заменить Кутепова, судя по всему, собирался… сам Врангель. Оспаривая версию об отравлении Петра Николаевича, автор изданной в серии «ЖЗЛ» биографии «Врангель» (2009) Б. В. Соколов пишет: «Нет никаких объективных данных о том, что барон в последние месяцы своей жизни пытался создать какую-либо организацию для деятельности в СССР и, соответственно, нет никаких оснований считать, что об этом стало известно в Москве»[580]. Однако всё обстоит как раз наоборот, именно в последние месяцы жизни

Врангель и задумался о том, чтобы взять зарубежный «активизм» в свои руки.

В июле 1927 года по его поручению П. Н. Шатилов разработал подробный проект организации, которая занялась бы активной работой против СССР. Проект включал в себя «непрекращающиеся политические акции в отношении виднейших вождей нынешнего правительства», «нащупывание активных контрреволюционных элементов и образование среди них национальных ячеек», «искание связей с постоянным составом красной армии»[581], «установление ячеек в рабочей среде и связь с районами крестьянских восстаний» и «создание более крупных контрреволюционных центров с филиалами на местах»[582]. Причем кутеповские кадры и связи никакого отношения ко всему этому уже не имели, Врангель решил, что «работа в России должна начинаться с самого начала». Годовой бюджет организации оценили в 600 тысяч франков[583]. Так что вполне вероятно, что именно решение самому заняться «активизмом» и определило дальнейшую судьбу Петра Николаевича, поскольку его смерть в апреле 1928 года в возрасте 49 лет оказалась для всей русской эмиграции совершенно неожиданной и повергла ее в состояние шока. И хотя след ОГПУ в устранении Врангеля четко не прослеживался, многие современники барона (в частности, его родные) были убеждены в том, что его отравил брат денщика, который приехал из СССР и прогостил у Врангелей ровно день.

Но вернемся к Кутепову. Мысли об отходе от деятельности после разоблачения «Треста» у него действительно были (он всерьез собирался освоить столярное ремесло и работать в мастерской), но после того как великий князь Николай Николаевич не принял отставку, генерал все же переборол себя и продолжал отстаивать свою правду. Он даже нашел в себе силы выглядеть спокойно, что отметил в своем дневнике А. А. Лампе: «Сам Кутепов делает вид, что ничего особенного не произошло и что это неизбежно связанное с его работой недоразумение»[584]. Аргументы в свою пользу Александр Павлович сумел подобрать действительно серьезные: как раз в 1927 году обстановка вокруг Советского Союза накалилась до чрезвычайности, Великобритания разорвала с Москвой дипломатические отношения, всерьез обсуждался план военной интервенции в СССР, в которой должны были бы также принять участие Польша, Финляндия, Румыния и Прибалтийские страны, близилась первая «круглая» дата революции — десять лет. На этом фоне, по мысли Кутепова, следовало не сворачивать деятельность, а усилить ее, дав понять большевикам, что никакие «Тресты» не остановят

борцов за Белую идею.

Кутепова услышали. В рамках РОВС было санкционировано создание Союза национальных террористов (СНТ) — боевиков, которые забрасывались в СССР уже не только с разведывательными целями, как раньше, но и для организации терактов. Причем в СНТ был принят и Стауниц-Опперпут, которому Кутепов почему-то поверил безоговорочно. Планы, составленные Стауницем, предусматривали активное использование бактериологического оружия, акты пиратства против советских судов, разрушение хлебных элеваторов и другие прожекты. Но летом 1927 года удалось осуществить всего две террористические атаки: в ночь на 3 июня Мария Захарченко-Шульц, Юрий Петерс и Стауниц-Опперпут попытались взорвать жилой дом ОГПУ по адресу: Малая Лубянка, 3/6, а 6 июня Виктор Ларионов, Дмитрий Мономахов и Сергей Соловьев забросали гранатами партийный клуб в Ленинграде на набережной Мойки, 59, убив одного и ранив 26 человек. Громкого резонанса в стране эти акции не получили, оказавшись в тени убийства советского полпреда в Польше П. Л. Войкова (7 июня). Группе Ларионова удалось уйти, Захарченко-Шульц и Петерс, будучи окружены чекистами на севере Белоруссии, после неравного боя покончили с собой, судьба Стауница-Опперпута точно неясна до сих пор (по официальным данным, он был окружен, «отстреливался из двух маузеров»[585] и погиб в 1927-м; по другой версии — схвачен в 1943-м немцами в оккупированном Киеве как глава советской подпольной сети и казнен). Следующие группы были заброшены в августе 1927 года — тройки под командованием Александра Болмасова и Сергея Соловьева, которые перешли в СССР с территории Финляндии, и тройка Николая Строевого, действовавшая из Латвии. Но их почти сразу задержали пограничники. 24 сентября «кутеповцев» судили в Ленинграде, четверых расстреляли, одного приговорили к десяти годам тюрьмы.

Эти неудачи не смутили Кутепова, и отправка боевиков в СССР продолжилась. Но ставка на теракты, которые всколыхнули бы всю страну (как говорил Кутепов, вызвали бы детонацию), заставили бы людей «опомниться» и взяться за борьбу с большевизмом, не сыграла. «Активисты» гибли один за другим: одни в бою с пограничниками, другие в подвалах Лубянки, третьи стрелялись или взрывали себя последней гранатой, подпустив преследователей поближе. Гибель каждого Кутепов переживал болезненно. Но сам он был убежден в одном: «Я никого не посылаю, и если идут, то идут добровольно, зная, куда и зачем. Но если ты пошел, иди, как подобает солдату»[586].

Интересен отчет, написанный «кутеповцем» Бубновым (он же Каринский, Антон Тарасов и Тверин) в июле 1928 года, по возвращении из второй «ходки» в СССР. Этот отчет характеризует и уровень подготовки кутеповских «активистов», и уровень задач, который перед ними ставился.

«Я понял, что ни в одно из зданий, где происходят партийные собрания, даже нельзя думать попасть без партийного билета. Все это время я искал случая приобрести хоть какой-нибудь партбилет, но безрезультатно. <…> День за днем проходили то в бесплодных скитаниях по улицам, то в попытках следить за отдельными зданиями и учреждениями, то в поисках комнаты для себя лично. Каждая ночь, проведенная в лесу под дождем, немедленно отзывалась на выносливости и здоровье.

<…> Первые две недели я не хотел размениваться на какую-нибудь мелочь и изыскивал только способ, как бы встретить Бухарина[587] или кого-нибудь из крупных. Здание Дома союзов на Большой Дмитровке охранялось чрезвычайными караулами от полка имени Дзержинского при ОГПУ. Торчать там поблизости, поджидая Крыленко (а он один только стоил, чтобы за ним поохотиться), было нельзя — сразу обращали внимание. Можно было наблюдать, замешавшись в толпу в Охотном Ряду, но тогда не успел бы подойти ближе, чтобы бросить бомбу, как на автомобиле они исчезали и проезжали моментально.

Одиннадцатого июня товарищ Луначарский[588] читал лекцию в Экспериментальном театре „о новом человеке“. Билеты мы достали заранее и на лекции присутствовали. Сидели очень далеко, но можно было бы, подойдя ближе, бросить бомбу. Однако с первого же взгляда мне стало ясно, что при взрыве погибнет громадное количество людей, так как на лекции этого шута горохового ходит в большинстве интеллигенция и так называемая мелкобуржуазная среда, а каждая из моих бомб содержит около 270 мелких осколков. Не то чтобы мне стало жаль публики, мягкостью я особой не отличаюсь, но боялся, что впечатление от такого акта получится как раз обратное тому, на которое мы рассчитывали. К тому же Толя — слишком ничтожная величина, хотя и подлая. Будь это Сталин, Бухарин или Менжинский[589] — тогда другое дело. <…> На следующий день продолжали розыски Бухарина. <…> Дело оказалось не так легковыполнимым, как я предполагал, нужна долгая, упорная и тщательная подготовка и гораздо больше людей»[590].

Но еще больший интерес представляют рассуждения Бубнова о том, почему террор в СССР бесперспективен: «Раньше я верил в осуществление такого систематического террора, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос отвечу: „нет,

нецелесообразно“. Разве стоит гибель нужных людей для дела, которое, как видно заранее, не даст желаемых результатов? Одиночными мелкими взрывами, поджогами и т. д. немногочисленными, и еще вопрос, всегда ли удачными, мы ГПУ не устрашим, общественное мнение взволнуем, но к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя. Мое мнение, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для советской власти, и результаты не оправдают потерь»[591].

Итак, даже после разоблачения «Треста» и начала фазы активного террора (лето 1927 года) никакой глобальной угрозы для безопасности СССР «кутеповцы» не представляли, а некоторые из них сами начали сомневаться в целесообразности своей деятельности. Более того, в определенных кругах эмиграции за Кутеповым укрепилась репутация человека, который посылает лучших офицеров на верную смерть. Характерна сценка, описанная Б. А. Штейфоном; когда он попросил у генерала И. Г. Барбовича порекомендовать нескольких офицеров для отправки в СССР, тот сразу же уточнил: «Кому нужны офицеры? Генералу Кутепову или они будут посланы в Совдепию другим лицом?» Узнав, что за акцией стоит не Кутепов, Барбович оживился и сказал, что в таком случае офицеры найдутся. На вопрос Штейфона, почему против Кутепова существует такое предубеждение, ему объяснили: «Потому что у генерала Кутепова следуют провалы за провалами. Среди офицеров существует твердое убеждение, что в „линии“ генерала Кутепова „не все благополучно“»[592].

Кроме того, судя по высказываниям Кутепова, сделанным им в 1920-х годах для прессы и в частных беседах, можно судить о том, что генерал был весьма далек от реальности в своих оценках происходящего в СССР и сильно преувеличивал успехи своей организации. Так, в январе 1925 года в частном письме Кутепов высказывал убеждение, что «положение Совдепии будет ухудшаться с каждым днем, а мы будем приближаться к *нашей России* (выделено автором письма. — *В. Б.*), которую сможем увидеть года через два-три»[593]. В октябре 1926 года Александр Павлович заключал, что «надо ждать еще года два! Коммунизм в России пережил себя, руководители потеряли почву под ногами, поэтому они заметались и ищут выхода»[594]. В июне 1927 года Кутепов оптимистично утверждал: «Советская звезда стала

закатываться, а на далеком горизонте появились признаки нашей родной зари»[595]. А 6 октября 1929 года, встретившись после похорон П. Н. Врангеля в Белграде с Б. А. Штейфоном, Кутепов доверительно сказал ему: «Меня интересует Красная армия, и в ней у меня имеются уже хорошие связи. Я вот поджидаю ответов от красных „главковерхов“ и рассчитываю сделать с ними большое дело»[596]. Нечего и говорить, как все это было далеко от истины.

Но дело было уже не столько в результативности кутеповских боевиков и адекватности восприятия Кутеповым советской действительности, сколько в фигуре самого генерала. После смерти Врангеля (апрель 1928 года) он возглавил Русский Обще-Воинский союз, а после смерти великого князя Николая Николаевича (январь 1929 года), в сущности, стал олицетворять собой Белое дело в его наиболее непримиримом варианте. Зная характер Александра Павловича, можно было не сомневаться, что он будет продолжать свою деятельность, а его имя неизбежно станет знаменем, вокруг которого сплотятся сторонники активной борьбы с советской властью. «Мы боремся не за те или иные партийные идеалы, мы боремся за РОССИЮ, — заявлял Кутепов в речи 23 апреля 1929 года. — На эту борьбу мы зовем всех русских людей, где бы они ни были — на Родине или за рубежом. Мы зовем к ней и тех наших братьев, у которых под красноармейской шинелью не перестало биться русское сердце. У нас один враг — коммунизм, одна цель — благо Великой России!»[597] Было ясно, что складывать оружие генерал не собирается. Поэтому в ОГПУ было принято решение о физическом устранении Кутепова. Когда именно, в точности неизвестно: согласно одним источникам, в середине 1929 года, согласно другим — непосредственным поводом послужила гибель очередной тройки «кутеповцев» (А. А. Анисимова, В. И. Волкова и С. И. Воинова) 10 октября 1929 года. Якобы тогда Сталин потерял терпение и распорядился прекратить деятельность «активистов» раз и навсегда. Как дополнительный фактор угрозы были восприняты добытые в ОГПУ сведения о том, что Кутепову удалось получить более восьми миллионов франков из хранившегося в банке Иокогамы фонда А. В. Колчака. Японский суд постановил передать их бывшему военному агенту (атташе) России в Японии генерал-майору М. П. Подтягину[598], что и было сделано 10 октября 1929 года; подробности передачи Подтягиным Кутепову этих средств неизвестны. Теперь, когда организация Кутепова, до этого существовавшая на не такие уж чтобы щедрые средства Фонда спасения России и подачки меценатов, мгновенно стала супербогатой, она могла

развернуться в полную силу; следовательно, приходилось торопиться.

Существует еще одна любопытная версия причины устранения Кутепова. Она восходит к утверждению А. И. Деникина, что в октябре — ноябре 1927 года Кутепов встречался с тайно приехавшим из Берлина в Париж М. Н. Тухачевским, который собирался привлечь Кутепова к работе троцкистской оппозиции против Сталина; более того, Кутепов якобы представил Тухачевского великому князю Николаю Николаевичу. Но взаимопонимания они не нашли, и Кутепова пришлось убрать, чтобы замести следы этого контакта. Никаких доказательств этому утверждению нет, хотя на Тухачевского Кутепов действительно возлагал определенные надежды, восходящие еще к «трестовским» временам (так, в октябре 1926 года агент ОГПУ Власов сообщал, что в беседе с ним Кутепов «особенный интерес проявлял почему-то к т.[оварищу] Тухачевскому, спрашивал, не может ли он быть привлечен в ряды сторонников национального движения»[599]).

Так или иначе, план по устранению Кутепова был одобрен и запущен в разработку; в ней приняли участие начальник ИНО ОГПУ М. А. Трилиссер, начальник 1-го отделения ИНО Я. И. Серебрянский (Бергман) и заместитель начальника КРО (Контрразведывательного отдела) ОГПУ С. В. Пузицкий[600]. В точности неизвестно, какая именно задача была поставлена перед чекистами — убийство Кутепова или же его похищение и доставка в СССР с последующим показательным процессом и казнью. Вероятнее все же второе, иначе невозможно объяснить, почему ликвидация генерала была обставлена так сложно и «кинематографично». Просто убить Кутепова не представляло никакого труда, а вот разработка его похищения требовала серьезных усилий. Конечно, в таком случае дипломатические отношения между СССР и Францией были бы сильно осложнены, но, как известно, советский НКИД не пасовал в те годы и в куда более серьезных обстоятельствах.

В итоге операцию (на языке спецслужб она именовалась «штучной» или «острой») поручили специальной группе под командованием Якова Исааковича Серебрянского — опытного чекиста с «террористическим» прошлым. Эта группа, созданная, по одним данным, в 1926-м, по другим — в 1929 году, была настолько глубоко засекреченной, что о ее существовании знали только четыре человека, включая Сталина и Менжинского. В подчинении Серебрянского находилось около двадцати оперработников и около шестидесяти агентов-нелегалов, постоянно проживавших в разных странах Европы, владевших

несколькими языками и хорошо «вписанных» в местную реальность. Кроме того, в окружении Кутепова к концу 1920-х годов также находились сотрудники ОГПУ из числа эмигрантов, самым заметным среди которых был бывший военный агент России в Великобритании генерал-майор П. П. Дьяконов[601]. (Распространенное утверждение, что к похищению Кутепова имели отношение бывший министр иностранных дел в правительстве А. В. Колчака С. В. Третьяков и бывший начальник Корниловской ударной дивизии генерал-майор Н. В. Скоблин, не имеет под собой оснований, так как Скоблин был завербован советской разведкой лишь осенью 1930 года, а Третьяков нацелен на работу с РОВС вообще в 1933 году.)

Казалось бы, глава группы, ведущей вооруженную борьбу на территории другой страны, должен был позаботиться о своей безопасности, ведь могло случиться всякое. Тем более что в ноябре 1926-го уже произошло ЧП — тогда из Парижа бесследно исчез ближайший сотрудник Кутепова, генерал-лейтенант Н. А. Монкевиц[602]. Официальная версия гласила, что он, запутавшись в финансовых делах, покончил с собой, неофициальная — что генерал был агентом советской разведки и его попросту вывезли в СССР. Так или иначе, пример Монкевица должен был навести Кутепова на соответствующие мысли. Но все, кто знал генерала в парижский период его жизни, свидетельствуют, что к своей безопасности Александр Павлович относился крайне легкомысленно. Он словно был уверен в том, что с ним, прошедшим три войны и не раз смотревшим смерти в лицо, не может случиться ничего плохого. А возможно, просто давно принял для себя как истину, что смерть рано или поздно найдет его в бою и прятаться от нее русскому офицеру негоже.

Первоначально чекисты планировали просто выманить Кутепова в СССР. Для этого был придуман еще один «Трест» — Внутренняя российская национальная организация (ВРНО), на которую еще в июне 1928 года «вывели» редактора журнала «Борьба за Россию» С. П. Мельгунова[603], состоявшего в тесном общении с начальником канцелярии Кутепова князем С. Е. Трубецким[604]. Надо сказать, что, несмотря на печальный опыт «Треста», Кутепов продолжал внимательно относиться к любым сигналам о существовании в СССР подпольных организаций, видимо, надеясь на то, что все они фиктивными быть не могут. Так, какое-то время он надеялся на сотрудничество с тайной организацией офицеров «своего» лейб-гвардии Преображенского полка, однако полковник Д. Д. Зуев (тот самый, которому было поручено в 1917 году сохранить полковое знамя) на встрече с Кутеповым признался ему, что

организация — выдумка ОГПУ (в июне 1931 года Зуев был расстрелян[605]). А уже незадолго до смерти, 8 или 9 января 1930 года, Кутепов встречался с бежавшими из СССР представителями Союза русской молодежи (СРМ) Соколовым и Богатыревым, заявив: «У меня нет оснований ни доверять вам, ни не доверять вам»[606] (СРМ также был чекистской «игрой», закрытой в 1931 году).

С таким же интересом Александр Павлович отнесся и к ВРНО, решив проверить информацию. С этой целью в октябре 1929 года в Москве побывал Б. А. Штейфон; по-видимому, его доклад удовлетворил Кутепова, так как Штейфон получил от него благодарность. (По другим данным, Штейфон ездил не в Москву, а на Северный Кавказ, где знакомился с деятельностью фиктивной Северо-Кавказской военной организации.) Дальнейший ход событий осложнили два фактора: во-первых, смена руководства ИНО ОГПУ (27 октября Трилиссера сменил С. А. Мессинг) и гибель очередного кутеповского «активиста», капитана П. М. Трофимова. После этого в Москве было решено резко форсировать процесс устранения генерала. «Представители ВРНО» были отправлены в Берлин с заданием добиться от Кутепова согласия на поездку в Москву; одновременно Серебрянский со своими сотрудниками С. В. Пузицким, Р. Л. Эске (И. И. Рачковским) и А. Н. Турыжниковым выехал в Париж, чтобы подготовить вариант похищения Кутепова. Историки спецслужб до сих пор не пришли к единому мнению, были «берлинский» и «парижский» варианты автономными или же согласованными между собой[607].

Семнадцатого января 1930 года Кутепов встретился в Берлине с москвичами А. Н. Поповым (псевдоним Фотограф) и Н. А. де Роберти (псевдоним Клямар), приехавшими якобы в командировку от Наркомата лесной промышленности. Оба визитера во время Гражданской войны были в чине полковника, причем де Роберти служил под началом Кутепова в 1918 году в Новороссийске и тогда же был приговорен к четырем годам арестантских рот за взятки. Уже одно это должно было насторожить Кутепова. «Фотограф» и «Клямар» подтвердили, что состоят в ВРНО, и просили направить в СССР боевиков для подготовки восстания весной текущего года и приехать самому. Гости также настойчиво пытались узнать у Кутепова, правда ли, что ему удалось получить восемь миллионов колчаковских франков. Понятно, что внятного ответа от генерала они не дождались. Тем не менее он довольно подробно рассказал москвичам о своих планах на 1930 год и обещал временно свернуть террористическую деятельность, чтобы не подставлять

ВРНО под удар. На следующий день состоялась еще одна встреча, и на ней де Роберти, дождавшись, когда Попов отойдет, успел сообщить Кутепову, что ВРНО — это очередная провокация чекистов, а на самого Александра Павловича в ближайшем будущем запланировано покушение. При дальнейшем общении с Поповым Кутепов не подал виду, что все знает, и продолжил, по его выражению, «ломать комедию». Закончились переговоры ничем, «берлинский вариант» сорвался. (Де Роберти был расстрелян в 1930 году, Попов — в 1937-м.)

По возвращении в Париж 20 января Кутепов ответил на вопрос своего помощника, поручика М. А. Критского, доволен ли он поездкой:

— Меня хотят опять втянуть в «Трест». Знаю, когда я стану опасен для большевиков, они меня уберут.

«Я давно свыкся с опасностью. Да и что может случиться на улице? Ведь это Париж!»[608] — в эти фразы, сказанные Кутеповым в декабре 1929 года, укладывалось все его отношение к собственной безопасности. Но после возвращения из Берлина он все же обратился в префектуру парижской полиции с просьбой выделить ему охрану. По утверждению автора анонимного письма, поступившего в полицию после похищения Кутепова, «охрану» генералу действительно предоставили, вот только половина ее состояла из агентов ОГПУ, а другая половина из членов Союза русских репатриантов (то есть эмигрантов, собиравшихся возвращаться в СССР). Кроме того, за Кутеповым велась постоянная и почти открытая слежка. По Парижу его часто «вело» желтое частное такси, гостей, приходивших к генералу, фотографировали из близлежащих кафе и бакалейной лавки, а за квартирой следили из расположенного рядом общежития студентов — граждан СССР.

Агенты ОГПУ прекрасно знали расположение квартиры Кутепова. Она размещалась в 7-м аррондисмане (округе) Парижа, на узкой, тихой и довольно мрачной улочке Русселе, на третьем этаже старого жилого дома 26, окнами в сад. Квартира состояла из крохотной прихожей, столовой, она же приемная, маленького кабинета Кутепова и спальни. Там Кутеповы жили с апреля 1924 года (до этого они год снимали квартиру на улице Ришелье, 23бис). Туда они привезли в марте 1925-го новорожденного сына Павлика. Для родителей (Александру Павловичу было 43, Лидии Давыдовне — 37) это было огромное счастье. Но интересы семьи для Кутепова всегда стояли на втором плане — прежде всего для него были его призвание, его долг.

Вечером 24 января к Кутепову зашел генерал от кавалерии П. Н. Шатилов, в прошлом начальник штаба Русской армии

П. Н. Врангеля. «Александра Павловича я нашел в… <…> мрачном, скажу даже, жутком состоянии… <…>, — вспоминал Шатилов. — Ясно было, что результаты поездки в Берлин его угнетали. Я почувствовал это с первых же его слов. Он хорошо понял, что один из тех путей, которым он хотел пользоваться для проникновения в России в среду Красной Армии, оказался, как сам он выразился, вторым „Трестом“. <…> Обнаружение у себя на путях новой провокационной организации, несомненно, сильно повлияло на его состояние»[609]. В этот день Кутепов дважды завел речь о готовящемся на него покушении со служившим во французской полиции русским офицером и с полковником Лепёхиным, который вез его в машине.

В восемь часов утра 25 января у Кутепова побывал с докладом его ближайший помощник полковник А. А. Зайцов. Беседа продолжалась два часа, на 27-е Кутепов назначил Зайцову два доклада, и тот ушел от генерала в убеждении, что Кутепов «был совершенно спокоен и полон веры в будущее»[610]. Позже Кутепова навестили издатель журнала РОВС «Часовой» В. В. Орехов и редактор журнала Е. В. Тарусский. Им генерал сказал:

— Мне стало известно, что на Обще-Воинский союз, в частности, на его председателя, в самом ближайшем будущем будут предприняты отчаянные нападения заграничного ГПУ. Будут пущены все средства. Как известно, в средствах большевики не разбираются, и среди этих средств главную роль будет играть провокация. Мы должны быть готовы к этому натиску… Напишите об этом, предупредите военное зарубежье. В такие минуты, как никогда, нужны выдержка, спокойствие, дисциплина и связь со своими ближайшими начальниками.

Это был последний приказ, который Кутепов отдал в своей жизни.

В тот же день Кутеповы навестили в парижском предместье Бельвю генерала М. И. Репьева, поздравили его жену Татьяну Васильевну с Татьяниным днем. Кутепов разговорился со своим помощником М. А. Критским на тему крестьянского движения в СССР, утверждал, что ему не хватает «крепкого руководящего ядра», спросил у Критского, поедет ли он с ним в Россию руководить крестьянским сопротивлением.

— Да, конечно, — без колебаний согласился Критский.

— Завтра с женой я поеду искать дачу на лето, а в понедельник мы с вами подробно обсудим это. Наметьте план в общих чертах, — попросил генерал.

Закончил день Кутепов на собрании Объединения офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка. Домой его довез таксист

Фортунато — русский офицер, из закрепленной за генералом бригады таксистов-галлиполийцев, в которой числилось 33 человека (они бесплатно возили Кутепова по Парижу и одновременно были его телохранителями). Поблагодарив водителя, Кутепов отменил присылку машины на завтра.

В 10.30 26 января 1930 года Александр Павлович вышел из дома и направился в часовню Союза галлиполийцев на улице Мадемуазель, 81, где должна была пройти панихида по умершему год назад генералу А. В. Каульбарсу. Но в часовне Кутепов не появился. Через некоторое время соратники по РОВС подняли тревогу, семья вызвала полицию, начались поиски. Вскоре стало понятно, что генерал бесследно исчез. 28 января первые публикации о происшедшем разместила русская эмигрантская пресса, 29-го — французская. В статьях утверждалось, что Кутепов похищен агентами советских спецслужб. А уже 30 января журналист газеты «Эко де Пари» Жан Деляж нашел свидетеля, которым оказался Огюст Стеймец, уборщик клиники — тот видел похищение Кутепова. Мало-помалу начала складываться картина произошедшего, которая выглядела примерно так.

До часовни от квартиры Кутепова было 20 минут ходу, но генерал вышел из дому на 40 минут раньше, так как накануне получил некую записку с просьбой о встрече. От кого именно — неизвестно, версий существует множество (например, в фильме «Легенды госбезопасности. Яков Серебрянский», вышедшем в 2016 году, авторство этой записки бездоказательно приписано П. П. Дьяконову). После того как Кутепов вышел на угол улицы де Севр и бульвара Монпарнас, он некоторое время стоял на остановке трамвая, видимо, ожидая того, с кем должен был встретиться. Затем он направился по бульвару Инвалидов, свернул на улицу Удино и вышел на угол улицы Русселе с ее противоположного конца. Что именно заставило генерала обойти свой квартал по кругу — в точности неясно. Возможно, некие «доброжелатели» подсказали ему, что на него подготовлено покушение, лучше не рисковать и вернуться домой.

На углу улиц Удино и Русселе генерал увидел два легковых автомобиля — серо-зеленую «Альфа-Ромео» с номером 4097 AD 3 F и красное такси «Рено». Рядом с машинами стояли двое высоких мужчин лет 40–45, оба в желтых пальто, и человек в форме французского полицейского (на самом деле полицейского поста на этом месте не было, но, как показали свидетели, «постовой» стоял там каждое воскресенье уже на протяжении пяти недель). За несколько минут до прихода Кутепова к «полицейскому» подошла женщина в бежевом пальто и что-то сказала.

Когда Кутепов свернул с улицы Удино на улицу Русселе,

незнакомцы подошли к нему, схватили за руки и после короткой схватки силой втолкнули в «Альфа-Ромео», в которую тут же сел и полицейский. По другой версии, никакой схватки не было: незнакомцы представились полицейскими и предложили проехать в префектуру по важному вопросу. Неважно понимавший и говоривший по-французски генерал не стал вступать в препирательства и, не подозревая ничего плохого, спокойно уселся в автомобиль. Обе машины сорвались с места, выехали на улицу Удино и помчались по направлению к бульвару Инвалидов. Некоторое время Кутепов думал, что недоразумение разъяснится (ведь в машине ехал полицейский в форме), но когда автомобиль миновал префектуру полиции, генерал понял, что он в ловушке, и оказал похитителям яростное сопротивление. Те вступили в схватку и накинули на рот Кутепова платок, пропитанный хлороформом. Несколько парижан стали свидетелями этой борьбы. Так, когда в 11.10 на мосту Альма машины попали в затор и выскочивший из «Альфа-Ромео» полицейский стал энергично прокладывать им дорогу, свидетельница по фамилии Флотт увидела, что в машине сидит бородатый мужчина «с закрытыми глазами и лицом цвета воска, а его рот был прикрыт платком»[611]. В ответ на вопрос, что с пассажиром, полицейский ответил, что это жертва дорожного происшествия, которую везут в больницу, а пока дают эфир для обезболивания. Та же сцена повторилась спустя пять минут: другой свидетель увидел, как один из сидевших в машине людей снял с лица бородатого человека тряпку и передал ее полицейскому, который смочил ее из бутылки и снова положил на лицо пассажира. Свидетель спросил, в чем дело, и полицейский на чистом французском пояснил, что это жертва аварии на площади Эколь Милитэр, ему перебило обе ноги и ему дают эфир, чтобы облегчить страдания.

Дальнейшие события могли развиваться по двум сценариям. Поскольку к единому мнению историки не пришли, приведем здесь обе версии в максимально реконструированном виде.

Версия первая. Усыпленного хлороформом Кутепова вывезли из Парижа в северном направлении. Между 16 и 17 часами машины выехали на нормандское побережье в районе курортного городка Кабур. Из первого автомобиля вышел высокий мужчина с военной выправкой, затем второй, постарше, и полицейский; из второй машины — коренастый молодой человек с запачканным лицом и молодая брюнетка в бежевом пальто. Совместно они достали из первой машины «тело мужчины, одетого в темный костюм, вся верхняя часть которого, включая голову, завернута в шаль или одеяло коричневого

цвета»[612]. Женщина и полицейский уехали, а мужчины погрузили тело в спрятанную в бухте моторную лодку, сели туда сами и направились к горизонту, где виднелся силуэт парохода (как выяснилось позже — советского «Спартака», который 25 января вышел из Гавра, 27-го был в Антверпене, а затем ушел в Ленинград). По другой версии той же сцены, в лодку сели трое мужчин и женщина в бежевом пальто, а лжеполицейский и оба водителя уехали.

Однако сердце Кутепова не выдержало чрезмерной дозы наркотика, и он скончался на борту «Спартака», по пути в Ленинград. Его тело было привезено в Москву и кремировано в присутствии высших чинов ОГПУ, включая Г. Г. Ягоду[613], причем до этого был составлен подробный протокол с описанием тела и особых примет Кутепова.

Существует вариант той же версии, согласно которой Кутепова вывезли в Марсель и умер он на пароходе в Черном море, в ста милях от Новороссийска. Именно эта версия была озвучена в советской газете «Неделя» в 1989 году, и это была первая публикация о гибели генерала в СССР. Под ней стояла подпись «Л. Михайлов». В научной литературе не раз высказывалось предположение, что это был псевдоним ныне известного журналиста, писателя и телеведущего Л. М. Млечина. В беседе с автором этих строк Л. М. Млечин подтвердил это предположение, а в 2017 году подтвердил его и на страницах книги «Плевицкая», изданной в серии «ЖЗЛ»[614]. Однако все же сомнительно, что похитители везли Кутепова через всю Францию на юг, в большой порт, тогда как относительно недалеко от Парижа есть нормандское побережье со множеством пустынных мест.

Так или иначе, Кутепов действительно вполне мог погибнуть от действия хлороформа, причем не на пароходе, а значительно раньше. Хлороформ действует очень быстро: через 10–12 минут подачи 3–4-процентного раствора наркотика наступает передозировка, а если после этого не прекратить подачу, то остановка сердца. Вряд ли Кутепова собирались убивать, цель состояла не в этом. Похитители скорее всего просто плохо разбирались в действии хлороформа (иначе не смачивали бы тряпку вторично) и/или не знали о том, что организм Кутепова не переносит наркоза. Автор наиболее обстоятельных на данный момент исследований на тему противоборства РОВС и ОГПУ В. И. Голдин пишет, что «из-за тяжелого фронтового ранения в грудь… <…> организм не мог вынести анестезии»[615], однако, как мы помним, на Великой войне Кутепов не получал ранений в грудь, он был ранен в ногу, пятку и пах. А вот отрицательная

реакция на наркоз у него действительно была. Сохранились воспоминания о том, как Александр Павлович навещал супругу в больнице сразу после перенесенной ею операции и как ему стало плохо от запаха хлороформа. Так что «ранение в грудь» даже не требовалось. При таком раскладе Кутепов мог умереть в машине около 11 часов 10 минут 26 января, и на борт судна в таком случае доставили уже его труп.

Версия вторая. В машине Кутепов оказал сильное сопротивление и уже почти одолел одного из похитителей, но лжеполицейский — французский коммунист Онель, — увидев, что ситуация выходит из-под контроля, убил генерала ударом ножа в спину. После этого тело отвезли в гараж, расположенный в небольшом городке Леваллуа-Перре, что рядом с Парижем, обыскали, бросили в яму и залили ее цементом (вариант: растворили тело в концентрированной кислоте). Сейчас на этом месте стоят многоэтажные жилые дома. Эту историю перед своей смертью в 1978 году брат Онеля Морис рассказал французскому журналисту Жану Элленстайну.

Существуют также свидетельства очевидцев, якобы видевших Кутепова в СССР. Так, супруга внука генерала И. В. Кутепова сообщила автору этих строк о некоем человеке, который узнал Александра Павловича в коридоре Лубянки и потом рассказал об этом его сыну. Но, увы, никаких данных, подтверждающих, что генерал был вывезен в СССР живым, не существует. Так или иначе, Кутепов пал в неравном бою — последнем бою своей Гражданской войны. Пал, как тысячи ее безвестных участников — в окружении, без могилы, надгробного камня, прощальных слов над гробом. В бою за РОССИЮ, которую он любил больше собственной жизни.

Кто именно участвовал в похищении Кутепова?

Этот вопрос все еще остается дискуссионным, так как все связанные с делом материалы, хранящиеся в российских ведомственных архивах, по сей день недоступны для исследователей. Но путем изучения многочисленных открытых источников, зачастую противоречащих друг другу, можно все же со значительной долей уверенности назвать имена этих людей. В серо-зеленом «Альфа-Ромео» ехали Яков Исаакович Серебрянский, Сергей Васильевич Пузицкий, французский коммунист Онель и французский водитель по имени Жильбер. В такси «Рено» ехали, по одной версии, атташе по культуре советского полпредства во Франции Владимир Борисович Янович (он же Захар Ильич Волович и Захар Михайлович Якович), его жена Александра Иосифовна и водитель Николай Иванович Демиденко; по другой версии — Демиденко, члены группы Я. И. Серебрянского Руперт

Людвигович Эске (он же Иван Иванович Рачковский) и Андрей Николаевич Турыжников. Среди лиц, причастных к похищению и обеспечивавших операцию, упоминаются также второй секретарь полпредства Лев Борисович Гельфанд, агенты ОГПУ Ролан Аббиа, Андрей Фехнер и Эфраим Гольденштейн.

Судьбы этих людей сложились по-разному. Несмотря на то что цель операции — вывоз Кутепова в СССР и публичный процесс над ним — не была достигнута, ее руководитель Я. И. Серебрянский 30 марта 1930 года был награжден орденом Красного Знамени с формулировкой «за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества, за исключительную отвагу в борьбе с контрреволюцией»[616]. В ноябре 1938 года старший майор госбезопасности Серебрянский был арестован и в июле 1941 года приговорен к расстрелу, однако уже в августе освобожден, амнистирован и в конце Великой Отечественной войны получил звание полковника. После смерти Сталина был вновь арестован и в марте 1956 года умер во время допроса. Водитель «Рено» Николай Демиденко умер от болезни в июне 1934 года. Четверых участников похищения расстреляли в конце 1930-х годов: комиссара госбезопасности 3-го ранга Сергея Пузицкого в июне 1937-го, старшего майора госбезопасности Владимира Яновича (Захара Воловича, Захара Яковича) — в августе 1937-го, Эфраима Гольденштейна — в январе 1938-го, лейтенанта госбезопасности Андрея Турыжникова — в марте 1939-го. Руперт Эске также был расстрелян, но когда именно — неизвестно. Лев Гельфанд покинул Францию через два дня после похищения Кутепова; в 1940 году он стал «невозвращенцем», успешно занимался бизнесом и умер в США под фамилией Мур. Ролан Аббиа умер в СССР в 1970 году в звании капитана госбезопасности под фамилией Правдин. Судьба Андрея Фехнера в точности неясна, но, по некоторым данным, он стал одним из первых в ОГПУ «невозвращенцев» и скрылся в Южной Америке. Также неизвестно, как закончила свои дни Александра Янович, «женщина в бежевом пальто», одна из опытнейших советских агентесс 1930-х годов, с легкостью перевоплощавшаяся то в венгерскую графиню, то во вдову чехословацкого бизнесмена, то в знатную иранку.

И несколько слов еще об одном «участнике» похищения Кутепова — пароходе «Спартак» (поскольку атрибуция этого судна, сделанная Л. М. Млечиным в книге «Плевицкая», увы, ошибочна[617]). Речь идет, конечно же, не о речном колесном «Спартаке», снимавшемся в фильме «Жестокий романс», а о морском грузовом пароходе, который был построен в германском Ростоке в 1909 году и изначально ходил под названиями

«Маргарита Гельпке» *(Margarete Gelpcke)* и «Герда Вит» *(Gerda Vith)*. В октябре 1915 года он был задержан в Ботническом заливе русской подводной лодкой «Аллигатор» и в январе 1916 года включен в состав Балтийского флота как транспорт. С августа 1918 года носил название «Спартак». До 1939 года судно базировалось в Ленинграде, затем было переведено на Северное море, а в 1969 году сдано на слом в Мурманске[618].

Итак, Кутепов бесследно исчез. Русская эмиграция негодовала, возле советского полпредства в Париже собирались разъяренные демонстрации протеста, пресса требовала разрыва дипломатических отношений. Но ссориться с СССР всерьез из-за пропавшего белого генерала Франция не собиралась. Советские же «Известия» 3 февраля 1930 года опубликовали издевательскую заметку о том, что «нелепая история в излюбленном бульварном, детективном жанре» была сочинена самими эмигрантами затем, чтобы вызвать в Европе всплеск ненависти к СССР, между тем как Кутепов… похитил деньги РОВС и бежал в Южную Америку. Следствие, запутанное многочисленными ложными следами, понемногу зашло в тупик за недостатком улик и в 1938 году было официально прекращено.

Возглавивший РОВС после Кутепова генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер повторил судьбу своего предшественника. 22 сентября 1937 года он был похищен в Париже агентами НКВД при непосредственном участии бывшего командира Корниловской ударной дивизии генерал-майора Н. В. Скоблина[619], усыплен хлороформом, грузовым автомобилем доставлен в Гавр и на пароходе «Мария Ульянова» вывезен в СССР, где содержался в тюрьме под именем Петра Васильевича Иванова. 11 мая 1939 года 71-летний Миллер был расстрелян. В скобках отметим, что организатор его похищения С. М. Шпигельглаз получил более высокую награду, чем семью годами ранее Я. И. Серебрянский за похищение Кутепова, — орден Ленина.

Несмотря на то что Кутепова не удалось сделать главной фигурой громкого публичного процесса, цель, которую ставило советское руководство, санкционируя похищение, была достигнута, поскольку с исчезновением Александра Павловича постепенно сошла на нет и деятельность его боевой организации. Причина состояла в том, что все ее связи и наработки, как мнимые, так и подлинные, Кутепов унес с собой в могилу. Генерал от кавалерии А. М. Драгомиров возглавил организацию, по свидетельству Е. К. Миллера, «только по чувству долга, предупредив меня, что он совсем не сведущ в такой работе»[620]. Последние кутеповские боевики — М. Занфиров, Ю. П. Поляков,

Я. Л. Огарёв, А. А. Потехин, Д. Ф. Потто — погибли во время «ходок» уже в начале 1930-х годов. Впрочем, некоторым была суждена долгая жизнь: так, капитан В. В. Бастамов был выдан СССР Финляндией в 1945 году, получил 20 лет лагерей, а в 1956 году вернулся в Финляндию; капитан В. А. Ларионов умер в 1988 году в ФРГ. В дальнейшем РОВС неоднократно предпринимал попытки реанимировать идею Кутепова и возобновить активную боевую работу в СССР, но непосредственно к Александру Павловичу это отношения уже не имело.

В честь генерала была названа созданная в 1938 году в Софии «рота молодой смены имени генерала Кутепова» в составе НОРР (Национальной организации русских разведчиков). Чины роты (около 160 человек) носили на гимнастерках погоны с шифровкой «АК», то есть Александр Кутепов.

Гигантскими денежными средствами, полученными Кутеповым из Японии незадолго до его гибели, РОВС распоряжался недолго. Почти все они были вложены в «спичечную империю» шведского фабриканта Ивара Крегера, однако в марте 1932 года его бизнес, считавшийся одним из самых надежных и известных в Европе, рухнул, а сам он был найден мертвым. Шведская экономика понесла колоссальный ущерб (по мнению советского полпреда в Швеции А. М. Коллонтай, крах Крегера «выбивает Швецию из положения первой из руководящих стран мировой финансовой арены»[621]), а РОВС в одночасье потерял семь миллионов франков. По некоторым данным, за этой операцией тоже стояла советская разведка, вернее, представитель Крегера в Париже В. П. Багговут-Коломийцев.

После исчезновения мужа Лидия Давыдовна Кутепова с сыном Павлом попыталась обосноваться в Риге, где жили ее отец и незамужняя сестра. Какое-то время правительство Латвии не давало на это согласия из-за «политически неудобной» фамилии вдовы генерала, но затем разрешение все же было дано. Лидия Давыдовна с сыном, скорее всего, жила у отца (на 1927 году Давид Кютт проживал в Риге по адресу: 4-я линия Анниньмуйжас, 2, квартира 1) или у сестры Натальи (на улице Маза Смилшу, 26, квартира 4). В 1935 или 1936 году Кутеповы переехали в Югославию, в город Бела-Црква, где существовала большая русская колония (и жила в том числе вдова еще одного знаменитого русского генерала — Н. Н. Духонина). Павел Кутепов поступил в действовавший с 1929 года в Бела-Цркве 1-й Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Там с Павлом произошла удивительная метаморфоза: сын генерала уверовал в то, что его отец жив, находится в СССР, более

того, что он Маршал Советского Союза, для конспирации принявший фамилию Тимошенко. В 1944 году, когда Красная армия подошла к границам Югославии, унтер-офицер 5-го полка Русского охранного корпуса Павел Кутепов перешел линию фронта и двинулся навстречу «своим». В Красной армии он служил переводчиком, но вскоре был арестован и получил 20 лет лагерей. Освободившись по амнистии в 1954 году, он работал переводчиком в Московской патриархии и умер в декабре 1983 года в Москве. Внуки Кутепова, Алексей и Александр, родились на русской земле. Вдова же генерала уже после Второй мировой с большим трудом смогла уехать из Югославии в Париж, где умерла в мае 1959 года.

Не менее драматично сложились судьбы братьев и сестер Кутепова. Полковник Борис Павлович Кутепов, разделивший со старшим братом тяготы Галлиполи, принял участие в Белой борьбе в чине полковника, в эмиграции жил в Германии и Франции; его жена Мария осталась в Ленинграде и была репрессирована в 1931 году. Другой брат Кутепова Сергей до Февральского переворота был чиновником, затем больше полугода служил в Преображенском полку рядовым под командованием брата, в конце 1917 года уехал в Архангельск, где был мобилизован в армию Северо-Западной области рядовым, воевал храбро (по ошибке был посмертно награжден Георгиевским крестом 4-й степени), попал в плен, служил в РККА, после Гражданской работал бухгалтером в Петрограде, но в 1925 году был арестован и сослан на три года, после чего жил в Щегловске. В 1937 году он был снова арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации «по заданию брата». Обвинений Сергей Кутепов не признал и 2 октября 1939 года выбросился из окна здания Управления НКВД по Новосибирской области.

Раиса Кутепова вышла замуж за корнета лейб-гвардии Уланского полка Степана Степановича Митусова, погибшего в Архангельске около 1920 года. Затем она работала машинисткой и счетоводом, в 1921 году перебралась в Петроград и устроилась в Русский музей. Раиса Павловна была одним из первых исследователей быта народа хантов, совершила множество научных экспедиций и оставила по себе у хантов добрую память (в ее честь даже называли детей). В 1930 году ее арестовали как вдову белого офицера и сестру Кутепова и сослали на три года. После освобождения она жила в Кемерове, где заведовала краеведческим музеем. Вторично Раису Павловну арестовали в 1937 году одновременно с братом Сергеем, обвинив ее в том, что она-де «активный член РОВС». 7 декабря 1937 года Раиса

Митусова была приговорена к расстрелу, два дня спустя приговор был приведен в исполнение.

Самая младшая сводная сестра генерала Александра была замужем за офицером-преображенцем Сергеем Григорьевичем Мартыновым. Ее репрессировали в 1931 году, в августе 1938-го повторно арестовали в Уфе, но четыре месяца спустя освободили. Как сложилась ее судьба в дальнейшем, пока установить не удалось.

Символическая могила А. П. Кутепова находится на самом знаменитом «белом» кладбище — Сен-Женевьев-де-Буа. Там же в 1961 году была построена небольшая копия галлиполийского памятника, к тому времени уже разрушенного. Вокруг расположены могилы тех, кто когда-то был готов умереть под кутеповским знаменем, корниловцы и марковцы, дроздовцы и алексеевцы, чины РОВС и их потомки, для которых имя Кутепова по-прежнему свято и вызывает такую же гордость, как век назад. На кенотафе генерала всегда можно увидеть живые цветы.

А вот в родном для генерала Череповце его память пока никак не увековечена. Две мемориальные доски, установленные в городе в 2011 и 2014 годах, были демонтированы, а в установке третьей депутаты горсовета отказали в марте 2017 года.

Формально став преемником Врангеля и великого князя Николая Николаевича в роли главы белой эмиграции, Кутепов тем не менее всегда соперничал с другими его лидерами по количеству посвященных ему публицистических книг, исследований, романов, повестей, статей, да и кинорежиссеры (что парадоксально — советские) не обходили вниманием его фигуру. Думается, объяснений этому два. Первое, лежащее на поверхности: жизнь Кутепова действительно невероятно увлекательна, она «читается» (или «смотрится», кому как угодно) на одном дыхании, как потрясающая книга или фильм, где присутствуют герои и злодеи, предатели и преданные до конца, невероятные препятствия и блестящие победы, чудесные спасения и загадочный открытый финал. И второе объяснение, глубинное. Александр Павлович Кутепов при всех своих плюсах и минусах, свойственных любому живому человеку, от начала до конца был воплощением Чести, Доблести, Долга, наконец, РОССИИ. Именно этот немеркнущий, сильный свет, идущий от фигуры Кутепова, думается, и привлекает к ней все новых и новых исследователей и художников.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Лавр Георгиевич Корнилов — первый командующий Добровольческой армией. 1918 г.

Быховские узники. Цифрой 1 обозначен Л. Г. Корнилов, цифрой 2 — А. И. Деникин, цифрой 9 — С. Л. Марков. Быхов, сентябрь 1917 г.

Новочеркасск, улица Барочная, 39 (ныне улица Орджоникидзе). В этом доме в ноябре 1917 года началась запись в Алексеевскую организацию — будущую Добровольческую армию. Современный вид

Михаил Васильевич Алексеев

Алексей Максимович Каледин

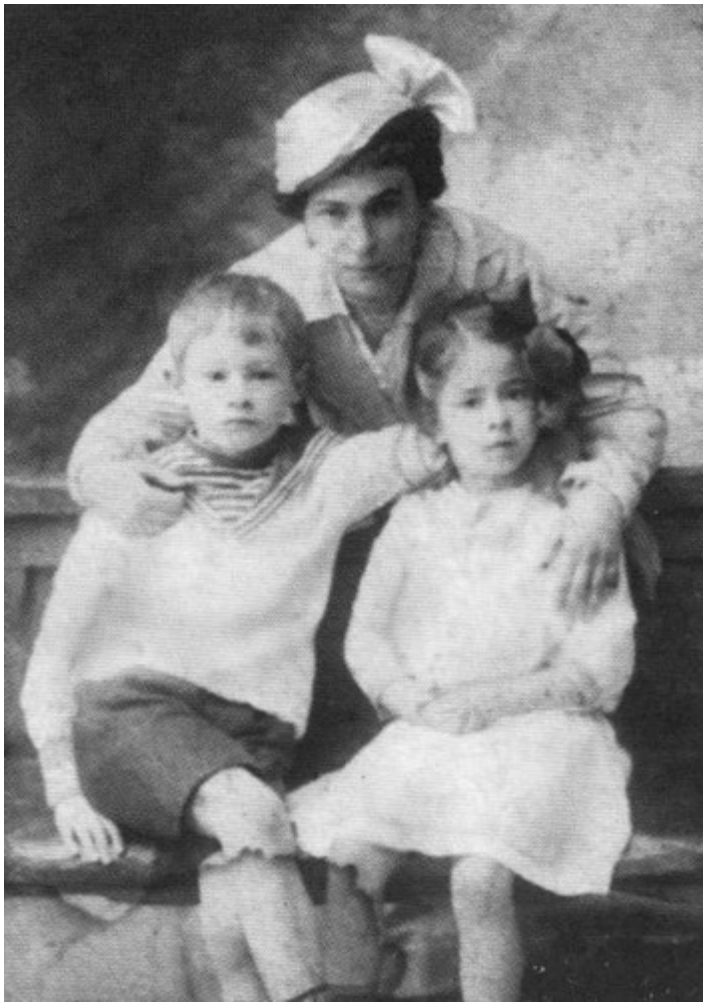
Сергей Леонидович Марков

Ледяной поход. Художник Д. А. Шмарин

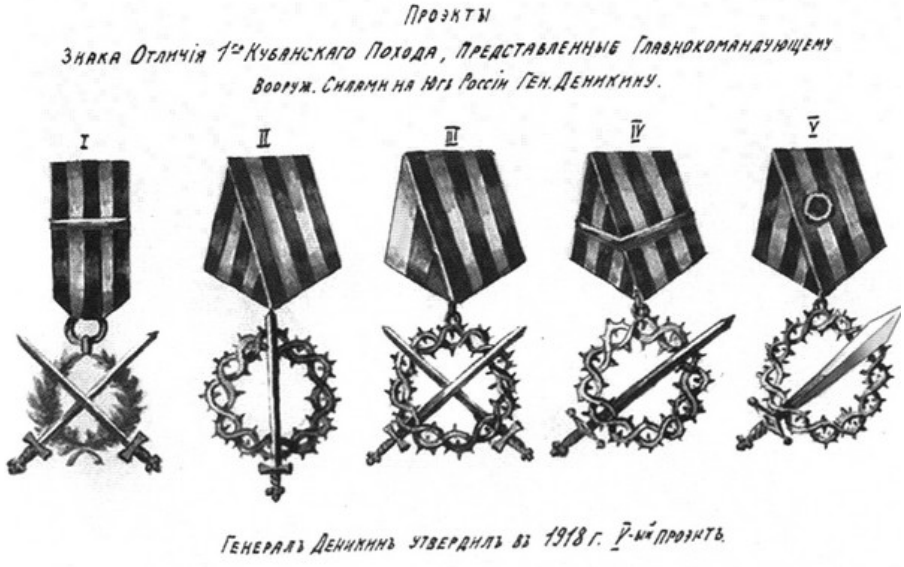
С. Л. Марков после завершения 1-го Кубанского (Ледяного) похода. Май 1918 г.

Марианна Павловна Маркова с детьми Леонидом и Марианной

Карта 1-го Кубанского (Ледяного) похода

Варианты знака отличия «За 1-й Кубанский поход», представленные на рассмотрение А. И. Деникину. Художник К. Н. Николаев. Декабрь 1918 г.

Карта похода отряда М. Г. Дроздовского

Отряд М. Г. Дроздовского идет из Бессарабии на Дон. Март-апрель 1918 г.

Михаил Гордеевич Дроздовский

Медаль «Поход дроздовцев Яссы — Дон» (аверс и реверс). 1919 г.

Герой фильма «Адъютант его превосходительства» Владимир Зенонович Ковалевский (слева) и его прототип Владимир Зенонович Май-Маевский

Экипаж бронепоезда «Иоанн Калита»

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский (второй слева) и начальник 1-й пехотной дивизии генерал-майор Н. С. Тимановский (второй справа) в ходе боя за станцию Лиски. За Май-Маевским — его адъютант капитан П. В. Макаров. Октябрь 1919 г.

Петр Николаевич Врангель

Яков Давыдович Юзефович

Александр Павлович Кутепов

Николай Эмильевич Бредов

Антон Иванович Деникин — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. 1919 г.

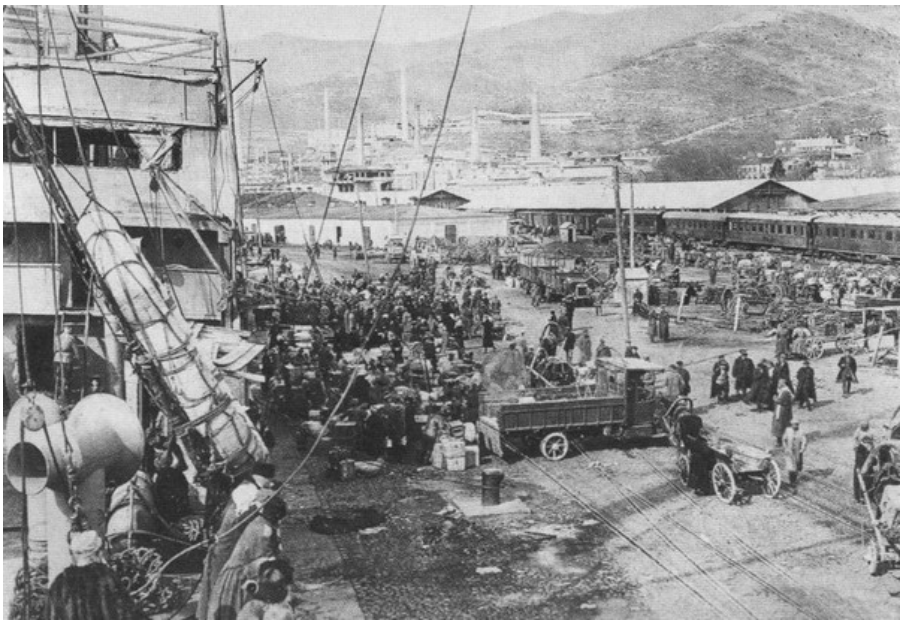
А. П. Кутепов в форме 1-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка и его адъютант в форме 1-го Офицерского генерала Маркова полка. Акварель П. В. Робике

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский (первый слева), командующий Полтавским отрядом генерал-лейтенант Н. Э. Бредов (второй слева) и командир 5-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович (шестой слева) на параде. Киев, сентябрь 1919 г.

Замерзшие казаки генерала Павлова. Художник М. Б. Греков

Порт Новороссийска во время эвакуации. Март 1920 г.

Корабли на рейде Одессы во время эвакуации. Февраль 1920 г.

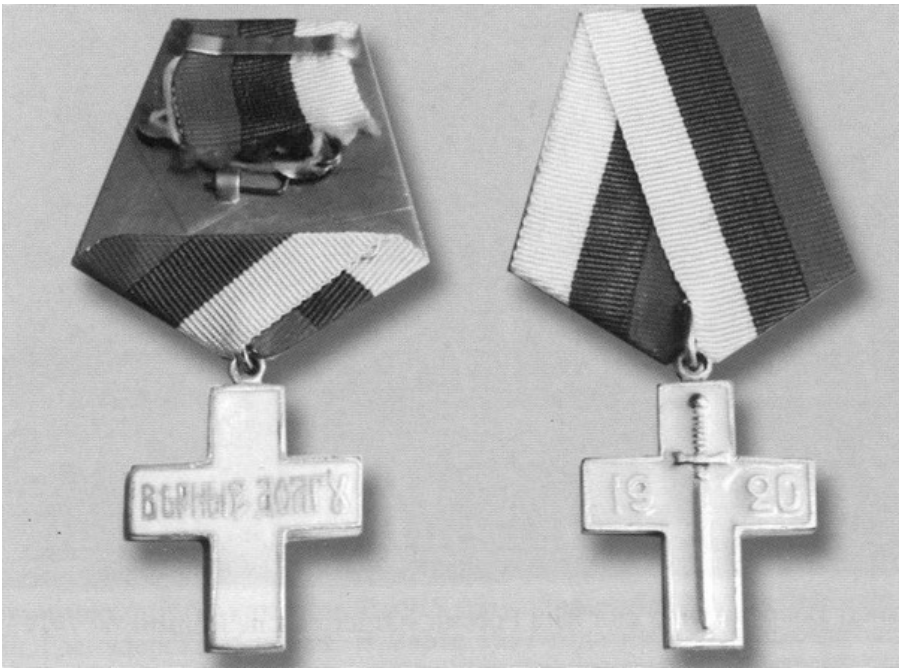
Польский лагерь для военнопленных и интернированных. Март 1920 г.

Николай Эмильевич Бредов

Борис Александрович Штейфон

Крест «За поход отряда генерала Бредова» (аверс и реверс). 1922 г.

Плакат Вооруженных сил Юга России «Отчего вы не в армии?». 1919 г.

Барон Петр Николаевич Врангель — главнокомандующий Русской армией и правитель Юга России. 1920 г.

Летчики Русской армии П. Н. Врангеля у самолета «Де Хэвилленд». Крым, 1920 г.

Переход Красной армии через Сиваш. Художник Н. С. Самокиш

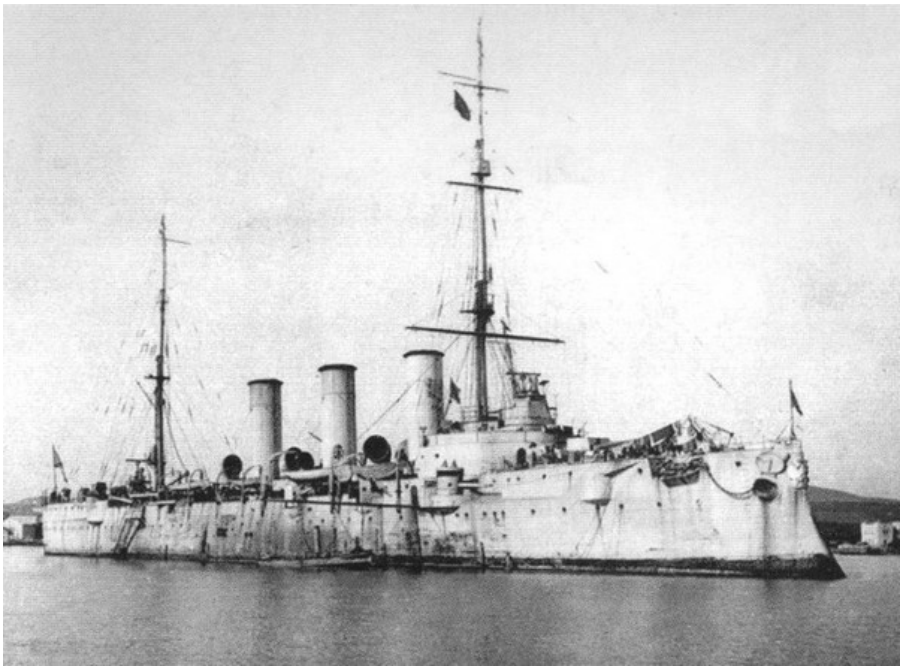

Белые артиллеристы на Перекопе

Один из пяти захваченных красными во время боев на Каховском плацдарме танков — «За Русь Святую» (в

дальнейшем переименован в «Москвич-пролетарий»). 14 октября 1920 г.

Флагманский корабль Белого Черноморского флота — крейсер «Генерал Корнилов» (бывший «Очаков»)

П. Н. Врангель обращается с речью к войскам

Буксир «Голланд» выводит из Стрелецкой бухты Севастополя

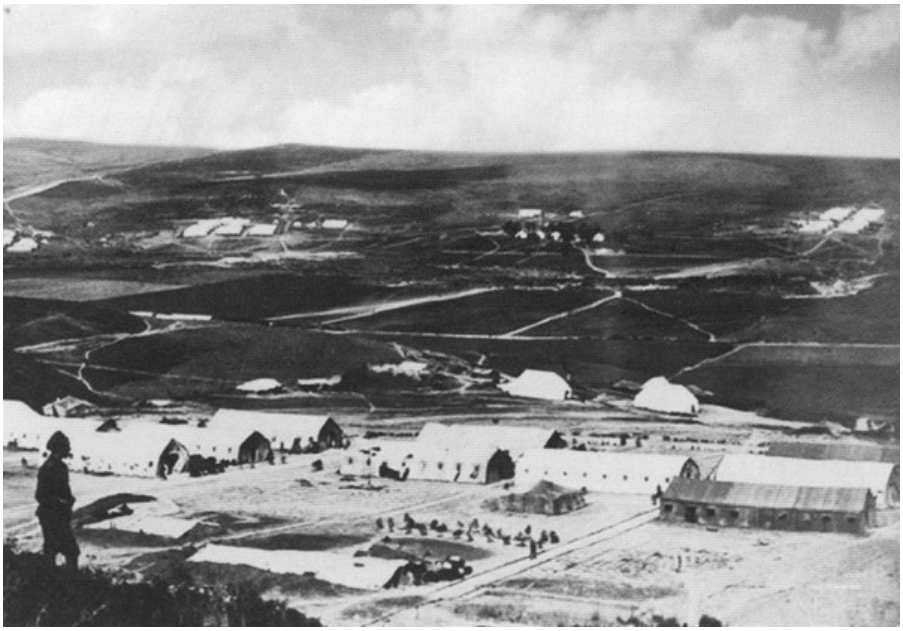
посыльное судно «Днепровец» и эсминец «Гневный». Ноябрь 1920 г.

Крымская эвакуация. На палубе спасательного судна «Черномор». Ноябрь 1920 г.

Орден Святителя Николая Чудотворца 2-й степени (аверс и реверс). 1920 г. Частная коллекция. Фото автора

Галлиполийский лагерь 1-го армейского корпуса Русской армии. 1921 г.

Лагерь русских беженцев на острове Лемнос. 1921 г.

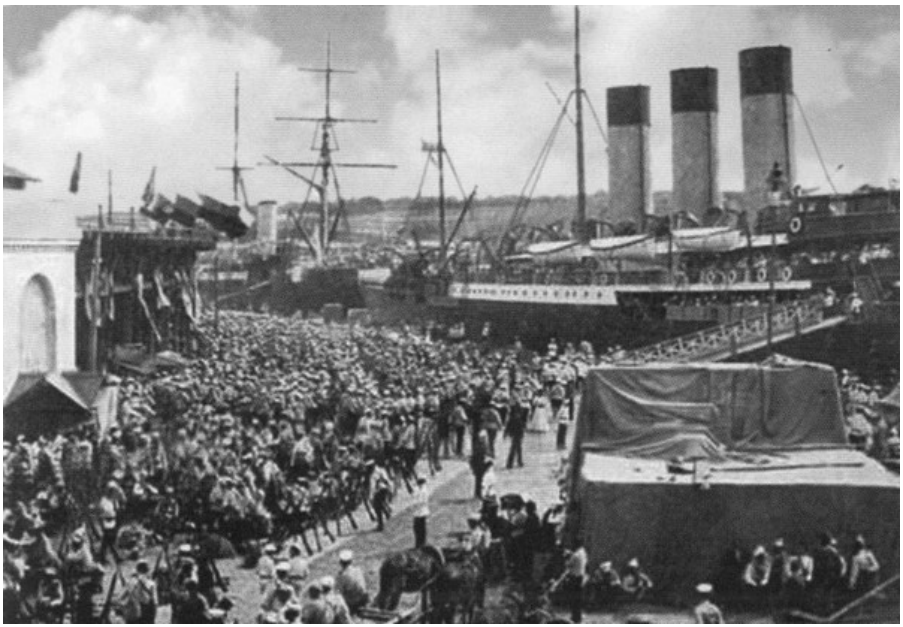
Архиепископ Женевский и Западноевропейский Михаил служит литию на русском кладбище Лемноса. 2016 г. Фото автора

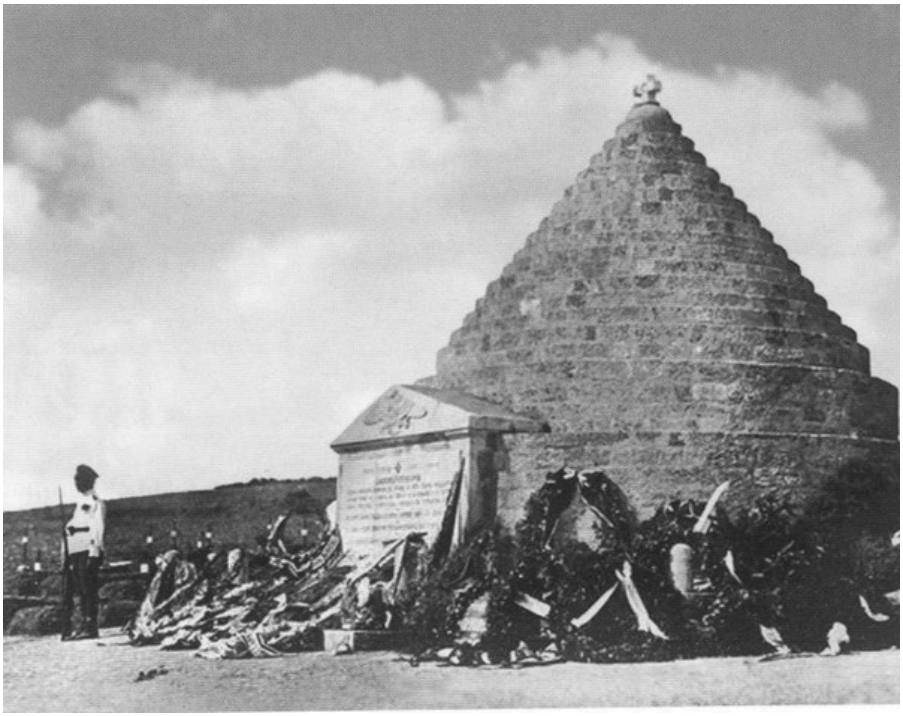
А. П. Кутепов среди галлиполийцев. 1921 г.

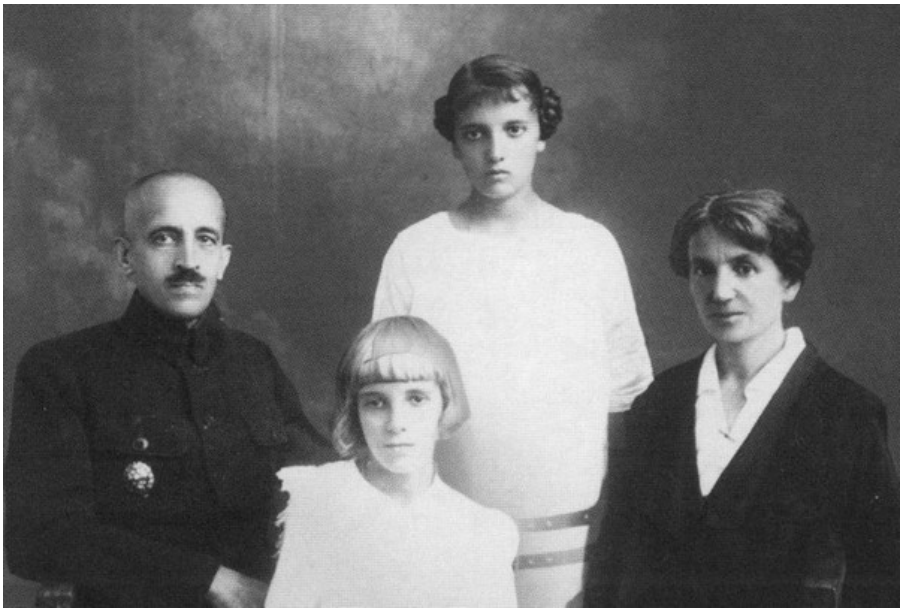
Командный состав 1-го армейского корпуса в Болгарии. В нижнем ряду — генералы А. В. Фок, В. К. Витковский, А. П. Кутепов, Б. А. Штейфон. В верхнем ряду — генералы Н. В. Скоблин, А. В. Туркул, Ф. Э. Бредов. Велико-Тырново, 15 апреля 1922 г.

Русская армия покидает Галлиполи. Погрузка на транспорт «Херсон». 1921 г.

Русский памятник в Галлиполи в день открытия. 16 июля 1921 г.

Николай Эмильевич Бредов с женой Екатериной Павловной и дочерьми Татьяной и Ольгой. Болгария, София, 1924–1925 гг. Из семейного архива потомков Н. Э. Бредова. Публикуется впервые

Николай Эмильевич Бредов в кругу семьи. Болгария, София, 1942–1943 гг. Из семейного архива потомков Н. Э. Бредова. Публикуется впервые

Русский инвалидный дом на Шипке, заведующим которого Н. Э. Бредов был в 1937–1942 годах. Современный вид. Фото автора

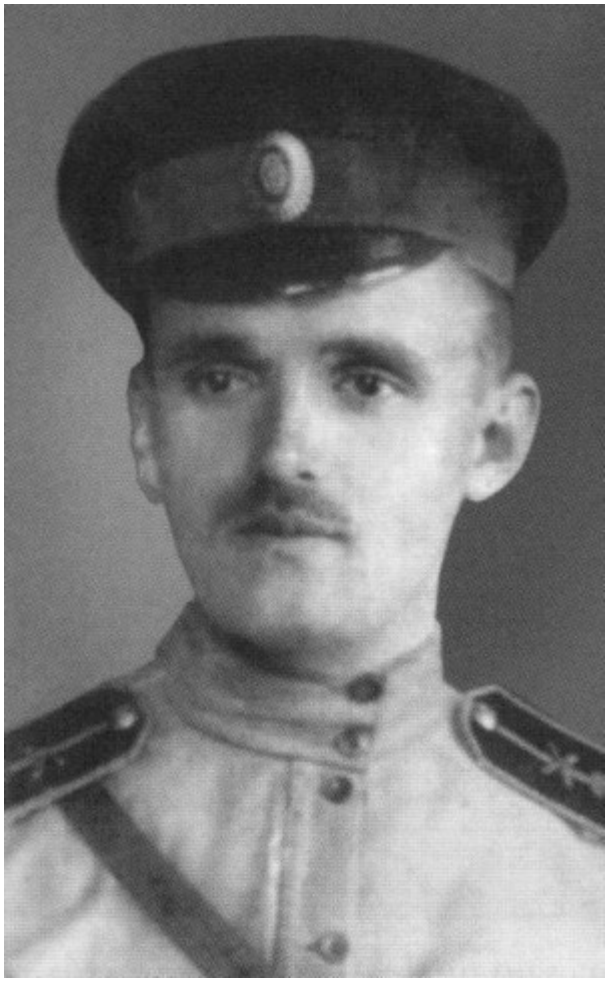

Николай Эмильевич Бредов с зятем А. Д. Макаренко, дочерью Татьяной и внуком Николаем. Одно из последних фото перед

арестом. Болгария, Твердица, 1944 г. Из личного архива потомков Н. Э. Бредова. Публикуется впервые

Великий князь Николай Николаевич

Клавдий Александрович Фосс

Мария Владиславовна Захарченко-Шульц

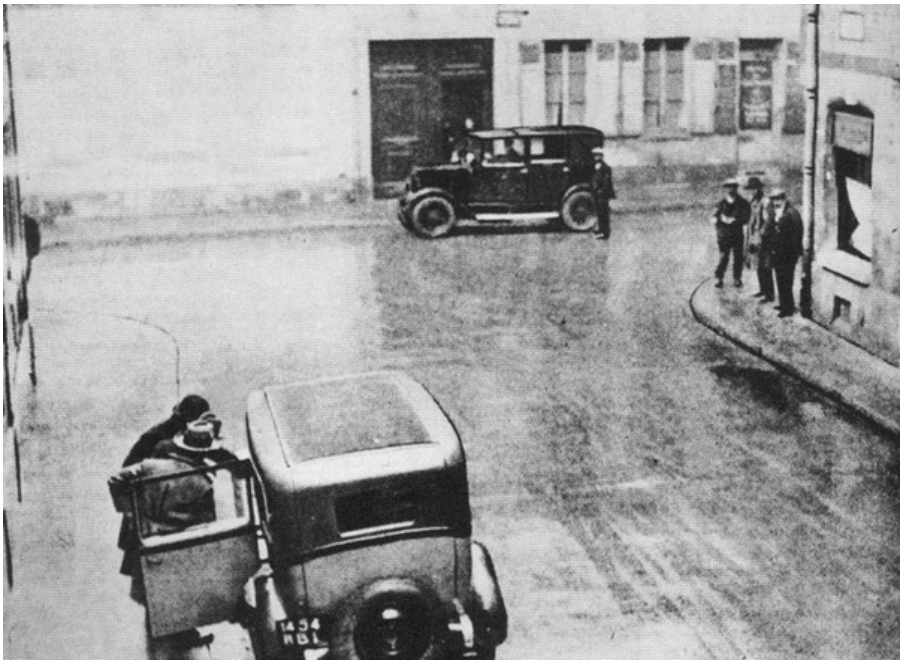
Виктор Александрович Ларионов

Петр Николаевич Врангель. Париж, 1927 г.

Александр Павлович Кутепов. Париж, 1929 г.

Следственный эксперимент на месте похищения А. П. Кутепова, на углу улиц Удино и Русселе. Париж, 1930 г.

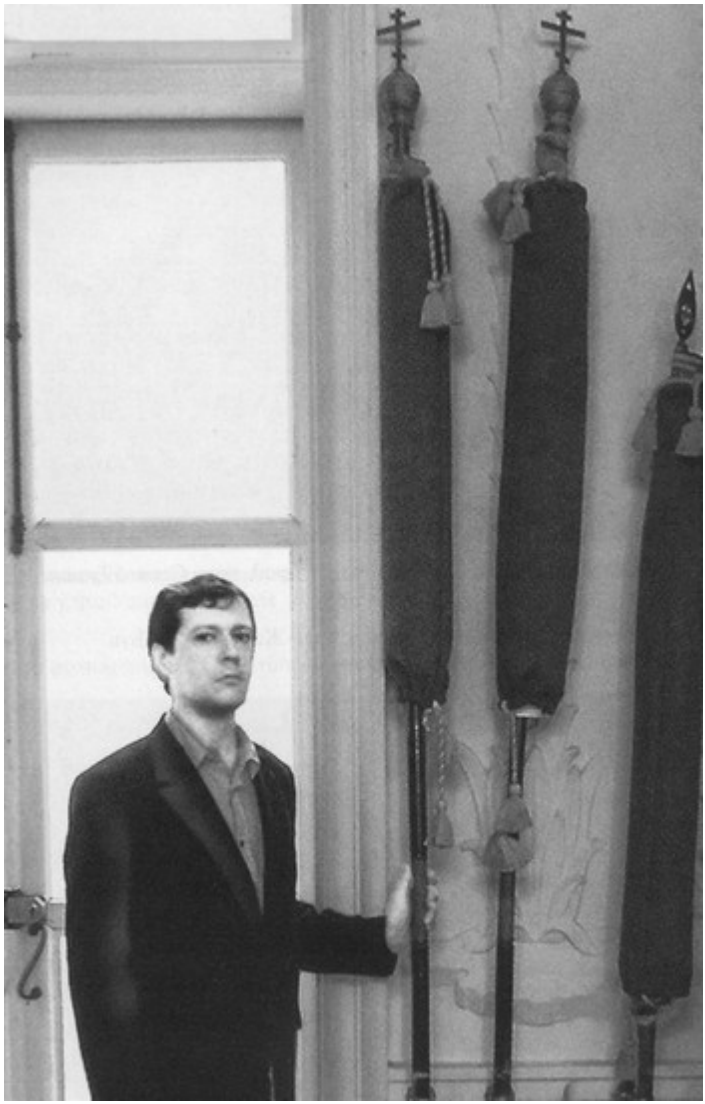
Место похищения А. П. Кутепова в наши дни. Фото автора

Автор книги у могилы П. Н. Врангеля. Белград, храм Святой Троицы

Галлиполийский участок на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Фото автора

Автор книги у орденских знамен Святого Николая офицерских стрелковых генерала Дроздовского полков. Нью-Йорк, Знаменский синодальный собор

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ [622]

***1917**, 2 ноября* — в Новочеркасске началось формирование Алексеевской организации под руководством генерала от инфантерии М. В. Алексеева.

22–23 ноября — прибытие в Новочеркасск «быховцев» — генералов А. И. Деникина, С. Л. Маркова, А. С. Лукомского, И. П. Романовского.

26 ноября — первый бой участников Алексеевской организации с вооруженными силами большевиков.

6 декабря — прибытие в Новочеркасск генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова.

25 декабря — Алексеевская организация переименована в Добровольческую армию. Ее Верховным руководителем назначен М. В. Алексеев, командующим — генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов.

***1918**, 22 февраля* — Добровольческая армия выступила из Ростова-на-Дону в поход, впоследствии получивший название 1-го Кубанского (Ледяного).

11 марта — из Бессарабии на соединение с Добровольческой армией выступила Отдельная бригада Русских добровольцев полковника М. Г. Дроздовского.

13 апреля — во время штурма Екатеринодара погиб Л. Г. Корнилов. Командующим Добровольческой армией становится генерал-лейтенант А. И. Деникин.

8 мая — отряд М. Г. Дроздовского вступил в Новочеркасск.

8 июня — отряд М. Г. Дроздовского соединился с Добровольческой армией.

23 июня — начало 2-го Кубанского похода.

25 июня — гибель у станции Шаблиевка генерал-лейтенанта С. Л. Маркова.

26 июня — созданы первые Марковские части.

4 октября — учрежден знак отличия «За 1-й Кубанский поход».

8 октября — смерть в Екатеринодаре Верховного руководителя Добровольческой армии генерала от инфантерии М. В. Алексеева. А. И. Деникин становится главнокомандующим Добровольческой армией.

20 ноября — завершение 2-го Кубанского похода.

8 декабря — учреждена медаль «Поход Дроздовцев Яссы — Дон».

10 декабря — созданы первые Алексеевские части.

***1919**, 8 января* — в результате слияния Добровольческой и Донской армий образованы Вооруженные силы Юга России (ВСЮР), главнокомандующим которыми становится А. И. Деникин.

14 января — смерть в Екатеринодаре генерал-майора М. Г. Дроздовского.

17 января — созданы первые Дроздовские части.

Январь — май — бои в Донецком бассейне.

Июнь — начало наступления ВСЮР на Украине и в Поволжье.

25 июня — А. И. Деникин объявляет о своем подчинении адмиралу А. В. Колчаку как Верховному правителю России.

16 июля — издана так называемая «Московская директива», предписывающая всем армиям ВСЮР наступление на Москву.

Июль — октябрь — пик успехов ВСЮР: заняты Харьков (7 июля), Екатеринослав (10 июля), Царицын (13 июля), Полтава (16 июля), Одесса (23 августа), Киев (31 августа), Курск (20 сентября), Воронеж (6 октября), Чернигов (10 октября), Орел (13 октября).

Октябрь — ноябрь — мощное контрнаступление Красной армии и начало общего отхода ВСЮР к Одессе и Новороссийску.

***1920**, январь — февраль* — пять попыток Красной армии занять Крым отбиты корпусом генерал-майора Я. А. Слащова.

3–8 февраля — Одесская эвакуация.

12–25 февраля — поход отряда генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова из Бессарабии в Польшу.

3 марта — интернированный в Польше отряд Н. Э. Бредова переименован в Отдельную Русскую Добровольческую армию.

26–27 марта — Новороссийская эвакуация.

3–4 апреля — Военный совет в Севастополе избирает новым главнокомандующим ВСЮР генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля. А. И. Деникин покидает Россию.

11 мая — Вооруженные силы Юга России преобразованы в Русскую армию.

13 мая — учрежден орден Святителя Николая Чудотворца.

Июнь — наступление Русской армии в Северной Таврии.

12 августа — начало передислокации Отдельной Русской Добровольческой армии Н. Э. Бредова из Польши через Румынию в Крым.

Август — октябрь — бои за Каховский плацдарм и Кубанская десантная операция.

30 октября — 3 ноября — последние части Русской армии под

командованием А. П. Кутепова с боями отходят из Северной Таврии в Крым.

8–11 ноября — штурм Перекопских укреплений Красной армией.

11 ноября — начало Крымской эвакуации.

12 ноября — смерть в Севастополе генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского.

14 ноября — последние части Русской армии оставляют Севастополь.

17 ноября — крейсер «Генерал Корнилов» с П. Н. Врангелем на борту уходит из Феодосии в Константинополь.

19 ноября — в 4.20 последний корабль белого Черноморского флота — вооруженный ледокол «Всадник» с 200 пассажирами на борту — уходит от мыса Чауда в Константинополь. Завершение Крымской эвакуации и Гражданской войны на Юге России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф. Р-1886, Р-5827, Р-5881, Р-5913, Р-9116.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): Ф. 400, 407, 409, 2003, 2031, 2067, 2152, 2220, 2575, 2583.

Российский государственный военный архив (РГВА): Ф. 39 576, 39 673, 39 701, 39 751.

Архив УФСБ Российской Федерации по Омской области: Ф. 78.

Сайты

«Белое Дело» (www.beloedelo.ru), «Белая Россия» (belrussia.ги), «Добровольческий корпус» (www.dkl868.ru), «Донские казаки в борьбе с большевиками» (elan-kazak.org), информационное агентство «Белые воины» (www.rusk.ru), «Офицеры Русской Императорской армии» (ria1914.info), «Память чести» (www.white-guard.ru), православное информационное агентство «Русская линия» (www.rusk.ru). «Русская армия в Великой войне» (www.grwar.ru), «Русская народная линия» (www.ruskline.ru), «Web-сайт Андрея Ганина» (orenbkazak.narod.ru), официальный сайт С. В. Волкова (www.swolkow.narod.ru), «Удел Могултая» (www.wirade.ru/forum/)

Периодические издания

«Белая гвардия», «Вестник военных знаний», «Вестник Общества Галлиполийцев в Болгарии», «Вестник общества российских ветеранов Великой войны», «Вестник Первопоходника», «Вестник Русского Обще-Воинского союза», «Военный инвалид», «Военная быль», «Военно-исторический журнал», «Военный сборник», «Возрождение», «Воин», «Галлиполийский вестник», «Исторический журнал», «Кадетская перекличка», «Корниловцы», «Новейшая история России», «Новый исторический вестник», «Первопоходник», «Перекличка», «Родимый край», «Родина», «Русская мысль», «Часовой».

1918 год на Украине. М., 2001.

Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение 1917–1920 гг. Орел, 2005.

Андоленко С. П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010.

Архив русской революции. Кн. 1–11. М., 1991–1993.

Белая Россия: опыт исторической ретроспекции. Материалы международной научной конференции. М., 2002.

Белое дело. Избранные произведения. Кн. 1–14. М., 1992–2003.

Белый архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. Т. 1–2. Париж, 1926.

Бендерев Д. А. Воспоминания о Софийской русской гимназии 1924–1934 гг. София, 2014.

Болгарин И. Я., Северский Г. Л. Адъютант его превосходительства. Под чужим знаменем. Седьмой круг ада. М., 2004.

Бондаренко В. В. Русский некрополь на Шипке. М., 2016.

Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998.

Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996.

Булдаков В. П. Красная Смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Венков А. В. Донское казачество в Гражданской войне. 1918–1920. Ростов н/Д., 1992.

Веркеенко Г. Л., Минаков С. Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993.

Витковский В. К. В борьбе за Россию. Воспоминания. Сан-Франциско, 1963.

Военная интервенция и Гражданская война в России. М., 2009.

Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М., 2002.

Войцеховский С. Л. Трест. Воспоминания и документы. Онтарио, 1974.

Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2003.

Волков С. В. Белое движение в России: организационная

структура. М., 2000.

Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии: опыт мартиролога. Т. 1–2. М., 2012.

Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. 1902–1920. Париж, 1983.

Вооруженные силы на Юге России. Январь — июнь 1919 г. М., 2003.

Врангель П. Н. Воспоминания. 4.1–2. М., 2006.

Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. М., 2002.

Гагкуев Р. Г. Белое движение на юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.

Гаспарян А. С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921–1937 гг. М., 2008.

Генерал А. П. Кутепов. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.

Генерал Кутепов. М., 2009.

Голдин В. И. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М., 2016.

Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, 2010.

Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006.

Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 годах. 4.1–5. Рига, 1937.

Гражданская война в России, 1917–1922: Очерки экономической и политической истории. М., 2011.

Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 2004.

Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002.

Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы. М., 2010.

Гражданская война в СССР. Т. 1–2. М., 1986.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.

Гражданская война на Украине. Т. 1–3. Киев, 1967.

Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015.

Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1–2. М., 2017.

Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М., 1999.

Дерябин А. И., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России 1917–1922. Белые армии. М., 2003.

Дерябин А. И., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России 1917–1922. Красная армия. М., 2003.

Дерябин А. И., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России 1917–1922. Национальные армии. М., 2000.

Дроздовский и дроздовцы. М., 2012.

Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин, 1923.

Душкин В. Н. Забытые. Париж, 1983.

Жуменко В. В. Белая армия. Фотопортреты русских офицеров 1917–1922. Париж, 2007.

За Родину. Сборник очерков и рассказов из жизни и быта Добровольческой армии. Одесса, 1919.

Зайцов А. А. 1918. Очерки из истории русской Гражданской войны. М., 2006.

Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.

Зарождение Добровольческой армии. М., 2001.

Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000.

Иоффе Г. З. Белое дело. М., 1989.

Ипполитов Г. М. Деникин. М., 2006.

Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель… М., 2003.

Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма. М., 2003.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

Какурин Н. Е. Стратегический очерк гражданской войны. М., 1926.

Капустянский А. И. Поход дроздовцев. М., 1993.

Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.

Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003.

Карпов Н. Д. Трагедия белого Крыма. 1920 год. М., 2005.

Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007.

Клавинг В. В. Гражданская война в России. Белые армии. М.,

2003.

Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность по данным к 1 октября 1921 г. М., 1921.

Корляков А. Великий Русский Исход. Париж, 2009.

Корляков А. Русская эмиграция в фотографиях. Франция, 1917–1947. Кн. 1–3. Париж, 1999–2005.

Кравс А. За українську справу. Спомини про III корпус У. Г. А. після переходу за Збруч. Львів, 1937.

Кравченко В. М. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1–2. Мюнхен, 1973–1975.

Красная смута. М., 2011.

Критский М. А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936.

Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006.

Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. М., 2009.

Ларионов В. А. Последние юнкера. М., 1997.

Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Легенда Лубянки — Яков Серебрянский. М., 2011.

Львов Н. Н. Белое движение. Белград, 1924.

Макаров П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. Л., 1927.

Марков и марковцы. М., 2012.

Материалы для истории Корниловского ударного полка. М., 2015.

Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. СПб., 1994.

Машкевич С. В. Два дня из истории Киева. Киев, 2010.

Млечин Л. М. Плевицкая. М., 2017.

Начало гражданской войны. М.; Л., 1926.

Оболенский В. Крым при Врангеле. М.; Л., 1928.

Окороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003.

Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. М., 1995.

От Орла до Новороссийска. М., 2004.

Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 1–2. Париж, 1962–1964.

Пашков П. В. Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917–1922 годов. Париж, 1961.

Первые бои Добровольческой армии. М., 2001.

Первый Кубанский («Ледяной») поход. М., 2001.

Петухов А. Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии. М., 2014.

Половцов П. А. Дни затмения. Париж, 1918.

Последние бои Вооруженных Сил Юга России. М., 2004.

Похищение генерала Кутепова большевиками. Вып. 1–2. Париж, 1930.

Поход на Москву. М., 2004.

Происхождение и начальный этап Гражданской войны. 1918 год. М., 1994.

Против Деникина. Сборник воспоминаний. М., 1969.

Пряншников Б. В. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. М., 2004.

Раковский Г. Н. В стане белых (От Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920.

Раковский Г. Н. Конец белых. От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921.

Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т. 1–5. М., 1926.

Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг. Фотоальбом. М., 2016.

Российское зарубежье во Франции. Биографический словарь. 1919–2000. Т. 1–3. М., 2008–2010.

Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1991.

Рудиченко А. И. Награды и знаки белых армий и правительств. 1917–1922 гг. М., 2008.

Рудиченко А. И. Награды императорской России в годы Гражданской войны. М., 2007.

Русская армия в изгнании. М., 2003.

Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003.

Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. М., 2003.

Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг. Документы и материалы. Т. 1–6. М., 1998–2013.

Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005.

Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания. СПб.,2011.

Русский Исход как результат национальной катастрофы. М., 2011.

Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М., 2002.

Рыбас С. Ю. Генерал Кутепов. М., 2010.

Свириденко Ю. П., Ершов В. Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000.

Свитков Н. Внутренняя линия. Сан-Паулу, 1964.

Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990.

Соколов Б. В. Врангель. М., 2009.

Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999.

Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918–1920 гг. Белград, 1937.

Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 — ноябрь 1920 гг. М., 1997.

Ушаков А. И., Федюк В. П. Корнилов. М., 2006.

Флот в Белой борьбе. М., 2002.

Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.

Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013.

Цветков В. Ж. Белые армии юга России. 1917–1920. М., 2000.

Цветков В. Ж. Генерал Алексеев. М., 2014.

Цветков В. Ж. Правда и вымыслы в истории Белого движения: генерал В. З. Май-Маевский — командующий Добровольческой армией (май — ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917–1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 48–55.

Черныш А. В. На фронтах Великой войны. Воспоминания 1914–1918. М., 2014.

Чистяков К. А. Убить за Россию? Из истории русского эмигрантского «активизма». 1918–1939. М., 2000.

Чичерюкин-Мейнгардт В. Г. По следам дроздовцев… М., 2015.

Чичикалов А. С. Ордена и знаки отличия Белого Движения. М., 2004.

Шмаглит В. Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. М., 2006.

notes

Примечания

1

Душкин В. Н. Забытые. Paris: YMCA-Press, 1983.

2

Алексей Николаевич Душкин (1903–1977) — архитектор и градостроитель, член-корреспондент Академии архитектуры СССР (1950), лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941, 1946, 1949).

3

Строка из «Баллады о Западе и Востоке» Редьярда Киплинга (в переводе В. Бетаки): «Запад есть Запад, Восток есть Восток, им не сойтись никогда». — *Примеч. ред.*

4

Русский Обще-Воинский союз (РОВС) был создан 1 сентября 1924 года генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем и объединил в себе воинские организации и союзы белой эмиграции.

5

См., например: *Ипполитов Г. М.* Деникин. 2000; *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Корнилов. 2006; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. 2006; *Соколов Б. В.* Врангель. 2009; *Бондаренко В. В.* Лавр Корнилов. 2016. — *Примеч. ред.*

6

Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 16 402. Лл. 1–20.

7

Константин Яковлевич Зверев (1821–1890) — русский военный инженер, инженер-генерал (1887). С 1868 года возглавлял работы по переоборудованию фортов Кронштадтской крепости. С 1882 года товарищ генерал-инспектора по инженерной части. — *Примеч. ред.*

8

Там же. Л. 1. См. также: *Бондаренко В. В.* Новое в биографии С. Л. Маркова // http://rusk.ru/st.php?idar=77008.

9

Эмеритальная касса предназначалась для производства дополнительных выплат в области пенсионного обеспечения, средства которой складывались как с процентов их капитала, так и с вычетов из жалованья ее участников. — *Примеч. ред.*

10

Звание портупей-юнкера присваивалось старшим юнкерам, награжденным правом ношения офицерского темляка.

Марков и марковцы. М., 2012. С. 71.

12

Офицеры в возрасте до 28 лет, получающие менее 1200 рублей в год (то есть практически все субалтерн-офицеры) могли жениться с разрешения начальства и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения реверса, принадлежащего офицеру, невесте или обоим. — *Примеч. ред.*

13

Там же. С. 81.

Там же. С. 93.

15

Там же. С. 74.

16

Там же. С. 71.

Там же. С. 17–18.

18

Гиссер Г. Г., Марков С. Л. Военная география России (прикладная часть). Исследование отдельных театров военных действий. СПб.: Типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1909.

19

Георгий Георгиевич Гиссер (1872 — после 1934) — генерал-майор (1915). Выпускник Николаевской академии Генштаба (1899). С 1908 года служил делопроизводителем Главного управления Генштаба (ГУГШ). Во время войны начальник штаба 2-го армейского корпуса (1915–1916), генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии (с ноября 1916 года) и 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с июня 1917 года). С 1918 года в эмиграции в Швеции. — *Примеч. ред.*

20

Гиссер Г. Г., Марков С. Л. Военная география иностранных государств. СПб.: Типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1911.

Бобин, Марков, Менжинский. География внеевропейских стран. Пг., 1915.

С. Л. М. Записки по истории Русской армии. 1856–1891. СПб., 1910.

23

С. Л. М. Еще раз о Сандепу. 1-й Сибирский армейский корпус в боях под Хейгоутаем с 11 по 15 января 1905 года. Из дневника офицера, причисленного к Генеральному штабу. СПб., б/г.

24

Приказы Скобелева в 1877–1878 гг. / Составил и редактировал Генерального штаба капитан Марков. СПб., б/г.

С. Л. М. Памяти М. Д. Скобелева. М., 1912.

26

Григорий Ефимович Янушевский (1861 — после 1934) — генерал-лейтенант (1914). С августа 1914-го по июль 1915 года начальник 19-й пехотной дивизии. В Гражданскую войну служил на Украине и Юге России. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

27

Марков и марковцы… С. 114–115.

28

Дмитрий Константинович Абациев (1857–1936) — генерал-лейтенант (1912). По национальности осетин, из казаков Терской области. С октября 1912 года командовал 2-й Кавказской казачьей дивизией, с июня 1916-го по сентябрь 1917 года — 6-м Кавказским армейским корпусом. В Гражданскую войну — в Белой армии. С 1920 года в эмиграции в Югославии. — *Примеч. ред.*

29

Там же. С. 119.

30

Василий Васильевич Витковский (1856–1924) — генерал-лейтенант (1909). Окончил геодезическое отделение Николаевской академии Генштаба (1885). С 1892 года экстраординарный, с 1900 года — ординарный, с 1907 года — заслуженный ординарный профессор той же академии. С 1918 года добровольно поступил на службу в Красную армию. — *Примеч. ред.*

31

Владимир Николаевич Горбатовский (1851–1924) — генерал от инфантерии (1914). С июня 1915 года командующий 13-й, с августа — 12-й, с марта 1916 года — 6-й, с декабря 1916-го по апрель 1917 года — 10-й армиями. С 1918 года в эмиграции в Эстонии. — *Примеч. ред.*

32

Алексей Ермолаевич Эверт (1857–1918) — генерал от инфантерии (1911), генерал-адъютант (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1882). С 20 августа 1915-го по 11 марта 1917 года главнокомандующий армиями Западного фронта. Расстрелян большевиками. — *Примеч. ред.*

33

Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924, Югославия) — один из лидеров партии октябристов. С марта 1911-го по октябрь 1917 года председатель Государственной думы, в феврале 1917 года председатель Временного комитета Государственной думы. С 1918 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 34.

35

Приказ № 1 объединенного Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был издан 1 марта 1917 года.

Там же.

37

Афанасий Иосифович Ремнев (1889–1919) — прапорщик. В 1918 году командовал 1-м Минским революционным полком, 2-й (Особой) армией Западного фронта. В апреле 1918 года арестован по обвинению в преступлении по должности, затем переведен в психиатрическую лечебницу, откуда бежал. В июле 1919 года вновь арестован и расстрелян. — *Примеч. ред.*

38

Самед Бек Садык Бек Мехмендаров (1855–1931), генерал от артиллерии (1915). С декабря 1914-го по март 1917 года командир 2-го Кавказского армейского корпуса. В 1918 году служил в армии Азербайджанской республики, с 1920 года — в Красной армии. — *Примеч. ред.*

39

Владимир Онуфриевич Бенескул (1863–2 апреля 1917), генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1889). С декабря 1914 года командовал 51-й пехотной дивизией. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 36.

41

Там же.

42

Александр Иванович Гучков (1862–1936, Париж) — один из основателей и с 1906 года председатель ЦК «Союза 17 октября». С 2 марта по 5 мая 1917 года военный и морской министр Временного правительства. С 1919 года представитель генерала А. И. Деникина при странах Антанты. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

43

Дмитрий Николаевич Надёжный (1873–1945) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1901). С мая 1916 года командовал 10-й пехотной дивизией, с 7 апреля 1917 года — 3-м, с 12 октября — 47-м армейскими корпусами. С 1918 года — в Красной армии. — *Примеч. ред.*

44

Яков Давыдович Юзефович (1872–1929) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1899). С 15 апреля 1917 года генерал-квартирмейстер, с 12 мая — 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем. С 15 июня командующий 12-й кавалерийской дивизией, с 7 сентября командир XXVI армейского корпуса. С 9 сентября по 19 ноября командовал 12-й армией. В Гражданскую войну — в Добровольческой армии, командир конного корпуса. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2005. Т. 1. С. 152.

46

Так с февраля 1917 года стала официально именоваться Русская императорская армия. — *Примеч. ред.*

47

«Декларация прав солдата и гражданина» была опубликована 9 мая 1917 года, в соответствии с ней солдаты были полностью уравнены в правах с гражданским населением, в армии разрешена беспрепятственная любая политическая пропаганда, а также провозглашен ряд мер (в том числе «обязательное отдание чести» заменено на «взаимное добровольное приветствие»), окончательно подорвавших дисциплину в армии. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 441.

Ганин А. В. «Всей душой не желаю возвращения кошмарного старого…» Неизвестное письмо генерала С. Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому // https://rg.ru/2016/12/20/rodina-markov.htm, обращение 8.03.2017.

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 1. С. 480.

51

Там же. С. 505–506.

52

Константин Николаевич Хагондоков (1871–1958) — генерал-майор (1915). Происходил из узденей Кабарды. Окончил Николаевскую академию Генштаба (1906). С января 1916 года военный губернатор Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска. В мае — октябре 1917 года командующий войсками Приамурского военного округа и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск. В Гражданскую войну — на Северном Кавказе. С 1920 года в эмиграции во Франции. — *Примеч. ред.*

53

Абрам Михайлович Драгомиров (1868–1955) — генерал от кавалерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1893). С августа 1916 года командующий 5-й армией, с 29 апреля по 1 июня 1917 года главнокомандующий армиями Северного фронта. В Гражданскую войну — на Юге России. С сентября 1919 года главноначальствующий и командующий войсками Киевской области. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 506.

Там же. С. 509.

56

Владислав Наполеонович Клембовский (1860–1921) — генерал от инфантерии (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1885). С 11 марта по 5 апреля 1917 года начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 31 мая по 9 сентября главнокомандующий армиями Северного фронта. В 1918 году вступил в Красную армию. Умер в тюрьме после 14-дневной голодовки. — *Примеч. ред.*

57

Михаил Иванович Орлов (1875–1944) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1902). С 28 июня 1917 года генерал-квартирмейстер штаба армий Западного, с 7 августа — Юго-Западного фронтов. 29 августа арестован. Остался в Советской России. — *Примеч. ред.*

58

Николай Иванович Иорданский (1876–1928) — меньшевик-оборонец. В 1917 году комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте. В 1918–1923 годах в эмиграции. — *Примеч. ред.*

59

Там же. С. 516.

Там же. С. 518.

61

Иван Георгиевич Эрдели (1870–1939) — генерал от кавалерии (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1897). С 30 мая 1917 года командующий 11-й, с 12 июля — Особой армиями. 29 августа 1917 года отстранен от командования и арестован. В Гражданскую войну — в Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции во Франции.

Глеб Максимилианович Ванновский (1862–1943) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1891). С 31 июля 1917 года командующий 1-й армией. 29 августа 1917 года отстранен от командования и арестован. В Гражданскую войну — в Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции.

Владимир Иванович Селивачев (1868–1919) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1894). С 26 июня 1917 года командующий 7-й армией. 29 августа 1917 года отстранен от командования и арестован. С 1918 года — в Красной армии. Умер от тифа.

Евгений Феликсович Эльснер (1867–1930) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1895). С июля 1916 года главный начальник снабжений армий Юго-Западного фронта. 29 августа 1917 года отстранен от командования и арестован. В Гражданскую войну — в Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции в Югославии.

Иван Владимирович Павский (1870–1948) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1896). С октября 1916 года помощник главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта. 29 августа 1917 года отстранен от командования и арестован. В Гражданскую войну — в Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции в Югославии.

Дмитрий Дмитриевич Сергиевский (1867–1920) — генерал-майор (1913). С февраля 1915 года начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта. 29 августа 1917 года отстранен от командования и арестован, как вскоре выяснилось, по ошибке, и был освобожден. В 1918 году вступил в Красную армию.

Войтех Клецанда (1888–1947) — генерал чехословацкой армии. В 1917 году поручик, командир роты Чешской дружины, переводчик при штабе Юго-Западного фронта. 29 августа 1917 года арестован (за ранение солдата 28 августа). В Гражданскую войну воевал в рядах Чехословацкого корпуса. С 1920 года — в чехословацкой армии, командир дивизии.

Последним упомянутым автором офицером был штабс-ротмистр князь Крапоткин, занимавший должность коменданта поезда главнокомандующего армиями фронта. — *Примеч. ред.*

62

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — адвокат, один из основателей и член ЦК Конституционно-демократической партии. В 1907–1917 годах член Государственной думы. В августе 1917 года назначен послом во Франции. С 1918 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

63

Иосиф Сигизмундович Шабловский (1873–1934) — адвокат. В 1917 году комиссар по судебным делам Лифляндии, затем главный военно-морской прокурор. С 28 августа председатель Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. С 1918 года в эмиграции в Латвии. — *Примеч. ред.*

64

Виктор Эдуардович Бетлинг (ум. 1919) — штабс-капитан. В 1917 году офицер юнкерского батальона 2-й Житомирской школы прапорщиков. С ноября 1917 года — в Добровольческой армии. Умер от тифа. — *Примеч. ред.*

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 1. С. 529.

66

Иван Павлович Романовский (1877–1920) — генерал-майор (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1903). С 9 апреля 1917 года и.д. начальника штаба 8-й армии. С 10 июня 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем. 29 августа отстранен от должности и арестован. С ноября 1917 года — в Добровольческой армии. С февраля 1918 года начальник штаба Добровольческой армии, с января 1919-го по март 1920 года — Вооруженных сил Юга России. Убит членом монархической организации. — *Примеч. ред.*

Там же. Т. 2. С. 106.

Гагкуев Р. Г. Семья генерала Маркова // http://rusk.ru/st.php?idar=66644; обращение 8.03.2017.

69

Николай Николаевич Духонин (1876–1917) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1902). С 29 мая 1917 года начальник штаба армий Юго-Западного, с 4 августа — Западного фронтов. С 9 сентября и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего. 1 ноября принял на себя исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего. 20 ноября арестован в Ставке, при конвоировании на вокзал убит толпой солдат и матросов. — *Примеч. ред.*

Там же.

Львов Н. Н. Белое движение. Белград, 1924. С. 5.

72

Сергей Николаевич Рясянский (1886–1976) — полковник. Причислен к Николаевской академии Генштаба (1915), капитан (1917). В Гражданскую войну служил в штабе Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. В Русской армии П. Н. Врангеля командовал бригадой 2-й кавалерийской дивизии. С 1920 года в эмиграции в Югославии, Бельгии и США. — *Примеч. авт.*

Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 35.

74

Николай Васильевич Крыленко (1885–1938) — прапорщик. Член РСДРП (с 1904 года), большевик. С ноября 1917 года нарком — член Комитета по военным и морским делам, с 9 ноября 1917-го до марта 1918 года Верховный главнокомандующий. С мая 1918-го по 1922 год председатель Ревтрибунала (с 1919 года — Верховного ревтрибунала) при ВЦИКе, в 1929–1931 годах прокурор РСФСР, в 1936–1938 годах нарком юстиции СССР. Расстрелян. — *Примеч. ред.*

Марков и марковцы… С. 124.

Там же. С. 125.

77

Алексей Максимович Каледин (1861–1918) — генерал от кавалерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1889). 19 июня 1917 года избран войсковым атаманом Донского казачьего войска. Поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова. Пытался поднять Дон против большевиков, но когда попытка призыва добровольцев потерпела крах, 29 января 1918 года сложил полномочия атамана и застрелился. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 42.

79

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — один из лидеров националистов. В 1907–1917 годах член Государственной думы. В феврале 1917 года член Временного комитета Государственной думы, сыграл важную роль в давлении на Николая II с целью добиться от него отречения. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 года в эмиграции. В декабре 1944 года вывезен органами контрразведки СМЕРШ в СССР и в 1947 году приговорен к 25 годам заключения. В 1956 году освобожден. — *Примеч. ред.*

Шульгин В. В. 1921 год // Континент. 2003. № 118. С. 256–257.

81

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 2. С. 534.

82

Там же.

Спирин А. И. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.) // http://scibook.net/novaya-istoriya/pochemu-proletariat-legko-podavil-pervyie-24481.html; обращение 8.03.2017.

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 1. С. 163.

85

Василий Ефимович Павлов (1895–1989) — подполковник. В Гражданскую войну — на Юге России, командир роты и батальона Офицерского генерала Маркова полка. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 1. Париж, 1962–1964. С. 85.

Ганин А. В. «Всей душой не желаю возвращения кошмарного старого…» Неизвестное письмо генерала С. Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому // https://rg.ru/2016/12/20/rodina-markov.htm; обращение 8.03.2017.

88

Виктор Леонидович Покровский (1889–1922) — генерал-лейтенант (1919). В Первую мировую войну — военный летчик, штабс-капитан. В Гражданскую войну — на Кубани, командир Кубанского правительственного отряда. В марте соединился с Добровольческой армией. С декабря 1919-го по февраль 1920 года командующий Кавказской армией. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 2. С. 541.

Марков и марковцы… С. 146–147.

Там же. С. 166.

Там же. С. 199.

Там же. С. 154–155.

Там же. С. 161.

Там же. С. 187.

Там же. С. 188–189.

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 2. С. 343.

Марков и марковцы… С. 196.

Там же. С. 203.

Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М., 2014. С. 432.

101

Николай Степанович Тимановский (1889–1919) — генерал-лейтенант (1919). С марта 1917 года командир Георгиевского батальона при Ставке Верховного главнокомандующего. С декабря 1917 года — в Добровольческой армии, помощник командира Сводно-офицерского полка, с марта 1918 года начальник штаба 1-й пехотной бригады. С апреля командир Офицерского полка, с октября — бригады, с ноября — 1-й пехотной дивизии. С ноября 1919 года командир Офицерской генерала Маркова дивизии. Умер от тифа. — *Примеч. ред.*

102

Василий Антонович Сергеев (1888–1980) — красный командир. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан, за участие в бунте в 1916 году приговорен к расстрелу. С 1917 года — в Красной гвардии, с 1918 года — в РККА, командир отряда, воевал в составе 1-й Конной армии; позже — полковник.

103

Дмитрий Петрович Жлоба (1887–1938) — красный командир. Член РСДРП(б) с 1917 года. С 1918 года — в Красной армии, командир полка, бригады, «Стальной» дивизии. Расстрелян. — *Примеч ред.*

Сергеев В. А. В богатырском строю // Против Деникина. Сборник воспоминаний. М., 1969. С. 82.

105

Марков и марковцы… С. 214.

Там же. С. 215.

Ларионов В. А. Последние юнкера. М., 1997. С. 91–92.

108

Марков и марковцы… С. 225.

Ларионов В. А. Указ. соч. С. 94.

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 2. С. 557.

111

Александр Александрович Боровский (1875–1939) — генерал-лейтенант (1919). Окончил два класса Николаевской академии Генштаба (1908). Участник Первой мировой войны, командир бригады, генерал-майор (1917). С ноября 1917 года — в Добровольческой армии. В марте — апреле 1918 года командир Офицерского (1-го) полка. Затем командовал дивизией, корпусом, в январе — мае 1919 года — Крымско-Азовской армией. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

112

Николай Николаевич Дорошевич-Никшич (убит в 1918) — полковник. В сентябре — декабре 1917 года командир лейб-гвардии Гренадерского полка. С декабря 1917 года — в Добровольческой армии, служил в Офицерском полку, временно командовал им. С сентября 1918 года командир Сводно-гвардейского полка. Взят в плен красными и убит. — *Примеч. ред.*

113

Марков и марковцы… С. 240.

Гагкуев Р. Г. Семья генерала Маркова // http://rusk.ru/st.php?idar=66644; обращение 8.03.2017.

115

Марков и марковцы… С. 248.

Там же. С. 249.

Ларионов В. А. Указ. соч. С. 94.

Марков и марковцы… С. 261–262.

119

Имеются в виду 3-я пехотная, 2-я пехотная и 1-я конная дивизии. — *Прим. ред.*

Там же. С. 267.

121

Там же. С. 268.

Там же. С. 269.

123

Там же. С. 45.

Там же. С. 272.

https://www.geni.com/people/Марина-Марианна-Павловна-Маркова/6000000054209463862Мб; обращение 8.03.2017.

Толстой А. Н. Хождение по мукам. Л., 1985. С. 330–331.

Дроздовский и дроздовцы. М., 2012. С. 18.

Там же. С. 19.

129

Там же. С. 21.

Александр Ильин Дутов (1879–1921) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1908). В Первую мировую войну войсковой старшина, командир 1-го Оренбургского казачьего полка. С июня 1917 года председатель Всероссийского союза казачьих войск. 5 октября 1917 года избран председателем войскового правительства и войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска. В ноябре выступил против большевиков. Один из руководителей Белого движения в Сибири, с июня 1919 года походный атаман всех казачьих войск, в сентябре-октябре командующий Оренбургской армией, в 1920 году военный генерал-губернатор Сибири. Смертельно ранен агентом ЧК.

Данил Павлович Драценко (1876–1945) — генерал-лейтенант (1920). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1908). В Первую мировую войну и. д. начальника штаба дивизии, командир 153-го пехотного Бакинского полка; генерал-майор (1917). С 1918 года — в Добровольческой армии. В Русской армии в сентябре-октябре 1920 года командующий 2-й армией. С 1920 года в эмиграции.

Павел Николаевич Шатилов (1881–1962) — генерал от кавалерии (1920). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1908). В Первую мировую войну командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1917 года и. д. генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта; генерал-майор (1917). В Гражданскую войну — на Юге России, в 1919 году командир конной дивизии, конного корпуса. В январе — мае 1919-го и декабре 1919-го — январе 1920 года начальник штаба Добровольческой, в мае — декабре 1919 года — Кавказской армий. В июне — ноябре 1920 года помощник главнокомандующего и начальник штаба Русской армии. С 1920 года в эмиграции. В 1930–1934 годах начальник 1-го отдела РОВС. — *Примеч. ред.*

131

Дроздовский и дроздовцы… С. 25.

Там же. С. 26.

133

Там же. С. 27.

Там же. С. 144.

135

Там же. С. 28.

Там же. С. 29.

137

Там же. С. 158.

138

Там же.

139

На армейском жаргоне тех лет «чемодан» — крупнокалиберный снаряд. — *Примеч. авт.*

Там же. С. 159.

141

Там же. С. 520.

Там же. С. 35.

143

Там же. С. 162.

Там же. С. 163–164.

145

Там же. С. 165.

146

Там же.

147

Там же.

Там же. С. 166.

149

Там же. С. 167.

150

Там же.

151

Дмитрий Григорьевич Щербачёв (1857–1932) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1884). С 11 апреля 1917 года помощник Августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта. Официально занимал этот пост до расформирования фронта 28 декабря 1917 года. С 1919 года в эмиграции во Франции; поддерживал связи с Белым движением. — *Примеч. ред.*

152

Сергей Родионович Нилов (1894–1976) — полковник. В Первую мировую войну капитан 61-й артиллерийской бригады. С декабря 1917 года — в отряде М. Г. Дроздовского, затем в Добровольческой армии, в 1920 году командир 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

153

Там же. С. 42.

Там же. С. 168.

155

Семен Григорьевич Рошаль (1896–1917) — большевик. Член РСДРП(б) с 1914 года. В сентябре 1915 года призван в армию, а уже в декабре арестован за революционную деятельность. В 1917 году председатель Кронштадтского горкома РСДРП(б). В декабре 1917 года направлен комиссаром СНК на Румынский фронт для организации фронтового военно-революционного комитета. Арестован военными властями, 8 декабря выдан членам офицерской организации и убит. — *Примеч. ред.*

156

Михаил Николаевич Ползиков (1875–1938) — генерал-майор (1920). Во время Первой мировой войны командир 2-го Сербского отдельного артиллерийского дивизиона, полковник (1917). С ноября 1917 года — в отряде М. Г. Дроздовского, командир легкой батареи. Затем командир Дроздовского артиллерийского дивизиона, бригады. С 1920 года в эмиграции.

Владимир Адольфович Руммель (1888–1920) — подполковник. Во время Гражданской войны — в отряде М. Г. Дроздовского, командир роты, с июня 1918 года — батальона. В январе-октябре 1919 года командир 1-го Дроздовского полка. Умер от тифа.

Леонид Иванович Андреевский (1891–1962) — полковник. В Первую мировую войну капитан 14-го стрелкового полка. С января 1918 года — в отряде М. Г. Дроздовского, командир роты, помощник командира 2-го Дроздовского полка. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

157

7(20) ноября 1917 года Украинская Центральная рада приняла 3-й Универсал, которым было провозглашено создание Украинской Народной Республики в составе федеративной России. В ночь на 9(22) января 1918 года УЦР приняла 4-й Универсал, по которому УНР объявлялась «самостоятельной, независимой, вольной, суверенной державой украинского народа». — *Примеч. ред.*

158

Анатолий Киприянович Кельчевский (1869–1923) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1900). С апреля 1917 года начальник штаба, с 9 сентября — командующий 9-й армией. С января 1918 года инспектор по формированию добровольческих частей на бывшем Румынском фронте. В Гражданскую войну — на Юге России, в 1920-м военный и морской министр Южно-Русского правительства, затем начальник штаба Донского корпуса. В апреле 1920 года отдан Врангелем под суд за сепаратизм и затем выслан за границу. — *Примеч. ред.*

159

Дроздовский и дроздовцы… С. 51.

Там же. С. 54.

161

Георгий Николаевич Гран (1884–1919) — полковник. Участник Первой мировой войны, подполковник. С января 1918 года — в отряде М. Г. Дроздовского, начальник радиотелеграфных частей бригады. — *Примеч. ред.*

162

Юлиан Юлианович Белозор (1862–1942) — генерал-лейтенант (1915). С апреля 1917 года командир 40-го армейского корпуса. В январе 1918 года руководил формированием 2-й бригады добровольцев (около 800 человек) на Румынском фронте. В феврале распустил бригаду. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 года в эмиграции в Литве. — *Примеч. ред.*

163

Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин, 1923. С. 27.

Там же. С. 37.

165

Там же. С. 32.

166

Петр Владимирович Колтышев (1894–1988) — полковник (1920). Окончил курсы Николаевской академии Генштаба (1917). Участник Первой мировой войны, капитан, и.д. старшего адъютанта штаба 40-го армейского корпуса. С января 1918 года — в отряде М. Г. Дроздовского. В 1920 году помощник командира 1-го Дроздовского полка. С 1920 года в эмиграции во Франции. — *Примеч. ред.*

167

Дроздовский и дроздовцы… С. 279.

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 105, 108, 109.

169

Там же. С. 108, 109.

Дроздовский и дроздовцы… С. 324.

171

Там же. С. 301.

172

Антон Васильевич Туркул (1892–1957) — генерал-майор (1920). В Первую мировую войну штабс-капитан 75-го пехотного Севастопольского полка. С января 1918 года — в отряде М. Г. Дроздовского, с апреля — командир офицерской роты. С октября 1919 года командир 1-го Дроздовского полка, с августа 1920 года — Дроздовской дивизии. С 1920 года в эмиграции. В 1945 году начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После войны председатель Комитета русских невозвращенцев. — *Примеч. ред.*

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 71, 53, 54.

174

Владимир Михайлович Кравченко (ум. 1976), капитан Дроздовской артиллерийской бригады. С 1920 года в эмиграции, состоял начальником 2-го отдела РОВС. — *Примеч. ред.*

175

Кравченко В. М. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973. Т. 1.С. 20.

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 59, 38, 46, 111.

177

Туркул А. В. Дроздовцы в огне: картины гражданской войны, 1918–1920 гг. Белград, 1937. С. 22.

178

Там же.

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 135.

Туркул А. В. Указ. соч. С. 24–25.

181

Валериан Владимирович Семенов (1875–1928) — генерал-майор (1917). В Первую мировую войну командир 10-го Заамурского пограничного пехотного полка. С декабря 1917 года — в отряде М. Г. Дроздовского, командир полка. В июле — октябре 1918 года в Южной армии, командир 1-й дивизии, Воронежского корпуса. С 1919 года — в Сибири, в 1922 году комендант Земской рати. С 1922 года в эмиграции в Маньчжурии. — *Примеч. ред.*

182

Георгий Дмитриевич Лесли (1888–1937) — полковник. Участник Первой мировой войны, обер-офицер для поручений при помощнике главнокомандующего армиями Румынского фронта, подполковник (1917). С января 1918 года в отряде М. Г. Дроздовского, помощник начальника, с апреля — начальник штаба отряда. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

183

Николай Дмитриевич Невадовский (1877–1939) — генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны и.д. инспектора артиллерии 12-го армейского корпуса, генерал-майор (1917). С января 1918 года в отряде М. Г. Дроздовского, командир артиллерии. С мая 1918 года инспектор артиллерии Добровольческой, в январе — июне 1919 года — Крымско-Азовской добровольческой армии, затем — войск Северного Кавказа. С 1920 года в эмиграции. Погиб в аварии. — *Примеч. ред.*

Невадовский Н. Д. Первые походы // Вестник первопоходника. 1963. № 26. С. 36–38.

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 2. С. 416.

186

Святослав Варламович Денисов (1878–1957) — генерал-лейтенант (1918). Участник Первой мировой войны, полковник, командир 11-го Донского казачьего полка. В Гражданскую войну — на Дону. В апреле 1918 года возглавил восстание в Новочеркасске, затем командующий войсками Войскового круга и управляющий Военным отделом. С мая 1918-го по февраль 1919 года командующий Донской армией. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Туркул А. В. Указ. соч. С. 26–27.

188

Петр Харитонович Попов (1867–1960) — генерал от кавалерии (1919). С 1910 года начальник Новочеркасского казачьего училища, генерал-майор (1913). В Гражданскую войну — на Дону, с 30 ян варя 1918 года походный атаман Войска Донского, одновременно в апреле — мае 1918 года командующий Донской армией, в феврале — октябре 1919 года председатель Совета управляющих отделами Дона и управляющий отделом иностранных дел. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 175.

190

Имеется в виду марш лейб-гвардии Егерского полка. Он был написан в 1813 году немецким композитором Генрихом Хофманом и первоначально назывался «Маршем вольных егерей Шестой коалиции» (Marsch der Freiwilligen Jäger aus den Befreiungskriegen). — *Примеч. ред.*

Кравченко В. М. Указ. соч. Т. 1. С. 123, 126.

Туркул А. В. Указ. соч. С. 42–43.

Там же. С. 35–36.

194

Иван Лукич Сорокин (1884–1918) — красный командир. Участник Первой мировой войны, подъесаул 3-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, с 1917 года член партии эсеров. С августа 1918 года главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа (с октября — 11-я армия). Объявлен ЦИК Северо-Кавказской республики вне закона, захвачен бойцами Таманской дивизии и 1 ноября убит. — *Примеч. ред.*

195

Борис Ильич Казанович (1871–1943) — генерал-лейтенант (1918). Участник Первой мировой войны, командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией, генерал-майор (1916). С декабря 1917 года в Добровольческой армии. С июня 1918 года командир 1-й Марковской пехотной дивизии, с ноября 1918-го по январь 1919 года — 1-го армейского корпуса. В октябре-декабре 1919 года командующий войсками Закаспийской области. С 1920 года в эмиграции. С 1929 года председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. — *Примеч. ред.*

196

Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 39 751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 2–7.

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 140–141.

198

РГВА. Ф. 39 751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 8–14.

199

Там же.

200

Абинякин Р. М. Генерал-майор М. Г. Дроздовский // Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель… М., 2003. С. 294.

201

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 2. М., 2005. С. 532.

202

Николай Иванович Напалков (1868–1938) — хирург, доктор медицины (1900), профессор (1913). Окончил медицинский факультет Московского университета (1893). С 1915 года руководитель клиники госпитальной и кафедральной хирургии Ростовского-на-Дону (бывшего Варшавского) университета. После прихода большевиков был арестован, но затем освобожден и вновь возглавил клинику. — *Примеч. ред.*

203

В Российской империи железнодорожные пассажирские вагоны 1-го класса красились в синий цвет. — *Примеч. ред.*

Туркул А. В. Указ. соч. С. 39–41.

205

Там же.

Абинякин Р. М. Генерал-майор М. Г. Дроздовский… С. 230.

Дроздовский М. Г. Указ. соч. С. 153.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. С. 128.

209

Вячеслав Болеславович Туцевич — полковник. Участник Первой мировой войны, капитан 26-й артиллерийской бригады. С февраля 1918 года в отряде М. Г. Дроздовского. В 1919 году командир 1-й батареи 3-й артиллерийской (Дроздовской) бригады. Убит 2 июня 1919 года под Лозовой. — *Примеч. ред.*

Дроздовский и дроздовцы… С. 169.

Гаврилов С. «Генерал Харьков» // Южная правда. 2016. 13 июля. № 78.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 1027. Лл. 77–142.

213

Там же. Лл. 80–81 об.

Там же. Л. 78.

Малаховский А. Забытый герой. Генерал-лейтенант Генерального штаба старой русской армии Владимир Зенонович Май-Маевский // http://www.vestnik-mogileva.info/content/stati/zabytyj-geroj-general-lejtenant-generalnogo-shtaba-staroj-russkoj-armii-vladimir-zenon; обращение 8.03.2017.

216

В 1864–1882 годах кадетские корпуса в России назывались военными гимназиями, а уже во время учебы Владимира их снова преобразовали в корпуса. — *Примеч. авт.*

217

Цук — система неуставных отношений, действовавшая в кадетских корпусах и военных училищах, когда кадеты и юнкера старших курсов «цукали», то есть притесняли и издевались над младшими товарищами. — *Примеч. ред.*

218

Александр Сергеевич Лукомский (1868–1939) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1897). С 1914 года начальник канцелярии Военного министерства, с 1915 года одновременно помощник военного министра. С апреля 1916 года начальник 32-й пехотной дивизии. С октября генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. С апреля 1917 года командир 1-го армейского корпуса. Со 2 июня начальник штаба Верховного главнокомандующего. За участие в выступлении Л. Г. Корнилова 29 августа был отчислен от должности и арестован. С ноября 1917 года — в Добровольческой армии, в декабре 1917-го — феврале 1918 года начальник ее штаба. С сентября 1918 года помощник главнокомандующего и начальник Военного и Морского управления, с октября 1919 года председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. С декабря 1919-го по февраль 1920 года глава правительства при главнокомандующем ВСЮР. С 1920 года в эмиграции.

Сергей Константинович Добророльский (1867–1930) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба(1894). В 1917 году командовал 45-м и 10-м армейскими корпусами. В 1918 году служил в армии Украинской державы, затем примкнул к Белому движению на Юге России, в мае — августе 1919 года командовал 4-й пехотной дивизией. С 1920 года в эмиграции. В середине 1920-х годов примкнул к группе офицеров Генштаба — сменовеховцев, группировавшихся вокруг военно-научного журнала «Война и мир» (Берлин). Выступал за сотрудничество с большевиками. По ряду сведений, застрелился.

Владимир Васильевич Беляев (1868 — после 1939) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1894). С июня 1915-го по апрель 1917 года начальник штаба 12-й армии. В 1918 году мобилизован в Красную армию, но затем сумел бежать к белым. С июня 1920 года генерал для поручений при главнокомандующем Русской армией, с сентября член Высшей комиссии правительственного надзора в Крыму. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

219

РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 1439. Л. 11.

Там же. Л. 4.

Там же. Л. 5об.

222

Леонид Константинович Артамонов (1859–1932) — генерал от инфантерии (1913). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1888). С октября 1903-го по октябрь 1904 года начальник 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (с февраля 1904 года — дивизии). С 1911 года командовал армейским корпусом. В начале Первой мировой войны за свои крайне неудачные действия 15 августа 1914 года был снят с поста. Остался в Советской России, в апреле 1922 года был арестован, но вскоре освобожден. В 1924 году вышел на пенсию. — *Примеч. ред.*

223

Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26 968. Лл. 846–847.

Там же. Д. 26 984. Лл. 2–35.

225

Иван Иванович Федотов (1855—?) — генерал от инфантерии (25.8.1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1888). С 1910 года начальник 11-й пехотной дивизии, с апреля 1915-го по июнь 1917 года командир 32-го армейского корпуса. — *Примеч. ред.*

Там же. Л. 2.

227

Владимир Карлович Маннтейн (1853–1933) — генерал-майор (1920). В 1905 году с должности командира батальона вышел в отставку. В Первую мировую войну вернулся на службу, но в 1916 году признан негодным к ней. В 1918 году вступил в Добровольческую армию. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

228

Владимир Владимирович Манштейн (1894–1928) — генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны, капитан. С марта 1918 года в отряде М. Г. Дроздовского. В 1920 году командовал 3-м Офицерским генерала Дроздовского полком, был помощником командира Дроздовской дивизии, командиром Марковской дивизии. С 1920 года в эмиграции. Застрелился. — *Примеч. ред.*

229

Там же. Л. 26.

Там же. Лл. 27–30.

231

Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27 696. Л. 61.

Там же. Л. 62.

233

Имеется в виду массовая чистка высшего командного состава, проведенная в марте-апреле 1917 года по инициативе первого военного министра Временного правительства А. И. Гучкова, который объявил о необходимости устранить из армии «заведомо неспособных генералов». Аттестации проводились кулуарно, решения принимались быстро и тайно. Всего было уволено от 120 до 150 генералов. Чистка своей цели не достигла, а, наоборот, имела исключительно отрицательные последствия. — *Примеч. ред.*

234

Игнатий Леонович Дзевалтовский-Гинтовт (1888–1925) — революционер, штабс-капитан. В 1917 году офицер 14-й роты лейб-гвардии Гренадерского полка. В марте 1917 года избран председателем полкового комитета и членом армейского комитета 11-й армии; член РСДРП(б) (с апреля 1917 года). В октябре член Петроградского ВРК и комиссар Зимнего дворца. В августе — октябре 1919 года нарком по военным и морским делам Украинской ССР, в 1920 году член Дальбюро ЦК РКП(б), военный министр и министр иностранных дел Дальневосточной республики. В ноябре 1925 года бежал в Польшу, был советником маршала Ю. Пилсудского. Предположительно отравлен советскими агентами. — *Примеч. ред.*

235

Петр Александрович Половцов (1874–1964) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1904). В мае-июле 1917 года главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. С сентября командующий Кавказским туземным конным корпусом, с октября военный губернатор Терской области и командующий войсками области, с ноября 1917-го по январь 1918 года главнокомандующий войсками Терско-Дагестанского края. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Половцов П. А. Дни затмения. Париж, 1918. С. 68–69.

237

РГВИА. Ф. 2583. Д. 1280. Л. 21.

Там же. Д. 1286. Л. 12.

239

Там же. Ф. 583. Д. 1381. Л. 30.

Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. М., 1994. С. 53.

241

РГВА. Ф. 39 751. Оп. 1. Д. 3. Лл. 8–14.

242

Там же.

243

Там же.

244

Владимир Константинович Витковский (1885–1978) — генерал-лейтенант (1920). Участник Первой мировой войны, полковник, командир 199-го Кронштадтского полка. С 1918 года в отряде М. Г. Дроздовского, командир Солдатского батальона. С июня командир 2-го Офицерского стрелкового полка, с ноября — бригады 3-й дивизии, с февраля 1919 года — 3-й (Дроздовской) дивизии. С августа 1920 года командир 2-го армейского корпуса. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

245

Александр Васильевич Асташев (1865—?) — генерал-майор (1915). Участник Первой мировой войны. С августа 1917 года командир бригады 48-й пехотной дивизии, с октября заведующий офицерскими курсами Румынского фронта. В январе — феврале 1918 года командир 2-й отдельной бригады русских добровольцев. С 1918 года в Добровольческой армии, в январе 1919 года несколько дней командовал 3-й пехотной дивизией. — *Примеч. ред.*

246

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 116.

Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 93.

248

Андрей Васильевич Черныш (1884–1967) — полковник. Окончил Николаевскую академию Генштаба (1912). Участник Первой мировой войны, подполковник (1916), и.д. начальника штаба 105-й пехотной дивизии. С августа 1918 года в Добровольческой армии, с октября — начальник штаба 3-й пехотной дивизии. В апреле — мае 1919 года начальник штаба 2-й Терской казачьей дивизии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

249

Черныш А. В. На фронтах Великой войны. Воспоминания 1914–1918. М., 2014. С. 294.

Макаров П. В. Адъютант генерала Май-Маевского // http://coollib.com/b/239581/read; обращение 8.03.2017.

Черныш А. В. Указ. соч. С. 294.

252

Симон Васильевич Петлюра (1879–1926) — украинский политик. Член Революционной украинской партии (с 1900 года). В 1917 года член Центральной рады и глава Украинского генерального войскового комитета, в июне — декабре генеральный комиссар по военным делам. С февраля 1919 года председатель Директории Украинской Народной Республики. С 1921 года в эмиграции. Убит С. Шварцбадом как ответственный за еврейские погромы на Украине. — *Примеч. ред.*

253

Петр Николаевич Краснов (1869–1947) — генерал от кавалерии (1918). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1914), командир 3-го кавалерийского корпуса. С 16 мая 1918-го по 18 октября 1919 года атаман Войска Донского. С 1920 года в эмиграции. Во время Второй мировой войны активно сотрудничал с немцами, с 1944 года начальник Главного управления казачьих войск при Верховном командовании сухопутных войск. В мае 1945 года выдан англичанами советским властям. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

Материалы для истории Корниловского ударного полка. М., 2015. С. 281.

255

Владимир Михайлович Гиттис (1881–1938) — красный командир. Участник Первой мировой войны, полковник, командир 148-го пехотного Каспийского полка. С февраля 1918 года в Красной армии, командовал 6-й (сентябрь — ноябрь 1918 года) и 8-й (декабрь 1918 года) армиями, Западным (июль 1919-го — апрель 1920 года) и Кавказским (май 1920-го — май 1921 года) фронтами. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М., 1974. Т. 2. С. 227–228.

257

Виктор Александрович Ларионов (1897–1988) — капитан. С ноября 1917 года в Добровольческой армии, служил в юнкерской батарее, в Марковской артиллерийской бригаде. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Ларионов В. А. Указ. соч. С. 124, 126.

259

Михаил Николаевич Левитов (1893–1982) — полковник. Участник Первой мировой войны, поручик 178-го пехотного Венденского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, служил в Корниловском полку, с июня 1920 года командир 2-го Корниловского полка. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Материалы для истории Корниловского ударного полка… С. 286.

261

Борис Александрович Штейфон (1881–1945) — генерал-лейтенант (1922). Участник Первой мировой войны, полковник (1917), и.д. начальника штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии. В Гражданскую войну — на Юге России, начальник штаба 3-й пехотной дивизии, Полтавского отряда генерала Бредова. С 1920 года в эмиграции. С октября 1941 года командир Русского охранного корпуса на Балканах. — *Примеч. ред.*

Штейфон Б. А. Кризис добровольчества // http://xxl3.ru/belie/shteinfon.htm; обращение 8.03.2017.

Имеется в виду старый стиль. — *Примеч. авт.*

264

РГВА. Ф. 39 673. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

265

Андрей Григорьевич Шкуро (Шкура) (1887–1947) — генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны, войсковой старшина, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска. В Гражданскую войну — на Кубани и Юге России, командовал конной бригадой, дивизией, с мая 1919 года — 3-м Кубанским конным корпусом, с декабря 1919-го по февраль 1920 года — Кубанской армией. С 1920 года в эмиграции. В 1945 году выдан англичанами советским властям. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

266

Николай Дмитриевич Всеволодов (1879—?) — полковник (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1905). Участник Первой мировой войны, помощник начальника штаба Московского военного округа. С 1918 года — в Красной армии, с октября 1918-го по апрель 1919 года начальник штаба, с 6 июня 1919 года командующий 9-й армией. 15 июня перебежал к белым. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Врангель П. Н. Записки. Т. 1. М., 2003. С. 205.

Бондаренко В. В. Генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович: штрихи к портрету // http://rusk.m/vst.php?idar=76953; обращение 8.03.2017.

269

В действительности П. Н. Врангель при этой сцене не присутствовал. — *Примеч. авт.*

270

Имеется в виду Петр Владимирович Колтышев(1894–1988), полковник. Окончил курсы офицеров Генштаба (1917). Участник Первой мировой войны, капитан. С января 1918 года — в отряде М. Г. Дроздовского. С сентября 1918 года старший помощник начальника оперативного отдела Управления генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. авт.*

Макаров П. В. Указ. соч.

Владимир Ильич Сидорин (1882–1939) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1910). Участник Первой мировой войны, полковник (1917, и.д. начальника штаба 102-й пехотной дивизии. В Гражданскую войну — на Дону. С февраля 1919 года командующий Донской армией, с марта 1920 года — Донским корпусом. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Там же.

275

Петр Семенович Махров (1876–1964) — генерал-лейтенант (1920). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1907). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1917), генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта. В Гражданскую войну — на Юге России. С апреля 1920 года начальник штаба ВСЮР, в мае-июне — Русской армии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Там же.

Макаров П. В. Указ. соч.

Там же.

Там же.

280

Там же.

ссылка // https://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=civ;action=display;num=1143753099; обращение 8.03.2017.

Макаров П. В. Указ. соч.

283

Там же.

284

Николай Павлович Ефимов (1872–1943) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1899). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1915), начальник штаба 5-го Кавказского армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России, с декабря 1918-го по март 1919 года начальник штаба 1-го армейского корпуса, в мае — декабре 1919 года — Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

286

Константин Константинович Мамонтов (1869–1920) — генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны, полковник (1912), командующий 2-й бригадой 6-й Донской казачьей дивизии. В Гражданскую войну — на Дону и Юге России. В феврале-мае 1919 года командовал 1-й Донской армией, с июня 1919 года — 4-м Донским отдельным корпусом. Умер от тифа. — *Примеч. ред.*

287

Михаил Александрович Пешня (1883–1937) — генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны, полковник(1917), командир 257-го пехотного Евпаторийского полка. С сентября 1918 года служил в Корниловском ударном полку, командир 3-го батальона, помощник командира полка. С июля 1919 года командир 2-го, с октября — 1-го Корниловского ударного полка. С ноября 1919 года командир бригады Корниловской дивизии, с мая 1920 года всей дивизии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

288

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562. Л. 3.

289

Там же. Оп. 2. Д. 259. Л. 82.

Ганин А. В. «Павел Андреевич, вы шпион? — Видишь ли, Юра…» //https://rg.ru/2015/05/27/rodina-shpion.html; обращение 8.03.2017.

Макаров П. В. Указ. соч.

292

Там же.

293

Григорий Николаевич Раковский (1889–1975) — журналист. Участник Первой мировой войны, корнет. В Гражданскую войну — на Юге России, военный корреспондент в Добровольческой армии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Раковский Г. Н. В стане белых (От Орла до Новороссийска) // http://www.dkl868.ru/history/rakovskiy.htm; обращение 8.03.2017.

295

Владимир Федорович Субботин (1874–1937) — генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую инженерную академию (1899). Участник Первой мировой войны, в январе — сентябре 1917 года начальник инженеров армий Румынского фронта. В Гражданскую войну — на Юге России, с февраля 1919-го по февраль 1920 года комендант Севастопольской крепости. В феврале — июне 1920 года начальник инженеров Русской армии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

296

Гостиница «Кист», названная по имени своего первого владельца голландца Фердинанда Киста, была открыта в апреле 1891 года и была одной из самых шикарных гостиниц Севастополя. Ее здание сохранилось до наших дней, здесь располагаются различные службы Черноморского флота (адрес — площадь Нахимова, 4). — *Примеч. ред.*

297

Дмитрий Всеволодович Ненюков (1869–1929) — вице-адмирал (1916). Окончил курс военно-морских наук при Николаевской морской академии (1908). Участник Первой мировой войны, начальник Военно-морского управления Верховного главнокомандующего. В Гражданскую войну — на Юге России, с августа 1919-го по февраль 1920-го и с апреля 1920 года командующий Черноморским флотом ВСЮР. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Макаров П. В. Указ. соч.

Макаров П. В. Указ. соч.

300

Николай Иванович Орлов (умер в 1920) — капитан. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан 60-го пехотного Замосцкого полка. В Гражданскую войну в Крыме, командир батальона. С декабря 1919 года формировал в Симферополе 1-й Симферопольский добровольческий офицерский полк. Поднял восстание, после чего скрывался в горах. В декабре 1920 года сдался красным и был расстрелян. — *Примеч. ред.*

301

Яков Александрович Слащов (Слащов-Крымский) (1885–1929) — генерал-лейтенант (1920). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1911). Участник Первой мировой войны, полковник (1916), командир лейб-гвардии Московского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, с декабря 1919-го по август 1920 года командир 3-го (с февраля — Крымского, с апреля — 2-го) армейского корпуса. С 1920 года в эмиграции, в ноябре 1921 года вернулся в РСФСР и был амнистирован. С 1922 года преподавал в школе «Выстрел». Убит слушателем школы. — *Примеч. ред.*

Альмендингер В. В. Орловщина // Вестник первопоходника. 1966. № 61–62. С. 29–30.

303

Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив Русской революции. Т. 11. Берлин, 1923. С. 163.

Критский М. А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 162.

Шатилов П. Н. Памятная записка о Крымской эвакуации // Белое Дело. Кн. 4. Берлин, 1928. С. 99–100.

Ныне улица Ленина. — *Примеч. авт.*

Н. И. К. Последние дни Большого дворца // Архив Русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 88.

309

Юткевич С. И. Из ненаписанных мемуаров // Панорама Искусств. Вып. 11. М., 1988. С. 83.

Макаров П. В. Указ. соч.

311

Болгарин И. Я., Северский Г. Л. Адъютант его превосходительства. Под чужим знаменем. Седьмой круг ада. М., 2004. С. 49, 54, 183.

Например, украинский военный историк Я. Ю. Тинченко бездоказательно утверждает, что Николай Эмильевич приходился двоюродным братом немецкому генералу фон Бредову, командовавшему дивизией на Восточном фронте Первой мировой войны. — *Примеч. авт.*

313

Работы в крепости велись в 1834–1836 годах. По странному совпадению, один из внуков Эмиля Бредова в 1915 году попадет в плен именно в Новогеоргиевске. — *Примеч. авт.*

314

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 19 659. Лл. 21–26.

315

Там же. Д. 832. Лл. 17–21.

Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 178 538. Лл. 14–25.

317

Владимир Христофорович Рооп (1865–1929) — генерал-лейтенант (1913). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1892). С мая 1900-го по май 1905 года военный агент в Вене. В 1913–1917 годах командовал 6-й кавалерийской дивизией, в феврале-апреле 1917 года — 2-м кавалерийским корпусом. В Гражданскую войну — в Сибири. С 1922 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

318

Константин Трофимович Рябинкин (1849–1904) — генерал-майор (1902). С 1902 года командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии. В октябре 1904 года тяжело ранен в бою, от полученных ранений скончался. — *Примеч. ред.*

319

Там же. Л. 17.

320

Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937) — генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1900). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1915), с сентября 1917 года генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем. В Гражданскую войну — на Востоке, с марта 1918-го по январь 1919 года начальник штаба Чехословацкого корпуса. В июле — ноябре 1919 года командующий Восточным фронтом, одновременно в августе-октябре начальник штаба Верховного правителя. В августе — октябре 1922 года воевода Земской рати и правитель Приморского края. С 1922 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

321

Там же. Л. 24об.

322

Михаил Николаевич Папа-Федоров (1868 — после 1948) — генерал-майор (1915). С мая 1916 года командир лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады, с апреля 1917 года и.д. инспектора артиллерии 32-го армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России, с июня 1919 года инспектор артиллерии 3-го армейского корпуса, с октября — войск Новороссийской области. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

323

Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — действительный тайный советник (1910). Окончил юридический факультет Московского университета (1865). С 1891 года сенатор, с 1917 года член Государственного совета. Остался в Советской России, профессор 1-го Петроградского университета. — *Примеч. ред.*

324

Александр Александрович Зегелов (1858 — после 1939) — генерал от инфантерии (1915). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1882). С 1909 года начальник 33-й пехотной дивизии, в феврале — августе 1915 года — командир 3-го армейского корпуса. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

325

Там же. Л. 19об.

326

Николай Николаевич Оболешев (1868–1920?) — генерал-майор (1910). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1894). С 1914 года и.д. начальника штаба Московского военного округа. С 6 марта по 22 апреля 1917 года командующий 6-й Финляндской стрелковой дивизией. В апреле — сентябре 1917 года и.д. начальника штаба Киевского военного округа. В 1918 году добровольно вступил в Красную армию. Несколько раз арестовывался, по одной из версий — расстрелян большевиками. — *Примеч. ред.*

327

Там же. Л. 20об.

Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1034. Л. 188об.

329

Там же. Ф. 2152. Оп. 2. Д. 114. Л. 48.

Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 35. Л. 119.

331

Совещание исполнительных комитетов Советов солдатских и офицерских депутатов с представителями украинских организаций // Воин свободной России. 1917. 29 апреля. № 4. С. 2.

332

Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. Сборник документов. М., 1973. С. 167.

333

РГВИА. Ф. 2220. Оп. 1. Д. 117. Л. 226.

Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 178 538. Л. 21.

Там же. Л. 22.

336

Михаил Артемьевич Муравьев (1880–1918) — красный командир. Участник Первой мировой войны, капитан, преподаватель Одесской школы прапорщиков. В 1917 году начальник охраны Временного правительства, затем примкнул к левым эсерам. С 29 октября по 8 ноября — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. В январе — феврале 1918 года командовал группой войск на Киевском направлении. С июня командующий Восточным фронтом. 10 июля поднял мятеж, 11 июля во время ареста был убит большевиками. — *Примеч. ред.*

337

Александр Францевич Рагоза (1858–1919) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1883). С августа 1915-го по ноябрь 1917 года командующий 4-й армией. С 30 апреля по 4 декабря 1918 года военный министр Украинской державы. После поражения гетмана выехал в Одессу. Расстрелян большевиками. — *Примеч. ред.*

338

Игнатий Михайлович Васильченко (1872–1920) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1906). Участник Первой мировой войны, начальник штаба 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. В 1918 году вступил в армию Украинской державы, генеральный хорунжий, командир 8-го корпуса в Екатеринославе. Во главе отряда совершил Екатеринославский поход в Крым (27 ноября 1918-го — 2 января 1919 года). Затем командовал дивизией и бригадой. Погиб. — *Примеч. ред.*

339

Князь Александр Николаевич Долгоруков (1872–1948) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1908). Участник Первой мировой войны, командир 1-го кавалерийского корпуса. С 12 ноября 1918 года главнокомандующий гетманской армией. В декабре бежал с Украины. В сентябре 1919 года поступил в Северо-Западную армию, недолго командовал 4-й дивизией. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

340

Георгий Аполлонович Эверт (1880 — после 1922) — полковник (1916). Участник Первой мировой войны, командир 92-го пехотного Печорского полка. В 1918 году вступил в армию Украинской державы, начальник штаба 1-й пехотной дивизии. С 1919 года — во ВСЮР. В июне — декабре 1919 года начальник штаба 7-й пехотной дивизии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

341

Леонид Лаврович Клюев (1880–1943) — красный командир. Окончил два класса Николаевской военной академии (1914). Участник Первой мировой войны, подполковник, старший адъютант штаба 5-го армейского корпуса. С 1918 года — в Красной армии. В мае-декабре 1919 года командующий 10-й армией. После войны — на преподавательской работе, генерал-лейтенант (1940). — *Примеч. ред.*

342

Петр Павлович Непенин (1872–1932) — генерал-майор (1919). Участник Первой мировой войны, полковник (1916), командир 13-го стрелкового полка. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 году командир 1-й бригады 7-й дивизии, с декабря 1919 года командир 4-й стрелковой дивизии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. авт.*

Махров П. С. Указ. соч. С. 71.

Там же. С. 76.

345

В большинстве источников его фамилия пишется «Кравс», но в оригинале ее написание именно Kraus. — *Примеч. авт.*

346

Николай Александрович Щорс (1895–1919) — красный командир. Участник Первой мировой войны, подпоручик 335-го пехотного Анапского полка. В марте 1918 года возглавил партизанский отряд на Украине, член РКП (б). В марте — августе 1919 года командовал 1-й Украинской советской дивизией, с 21 августа — 44-й стрелковой дивизией. 30 августа убит пулей в затылок при невыясненных обстоятельствах. — *Примеч. ред.*

Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Париж, 1983. С. 298–299.

348

Александр Дмитриевич Трембовельский (1898–1985) — полковник (1920). В 1917 году прапорщик 56-го пехотного запасного полка. С декабря 1917 года в Добровольческой армии. Служил в бронетанковых частях, в 1920 году командир танка «Генерал Скобелев». С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Трембовельский А. Д. Эпизоды из жизни 3-го отряда танков// http://pervopohodnik.ru/publ/16-l-0-208; обращение 8.03.2017.

Сейчас в этом сильно перестроенном двухэтажном доме расположен Национальный транспортный университет Украины. — *Примеч. авт.*

351

Ныне на этом изменившемся до неузнаваемости месте находится майдан Незалежности. — *Примеч. авт.*

352

Барон Николай Иванович Штакельберг (1870–1956) — генерал-майор (1916). Участник Первой мировой войны, командующий гвардейской стрелковой дивизией. В Гражданскую войну — на Юге России, с августа 1919 года командир Сводно-гвардейской бригады, с октября — Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

353

Владимир Петрович Сальский (1885–1940) — генерал-хорунжий армии УНР (1920). Участник Первой мировой войны, подполковник (1917), старший адъютант оперативного отдела управления генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии. С ноября 1917 года — в украинских войсках. С мая 1919 года командующий Запорожской группой армии УНР. В сентябре — ноябре командующий Действующей армией УНР, с ноября военный министр. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Кравс А. За українську справу. Спомини про III корпус У. Г. А. після переходу за Збруч. Львів, 1937. С. 46–47.

Там же. С. 48.

Там же. С. 50.

Машкевич С. А. Два дня из истории Киева. Киев, 2010. С. 144.

Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти // http://www.krotov.info/library/08_z/en/zenkov_3.htm; обращение 8.03.2017.

359

Киев назван матерью городов русских еще в Повести временных лет (882 год): «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет это мать городам русским“». — *Примеч. ред.*

Мандельштам О. Э. Как по улицам Киева-вия… // http://rvb.ru/rnandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_1/01versus/0313.htm; обращение 8.03.2017.

361

Анатолий Алексеевич Дородницын (1910–1994) — математик, геофизик, механик, академик АН СССР (1953). В 1955–1989 годах директор, в 1989–1994 годах почетный директор и научный руководитель Вычислительного центра АН СССР/РАН. — *Примеч. ред.*

Соколов Д. В. Чиновник террора // http://www.martyr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=529:2014-01-28-13-09-13&catid=
обращение 8.03.2017.

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 23, 25–26.

Паустовский К. Г. Повесть о жизни // http://xwap.me/books/18622/Nachalo-nevedomogo-veka-Povest-o-zhizni-3.html?p=54; обращение 8.03.2017.

365

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) — писатель. — *Примеч. ред.*

Штиф Н. И. Погромы на Украине. Период Добровольческой армии. Берлин, 1922. С. 66.

367

Николай Николаевич Шиллинг (1870–1946) — генерал-лейтенант (1917). Участник Первой мировой войны, в 1917 году командир 17-го армейского корпуса. В 1918 году — в Киеве, затем в Добровольческой армии. С июля 1919-го командир 3-го армейского корпуса и главноначальствующий Таврической губернией. С августа 1919-го по март 1920 года главноначальствующий и командующий войсками Новороссийской области. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Душкин В. Н. Забытые. Париж, 1983. С. 33.

Штейфон Б. А. Бредовский поход // http://www.dkl868.ru/history/Bred_poxod.htm; обращение 8.03.2017.

Гражданская война на Украине. 1918–1920 гг. Сборник документов и материалов. Т. 3. Киев, 1967. С. 678–679.

371

Александр Анатольевич Стессель (1876–1933) — полковник (1916). Участник Первой мировой войны, командир 152-го пехотного Владикавказского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир батальона, 2-го Сводно-гвардейского полка, в декабре 1919 года начальник внутренней обороны и комендант Одессы. Участник Бредовского похода. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Виктор Николаевич Сокира-Яхонтов (1874–1938) — генерал-майор (1917). Окончил два класса Николаевской академии Генштаба (1904). Участник Первой мировой войны, командующий 7-й пехотной дивизией. С 1918 года в украинской армии, затем — в Добровольческой. С ноября 1919 года командующий Украинской Галицкой армией и комендант Одессы. С марта 1920 года в Красной армии. Умер в тюремной больнице. — *Примеч. ред.*

Штейнман Ф. Отступление от Одессы // Белое дело. Бредовский поход. Кн. 10. М., 2003. С. 316.

375

Петр Гаврилович Васильев (Васильев-Чечель;1870–1920) — генерал-майор (1917). Участник Первой мировой войны, командующий 78-й пехотной дивизией. С 1918 года в армии УНР, с 1919 года — в Добровольческой армии. В феврале 1920 года командир Овидиопольского отряда войск Новороссийской области. Застрелился. — *Примеч. ред.*

Там же.

Там же.

Там же.

379

Великим Сибирским Ледяным походом именуется отступление войск белого Восточного фронта в ноябре 1919-го — марте 1920 года. Походом руководил генерал-лейтенант В. О. Каппель, а после его смерти 26 января 1920 года генерал С. Н. Войцеховский. Численность находившихся под их началом войск оценивается в 30–35 тысяч человек. — *Примеч. ред.*

380

Николай Васильевич Скляров (1875–1920) — генерал-майор (1916). Участник Первой мировой войны, командир 2-й бригады 1-й Терской казачьей дивизии. В Гражданскую войну — на Юге России, командир бригады, дивизии, конной группы войск Новороссийской области. Умер от сыпного тифа в польском лагере военнопленных. — *Примеч. ред.*

381

Там же.

Там же.

383

Там же.

Альмендингер В. В. Симферопольский офицерский полк. Отступление в Польшу (Бредовский поход) // http://www.libma.ru/voennaja_istorija/poslednie_boi_vooruzhennyh_sil_yuga_rossii/p4.php#metkadoc4; обращение 8.03.2017.

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 47–49.

386

РГВА. Ф. 39 701. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

387

Народные стихи, содержавшие короткие двустишия, ироничные, яркие и часто неприличные характеристики гвардейских и армейских (в основном кавалерийских) полков. — *Примеч. ред.*

Голеевский М. Н. Материалы по истории гвардейской пехоты и артиллерии в гражданскую войну. 1917–1922 гг. Белград, 1923. С. 81.

Штейфон Б. А. Бредовский поход…

390

Там же.

391

Франтишек Крайовский (Krajowski; 1861–1932) — генерал дивизии (1919). Участник Первой мировой войны, генерал-майор австро-венгерской армии (1918), командир бригады. С 1918 года — в Войске Польском, командир 7-й бригады, опергруппы, 18-й дивизии. С 1923 года в отставке. — *Примеч. ред.*

392

Владимир Федорович Белогорцев (1879–1955) — полковник (1915). Участник Первой мировой войны, командир 149-го пехотного Черноморского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир 2-й Терской пластунской бригады. В 1920 году начальник Войскового штаба Терского казачьего войска. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

393

Там же.

В 1917–1924 годах официальной денежной единицей Польши была польская марка *(marka polska). — Примеч. ред.*

Промтов М. Н. Из истории Бредовского похода // http://www.libma.ru/voennaja_istorija/poslednie_boi_vooruzhennyh_sil_yuga_rossii/p4.php#metkadoc6; обращение 8.03.2017.

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 52.

Штейфон Б. А. Бредовский поход…

Алексеев Д. Ю. «Белые» в польских лагерях: интернирование группы генерала Н. Э. Бредова весной и летом 1920 г. // http://www.demidovtsev.ru/11630; обращение 8.03.2017.

399

Юзеф Лесневский (Lesniewski; 1867–1921) — польский генерал-поручик (1919). Участник Первой мировой войны, генерал-майор русской армии (1914), командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии. С 1918 года — в Войске Польском. С марта 1919-го по август 1920 года министр военных дел Польши. — *Примеч. ред.*

400

Казимеж Соснковский (Sosnkowski; 1885–1969) — польский генерал брони (1936). Участник Первой мировой войны, полковник австро-венгерской армии, командир 1-й бригады легионеров. С 1918 года — в Войске Польском. С 1919 года заместитель, в 1920–1923 и 1923–1924 годах министр военных дел Польши. В сентябре 1939 года командующий Южным фронтом. С 1939 года председатель Союза вооруженной борьбы и командующий всеми польскими войсками на Западе, в 1943–1944 годах главнокомандующий польскими вооруженными силами. — *Примеч. ред.*

Штейфон Б. А. Бредовский поход…

402

Там же.

Нельзя (*польск.*). — *Примеч. ред.*

404

Там же.

Матасов В. Д. 8-я конно-артиллерийская батарея в Бредовском походе // http://www.libma.ru/voennaja_istorija/poslednie_boi_vooruzhennyh_sil_yuga_rossii/p4.php#metkadoc9; обращение 8.03.2017.

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 59.

Там же. С. 60.

408

Андрей Иванович Шевченко (1868—?) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, командир бригады 116-й пехотной дивизии. В Гражданскую войну — на Юге России. С июня 1919 года комендант Харькова, с сентября — командир 9-й пехотной, с декабря — 4-й стрелковой дивизии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Алексеев Д. Ю. Указ. соч.

Георгий Николаевич Кутепов (умер в 1951) — дипломат. До войны состоял секретарем дипломатической миссии в Карлсруэ (Баден). С 1918 года в эмиграции, с 1919 года глава временной дипломатической миссии в Польше. — *Примеч. ред.*

Цветков В. Ж. Белое движение и «польский вопрос» // http://rusk.ru/st.php?idar=41018; обращение 8.03.2017.

412

Там же.

413

Имеется в виду винт — в те годы чрезвычайно популярная карточная игра, в ней участвовали четыре игрока (двое надвое) и она была достаточно долгой, серия игр (робер) могла продолжаться до нескольких часов. — *Примеч. ред.*

Голеевский М. Н. Указ. соч. С. 83.

Алексеев Д. Ю. Указ. соч.

Psiakrew *(польск.)* — черт побери, проклятие (дословно — собачья кровь).

Голеевский М. Н. Указ. соч. С. 85.

418

ГАРФ. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

419

Федор Петрович Бернис (1876–1931) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, капитан 283-го пехотного Павлоградского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, в 1919 году командир бригады 5-й пехотной дивизии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Алексеев Д. Ю. Указ. соч.

421

Советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков был убит 7 июня 1927 года в Варшаве русским эмигрантом Борисом Софроновичем Ковердой. Войков был непосредственно связан с убийством Царской семьи, и его убийство носило демонстративный характер. На вопрос, зачем он стрелял, Коверда ответил: «Я отомстил за Россию, за миллионы людей». — *Примеч. ред.*

Ёлкин А. И. Польская восточная политика и русские воинские формирования в Польше (1920–1924 гг.) // Российско-польский исторический альманах. Вып. VII. Ставрополь, 2014. С. 9.

Karpus Z. Jency i intemowani rosyjscy i ukraincy na terenie Polski w latach 1918–1924. Torun, 1997. S. 76.

Алексеев Д. Ю. Указ. соч.

425

Александр Владимирович Геруа (1870 — после 1944) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1898). Участник Первой мировой войны, командир 18-го армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С октября 1919 года начальник русской военной миссии ВСЮР в Бухаресте, с апреля 1920 года военный представитель Главного командования в Румынии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

426

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 725. Л. 151.

Там же. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 3. Л. 213.

Zupa (*польск.*) — суп; kawa (*польск.*) — кофе. — *Примеч. ред.*

Голеевский М. Н. Указ. соч. С. 84–85.

431

Там же.

432

«Херсон» — грузопассажирский пароход водоизмещением 6707 тонн. Построен в 1895 году в Великобритании. С 1915 года — в составе Черноморского флота под названием «Транспорт № 73». Участвовал в Крымской эвакуации. В 1920–1922 годах — в составе флота Великобритании, в 1922–1924 годах — флота Италии. Продан на слом в 1924 году. — *Примеч. авт.*

433

«Саратов» — грузопассажирский пароход водоизмещением 5427 тонн. Построен в 1891 году в Великобритании. С 1915 года — в составе Черноморского флота под названием «Транспорт № 60». Участвовал в Одесской и Крымской эвакуациях. В 1920–1922 годах — в составе флота Греции, в 1922–1924 годах — Египта. Продан на слом в 1924 году. — *Примеч. авт.*

434

«Ялта» — транспорт водоизмещением 3120 тонн. Построен в 1892 году в Румынии под названием «Violetta». С 1916 года — в составе Черноморского флота под названием «Транспорт № 107». Участвовал в Новороссийской и Крымской эвакуациях. Продан на слом в 1921 году. — *Примеч. авт.*

435

«Корнилов» — почтово-пассажирский пароход водоизмещением 2330 тонн. Построен в 1869 году в Великобритании. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. С 1915 года — в составе Черноморского флота под названием «Транспорт № 36». Участвовал в Новороссийской и Крымской эвакуациях. Продан на слом в 1925 году. — *Примеч. авт.*

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 82–83.

437

Иван Павлович Ставицкий (1873–1966) — генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую инженерную академию (1902). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1917), начальник инженеров 8-й армии. В Гражданскую войну — на Юге России, начальник Феодосийского гарнизона, с августа 1920 года начальник снабжений Русской армии. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Матасов В. Д. Указ. соч.

439

Михаил Андреевич Звягин (? — до 1945) — генерал-майор. Участник Первой мировой войны, полковник, командир 108-го пехотного Саратовского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир Самурского полка, Алексеевской бригады, в 1920 году командир 6-й пехотной дивизии. С 1920 года в эмиграции, служил в Русском корпусе, убит. — *Примеч. ред.*

Георгий Бежанович Андгуладзе (1864–1948) — генерал-лейтенант (1920). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1917), командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии. В Гражданскую войну — на Юге России, с ноября 1919 года командир 13-й, с октября 1920 года — 7-й пехотных дивизий. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 84–85.

Генерал Кутепов. М., 2009. С. 135.

Бендерев Д. А. Воспоминания о Софийской русской гимназии 1924–1934 гг. София, 2014. С. 47–49.

Душкин В. Н. Указ. соч. С. 85–86.

Алексеева Е. И. Общество единения русских в Болгарии — 1920–1924 гг. // http://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-edineniya-russkih-v-bolgarii-1920-1924-gg; обращение 8.03.2017.

447

Федор Федорович Абрамов (1870–1963) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1898). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1914), командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. В Гражданскую войну — на Юге России, в 1920 году — инспектор кавалерии Донской армии и командир Донского корпуса. С 1920 года в эмиграции. С 1924 года начальник 3-го отдела РОВС, одновременно с 1930 года 1-й заместитель председателя, с сентября 1937-го по март 1938 года и. д. председателя РОВС. — *Примеч. ред.*

По-русски произносится «Обориште»; сейчас по этому адресу находится Национальное музыкальное училище «Любомир Пипков». — *Примеч. авт.*

449

Клавдий Александрович Фосс (1898–1991) — капитан. В Гражданскую войну — на Юге России, служил в Дроздовской артиллерийской бригаде. С 1920 года в эмиграции, в 1924–1927 годах руководитель канцелярии РОВС, в 1927–1945 годах руководитель «Внутренней линии» РОВС. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немцами. — *Примеч. ред.*

450

Борис Витальевич Прянишников (1902–2002) — журналист, деятель русской эмиграции. В Гражданскую войну — на Юге России, кадет. С 1920 года в эмиграции, член Народно-трудового союза (с 1933 года). Основатель и первый редактор журнала «Посев». — *Примеч. ред.*

Пряншников Б. В. Незримая паутина. ОГПУ — НКВД против белой эмиграции // http://www.litmir.me/br/?b=280498&p=53; обращение 8.03.2017.

452

Архив УФСБ Российской Федерации по Омской области. Ф. 78. Оп. 1.Д. 39. Л. 10.

453

Федор Потапович Инютин (1870–1937) — генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны, полковник (1915), командир 44-го Донского казачьего полка. В Гражданскую войну — в Донской армии. С 1920 года в эмиграции, в 1927–1937 годах заведующий приютом для инвалидов в Шипке. — *Примеч. ред.*

454

Национальный парк-музей «Шипка — Бузлуджа» (Болгария, Казанлык). Ф. отца Сергия (Чернова). См. также: *Бондаренко В. В.* Русский некрополь на Шипке. М., 2016. С. 491.

Ратиев А. То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 628–629.

456

Архив УФСБ Российской Федерации по Омской области. Ф. 78. Оп. 1.Д. 39. Лл. 19–26.

457

Там же. Лл. 3–18.

Там же. Л. 12.

459

Там же.

См. также: *Иванов А. Г., Безродный К. Э.* Судьба генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова в эмиграции в Болгарии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 38–43.

Петухов А. Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии// https://www.litmir.me/br/?b=253521&p=4; обращение 8.03.2017.

Критский М. А. Александр Павлович Кутепов // https://litlife.club/br/?b=63403; обращение 8.03.2017.

463

Там же.

Петухов А. Ю. Указ. соч.

Критский М. А. Александр Павлович Кутепов…

Генерал Кутепов. М., 2009. С. 139.

467

Великий князь Константин Константинович (1858–1915) — генерал от инфантерии (1907), генерал-адъютант (1901). Внук императора Николая I. С 1899 года президент Петербургской академии наук, одновременно с 1910 года генерал-инспектор военно-учебных заведений. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 228.

469

Там же. С. 229.

Шеин А. А. Подпоручик Кутепов (1904–1905) // Часовой. 1931. № 48. С. 4–5.

471

Владимир Владимирович Дейтрих-Белуха-Кохановский (1915–1960) — капитан (1919). Участник Первой мировой войны, штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка. В Гражданскую войну — на Украине, с 1919 года — на Северо-Западе России, командир батальона. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Генерал Кутепов. С. 251–252.

Там же. С. 356.

Там же. С. 252.

475

Сергей Семенович Хабалов (1858–1924) — генерал-лейтенант (1910). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1886). С 1914 года военный губернатор, командующий войсками Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска. С 1916 года главный начальник, с 6 февраля 1917 года командующий войсками Петроградского военного округа. 28 февраля арестован и заключен в Петропавловскую крепость; освобожден в октябре. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

476

Александр Павлович Балк (1866–1957) — генерал-майор (1912). С ноября 1916 года петроградский градоначальник; 24 февраля 1917 года вся власть в столице была передана С. С. Хабалову, а Балк фактически перешел в его подчинение. 27 февраля арестован и помещен в Петропавловскую крепость; в июне освобожден. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

477

Михаил Иванович Тяжельников (1866–1933) — генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1897). С августа 1915-го по 4 марта 1917 года и. д. начальника штаба Петроградского военного округа. В Гражданскую войну — на Юге России, в 1919 году черноморский губернатор и командующий войсками Черноморской области. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Владимир Иванович Павленков (1865–1920) — полковник (1913). С июня 1916 года помощник начальника запасных гвардейских частей. С 9 января 1917 года замещал начальника запасных батальонов и войсковой охраны Петрограда. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1920 году в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 412.

Ныне адрес этого дома — Литейный проспект, 19. С 1937 года в здании находится библиотека, с 1964 года носящая имя М. Ю. Лермонтова. — *Примеч. авт.*

481

Там же.

Там же. С. 413.

483

Там же. С. 415.

Там же. С. 419.

485

Кутепов именовался не командиром, а командующим полком, поскольку по штатному расписанию должность командира гвардейского полка соответствовала званию генерал-майора. — *Примеч. авт.*

Там же. С. 254.

Там же. С. 255.

Там же. С. 246.

489

Там же. С. 257.

Там же. С. 392.

491

Там же. С. 393.

Там же. С. 396.

493

Там же. С. 397.

Торнау С. А. С родным полком. 1914–1917 гг. Берлин, 1923. С. 133–134.

Этим офицером был капитан Д. Д. Зуев. — *Примеч. авт.*

Генерал Кутепов. С. 258–259.

Там же. С. 311.

Критский М. А. Александр Павлович Кутепов…

499

Генерал Кутепов. С. 273.

500

Слово «отчетливый» в старом армейском быту имело сложное значение, где сочетались лихость, храбрость, безупречное знание уставов и некое ухарство одновременно. — *Примеч. авт.*

501

Деникин А. И. Очерки русской смуты… Т. 2. С. 295.

Там же. С. 324.

503

Митрофан Осипович Неженцев (1886–1918) — полковник (1918). Окончил два класса Николаевской академии Генштаба (1914). Участник Первой мировой войны, капитан (1916), помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. С мая 1917 года руководил формированием, а затем командовал Корниловским ударным полком. Погиб 12 апреля 1918 года во время штурма Екатеринодара. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 523.

505

Материалы к истории Корниловского ударного полка. М., 2015. С. 219.

506

Владимир Владимирович Свечин (1871–1944) — полковник (1913), флигель-адъютант (1905). Служил в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1909 года товарищ председателя Императорского российского автомобильного общества. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 года в эмиграции, председатель Союза ревнителей памяти императора Николая II. — *Примеч. ред.*

507

Генерал Кутепов. С. 237.

Ныне улица Медниеку. — *Примеч. авт.*

509

Имеется в виду генерал-лейтенант К. К. Мамантов. — *Примеч. авт.*

510

Брешко-Брешковский Н. Н. Герой Харькова и Курска // На досуге. 1919. № 3. С. 7–10.

511

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51. М., 1970. С. 63.

512

Киевская мысль. 1919. 21 июля. В дневнике А. А. Блока приводится вариант этой фразы: «Если мы уйдем, мы так хлопнем дверью, что вся Европа затрясется»; см.: *Блок А. А.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 382.

513

Генерал Кутепов. С. 39–40.

514

«Пылкий» — эскадренный миноносец типа «Счастливый». Построен на заводе А. Ваддона в Херсоне и спущен на воду в 1914 году. В июне 1918 года захвачен германскими войсками, в декабре передан англичанам, а в январе 1919 года зачислен в состав Черноморского фронта ВСЮР. В ноябре — декабре 1920 года перешел из Крыма в Бизерту, где интернирован французами. — *Примеч. ред.*

515

Евгений Исаакович Доставалов (1882–1938) — генерал-лейтенант (1920). Окончил два класса Николаевской военной академии (1912). Участник Первой мировой войны, подполковник (1915), и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 и 1920 годах (с перерывами) начальник штаба 1-го армейского корпуса. С 1920 года в эмиграции, сменовеховец. Вернулся в СССР. Расстрелян. — *Примеч. ред.*

516

ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 206. Л. 1.

517

Там же. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.

518

Алексей Генрихович Шапрон-дю-Лорре (1883–1947) — генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны, ротмистр лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. С декабря 1918 года — в Добровольческой армии, адъютант А. И. Деникина, в 1919 году командир 2-го Конного генерала Дроздовского полка. С 1920 года в эмиграции; женат на дочери генерала Л. Г. Корнилова Наталье (1898–1983). — *Примеч. ред.*

519

Там же. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 97. Л. 30.

520

Там же.

521

Там же. Л. 32.

Там же. Л. 33.

Критский М. А. Александр Павлович Кутепов…

524

ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 97. Л. 4.

525

РГВА. Ф. 39 576. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об.

526

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 747. Л. 96.

Махров П. С. Указ. соч. С. 210.

528

Африкан Петрович Богаевский (1872–1934) — генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1900). Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1915), командующий 1-й гвардейской кавалерийской дивизией. В Гражданскую войну — на Юге России. С февраля 1919 года войсковой атаман Войска Донского. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

529

ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 97. Л. 16.

530

В Болгарии В. Л. Покровский, возглавлявший тайную белую организацию, был вынужден перейти на нелегальное положение. В рамках расследования убийства добровольцами казачьего политика А. М. Агапеева болгарская полиция вышла на конспиративную квартиру Покровского. При аресте генерал оказал сопротивление, был ранен штыком и 8 ноября 1922 года скончался. — *Примеч. ред.*

531

Имеется в виду генерал П. Н. Шатилов, который сказал Врангелю: «Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором». — *Примеч. авт.*

532

Алексей Александрович фон Лампе (1885–1967) — генерал-майор (1921). Окончил Николаевскую военную академию (1913). Участник Первой мировой войны, и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 года в эмиграции, с 1924 года начальник 2-го отдела РОВС (Германия, Австрия, Венгрия, Прибалтика). С 1949 года заместитель председателя Совета Российского зарубежного воинства. С 1954 года 1-й помощник начальника, с 1957 года начальник РОВС. — *Примеч. ред.*

Лампе А. А. Пути верных. Сборник статей // https://archive.org/stream/putivernykhsborn00fon/putivemykhsbom00fon_djvu.txt; обращение 8.03.2017.

Вениамин (Федченков), *митрополит.* На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 238.

535

Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков; 1880–1961) — с 1919 года епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии, в 1920–1923 годах епископ Армии и Флота. С 1920 года в эмиграции. С 1933 года экзарх Московской патриархии в Америке, архиепископ (с 1938 года — митрополит) Алеутский и Северо-Американский. В 1945 году вернулся в СССР, занимал различные кафедры, митрополит. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 231–232.

537

«Китобой» — посыльное судно. Построено в 1910 году в Норвегии под названием «Gamma». С 1915 года в составе Балтийского флота под названием «Китобой». С 1918 года в составе советского флота. В июне 1919 года сдан командой англичанам. В июле — ноябре 1920 года совершил переход из Дании в Крым, куда прибыл в последний день эвакуации. В 1923–1926 годах в составе флота Франции, с 1926 года — в составе флота Италии. Затоплен экипажем в 1943 году в порту Генуи, чтобы избежать захвата судна нацистами. — *Примеч. авт.*

Фрунзе М. В. Врангель//Коммунист. 1921. 7 ноября. № 251. С. 5.

Критский М. А. Александр Павлович Кутепов…

Генерал Кутепов. С. 49.

541

«Полония» *(Polonia)* — грузопассажирский пароход водоизмещением 10 178 тонн. Построен в 1899 году в Германии как «Батавия» *(Batavia),* в 1913 году переименован в «Полонию», работал на трансатлантических линиях. В декабре 1919 года передан Франции. Продан на слом в 1924 году. — *Примеч. авт.*

Маяковский В. В. Избранное. М., 2015. С. 656.

543

«Владимир» — товарно-пассажирский пароход водоизмещением 5621 тонна. Построен в 1895 году в Великобритании. С 1915 года в составе Черноморского флота под названием «Транспорт № 15». Участвовал в Одесской, Новороссийской и Крымской эвакуациях. В 1920 году продан частному лицу, в 1922 году — Англо-русскому кооперативному союзу. Продан на слом в 1923 году. — *Примеч. авт.*

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52. М., 1970. С. 6.

545

Шарль Анри Дюменильь (Dumesnil; 1868–1946) — французский вице-адмирал (1923). В 1916–1917 годах представитель Верховного командования французского ВМФ в России. В 1920 году был командиром легкой дивизии флота в Восточном Средиземноморье. С 1926 года в отставке. — *Примеч. ред.*

Карпов Н. Д. Трагедия белого Крыма. 1920 год. М., 2005. С. 342.

547

«Генерал Корнилов» — бронепалубный крейсер типа «Богатырь». Построен в 1902 году под названием «Очаков». В ноябре 1905 года получил известность в связи с восстанием, которое поднял на крейсере П. П. Шмидт. С марта 1907 года назывался «Кагул», с марта 1917 года — «Очаков», с сентября 1919 года — «Генерал Корнилов». Флагман белого Черноморского флота. В 1933 году разобран на металл в Бизерте. — *Примеч. авт.*

548

Николай Николаевич Стогов (1872–1959) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1900). Участник Первой мировой войны, начальник штаба армий Юго-Западного фронта. В 1918 году — в Красной армии, начальник Всероглавштаба. В апреле 1919 года арестован, в декабре бежал на Юг России. С мая 1920 года комендант Севастопольской крепости, командующий войсками армейского тылового района и Керченского полуострова. С 1920 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

549

Михаил Александрович Кедров (1878–1945) — вице-адмирал (1920). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1907). Участник Первой мировой войны, контр-адмирал (1916), в 1917 году помощник морского министра. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1920 году начальник Военно-морского управления и командующий Черноморским флотом. С 1920 года в эмиграции. В 1930–1937 годах 2-й помощник председателя РОВС. — *Примеч. ред.*

Генерал Кутепов. С. 105.

Ряснянский С. Н. Галлиполи// http://www.dkl868.ru/history/riasnianskiy.htm; обращение 8.03.2017.

552

«Решид-Паша» *(Resid Pasa)* — грузовой пароход. Построен в 1914 году в Великобритании для турецкого флота, передан Турции в 1918 году, до 1922 года находился под контролем военных властей Антанты. С 1923 года называется «Халас» (*Halas*), до сих пор находится в строю в Турции в качестве круизной яхты. — *Примеч. авт.*

Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 94.

554

Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929) — генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1894). Внук императора Николая I. С 20 июля 1914-го по 23 августа 1915 года Верховный главнокомандующий, с августа 1915-го по март 1917 года наместник на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск. С 1919 года в эмиграции. — *Примеч. ред.*

Генерал Кутепов. С. 303.

Генерал А. П. Кутепов. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 343–344.

Генерал Кутепов. С. 183.

Там же. С. 191.

559

Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996. С. 55.

Генерал А. П. Кутепов. Воспоминания. Мемуары… С. 341–342.

561

Генерал Кутепов. С. 305.

562

Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) — Маршал Советского Союза (1935). Участник Первой мировой войны, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка. С 1918 года в Красной армии, командующий армией, фронтом. В 1925–1928 годах начальник Штаба РККА. С июня 1931 года заместитель наркома по военным и морским делам. С 1934 года заместитель, в 1936–1937 годах 1-й заместитель наркома обороны СССР. Расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

563

Там же. С. 185.

Там же. С. 318.

565

Павел Николаевич Богданович (1883–1973) — полковник (1922). Окончил Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны, капитан (1913), старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии; в августе 1914 года взят в плен. С 1918 года в эмиграции. В 1925–1939 годах руководитель Национальной организации русских разведчиков. — *Примеч. ред.*

Бортневский В. Г. Указ. соч. С. 65, 76.

567

Евгений-Людвиг Карлович Миллер (1867–1939) — генерал-лейтенант (1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1892). Участник Первой мировой войны, командир 26-го армейского корпуса. В Гражданскую войну в 1919 году генерал-губернатор и командующий войсками Северной области. С 1920 года в эмиграции. С 1930 года председатель РОВС. 22 сентября 1937 года похищен советской разведкой, доставлен в СССР и расстрелян. — *Примеч. ред.*

Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 6. Схватка. 1925–1927 гг. М., 2013. С. 217.

Там же. С. 226–231.

570

Андрей Медардович Зайончковский (1862–1926) — генерал от инфантерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1888). Участник Первой мировой войны, командир армейского корпуса. С 1918 года в Красной армии. В 1922–1926 годах профессор стратегии Военной академии РККА. Сотрудничал с ОГПУ/НКВД. — *Примеч. ред.*

571

Николай Михайлович Потапов (1871–1946) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба. Участник Первой мировой войны, генерал-квартирмейстер Генштаба. С 1918 года в Красной армии. С 1938 года в отставке. — *Примеч. ред.*

Сергей Львович Войцеховский(1900–1984) — деятель белой эмиграции, журналист. В Гражданскую войну на Украине, член подпольной антибольшевистской организации. С 1921 года в эмиграции, резидент Боевой организации А. П. Кутепова в Польше. В 1930-е годы председатель правления Российского общественного комитета в Польше. — *Примеч. ред.*

Гаспарян А. С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921–1937 гг. М., 2008. С. 35.

Там же. С. 37.

575

Александр Александрович Якушев (1876–1937) — статский советник, агент ОГПУ. Чиновник Министерства путей сообщения. В Гражданскую войны член антибольшевистской подпольной организации. С 1921 года сотрудник Наркомата внешней торговли; завербован ОГПУ и стал главным фигурантом операции «Трест». В 1934 году арестован, приговорен к десяти годам лагерей. Умер в заключении. — *Примеч. ред.*

Там же. С. 39.

577

Александр Оттович Опперпут (он же Эдуард Стауниц; 1895–1927 или 1943) — сотрудник ОПТУ. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В Гражданскую войну — в Красной армии, одновременно член подпольного Народного союза защиты Родины и свободы. Арестован ЧК и перевербован, один из главных фигурантов операции «Трест». В 1927 году бежал в Финляндию, где раскрыл (по собственному почину или по поручению ОГПУ — неизвестно) чекистскую подоплеку операции. Дальнейшая судьба точно не известна. — *Примеч. ред.*

578

Иван Гаврилович Барбович (1874–1947) — генерал-лейтенант (1920). Участник Первой мировой войны, полковник (1916), командир 10-го гусарского Ингерманландского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир дивизии, в 1920 году — Конного корпуса. С ноября 1920 года инспектор кавалерии Русской армии. С 1920 года в эмиграции, с 1933 года начальник 4-го отдела РОВС, с 1939 года 2-й заместитель председателя РОВС. — *Примеч. ред.*

Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-воинский союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 87.

Соколов Б. В. Врангель. М., 2009. С. 486.

581

Интересно соотнести этот пункт с пассажем из последнего приказа Врангеля по РОВС, изданного за 18 дней до его смерти: «Сношение с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает „братание“ на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года». — *Примеч. авт.*

Бортневский В. Г. Указ. соч. С. 66–68.

Голдин В. И. Солдаты на чужбине… С. 88.

Гаспарян А. С. Указ. соч. С. 45.

Там же. С. 46.

Генерал Кутепов. С. 318.

587

Николай Иванович Бухарин (1888–1938) — партийный деятель. В 1918–1929 годах главный редактор «Правды», в 1924–1929 годах член Политбюро ЦК партии. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

588

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — партийный деятель. В 1917–1929 годах нарком просвещения РСФСР. В 1933 году полпред в Испании. — *Примеч. ред.*

589

Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934) — один из руководителей советских спецслужб. С 1923 года 1-й заместитель председателя, с 1926 года председатель ОГПУ. — *Примеч. ред.*

Гаспарян А. С. Указ. соч. С. 49–50.

591

Там же. С. 50.

Генерал Кутепов. С. 215–216.

593

Там же. С. 198.

Там же. С. 461.

Там же. С. 463.

Там же. С. 218–219.

Там же. С. 303.

598

Михаил Павлович Подтягин (1876—?) — генерал-майор (1919). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1904). С 1915 года представитель России в Японии для размещения заказов и приемки артиллерийского оборудования. В 1918–1924 годах — военный агент А. В. Колчака в Японии. — *Примеч. ред.*

Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала» // http://militera.lib.ru/bio/sokolov/09.html; обращение 8.03.2017.

Меер Абрамович Трилиссер (1883–1940) — член РСДРП с 1901 года, большевик. С 1921 года заместитель начальника, в 1922–1929 годах начальник Иностранного отдела ВЧК/ГПУ/ ОГПУ, одновременно в 1926–1929 годах 3-й заместитель председателя ОГПУ. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Яков Исаакович Серебрянский (Бергман; 1892–1956) — в 1907–1909 годах член партии эсеров-максималистов, в 1917–1919 годах — Партии левых эсеров, с 1927 года — ВКП(б). В 1925–1929 годах нелегальный резидент ОГПУ в Париже, в 1929 года начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ. В 1941 году приговорен к расстрелу, но амнистирован. В 1953 году амнистия отменена, умер в тюрьме во время допроса.

Сергей Васильевич Пузицкий (1895–1937) — член РКП(б) с 1921 года. Участник Первой мировой войны, подпоручик (1914). С 1918 года — в Красной армии. С 1921 года — в ЧК. В 1922–1930 годах заместитель начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ. Расстрелян по приговору Комиссии НКВД и прокурора СССР. — *Примеч. ред.*

601

Павел Павлович Дьяконов (1878–1943) — генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1905). Участник Первой мировой войны, командир 2-го особого пехотного полка. Остался за границей, сотрудничал с ОГПУ. В мае 1941 года вернулся в СССР, был арестован, но в октябре освобожден. — *Примеч. ред.*

602

Николай Августович Монкевиц (1869–1926) — генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1895). Участник Первой мировой войны, начальник штаба 4-й армии. В марте — декабре 1919 года представитель Добровольческой армии в Берлине, в 1919–1920 годах — в Париже. Пропал без вести. — *Примеч. ред.*

603

Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) — политик, кадет, с 1907 года — энес. В 1913–1923 годах редактор-издатель журнала «Голос минувшего». В Гражданскую войну возглавил подпольные антибольшевистские организации, в том числе «Тактический центр». Был арестован. В 1922 году выслан за границу, сотрудничал с еженедельником «Борьба за Россию». — *Примеч. ред.*

604

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949) — деятель белой эмиграции. В Гражданскую войну входил в состав подпольных антибольшевистских организаций, был арестован, но освобожден. С 1922 года в эмиграции. В 1922–1938 годах работал в РОВС. — *Примеч. ред.*

Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 209–210.

Голдин В. И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М., 2016. С. 59.

607

См.: *Зданович А. А.* «Синдикат-4». ОГПУ против монархистов-кирилловцев // Родина. 2007. № 12. С. 38–39; *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Легенда Лубянки — Яков Серебрянский. М., 2011. С. 296.

Генерал Кутепов. С. 221.

Шатилов П. Н. Мои встречи с генералом Кутеповым // http://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/09/29/moi_vstrechi_s_generalom_kutepovym; обращение 8.03.2017.

Генерал Кутепов. С. 314.

Голдин В. И. Генералов похищали в Париже… С. 93.

Там же. С. 108.

613

Генрих Григорьевич (Енох Гершенович) *Ягода* (1891–1938) — генеральный комиссар государственной безопасности (1935), член РСДРП с 1907 года, большевик. В 1923–1929 и 1931–1934 годах 2-й, в 1929–1931 годах — 1-й заместитель председателя ОГПУ. В 1934–1936 годах нарком внутренних дел СССР. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — *Примеч. ред.*

Млечин Л. М. Плевицкая. М., 2017. С. 12.

Голдин В. И. Генералов похищали в Париже… С. 155.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Указ. соч. С. 303.

Млечин Л. М. Указ. соч. С. 136.

Морской флот СССР // http://mmflot.com/forum/viewtopic.php?f=36&t=494; обращение 8.03.2017.

619

Николай Владимирович Скоблин (1893–1937?) — генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны, штабс-капитан 1-го ударного (Корниловского) отряда. В Гражданскую войну — на Юге России, командир роты, батальона, помощник командира, с ноября 1918 года командир Корниловского полка. С 1919 года командир Корниловской группы, затем Корниловской дивизии. С 1920 года в эмиграции, с 1929 года председатель Объединения Корниловского ударного полка. С 1930 года агент ОГПУ, принимал участие в похищении генерала Е. К. Мидлера, после чего исчез. — *Примеч. ред.*

620

ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1.Д. 20. Л. 141 об.

Голдин В. И. Генералов похищали в Париже… С. 249.

Даты до 31 января 1918 года даются по старому стилю.